Под редакцией
КРИСТИН ШАЙО

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ XX ВЕК

Предисловие митрополита
КАЛЛИСТА УЭРА

ДУХ І ЛІТЕРА

BIBLIOTHECA CLEMENTINA

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

XX ВЕК

Издание подготовлено

ЦЕНТРОМ св. КЛИМЕНТА
Общение и диалог культур

КИЕВ

Sous la direction de
CHRISTINE CHAILLOT

L'ÉGLISE ORTHODOXE EN EUROPE ORIENTALE AU XXe SIÉCLE

Préface par
KALLISTOS WARE

Histoire religieuse de l'Europe contemporaine

LES ÉDITIONS DU CERF
www.editionsducerf.fr
PARIS
2009

Под редакцией
КРИСТИН ШАЙО

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

XX ВЕК

Предисловие митрополита
КАЛЛИСТА УЭРА

ДУХ І ЛІТЕРА
www.duh-i-litera.kiev.ua

«XX век, несомненно, был временем тяжких испытаний для православных христиан Малой Азии, Советского Союза и других стран Восточной Европы в коммунистический период. Однако, несмотря на “огненное искушение” (1 Пет. 4:12), сквозь которое прошло Православие в XX веке, в 2000 г. оно воистину может считать себя более сильным, чем в 1900» (Митр. Каллист Уэр).

Цель настоящей книги – познакомить широкую читательскую аудиторию с историей и современным положением Православных Церквей Восточной Европы. Статьи, вошедшие в книгу, написаны ведущими специалистами в данной области. Основываясь на богатом фактическом материале, авторы сборника рассказывают об основных, часто поражающих своим драматизмом, событиях истории Православных Церквей на их исторических территориях, о начавшемся в конце XX столетия интенсивном возрождении духовной жизни в общинах, долгое время находившихся под гнетом тоталитарных идеологий, и тех вызовах, которые встали перед Православием в последнее время.

Кристин Шайо – православная христианка из Женевы, автор нескольких книг о жизни, истории и духовной культуре Восточных Церквей. В 2005 году она опубликовала книгу «История Православной Церкви в Западной Европе. XX век» (на французском и английском языках).

Издатель: Константин Сигов

Перевод и литературная редакция: Дмитрий Каратеев

Научная редакция: Игорь Мялковский

Компьютерная верстка: Екатерина Салата

Художественное оформление: Ирина Пастернак

П685 Православная Церковь в Восточной Европе. XX век.
(Под ред. Кристин Шайо)
/Пер. с фр. – К.: ДУХ І ЛІТЕРА. 2010. – 440 с.

Благодарим госпожу Кристин Шайо
за поддержку издания этой книги на русском языке

Nous remercions Mme Christine Chaillot pour
le soutien de la publication de cet ouvrage en langue russe

УДК: 271.2(4-11)"19"

ISBN: 978-966-378-168-6

ISBN: 978-2-204-08978-4

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы, православные, считаем, что Православие есть Церковь Священного Предания, подвизающаяся «за веру, однажды преданную святым» (Иуд. 3), «ничего не отнимающую и ничего не прибавляющую», как утверждают отцы VII Вселенского собора 787 г. Но в то же время мы признаем, что это неизменное Предание должно объединяться с личным опытом людей и что каждое поколение должно его переосмыслить и заново пережить. Великий русский богослов XX века Владимир Лосский (1903–1958) писал: «Предание бывает живым и творческим только в миг единения человеческой свободы и благодати Святого Духа».

В этой книге, изданной после долгой работы г-жой Кристин Шайо, мы увидим, как православные христиане Восточной Европы в XX веке применили к своей жизни опыт этого Святого Предания, «всегда неизменного и вместе с тем всегда живого и творческого». Предыдущая книга, также изданная г-жой Кристин Шайо, «История Православной Церкви в Западной Европе в XX столетии»[1] описывает историю возникновения и возрастания общин православных христиан в странах Западной Европы, исторически не связанных с Православием. Настоящая книга рассказывает о том, что пережило Православие в том же XX веке на своих традиционных землях, в православных странах. Эти две книги свидетельствуют о жизни православных общин Европы и дают нам множество информации, труднодоступной вне этих книг. В книгах ставятся также многочисленные нелегкие вопросы о будущем православных общин Европы. Например, каково в XXI веке призвание православных общин, данный нам от Бога *kairos*? Что

[1] Изд. «Dialogue entre orthodoxes (Диалог между православными)», Paris, 2005 (англ. пер. 2006).

за врата раскрываются пред нами, какие предстают возможности перспективы, вызовы, и какие грозят опасности и искушения?

Для православных христиан XX век был смутным временем с острейшими вызовами, но и с новыми надеждами. История Православия за последние 100 лет отмечена тремя основными событиями.

Прежде всего, двумя решающими событиями отмечено начало XX века: это большевистская революция 1917 г. в России и поражение греческой армии в 1922 г. в Малой Азии, за которым в 1923 г. последовал обмен населением между Грецией и Турцией, говоря современным языком, «этническая чистка». Впоследствии крупнейшая и влиятельнейшая Русская Православная Церковь попала под иго воинствующего атеизма и в течение 70 лет была объектом преследований, то прямых и жестоких, как в 1920-х–1930-х гг., а затем в начале 1960-х, то прикровенных, как в послевоенный период. Установление в России коммунистического режима вызвало многочисленнейшую эмиграцию русских православных людей на Запад, в свою очередь внесшую вклад в конструктивный диалог между православными и западными христианами.

Катастрофа 1922–1923 гг. в Малой Азии лишила Вселенский Константинопольский патриархат большей части его паствы. Со II Вселенского собора в 381 г. Константинополь, Второй Рим, был главным церковным центром восточного христианства. И в византийский, и в османский периоды патриархат осуществлял свою юрисдикцию над огромной и густонаселенной территорией. Но его паства чрезвычайно сократилась, прежде всего, из-за возникновения в середине XIX века национальных Церквей в Греции, Сербии, Болгарии, Румынии, а затем из-за обмена населением в 1923 г., который означал изгнание из Турции всех православных христиан, кроме живших в Константинополе. Начиная с 1923 г., а тем более с греческих погромов 1955 г. православные греки, оставшиеся в Константинополе, стали жертвами сильного гнета со стороны турецких властей и живут ныне в печальной изоляции. Невзирая на эти утраты, патриархат и теперь остается «*primus inter pares*» (первым среди равных) в мировой семье Православных Церквей.

Другим решающим событием, отметившим историю Православия в XX веке, стала экспансия коммунизма из Советского Союза в страны Восточной Европы, начиная с 1945 г. и в последующие

годы. Таким образом Сербская, Румынская, Болгарская, Польская, Албанская и Чехословацкая Православные Церкви попали под атеистическое иго, и около 85% всех православных жили теперь при коммунистическом режиме. Несмотря на препятствия, которые ставились перед православными, несмотря на все противодействие со стороны государства, все же гонения в этих странах, за исключением Албании, не были столь суровыми, как в 1920-е–1930-е гг. в России. Как и в послевоенной сталинской России, так и в других странах Восточной Европы (кроме Албании) цель властей состояла скорее в контроле над Церковью, нежели в ее уничтожении.

Следующее решающее событие было более благоприятным для Православной Церкви: это внезапное, но окончательное крушение коммунизма в 1988–1989 гг. С того времени все Православные Церкви, кроме Вселенского патриархата в Стамбуле, пользуются поддержкой или, по крайней мере, положительно-нейтральным отношением со стороны государства.

Как же набросать в общих чертах картину современного положения Православной Церкви в Восточной Европе?

Положение Вселенского патриархата в Турции остается непростым, если не сказать непрочным. В Стамбуле постоянно проживает менее 5000 православных греков. В последние 40 лет порою казалось, что турецкое правительство совсем изгонит патриархат. Думалось даже, что, быть может, патриархату и лучше будет самому уйти с турецкой территории от непрестанных притеснений. Вспомним, кстати, сколь велико число верующих, принадлежащих к патриархату, за пределами Турции: не в одной Греции, на так называемых «новых территориях» северной части страны, включенных на административном уровне в Элладскую Церковь, или на Крите, на Додеканесе, на Афоне, но и в огромном греческом рассеянии («диаспоре») во всем мире. Но нынешний Вселенский патриарх Варфоломей I ясно дает понять, что он чувствует себя глубоко обязанным поддерживать верующих именно в Турции и вовсе не намерен добровольно оставить свою кафедру. Несмотря на многочисленные препятствия, он активно трудится во многих направлениях, занимаясь единением христиан, диалогом с исламом, христианским свидетельством в области экологии. Он сторонник вступления Турции в Европейский Союз, и в этом вопросе с ним не согласны многие православные в Греции.

Греция и Кипр, где церковная традиция восходит еще к апостольским временам, – единственные в мире страны, где Православная Церковь официально «основана» государством, хотя в некоторых бывших коммунистических странах, например, в России, в Румынии, Православная Церковь *de facto* недалека от такого положения.

В Греции и на Кипре большинство населения и сейчас крещено в православии. В Греции поныне считается, что быть греком – значит быть православным. Однако нельзя отрицать тот факт, что с ростом урбанизации и материального благосостояния, а в случае Греции – еще и после ее вступления в Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) в 1981 г., влияние Церкви на людей ослабело. С 1950-х гг. люди отвыкли ходить в церковь, и в наши дни посещает церковь каждое воскресенье, вероятно, не более 10% населения. Однако при покойном архиепископе Христодуле Церковь по-прежнему вела активную общественную и благотворительную деятельность, и надо думать, что так будет и при его преемнике Иерониме, избранном в 2008 г.

Что сказать о Православных Церквах в бывших коммунистических странах, в частности, в России и Украине, обращенных в христианство около 988 г., в Грузии, обращенной в начале IV века, в Сербии и Болгарии, обращенных византийскими миссионерами во второй половине IX века, в Румынии, где корни христианства восходят к Дакии, захваченной римлянами во II и III веках? Во всех этих странах после падения коммунизма наблюдается восстановление внешних церковных структур. Это происходит, в частности, в бывшем Советском Союзе. В России и Украине в 1987 г. было 6800 приходов, а в 2007 – уже 27300. Еще более впечатляет рост числа мужских и женских монастырей: в 1987 их было 19, а в 2007 – 716. В тот же период число богословских училищ возросло от 3 до 70. Однако, при всем этом замечательном прогрессе, по воскресеньям посещают церковь от 5 до 10% (по большим праздникам значительно больше).

Во всей Восточной Европе, будь то Греция и Кипр или бывшие коммунистические страны, Православная Церковь сталкивается с тем же вызовом: в какой мере православные смогут противостоять процессу секуляризации, который уже привел к глубокому упадку религиозной практики в Восточной Европе? За 60 лет атеистической власти, несмотря на бесчисленные потери, все же значительное

количество русских людей осталось верными Церкви. Их смелость и упорство при гонениях представляют собой одну из величайших побед христианства за все 2000 лет его существования. Однако нельзя не спросить: не станет ли долговременное искушение секулярного материализма более разрушительным, чем прямые гонения? Опыт предстоящих 30 лет будет в этом отношении решающим.

Одна из главных проблем, с которыми довелось столкнуться Православию в XX веке и которые, безусловно, не исчезнут в XXI, состоит в отсутствии единства и межправославного сотрудничества – не на уровне вероучения и богослужения, так как в этих областях серьезных разногласий не было, – а в области церковного управления и юрисдикции. Все мы, православные, разделяем одну веру, и наши богослужения одинаковы, и, в принципе, все мы состоим в литургическом общении друг с другом. Но на практике проявление нашего внутреннего и духовного единства, увы, ущербно. Часто требуются десятилетия, чтобы разрешить вспыхивающие межцерковные конфликты, и кажется, что мы пренебрегаем простым и действенным методом разрешения наших недоразумений. Например, общение между Константинопольским патриархатом и Болгарской Церковью было прервано почти на 70 лет – с 1870 по 1945 гг.

В течение второй половины XX века наблюдались другие схожие трудности. В 1967 г. без благословения Сербской Церкви-матери была создана Македонская Церковь, непризнанная другими Православными Церквами. Прошло 40 лет, а проблема не решена. В 1995–1996 гг. в Эстонии нарастало напряжение между автономной Эстонской Церковью, которую признал Константинопольский патриархат, но не признала Москва, а также приходы и монастыри, находящиеся под юрисдикцией Московского патриархата. Несмотря на переговоры между двумя патриархатами, вопрос поныне окончательно не решен.

Труднейший вопрос связан с огромным количеством православных Украины, разделенных между тремя противоборствующими юрисдикциями. Крупнейшая группа принадлежит к Украинской Православной Церкви Московского патриархата, которая одна признана канонической Православными Церквами во всем мире. Но некоторые члены двух других групп вступили в контакт с Константинопольским патриархатом в надежде быть принятыми под его юрисдикцию. Константинопольский же патриархат, хотя и

принял под свое попечение православных украинцев, живущих на Западе, крайне осторожно относится к вмешательству в дела самой Украины. Во всяком случае, это чревато серьезным напряжением отношений между Константинопольским и Московским патриархатами. Преодоление рисков, обусловленных этой ситуацией, имеет важнейшее значение для позитивного развития православия в современном мире.

В течение всего XX века отсутствие сотрудничества между православными глубоко тревожило многих православных предстоятелей, которые искали возможности во всеуслышание заявить о нашем церковном единстве, однако на практике для этого до сих пор сделано очень мало. В самом начале XX века, в 1902 г., патриарх Константинопольский Иоаким III обратился ко всем Православным Церквам с нереалистическим посланием о необходимости срочной организации прямых консультаций между православными. В своем ответе от 1903 г. Русская Церковь подчеркивала, в частности, важность «особых совещаний православных епископов» всего мира. В 1923 г. патриарх Константинопольский Мелетий IV Метаксакис попытался созвать такое совещание, объявив о всеправославной конференции в Стамбуле. К сожалению, лишь несколько Православных Церквей прислали на нее своих представителей, а принятые решения, в частности, о новом календаре, вызвали новые серьезные несогласия.

В 1930 г. состоялась новая попытка «особого совещания», когда на Афоне собралась межправославная «Подготовительная комиссия», целью которой была организация «просинода», а затем, в случае необходимости, всеправославного собора. В некоторых кругах намекали на то, что этот собор может стать VIII Вселенским собором. Но ему не дала состояться разразившаяся II Мировая война. Затем, в 1948 г., в ознаменование 500-летия автокефалии Русской Церкви, в Москве была проведена «Конференция глав и представителей автокефальных Церквей». Когда было объявлено о замысле такой встречи, представитель Русской Церкви дал понять, что это подготовит путь к Вселенскому собору. Но тут возникли возражения у Константинопольского патриархата, заявившего, что каноническое право созывать всеправославные соборы имеет он один, и, таким образом, встреча в Москве была названа не «собором», а просто «конференцией», а для православной экклезиологии это серьезное различие. Хотя конференция 1948 г. в Москве и косну-

лась многих острых вопросов, она испытала на себе влияние господствовавшего тогда духа холодной войны.

В 1961 г. Вселенский Константинопольский патриарх Афинагор вернулся к мысли о «великом и святом соборе» и организовал Родосскую всеправославную конференцию, в которой приняли участие все основные Православные Церкви. За этой конференцией последовали новые всеправославные встречи на Родосе (1963–1964), а затем ряд конференций в Шамбези близ Женевы. На них обсуждались технические вопросы, как-то: правила поста, календарь, но также более значительная проблема – организация Восточной Православной Церкви. На конференциях в Шамбези 1990–1993 гг. утверждалась мысль о том, что в странах, где существуют параллельные православные юрисдикции, Церквами должны быть созданы епископские комиссии для объединения на постоянной основе. Так и было сделано в некоторых восточных странах. Хотя конференции на Родосе и в Шамбези оживили общение между православными, они так и не привели к «великому и святому собору», и, кроме того, эти конференции, к сожалению, затягивались на годы. Мечты патриархов Иоакима и Афинагора были забыты или, по крайней мере, отложены.

Неудача этих усилий, направленных на тесное сотрудничество православных, несомненно, имела причиной националистический дух, царивший почти во всех Православных Церквах. Слишком часто православные чувствовали себя, прежде всего, греками, русскими, сербами и т. д., а уж потом членами единой Православной Церкви. Патриотизм, любовь к родине и преданиям отцов – драгоценные качества, которые могут обогащать нашу христианскую жизнь. Как сказал Александр Солженицын в своей Нобелевской речи: «Нации – это богатство человечества, это обобщенные личности его; самая малая из них несет свои особые краски, таит в себе особую грань Божьего замысла». Однако наше единство в единой Церкви Христовой – несравненно ценнее патриотизма. К сожалению, в былом и нынешнем опыте Православия перепутан истинный порядок ценностей. Наша преданность родному народу должна быть «крещена», чтобы мы могли прийти к метанойе, к покаянию в буквальном значении «перемены ума». В Символе веры мы, православные, утверждаем, что веруем «во едину, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь», но так ли оно на деле? Мы забыли предостережение св. Филарета,

митрополита Московского (1782–1867) о том, что Символ веры принадлежит тем, кто им живет.

От обращения императора Константина в 313 г. до XX века Православие существовало, главным образом, в качестве государственной Церкви. Парадоксальным образом это продолжалось и после падения Византийской империи: православные под властью мусульман жили как некое «государство в государстве», в котором гражданское и религиозное правление осуществлялось церковной иерархией. Однако – и это значительнейший факт истории Православной Церкви в XX веке – за последние 100 лет этот традиционный союз Церкви и государства был упразднен или, во всяком случае, весьма ослабел. Этот союз был в одночасье упразднен в Православных Церквах тех стран, где установился коммунистический режим, и даже если он отчасти восстановился в таких странах, как Россия или Румыния, то весьма ограниченным образом. В то же время, в такой стране, как Греция, союз Церкви и государства был расшатан растущей секуляризацией. Это значит, что почти во всех православных странах епископы уже не зависят, как раньше, от правительства и политиков, а приходской священник больше не может надеяться, что его работу выполнит школьный учитель или полицейский.

Этот конец церковно-государственного союза означает, что Церковь все более и более опирается на то, что никогда не переставало быть основным источником жизни – на Святую Евхаристию во время служения Божественной Литургии, на причащение Тела и Крови Христовых. Переход от государственной Церкви к Церкви «свободной», существующей, главным образом, в многокультурном и секулярном обществе, неизбежно будет болезненным и будет восприниматься, прежде всего, как приносящий материальные потери и требующий многочисленных жертв. Но долговременный опыт показал, что эта перемена – не проигрыш, а выигрыш. Если в XX или в начале XXI века Православная Церковь в значительной степени лишилась своего материального и мирского влияния, если она, уничижая себя, все более и более живет «единым на потребу» (Лк. 10:42), Святой Евхаристией, то на это надо смотреть не как на наказание, а как на благословение. Это значит, что Церковь становится сама собой.

XX век, несомненно, был временем тяжких испытаний для православных христиан Малой Азии, Советского Союза и других

стран Восточной Европы в коммунистический период. Однако, несмотря на «огненное искушение» (1 Пет. 4:12), сквозь которое прошло Православие в XX веке, в 2000 г. оно воистину может считать себя более сильным, чем в 1900.

Что до монашеской жизни, можно сказать, что она процветала, когда процветала Церковь и приходила в упадок, когда Церковь была в упадке.

В заключение отметим, что 10–12 октября 2008 г. в Стамбуле состоялось собрание иерархов[2] Православных Церквей, приглашенных Вселенским Константинопольским патриархом Варфоломеем I. От каждой Церкви были приглашены 2 епископа. 5 иерархов не смогли прибыть по состоянию здоровья (Сербия, Болгария) или по занятости (Грузия, Румыния, Польша). Их представляли делегаты. 12 октября в патриаршем Свято-Георгиевском соборе всеми участниками была отслужена Божественная Литургия. В тот же день была опубликована декларация в 12 пунктах, объявлявшая о начале подготовки к всеправославному собору путем межправославных консультаций, которые должны начаться с 2009 г.

В Послании православных иерархов участники выражали «желание, несмотря на все трудности, следовать путем богословского диалога с другими христианами, а также межрелигиозного диалога, в частности, с иудаизмом и исламом, так как диалог представляет собой единственный способ преодоления различий между людьми, в частности, в такую эпоху, как наша, когда все разделения, в том числе и религиозные, несут угрозу миру и единству людей».

В нем сказано также, что «верное свидетельство спасительного послания Православной Церкви предполагает преодоление внутренних конфликтов Православной Церкви путем умиротворения национальных, этнических и идеологических раздоров прошлого,

---

[2] Варфоломей Константинопольский, Феодор Александрийский, Игнатий Антиохийский, Феофил Иерусалимский, Алексий Московский, Амфилохий Черногорский (от Сербской Церкви), Лаврентий Трансильванский (от Румынской Церкви), Дометиан Видинский (от Болгарской Церкви), Герасим Зугдидский (от Грузинской Церкви), Хризостом Кипрский, Иероним Афинский, Иеремия Вроцлавский (от Польской Церкви), Анастасий Тиранский, Христофор Чешский и Словацкий.

ибо только таким образом православное слово возымеет действенное влияние на современный мир»[3].

Я уверен, что читатели с интересом воспримут новую книгу Кристин Шайо, так же как предыдущую ее книгу «История Православной Церкви в Западной Европе. XX век».

Каллист УЭР,
митрополит Диоклийский

[3] www.orthodoxie.com от 16 октября 2008 г.

ВВЕДЕНИЕ

Кристин ШАЙО

Я открываю себя самого благодаря другому.
Эли Визель

В 2005 году мною была издана коллективная «Православная Церковь в Восточной Европе. XX век». Книга имела своей целью представить введение в историю Православных Церквей в девятнадцати странах Восточной Европы в XX веке.

Надо сказать, что некоторые из этих стран расположены скорее в Центральной Европе, чем в Восточной, однако название книги было и так слишком длинным, чтобы включить еще и это уточнение.

Конечно, события, пережитые Церквами разных восточноевропейских стран в XX веке, тесно связаны с весьма насыщенной и бурной, а оттого сложной политической историей Европы в этот период, отмеченный многочисленными изменениями границ. Потому в этой книге у нас перед глазами проходит также история Европы в целом. Страны перечислены согласно географическим границам конца XX века[1].

Политика, таким образом, оказала сильное влияние на историю Православных Церквей. Из наших статей читатель увидит, что отношения между Церквами и государством бывали непростыми, особенно в странах с неправославным или нехристианским большинством населения. И при коммунистических режимах, и по другим политическим причинам немалое число православных храмов и монастырей было разрушено или национализировано, а многие

[1] Так как история Восточной Европы XX века часто плохо известна широкой публике, в нашей библиографии читателям предлагается несколько общих работ, часть которых снабжена историческими картами.

православные христиане жестоко пострадали, порою вплоть до заключения в лагерях и мученической кончины. Такой же была судьба и других христиан.

С конца 1980-х годов в Советском Союзе и зависимых от него странах Восточной Европы начался период перестройки, либерализации, а позднее – независимости, что значительно повлияло на жизнь всех Церквей.

История, а точнее отдельные истории Православных Церквей Восточной Европы будут представлены в следующем порядке: прежде всего Турция, Греция, Кипр, Болгария, бывшая Югославия и Албания; Румыния и Молдова; Венгрия, а также Чешская Республика и Словакия (составлявшие Чехословакию); Польша и балтийские страны; затем Украина, Белоруссия и Россия; и наконец Грузия.

Грузинская Церковь – одна из древнейших Православных Церквей, с основанием которой в IV веке христианство стало государственной религией; в V веке Церковь стала автокефальной; в XIX и XX веках ее история тесно связана с историей России. С географической точки зрения, Грузия, как и Россия, представляет собой все еще часть Европы, восточная граница которой проходит по горам Кавказа.

Почему сюда включена Турция? Географически это можно аргументировать тем, что престол Вселенского патриархата, находящийся на западном берегу Босфора, пребывает в Европе или, по крайней мере, в «европейской» Турции. Исторически же греческий православный Константинопольский патриархат, основанный в IV веке, приходится Церковью-матерью трем наиболее многочисленным Православным Церквам, представленным в нашей книге, и он играет значительную роль в истории Православных Церквей Восточной Европы, в том числе и в XX веке. При Османской империи Константинопольский патриарх был предстоятелем всех православных на Южных Балканах; они составляли тогда часть греческой православной общины (*Rum millet*), и так было по меньшей мере до XIX века.

Проповедь Евангелия на Балканах началась с IX века трудами свв. Мефодия и Кирилла, которые, будучи уроженцами Фессалоник (нынешняя Греция), пришли учить христианству славян на их местном языке.

Таким образом, в каждом царстве или в каждой области Восточной Европы была основана Православная Церковь, на протяжении веков истории развивавшая его культуру, его идентичность и даже некоторый национализм.

Евангельская проповедь пришла затем в отдаленные края, в Киевскую землю (ныне Украина) и севернее, на территорию нынешних России и Белоруссии, в Прибалтику и в другие страны Восточной Европы. Русская Церковь была основана в Киеве в 988 году и стала автокефальной в 1448.

Огромное большинство восточноевропейских христиан после раскола 1054 г. между католиками и православными сохранили приверженность православной вере.

Если Константинопольский патриархат веками имел влияние на балканских православных, то Московский патриархат оказывал такое же влияние на православных, живших на территориях, завоеванных Россией на западе в царствование Петра Великого (1682–1725).

Одновременно с распадом Османской империи, длившимся с начала XIX века до начала XX, мы видим создание новых независимых государств, затем образование экзархатов Православных Церквей и, наконец, постепенное, вплоть до XX века, независимое становление поместных национальных Православных Церквей и патриархатов, имеющих статус автокефалии либо автономии. Первой Константинопольский патриархат признал Греческую Церковь, чья автокефалия была провозглашена в 1850 г.

Чтобы читать историю православных XX века, да и предшествующих периодов, необходимо понимать названия и географию многочисленных и различных православных юрисдикций, а также различных православных групп, считающихся неканоническими, так как некоторые из них, например, старообрядцы и старостильники (см. Глоссарий), будут упомянуты в наших статьях.

По каждой стране, в новом общеевропейском контексте, будут даны обобщенные статистические данные, касающиеся различных христианских общин, а также мусульман и иудеев.

В Восточной Европе распространен католицизм латинского и восточного обряда. Некоторые православные, ставшие католиками, в сущности, продолжают совершать литургические и другие богослужения по православному обряду. Их называют также униатами, т. е. пребывающими в унии с Римско-Католической Церковью.

Протестанты в Восточной Европе принадлежат к различным объединениям, среди которых лютеране, кальвинисты и многие другие.

Православные Церкви Восточной Европы поддерживают экуменические контакты на национальном и международном уровне. Почти все они стали членами Всемирного Совета Церквей, основанного в 1948 г. (см. www.wcc-coe.org), а также Конференции Европейских Церквей, основанной в 1959 г. Другие важнейшие экуменические встречи с участием христиан Восточной Европы имели место через посредничество Совета Конференций епископов Европы и Христианской Конференции за мир.

В такой средиземноморской стране, как Кипр, Православная Церковь является также членом Совета Церквей Ближнего Востока.

Протестантские и католические миссионеры были особенно активны в Восточной Европе в период перестройки. Это отчасти объясняет, почему экуменические контакты в некоторых странах и регионах не всегда были плодотворны и даже не всегда возможны. Недавно два православных патриархата прекратили экуменические отношения с ВСЦ: Грузинский патриархат в 1997 г. и Болгарский патриархат в 1998. 11 октября 2008 г. Московский патриархат принял решение приостановить отношения с Конференцией Европейских Церквей.

В восточноевропейских странах, где православные и католики на протяжении всей истории противостояли друг другу и даже вели войны, сейчас особенно важно поддерживать благожелательные контакты, хотя это и не всегда легко. В сущности, с помощью экуменизма христиане могут играть очень положительную роль, объединяясь ради построения новой Европы, так как нынешняя Европа слишком секуляризована и даже дехристианизирована. Не следует забывать о христианских корнях Европы.

На протяжении всей истории в Европе жили также люди нехристианских вероисповеданий, главным образом иудеи и мусульмане. Поэтому столь же важно иметь добрые отношения с этими общинами и поддерживать с ними межрелигиозный диалог.

В 2006 г. в Европейский Союз вступили Румыния и Болгария. В 2007 г. большинство стран, о которых говорится в этой книге, являются полноправными членами Европейского Союза или

собираются ими стать. В новоевропейском контексте при брюссельских учреждениях открылись представительства нескольких Православных Церквей: Вселенского Константинопольского патриархата (1995), Элладской Церкви (1998), Московского патриархата (2002), Румынского патриархата (2006). В начале 2009 г. представительство при Европейском Союзе решила открыть Кипрская Церковь. Этот список может быть продолжен.

В 1999 была основана Межпарламентская Ассамблея православия, объединяющая православных парламентариев 24 европейских стран (Service orthodoxe de presse, Париж, 181.11, 301.31).

В 2004 г. объединенные православные духовные учебные заведения основали Европейский форум православных богословских школ.

Православное объединение «Синдесмос» организует для православной молодежи встречи и мероприятия на национальном и международном уровне во всем мире, в том числе и в Восточной Европе.

Представленные здесь статьи – всего лишь введение в историю Православной Церкви в Европе в XX веке. Чтобы написать ее целиком, требуется много томов. И это станет возможным только тогда, когда станут доступны все церковные и государственные архивы, а до этого еще далеко.

Может быть, некоторые читатели будут удивлены, находя в наших статьях, посвященных XX веку, очерки далекого прошлого Церквей. Нам это представляется полезным для понимания их исторических корней, часто весьма запутанных. Как говорил доминиканец о. Ириней Дальме, большой знаток восточных Церквей, нельзя понять один период, не вникнув в историю, по крайней мере, двух предыдущих столетий. Мы старались следовать его совету, зачастую переступая двухвековую грань.

История дает нам возможность понять трудности прошлого. Понимание этих трудностей, памятование о прошлом должно бы научить нас не повторять ошибок, а главное, созидать будущее, строить Европу завтрашнего дня и, в том числе, новую жизнь Церквей и религий.

В этой книге мы стремились достичь двух следующих целей. Количество восточноевропейских стран – членов новой Европы – продолжает расти. Разве не следует нам и на политическом, и на христианско-экуменическом, и даже на межрелигиозном уровне

научиться понимать древние православные общины, к которым принадлежит большинство верующих Восточной Европы?

Эта книга ставит перед собой и другую цель: помочь самим православным понять себя, читая свою историю. Неплохо бы им изжить дух национализма и обрести дух «всеправославный». Всем нам, христиане мы или нет, надо бы преодолеть раздоры прошлого, а еще лучше навсегда покончить с ними.

Самое трудное – быть объективным в том, что касается истории. Собиратель этих статей требовал от их авторов именно объективности, а не полемики, при непременном соблюдении их права высказываться свободно. Мне следует сформулировать здесь то общее правило, которого придерживались авторы всех статей, лично ответственные за все ими сказанное.

Статьи написаны православными людьми, в основном, историками, хорошо известными у себя на родине, а часто и за ее пределами.

Каждая статья писалась независимо от других, чем объясняются и некоторые повторения в текстах. В конце каждой статьи читатель найдет краткую библиографию, в которой названы и книги на местных языках. В одной из статей библиографию заменяют примечания[2].

Некоторые термины могут быть непонятны неправославным читателям. Их объяснение можно найти в Глоссарии.

Трудно также привести к единому написанию многочисленные и разноязычные имена собственные[3].

Большинство статей написано нашими авторами по-английски и только 3 по-французски, 2 по-русски (о Церквах России и Белоруссии), 1 по-гречески (о Константинопольском патриархате). Благодарю всех переводчиков.

В заключение благодарю также всех авторов и всех, кто помогал мне в работе над книгой и чьи имена я не имею возможности здесь назвать. Особого благодарного упоминания заслуживают:

---

[2] О разных Православных Церквах см. ежегодник *Orthodoxia*, издаваемый Институтом Восточных Церквей, Ostengasse 31, 93047 Ratisbonne, Германия.

[3] В настоящем переводе окончание «ос» сохраняется в греческих фамилиях и опускается в именах. В статье об Украинской Православной Церкви имена приводятся в их русском варианте («Александр», а не «Олександр», «Владимир», а не «Володимир») (Прим. переводчика).

о. Иакинф Дестивель, Василий Караянис (Кипр), доктор Наталия Кулькова (Россия), о. Антоний Ламбрехтс из монастыря Шеветонь (Бельгия), доктор Георгий Лемопулос (КЕЦ, Женева), о. Сергий Модель (Брюссель), профессор В. Фидас (Греция), архидиакон Радомир Ракич (бывшая Югославия), о. Ион Саока (КЕЦ), доктор Ирина Семенова-Тянь-Шанская-Байдина (Франция), епископ Михаловецкий владыка Георгий Странский (Словакия), Елена Тихонова (Белоруссия), о. Георгий Цецис, о. Венедикт Иохану, доктор Иван Желев Димитров (Болгария).

Моя горячая благодарность моему духовному отцу, советчику и постоянному помощнику о. Борису Бобринскому.

Хочется также выразить глубокую признательность митрополиту Каллисту Уэру, известному британскому православному историку, бывшему профессору Оксфордского университета, любезно согласившемуся написать предисловие к настоящей книге.

ОБЩАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Aucourt, R., (dir.), *Les Étapes spirituelles de l'Europe, des origines à nos jours. Guide européen des hauts lieux spirituels*, Paris, Éd. Danaé, 1993 (многочисленные карты и фотографии).

Bafoil, F., *Europe centrale et orientale. Mondialisation, européanisation et changement social*, Paris, Presses de Sciences-Po, coll. «Références», 2006.

Binns, J., *An Introduction to the Christian Orthodox Churches*, Cambridge, 2002.

Clark, V., *Why Angels Fall. A Portrait of Orthodox Europe from Byzantium to Kosovo*, London, 2000.

Clements, K., Sabev, T., «Europe», *A History of the Ecumenical Movement*, vol. 3 (1968–2000), J. Briggs, M. Oduyoye, G. Tsetsis (ed.), Genève, 2004, 533–564.

Clévelot, M. (éd.), *L'État des religions dans le monde*, Paris, Éd de la Découverte/Éd. du Cerf, 1987.

Hopchick, D., *The Balkans. From Constantinople to Communisme*, London, 2002.

Journal of Ecumenical Studies. Специальный номер по теме «Pluralism, Proselitism and Nationalisme in Eastern Europe», 36/1–2, зима-весна 1999.

Obolensky, D., *The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe, 500–1453*, London, 1974.

Pacini, A., *L'Orthodossia nella nuova Europa*, Turin, 2003.

Parry, K., *The Blackwell Companion to Eastern Christianity*, Oxford, 2007.

Ramet, R. (ed.), *Eastern Christianity and politics in the Twentieth Century*, Durham, 1988.

Sellier, A. et Sellier, J., *Atlas des peuples d'Europe centrale,* nlle édition cartographie Anne Le Fur, Paris, Éd. de la Découverte, 2002 (многочисленные исторические карты).

Tachiaos, A., *Cyril and Methodius of Thessalonica. The Acculturation of the Slaves*, New York, Crestwood, 2001.

Ware, T., *L'Orthodoxie. L'Égflise des sept conciles*, Paris, 1997, réimpr., 2002.

См. карты «Европа» в энциклопедии Larousse (2005), 1354–1357.

ИСТОРИЯ ВСЕЛЕНСКОГО КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО ПАТРИАРХАТА В XX СТОЛЕТИИ

Андреас НАНАКИС

Введение

Для Вселенского Константинопольского патриархата XX век по-настоящему начался 25 мая 1901г., когда, еще при османском владычестве, на патриарший престол вернулся Иоаким III. XIX век, в течение которого возник и возобладал, особенно в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе, феномен национализма, достиг своей высшей точки с распадом Османской империи и утверждением национальных государств и национальных Православных Церквей. Как ни странно, зачинательницей независимости («автокефалии») национальных Церквей от Церкви-матери явилась Элладская Церковь, образованная в 1833 неканоническим образом, но впоследствии утвержденная патриархатом в синодальным Томосе 1850 г. За этим последовал подъем национального движения в Болгарии и требование болгарских националистов создать независимую Болгарскую Церковь, вопреки тому, что болгарское государство еще не добилось независимости. В случае Болгарии церковный вопрос был тесно переплетен с национальным. В сентябре 1872 патриархат созвал собор в Константинополе, на котором, рассмотрев вопрос церковного раскола в Болгарском экзархате, осудил национальные предрассудки, соединявшиеся с этнофилетизмом. Тогда уже наметился внутренний разлом в православной религиозной общине (*Rum millet*) как учреждени Османской империи. Вселенскому характеру Православия, представляемого Константинопольским патриархатом в течение всей истории Византийской, а затем и Османской империи, был нанесен смертельный удар.

С другой стороны, сепаратистские движения и обнародование синодальных Томосов, ратифицировавших независимость Сербской (1879 г.) и Румынской (1885 г.) Церквей дополнили процесс дробления балканского православного мира, который в имперском контексте более тысячи лет сохранял единство. Этот процесс продолжился в XX веке, когда независимые Сербская и Румынская Церкви, соответственно в 1920 и 1925 гг., стали патриархатами, а болгарский вопрос был урегулирован в 1945 г. путем канонического признания Болгарской Церкви Константинопольским патриархатом. В промежутке, в 1937, была также провозглашена независимость Албанской Православной Церкви, притом, что Албания стала самостоятельным государством в 1912 г.

Патриарх Иоаким III (1901–1912)

Перед Иоакимом III, вторично взошедшим на патриарший престол после отречения Константина V, сразу встали серьезные проблемы. На первый план выступили вопросы о военных действиях в Македонии, об Антиохийском патриархате, о Кипрской архиепископии.

Приход Иоакима III обозначил также предельное обострение внутреннего конфликта в патриархате. Иоаким отрекся от сана патриарха между 1878 и 1883–84 гг. из-за осложнений, вызванных первой фазой «вопроса о привилегиях», дарованных Константинопольскому патриархату султаном Мухаммедом II в 1453 г. Османская Высокая Порта оспорила привилегию самоуправления, а также юридическое, воспитательное и другие полномочия, долгое время осуществлявшиеся патриархатом в Османской империи. Сильная личность Иоакима III в сочетании с его упорным трудом на благо Константинопольского этнархического центра внутри империи и его заслугами перед ним разделила принадлежавших к патриархату клириков и мирян на фанатичных приверженцев и ожесточенных противников патриарха.

Это противостояние между сторонниками и противниками Иоакима III обозначило конец XIX и подготовило почву для начала XX века. Оно было связано, прежде всего, со стратегическим различием между тем, как видел будущее православного населения Османской империи Иоаким, и тем, что организовывалось

национальным центром в Афинах и выражалось, главным образом, в политике Харилаоса Трикуписа. Политику Иоакима поддерживало семейство Зарифис, занимавшее проосманскую позицию. Георгий Зарифис существенно помог ему стать патриархом в первый раз. Впоследствии Леонид Зарифис, сын Георгия, поддержал переизбрание Иоакима в 1901 г. Одним из его крупнейших политических противников был Ставрос Вутирас, издатель константинопольской газеты «Neologos» («Новое слово»). Против Иоакима было также настроено большинство высшего православного духовенства, возглавляемого митрополитом Германом Ираклийским, преемником патриарха.

В XX веке восшествие на престол такой сильной личности, как Иоаким III, было действительно необходимо. Более того, подобный выбор сопровождал всю новую историю греческого народа. Одним из первых действий Иоакима было обнародование патриаршего и синодального окружного послания, в котором он призывал вступить в диалог с Ватиканом, дабы привести христианские Церкви к согласию. Этот шаг был сделан не только для того, чтобы утвердить экуменическую ориентацию патриархата в период острых этнических конфронтаций, в частности, на территории Македонии. Он явился также ответом на обнародование в 1894 папой Львом XIII энциклики, в которой понтифик призывал православных объединиться с Католической Церковью. Иоаким III укрепил отношения с Русской Православной Церковью и с инославными Церквами, такими как Англиканская, Старокатолическая и др. Для межправославных и межхристианских переговоров он подготовил список из двенадцати основных тем. Однако поместный собор в Константинополе не смог состояться по причине жесткого отказа со стороны Высокой Порты.

И все же после Илинденского восстания 1903[1] и начала войны в Македонии, а также столкновений между греческими и болгарскими партизанскими группировками, Вселенский патриархат

[1] Илинденское восстание, названное так по дню его начала («Илинден» — Ильин день, 20 июля 1903) обозначило поворот в национальной и революционной борьбе славян Северной Македонии. Его характер противоречив. Восстание подняли болгарские националисты и македонские славяне. Ожесточённейшие бои происходили сначала под Битолой, затем под Охридом, Кицево, Лерином, Прилепом, Скопье и Одрином. Взят был город Крусево, деревни Невеска и Клисура. Взяв 3 августа 1903 Крусево, повстанцы объявили в нем «республику», но

старался защитить свои общины в этом, со всех точек зрения, ключевом в географическом смысле регионе. В верхах православного духовенства возникла новая генерация, которую уже не так вдохновляли перспективы вселенского главенства, как это было в прошлые века. В то же время эта новая генерация, предвидя скорый кризис в Османской империи, искала поддержки со стороны национального центра в Афинах. Столкновения в Македонии приняли характер не греко-болгарского конфликта, а борьбы между защитниками Константинопольского патриархата и сторонниками Болгарского экзархата. Остается, однако, фактом, что выступавшие за патриархат называли себя греками, а поборники экзархата – болгарами.

Среди греческих иерархов, этноцентристов по духу, рукоположенных прежде восшествия на престол Иоакима III, был, например, назначенный в 1900 в Касторийскую епархию Герман Каравангелис, митрополит Драмский Хризостом Калафатис (с 1902 по 1910), Григорий Орологос Стромницкий, Иоаким Форопулос Пелагонийский и Александр Фессалоникийский.

Напряженная деятельность иерархов, сменивших мышление этнархическое, т. е. связанное с Константинопольским патриархатом, мышлением национальным, т. е. связанным с греческой национальной политикой Афин, создавала затруднения для патриархата, подвергавшегося мощному политическому нажиму со стороны Высокой Порты. Впоследствии Каравангелис был перемещен из Касторийской епархии в Амасийскую, Калафатис – из Драмской в Смирнскую (с 1910 по 1922), а Григорий Орологос – из Стромницкой в Кидонийскую.

В своих усилиях достичь равновесия между вселенскими воззрениями Константинопольской Церкви и потребностями борьбы с ожесточенным болгарским национализмом (подвергались гонениям греки в городах Восточной Румелии, т. е. на севере Фракии – юго-восток современной Болгарии – и в причерноморском регионе) Иоаким III дошел до конфликта с иерархами синода.

продержались всего 10 дней. Турецким силам удалось уничтожить Крусевскую «республику». Была разрушена 201 община, сожжено дотла 12400 домов, более 70 тыс. человек осталось без крова и 8816 были убиты. После этого жестокого подавления восстания российский и австро-венгерский императоры побудили Османское государство перейти к новой фазе реформ.

Знаменитым стало выступление в 1904 г. восьми членов синода, воспротивившихся способу избрания сербских митрополитов Боснии и Герцеговины, тогда как Константинопольский синод еще до выборов выразил предпочтение кандидатам, близким к патриархату. Однако Иоаким III усилил свою поддержку мирянам Смешанного национального совета, в то же время успешно отражая давление со стороны османского правительства.

Все коренным образом изменилось в 1908 г. Революция младотурок, падение режима Абдул-Гамида II и восстановление конституции 1876 г. усилили среди народов Османской империи надежду на осуществление деклараций о свободе и всеобщем равенстве перед законом, принципов, включенных революционными деятелями в идеологический арсенал реформ танзимата в XIX веке. Подъем албанского национализма, аннексия Крита королевством Греция, аннексия Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией в 1908 г. и, главным образом, удар «восточников» по младотуркам в марте 1909 г. принудили последних укрепить свои позиции и, прежде всего, вновь поставить вопрос о привилегиях, который требовалось решить в более жесткие сроки, чем в 1883–1884 и в 1891 г. Именно в этом следует видеть причину обнародования Иоакимом III в марте 1908 г. Томоса, согласно которому управление общинами диаспоры с 1922 г. возлагалось на Элладскую Церковь. Позднее, во время патриаршества Мелетия Метаксакиса, эти общины были возвращены под юрисдикцию патриархата.

Наконец, младотурки, в ответ на усиление разноплеменных националистических движений, осуществили свое намерение, отменив право православных христиан на замену службы в османской армии уплатой военного налога. Они стремились также отобрать у патриархата его права в области образования, широко осуществлявшиеся в греческих православных школах империи, и отменить право православных граждан решать свои гражданские вопросы в церковном суде.

Все это, усиливаемое влиянием национализма, могло привести к стиранию культурных и этнических особенностей через принудительное отуречивание старых религиозных общин (*миллетов*) империи. Армяне в 1895–1896 гг., при Абдул-Гамиде II, уже подверглись первому удару. Некоторые младотурки ориентировались в этом направлении, видя в нем возможность решения проблемы многонациональности в империи. И, наконец, когда греческая

армия наступала во Фракии и в Малой Азии, мы, православные греки, тоже склонялись к такому решению.

Несмотря на эти трудности, Иоакиму III в первом десятилетии XX века удалось улучшить финансовое положение патриархата. Он основал приют для девочек-сирот на острове Проти (Кинали-Ада) и приют для мальчиков на Принцевом острове (Бююк-Ада), открыл училище языков и торговли. При нем был достроен госпитальный комплекс в Балыклы.

Иоаким III скончался после недолгой болезни 13 ноября 1912 г., через несколько дней после начала I-ой Балканской войны. Великолепие его погребения напоминало о значении этого человека и того, что он совершил для православных греков, живших в Османской империи, а также для сосуществования различных *миллетов* в вихре XX века. Все говорили о глубоком уважении к нему со стороны османского правительства и организаций, представлявших православных и других христиан.

Патриарх Герман V (1913–1918)

Преемником Иоакима III стал его видный противник, митрополит Герман Халкидонский (в миру Георгий Кавакопулос), взошедший на патриарший престол под именем Германа V. Он был избран 28 января 1913 г., и его патриаршее служение продолжалось до 12 октября 1918 г. Герман был патриархом в переломные годы упадка Османской империи, от балканских войн (1912–1913) до конца I-ой Мировой войны (1918), которую Османская империя, так же как и монархии Центральной Европы, проиграла. Факт поражения был утвержден Мудросским перемирием 17 октября 1918 г., через несколько дней после отречения Германа.

Иоаким III пользовался политической поддержкой дома Зарифис, Герман же опирался на семейство Стефанович (см. К. Спанудис, стр. 128, 129). Именно он убедил Павла Стефановича финансировать реконструкцию зданий Богословской школы на Халки в 1896 г.

Герман был избран патриархом в возрасте 63 лет. После выборов 1887 его имя постоянно находилось в списках кандидатов, посылаемых патриархатом Высокой Порте, согласно Общим уставам, для организации патриархата и греческой православной

общины под его юрисдикцией. Возможно, его как главу сети заговорщиков против Иоакима считали наиболее близким к греческому национальному центру в Афинах, хотя внимательное изучение и анализ этих заговоров показывает, что решающим был личный фактор. В течение своего патриаршего служения Герман неизменно дистанцировался от духа и буквы Общих уставов. Он объединил Священный синод, подбирая его членов по своему усмотрению, а не на основе списка епископов, подаваемого согласно уставам. В течение своего служения он признал восстановление Московского патриархата (1917) и осудил ересь имяславцев (*onomatolatreia*) среди части русских монахов на Афоне (1913)[2].

Балканские войны бросили искру, которая вызвала многочисленные перемещения населения на Балканах. В результате большое число мусульман и турок переселилось в Малую Азию – регион, который младотурки намеревались превратить в этнический центр новообразованного турецкого государства. В течение I-ой Мировой войны (1914–1918) и последовавшей греко-турецкой войны (1919–1922) имели место беспрецедентное истребление людей, насильственные переселения, а также вспышки геноцида, и это изменило весь этнический пейзаж Малой Азии и Балкан. Треть жителей Малой Азии составляли прежде христиане (греки, армяне, православные сирийцы, ассирийцы и т. д.), а другую треть – мусульмане нетурецкого происхождения (курды, черкесы, лазы и т. д.).

Крупнейшей проблемой, с которой пришлось столкнуться Герману, стало насильственное перемещение греческого и армянского населения, объясняемое как стратегическая эвакуация с западного побережья Малой Азии. Известно, что эта стратегия была предложена германским генералом Лиманом фон Зандерсом, чтобы обеспечить эффективную защиту Дарданелл в случае наступления союзников, но позднейшим ее мотивом была замена этнически смешанного населения побережья, где господствовал грекоязычный элемент. Оборона младотурок против союзнического наступления в октябре 1915 увенчалась успехом. Однако тысячи греков старше

[2] Речь идет о некоторых русских монахах горы Афон, утверждение которых: «имя Божие есть Сам Бог» было изобличено как ересь «имябожия» или «ономатолатрии»; H. ALFEYEV, *Le Nom grand et glorieux: la vénération du Nom de Dieu et la prière de Jésus dans la tradition orthodoxe*, Paris, Éd. du Cerf, 2007, p. 260 и 261.

45 лет, которые не могли быть призваны в регулярную армию, были вынуждены вместо этого бесплатно работать в карьерах, на шахтах, на дорогах и в полях. Их отправили в глубину Малой Азии в знаменитые «трудовые отряды» (*amele taburu*). Согласно запросу грекоязычных депутатов османского парламента, сделанному в конце 1918 г., 250000 греков погибли из-за тяжелых условий в «трудовых отрядах» Коньи, Эрзурума, Сиваса, Анкары, Мерсина и других городов Анатолии.

Старый и немощный патриарх Герман V был не в состоянии следить за всеми этими событиями и находить решения. Патриархат посылал представительства в Высокую Порту, но безрезультатно.

Герман просил греческое государство послать представительство в Высокую Порту при германском посредничестве и поддержке короля Константина, тесно связанного с Германией. Но развитие военных событий и отзыв из Константинополя послов Антанты еще более затруднили какой-либо дипломатический маневр со стороны патриархата. Большинство членов Священного синода и Смешанного совета выражало несогласие.

Это несогласие было вызвано проблемой беженцев. Впоследствии, когда распад империи оказался неизбежным, – хотя, конечно, никто не знал, до чего он дойдет, ибо трудно было предсказать, каким будет конец трагедии на обоих берегах Эгейского моря, – оппозиция патриарху была уже чревата взрывом, из-за чего Герман V, как отмечено выше, 12 ноября 1918 г. был вынужден подписать отречение. Характерно, что Центральный патриарший комитет помощи перемещенному греческому населению в октябре 1918 г. возглавил митрополит Иоаким Эносский, один из главных иерархов синода, оппозиционный Герману. Острейшие проблемы встали в связи с возвращением имущества перемещенных лиц. В 1918–1919 гг. из 773915 перемещенных греков вернулись 79034 человека. Это составляло очень малый процент от общего числа и означало, что греческое население малоазиатских епархий, которое переживало огромный демографический рост в XIX и начале XX века, сократилось почти в 10 раз и его репатриация в будущие годы пойдет очень трудно, несмотря на присутствие в регионе греческой армии.

Патриарх Мелетий IV (1921–1923)

За отставкой Германа последовал долгий период, в течение которого престол оставался вакантным, и длился он до ноября 1921 г., когда патриархом стал Мелетий IV. В течение двух лет после отречения Германа сильной личностью в патриархате был местоблюститель патриаршего престола Дорофей Прусский. Избрание патриарха задерживалось по вине греческого правительства, отчего дело могло усложниться, так как, в соответствии с предвоенной практикой, утвержденной в Общих уставах, избрание должен был ратифицировать султан. Сначала патриархат, как и греческое правительство, полагал, что этого можно избежать ввиду того, что еще продолжалось расширение королевства Греция за счет побежденной Османской империи. При Элефтериосе Венизелосе, в апреле 1921 г., афинское правительство быстро дало понять, что желает видеть патриархом Мелетия Метаксакиса, ибо он был известен своими симпатиями к Венизелосу и в феврале 1918 г. был избран митрополитом Афинским.

Подписание Севрского договора (август 1920 г.), который определял территориальные приобретения на востоке бывшей Османской империи, а также объявленные Венизелосом выборы 1 ноября 1920 г. заставили отложить назначенное на ноябрь избрание патриарха. Но поражение Венизелоса на выборах изменило отношение Афин и Константинополя к выборам. Константинополь был обеспокоен определяющей для будущего малоазийских и фракийских греков позицией Антанты, использовавшей греческое правительство, а также развитием военных событий.

В записке профессора Афинского университета Христоса Андруцоса, адресованной «главе правительства Раллису» (премьер-министр, 4 ноября 1920–23 января 1921), обличается, в частности, Константинополь: «Константинополь страдает синдромом Венизелоса, что легко объяснимо, так как разные люди, по незнанию обстоятельств дела, поставлены на службу иностранным интересам. Со временем положение уладится само собой, когда продвинется вперед решение национальных вопросов. Поэтому я полагаю, что создание какого-либо представительства с целью надзора за происходящим и исправления положения было бы излишним. Достаточно того, чтобы греческие властные кадры следили за течением дел и управляли им. Прочее придет позже. Подробности –

в личной беседе». Весьма возможно, что Андруцос, как бывший ученик Халкинской богословской школы, имел связи в Константинополе и совершил эту поездку, чтобы увидеть, каково положение в стране, и затем высказать компетентное мнение по поводу ситуации, вытекающей из факта идеологических разногласий между Константинополем и Афинами. Что и подтверждает последняя фраза записки: «Подробности – в личной беседе».

Другое свидетельство находим в отчете делегации, посланной из Афин в Константинополь, чтобы составить мнение по вопросу о патриархе. Фраза: «Наш национальный центр стал рубежом обороны, неприступным для всякого, кто не поддерживает оборонческих чувств», еще раз демонстрирует позицию Константинополя в конце мая 1921 г.

Расположение Константинополя к Венизелосу было поддержано греческими офицерами, бывшими на фронте в Малой Азии. После ноябрьских выборов офицеры, не принимавшие новой политической ситуации, были новым правительством либо отставлены, либо разжалованы и стали беженцами в Константинополе. Там возникла организация, получившая имя «Амина», т. е. «Оборона», с Кондилисом как движущей силой и с опорой на греков. Из 150 наиболее известных офицеров, действовавших тогда в Константинополе, назовем К. Мазаракиса, П. Зимвракакиса, Д. Иоанну и Кацотаса.

В 1918 г., после отречения Германа V, официальные лица патриархата хотели ускорить выборы, опасаясь, как бы Венизелос не провел во Вселенские патриархи Мелетия, которого считали не вписывавшимся в обстановку. Но из-за действий посольства и в связи с тем, что послевоенный статус Константинополя, а стало быть, и патриархата, не был определен, уже назначенные выборы были отложены.

В 1919 либеральное афинское правительство предприняло некоторые шаги для продвижения Мелетия на патриарший престол. Это подтверждают два донесения. В первом выражено намерение Афин направлять выборы «в пользу лица, достойного этой великой миссии и отвечающего обстоятельствам», а второе ясно указывает на особу Мелетия: «В надлежащий момент мы, по согласованию с председателем, поддержали кандидатуру Мелетия Метаксакиса [...] как лучшего из представленных кандидатов».

В 1920 г. на собрании иерархов, прошедшем в Афинах во время торжеств в честь Севрского мирного договора, и несколько по-

зже, когда правительство объявило о своем намерении руководить выборами патриарха, ничто не указывает на поддержку Мелетия с его стороны. Не видно этого и после второго объявления выборов, поскольку в мае 1921 г. сообщаются следующие имена кандидатов: Ириней Кассандрийский, Кирилл Митиленский, Василий Нисский.

Из донесения комиссара Воциса от 8 ноября 1921 г., после объявления третьих выборов и начала избирательных процедур, мы узнаем, что «лицо, которому она [т. е. организация «Оборона»] отдает предпочтение, избрано не будет. Против него все духовенство. Патриархом, если мы [т. е. роялисты] все вместе воздержимся, станет епископ Кесарийский, а если мы примем участие, это будет епископ Кизикский или Визийский».

Изучая дальнейший ход событий и препятствия, стоявшие перед кандидатурой Мелетия, обнаруживаем три свидетельства Воциса. В первом, от 6 ноября 1921 г., старясь убедить Афины участвовать в выборах, Воцис предупреждает, что если и дальше отказываться от голосования, то Мелетий Метаксакис может быть избран. В следующем донесении, от 13 ноября, Воцис снова писал в Афины, что «Оборона» отказалась от кандидатур Николая Кесарийского и Иринея Кассандрийского, «должно быть, чтобы поддержать такого кандидата в патриархи, как Мелетий, бывший митрополит Афинский, у которого нет надежды на успех, так же как у митрополитов Верийского и Неокесарийского». И в третьем донесении, от 24 ноября, в канун выборов, он сообщает в Афины телеграммой, что кандидатами от «Обороны» будут, по всей вероятности, Мелетий Метаксакис, Поликарп Неокесарийский и Апостолос Родосский.

В обстановке всех этих интриг и подводных течений 25 ноября 1921 г. собралась ассамблея избирателей для выборов патриарха.

Фактически, кандидатами были Мелетий и епископы Амасийский и Кесарийский. Голосованием, проходившим в церкви, Мелетий был избран патриархом, получив 16 голосов, тогда как митрополит Амасийский получил всего два.

Возникает вопрос, что побудило членов «Обороны» предпочесть Мелетия. В донесении, посланном в Афины сразу после выборов, Воцис говорит, что «Оборона», приняв решение остановиться на Метаксакисе, сохраняла, однако, «строжайшую секретность, опасаясь вызвать недовольство и потерять поддержку иерархов, голосовавших за наиболее вероятного кандидата».

Значительную роль сыграла на выборах телеграмма от Венизелоса, подписанная не им самим, а его секретарем. Ни отсутствие подписи Венизелоса, ни возражение, высказанное судовладельцем Кириакидесом на собрании избирателей накануне выборов и аргументированное тем, что «пребывание на патриаршем престоле человека, глубоко преданного Венизелосу, неизбежно приведет нацию к решительному разделению», не стали ощутимыми факторами для того, чтобы привлечь собрание к другому кандидату.

Итак, несмотря на то, что Мелетий Метаксакис не был особенно популярен среди иерархов, по результатам голосования видно, что «имя Мелетия на устах почти у всех избирателей и чиновников из патриаршего окружения».

Окончательной своей победой Мелетий обязан убеждению членов «Обороны» в том, что телеграмма Венизелоса в его поддержку выражала более общую заинтересованность в исходе, благоприятном для нации, и желание принять те инициативы, которые начнутся с избранием Мелетия.

Известно, что разрешение национального вопроса проходило трудную фазу, чем и объясняется тот факт, что члены константинопольской «Обороны» включили в свою программу деятельность, направленную на независимость Малой Азии, чтобы упрочить присутствие греков в этом регионе. Призыв Венизелоса, который должен был знать об этих планах, избрать Мелетия патриархом рассматривался «Обороной» как косвенное выражение приятия их проектов спасения малоазийских греков.

Патриарх Мелетий, после прощального богослужения в нью-йоркском православном соборе св. Элевферия, 21 августа 1921 г. выехал в Лондон. Во время своего путешествия по Европе Мелетий встречался с политическими деятелями; он старался понять их позицию по греческому вопросу в Малой Азии, а также вникнуть в ситуацию, сложившуюся после Каннской конференции, чтобы, прибыв в Константинополь, иметь ясное видение этой ситуации для принятия правильных решений.

Мелетий прибыл в Константинополь 24 января 1922 г., чтобы вступить в обязанности патриарха. В течение его короткого служения были созданы четыре новые епархии (Бриульская, Пергамская, Мосхонисийская и Александрупольская), а старые Меленикосская, Боденская и Могленская переименованы в Сидирокастрскую, Эдесскую и Флоринскую. Патриаршим и синодальным Томо-

сом от 1 марта 1922 г. православные церкви и общины диаспоры, переданные Иоакимом III Элладской Церкви, были возвращены в юрисдикцию Вселенского Константинопольского патриархата. В апреле 1922 г. Фиатирская епархия была преобразована в экзархат Западной и Центральной Европы с резиденцией в Лондоне, а 17 мая 1922 г. была создана архиепископия Северной и Южной Америки с резиденцией в Нью-Йорке.

В Англии и Франции Мелетий встречался с видными политическими деятелями, в числе которых британский премьер-министр Ллойд-Джордж и французский премьер-министр Пуанкаре, а также бывшие премьеры Франции Лейг и Клемансо. Во время этих встреч он старался отмежеваться от роялистского выбора Афин и убедить своих собеседников в том, что дух сторонников Венизелоса жив в греческом народе, еще присутствующем, но уже исчезающем в Османской империи. Фактически, он предлагал Лейгу создать в Малой Азии и Фракии государство для этого населения. Но это происходило в сложной политической обстановке, когда турецкие кемалисты разгромили французские войска в Киликии, что, наряду с провалом греческого наступления на реке Сакария летом 1921 г., резко изменило геополитический баланс власти. Ход событий после катастрофы в Малой Азии летом 1922 г. был ужасен. Недоверие греческого национального центра к Константинопольской Церкви и его опасение, как бы Константинополь с избранием Мелетия Метаксакиса не поддержал реставрацию режима Венизелоса в Греции, мешали твердому намерению Константинополя разрешить национальный вопрос в Малой Азии путем создания там автономии.

Мелетий IV взошел на патриарший престол как раз на рубеже этих двух эпох. Захват власти в Афинах Николаосом Пластиросом 11 сентября 1922 г., потеря Восточной Фракии и одновременная победа кемалистов в Турции – все это не привело к его немедленному свержению, так как было необходимо, чтобы при переговорах между двумя национальными государствами присутствовал законный патриарх.

Эта необходимость вынудила синод Элладской Церкви признать Мелетия патриархом. Для кемалистского режима было, однако, естественно видеть в Мелетии крупного представителя современного греческого национализма. Поэтому на переговорах в Лозанне в 1922 г. был поставлен вопрос о его низложении. Фактически, это

требование было поставлено главой турецкой делегации Исметом Инону перед Венизелосом и принято последним, который, в свою очередь, потребовал от патриарха отречения. Греция была заинтересована в том, чтобы резиденция Вселенского патриархата оставалась в Константинополе.

В конце концов, возрастающее влияние Венизелоса позволило патриархату остаться в своей исторической резиденции. Чтобы облегчить примирение между двумя партиями, 10 июля 1923 г. Мелетий с дозволения двух церковных инстанций – Священного синода и смешанного комитета патриархата – покинул Константинополь и отправился на Афон. Оттуда он 20 сентября 1923 г., после подписания договора, прислал свое отречение. Все это, вместе с крушением Османской империи и одновременным сокращением греческого населения, открыло новую эру в истории Вселенского патриархата как учреждения.

Оставалось еще урегулировать вопрос движения Папы Эфтима. Дамианос Дамианидес, староста прихода в Галате и храма Панагия Кафатиани, в июне 1923 г. организовал манифестации против Мелетия. В эти дни, с 10 мая по 8 июня 1923 г., патриарх проводил всеправославную конференцию, на которой присутствовали представители Русской, Сербской, Кипрской и Румынской Церквей. На конференции было решено модифицировать юлианский календарь, обсуждались важные вопросы, как-то: о браке священников и диаконов после рукоположения, о втором браке вдовых священников и т. д. Группа, собранная Дамианосом, с криком ворвалась в помещение, где проходила конференция, остановила ее работу и потребовала немедленного отречения патриарха. В ответ на эти действия патриархат отлучил зачинщиков. Эти события ускорили процесс, приведший к отречению Мелетия, создавая в то же время заинтересованность в усилиях по созданию «национальной» турецкой церкви внутри нового турецкого государства.

Направленные против патриарха акции Дамианиса живо поддержал священник из города Кескина в Анатолии «Папа» Эфтим (Эфтимиос Каракиссаридис). Папа Эфтим был православным, гражданином Турции, уроженцем Акдагмадени Йозгата, говорил по-турецки и по-гречески. Во время войны он имел контакты с кемалистами. 15 сентября 1923 г. он вместе с тремя иерархами из Анатолии созвал конференцию в монастыре св. Иоанна в Зинсидере, близ Кесарии, и объявил о создании турецкой православной

церкви. Он проповедовал мирное сосуществование христиан и мусульман и последующее отуречивание православных тюркоязычных граждан, что полностью совпадало с целями кемалистов. Но, по Лозаннскому договору, состоялся обмен населением по религиозному признаку. Тюркоязычные православные переселились в Грецию, а грекоязычные мусульмане – в Турцию. Усилия по созданию национальной турецкой православной церкви, раскольнической по отношению ко Вселенскому патриархату, оказались напрасными. Учитывая, что караманлиды (тюркоязычные или двуязычные греки), жившие в Константинополе, были совершенно ассимилированы в лоне Вселенского патриархата и греческой православной общины, Папа Эфтим после отречения Мелетия пытался добиться вселенского патриаршества. Он выдвигал на первый план тот факт, что его родной язык турецкий, а в новую эпоху, наставшую в Турции, это – преимущество. Фанарский Священный синод прервал с ним всякое общение, но Папе Эфтиму удалось 23 октября 1923 г., сразу после ухода из Константинополя союзнических войск, прорваться в патриархат. Он угрожал остаться там до избрания нового патриарха. Затем он перебрался в Анкару, новую столицу Турции. Это доказывает, что всю его затею полностью поддерживали турецкие власти.

Между тем, в связи с новыми обстоятельствами, сложившимися после роспуска постоянного Смешанного национального совета, и с тем, что Общие уставы утратили силу, митрополит Каллиник Кизикский, руководивший постоянным Священным синодом, объявил выборы патриарха. 18 октября 1923 г. он разослал окружное послание об этом всем епископам Константинопольского престола. В этих выборах уже не участвовали представители мирян, и после отмены Общих уставов патриархат вступил в новую эру. Турецкий полицейский, назначенный для надзора за патриархатом в Фанаре, предъявил предписание, подписанное помощником губернатора Фареттином, согласно которому в выборах нового патриарха должны участвовать только турецкие граждане, практикующие свою религию в Турции. То же требовалось от всякого, выставляющего свою кандидатуру.

Патриарх Григорий VII (1923–1924)

Наконец, 6 декабря 1923 г., Священный синод собрался и избрал Вселенским патриархом Григория (Зервудакиса) Халкидонского под именем Григория VII. Григорий был духовным сыном бывшего патриарха Германа V и, естественно, поддерживал старый порядок «геронтизма», при котором управление Церковью осуществляли только старейшие митрополиты, именуемые «геронтами» (старцами)[3], но он также поддерживал «османизм», чем объясняется его неучастие в избрании Мелетия Метаксакиса. Будучи епископом Халкидонским, Григорий был, однако, далек от межнациональных конфронтаций и представлялся идеальной фигурой для руководства патриархатом в период после подписания Лозаннского договора. На следующий день после избрания Григория VII Папа Эфтим снова прорвался в патриархат в сопровождении 40 вооруженных турок. Он обвинял патриарха в служении интересам Греции. Турецкие власти, связанные Лозаннским договором, в котором оговаривалось, что исторический патриархат остается в своей резиденции, помешали Папе Эфтиму проникнуть в здание патриархата. Так как он отказывался подчиниться, 9 декабря полиция выдворила его. 17 декабря 1923 г. министр юстиции объявил избрание Григория VII действительным.

Первым действием Григория VII было, конечно, низложение Папы Эфтима 19 февраля 1924 г. Еще одним поводом для этого стало проникновение Папы Эфтима в качестве священника в церковь Панагия Кафатиани, что в Галате. В ответ на лишение духовного сана Папа Эфтим в июле 1924 г. захватил церковь. То же самое сделал он позже, 2 апреля 1926 г., в церкви Спасителя, находящейся также в Галате.

[3] Система управления, известная как «геронтизм», была введена во Вселенском патриархате в середине XVIII века. Иерархи-геронты, постоянные члены Священного синода, приезжавшие из своих резиденций, в частности, из Никомидии, Никеи, Халкидона, Деркоя, Кизика, Кесарии, Гераклеи и Эфеса, осуществляли основные линии управления, и патриарх должен был считаться с ними, если не хотел быть низложенным. У геронтов хранилась печать патриархата, и для принятия каждого документа, требовалось их согласие, подпись и оттиск печати. «Геронтизм» господствовал в жизни патриархата в течение столетия, до его отмены в 1860 г., когда были принят текст четырех Общих уставов (*Genikoi Kanonismoi*).

Одним из самых значительных деяний патриарха было обнародование энциклики, посвященной урегулированию проблем Македонского и Фракийского регионов (т. н. «Новых территорий»), которые были аннексированы греческим государством в 1912–1913 гг., и созданию новых временных епархий. Кроме того, 23 февраля 1924 г. Священный синод утвердил григорианский календарь. Относительно спокойный период патриаршества Григория VII закончился внезапно: 16 ноября 1924 г. патриарх после недолгой болезни скончался. Его смерть обозначила начало политически активного периода в истории патриархата.

Патриарх Константин VI (1924–1925)

17 декабря Священный синод собрался в Фанаре и избрал новым патриархом митрополита Деркойского Константина (Араболу) под именем Константина VI. Константин возглавлял оппозицию Мелетию. Он оставался на патриаршем престоле всего 43 дня, поскольку турки смотрели на него как на «подлежащего обмену», т. е. на него распространялось действие закона об обмене населением. Таким образом, 30 января 1925 г. Константин вынужден был покинуть Константинополь и отправиться в качестве беженца в Грецию, в Салоники. Тогдашнее здание Фессалоникийской епархии стало резиденцией патриарха, где его посещали тысячи людей. Оттуда он обратился к Лиге Наций с призывом решить его проблему, что поставило правительство Михалопулоса в затруднительное положение. Многие высокие военные чины в Греции считали, что следует ответить на это унизительное действие со стороны Турции. Правительство применяло все возможные средства, чтобы уладить эту проблему с помощью международных инстанций. Но ни Лига Наций, к которой обратился патриарх, ни греческое правительство не имели возможности разрешить ее, и 22 мая 1925 г. патриарху пришлось подписать отречение. Текст отречения, помимо прочего, гласил: «Всегда руководствуясь в наших мыслях и решениях служением Церкви Христовой и святейшему апостольскому Константинопольскому престолу, облекшему нас доверием, мы действовали также согласно установлениям по вопросу патриархата, принятым турецким правительством, которое изгнало нашу особу. Полагая, что беспрецедентное изгнание

нас с престола вызовет нестроения в древнейшем Константинопольском патриархате, статус которого утвержден святейшими вселенскими соборами, мы приняли решение, известное всей нашей иерархии, согласно которому мы стремились принести мир в институцию Вселенского патриархата, как изложено в нашем меморандуме Лиге Наций» (Ставридис, с. 499–500).

Патриарх Василий III (1925–1929)

Преемником Константина VI на патриаршем престоле стал митрополит Никейский Василий (Георгиадис). В сане митрополита Анкиалосского (1894–1909) ему довелось видеть разрушение этого города болгарскими националистами в 1906 г. Василий был избран патриархом 25 июля 1925 г. под именем Василия III в возрасте 85 лет, после того как Дамианидис и несколько его сторонников безуспешно попытались вновь затеять смуту.

Патриаршество Василия III было одним из труднейших в истории патриархата. К этому времени соглашения об обмене населения между Турцией и Грецией были выполнены. 11 митрополитов синода, епископы и сам патриарх не подлежали обмену, избежав, таким образом, повторения судьбы патриарха Константина VI. Но Вселенский патриархат по-прежнему подвергался давлению со стороны Папы Эфтима (в основном из-за общинного имущества различных приходов, особенно Перского), а также со стороны турецкого правительства, не признававшего его вселенского характера. Уважение, которым пользовался патриархат во всем православном мире и во всем обществе, воспринималось как угроза. Это привело к изоляции патриархата в течение пребывания у власти кемалистов и вплоть до подписания Соглашения о дружбе между Турцией и Грецией в 1930 г. Несмотря на все вышеперечисленные проблемы, Константинопольский патриархат сумел пережить период после Лозаннского договора.

Патриарх Фотий II

После смерти Василия III 29 сентября 1929 г. на патриарший престол взошел Фотий II (Димитриос Маниатис). Приход Фотия

совпал с попытками греко-турецкого сближения, которые завершились подписанием в 1930 г. уже упоминавшегося Соглашения о дружбе между Венизелосом и Инону. В сентябре 1931 г. это Соглашение дало возможность турецкому государству официально признать вселенскую природу Константинопольского патриархата и прислать патриарху удостоверение личности (*nüfüs cüzdani*), в котором была обозначена его официальная функция.

В течение своего патриаршего служения Фотий прилагал усилия к восстановлению всеправославной политики патриархата. Он положил начало обмену студентами между Халкинской богословской школой, принадлежавшей Вселенскому Константинопольскому патриархату, и Сербской, Румынской, Польской Православными Церквами, а также другими христианскими конфессиями, в частности, англиканской. Он старался реорганизовать Литовскую Церковь, направив туда митрополита Германа Фиатирского экзархом, а также Американскую Церковь, послав на ту же должность в Соединенные Штаты митрополита Дамаскина Коринфского. В 1930 г. он созвал в афонском Ватопедийском монастыре Синод для подготовки всеправославного собора. Патриархат представляли митрополит Трапезундский Хрисанф (Филиппидис) и митрополит Сардский Герман (Афанасиадис). Одним из важнейших пунктов была подготовка почвы для переговоров по болгарскому расколу. Турецкие власти не чинили препятствий этим начинаниям патриархата. Однако очень скоро турецкое правительство осознало авторитет патриархата в остальном православном мире и стало особенно внимательным к тесным контактам Фотия с Англиканской Церковью. В 1935 г. Великое Национальное Собрание Турецкой Республики ратифицировало закон об одеянии духовенства, согласно которому все духовные лица Турции вне мест отправления культа должны были носить гражданскую одежду. Освобожден от этого обязательного правила был только патриарх. Определенным образом эта мера стала способом продолжения насильственной секуляризации с целью ограничить авторитет православного духовенства в Турции. Конечно, эта секуляризация была направлена не только на христиан, но точно так же затрагивала и мусульманское духовенство. Несколько месяцев спустя турецкое правительство решило превратить церковь св. Софии из мечети в музей. Тогда же, 5 июня 1935 г., правительство представило Национальному Собранию закон о религиозной собственности (*waqfs*). Закон ставил все

религиозные учреждения в зависимость от турецкого государства и делал их руководителей ответственными перед государством. Для осуществления надзора в области религиозной и культурной собственности, а также социальных учреждений всех религиозных общин создавалась Служба религиозной собственности (*Evkaf Genel Müdürlüğü*). Эта собственность разделялась на две категории. Первая (*mazbut*), включавшая имущество мусульманских учреждений, была в непосредственном ведении государства. Собственность второй категории (*mülhak*, или «зависимые»), принадлежавшая немусульманским учреждениям, отдавалась в управление выборных комитетов каждого прихода. Управители несли ответственность перед Службой религиозной собственности. Покупать или продавать можно было только по согласованию со Службой. В 1936–1937 гг. (уже при патриархе Вениамине I, так как Фотий скончался 29 декабря 1935 г.) Служба пыталась поставить в каждую общину одного управителя. Но, из-за вмешательства греческого правительства, это было отменено. Приходские комитеты, избранные в 1928 г., сохраняли реальный контроль над церковной собственностью до конца 40-х годов при молчаливом согласии турецкого правительства. Только в 1940 г. греческая община получила со стороны турецкого государства официальное признание своего права на собственность.

Патриарх Вениамин I (1936–1946)

Избрание патриархом Вениамина I (1936–1946) представлялось необходимым и компромиссным решением. Неприемлемость кандидатов, поддерживаемых либо турецкой внешней политикой (Иаков Имвросский и Тенедосский), либо иностранной греческой (тридцативосьмилетний, но сильный как личность Максим Халкидонский), стала причиной того, что на патриарший престол взошел шестидесятичетырехлетний Вениамин. Он оставался патриархом всего десять лет, в критический период после смерти Мустафы Кемаля в 1938 г. и в течение II Мировой войны. При его патриаршем служении и особенно 11 ноября 1942 г. турецкое Национальное Собрание по предложению правительства Саракоглу голосовало за налог на собственность (*varlik vergisi*). Для немусульман, живших в Турецкой республике, этот налог был в 10 раз выше, чем тот, который платили мусульмане, а с выходцев из других стран взимал-

ся приблизительно двойной налог. Стоит отметить, что при общем итоге в 425 млн. турецких ливров немусульмане выплачивали 233 млн. ливров (около 52%), мусульмане – 125 млн. 500 тыс. ливров (около 29%), а иностранцы – 79 млн. 500 тыс. ливров (около 19%). Этот новый налог касался, в частности, крупных городов. На Стамбул приходилось 77% общей суммы. В первую очередь налогом облагались компании, основанные ранее 1939 г. людьми из среднего класса – собственниками и служащими частных предприятий. Многие из них были вынуждены продавать свое имущество, а другие, которые не могли уплатить налога, ссылались в анатолийский Аскал на тяжелые работы. В тот же период благотворительные учреждения Балыклы были поставлены под контроль Папы Эфтима, причем их единственным управителем был назначен Стамат Зини Оздамар, член Национального Собрания. Это был единственный случай применения закона от 1935 г. к учреждениям греческой православной общины до его отмены в 1949 г.

При патриархе Вениамине были решены две крупные проблемы в отношениях между Вселенским патриархатом и балканскими Православными Церквами. В 1937 г. патриаршим и синодальным Томосом была провозглашена автокефалия Албанской Церкви; затем, в 1945 г., прекратился болгарский раскол и провозглашена также автокефалия Болгарской Церкви.

Патриарх Максим (1946–1948)

После смерти патриарха Вениамина 17 февраля 1946 г. на патриарший престол взошел Максим (Вапорцис) Халкидонский. Как упомянуто выше, Максим не прошел в 1936 г. из-за возражений турецкого правительства, удалившего его имя из списка кандидатов. Но при патриаршестве Вениамина он сделался влиятельной фигурой. Как бывший митрополит Халкидонский он стал во главе Священного синода и, имея на своей стороне большинство, принимал важные решения в переломные для Вселенского патриархата моменты. Одновременно он возглавлял административный совет Халкинской богословской школы. 20 февраля 1946 г. избирательное собрание патриархата включило его имя в список кандидатов. Это объясняется тем фактом, что греко-турецкие отношения были тогда хорошими.

Однако он оставался патриархом всего два года. В октябре 1948 г. из-за болезни он подписал отречение. За этот короткий промежуток патриархату удалось вернуть под контроль греческой общины госпитальный комплекс в Балыклы, а также церковь Спасителя, отнятые, как отмечалось выше, сторонниками Папы Эфтима.

Патриарх Афинагор I

Отречение Максима V подготовило путь к избранию патриархом архиепископа Северной и Южной Америки Афинагора. Он был избран 1 ноября 1948 г. и прибыл в Стамбул 26 января 1949 г. Можно лучше понять заинтересованность американцев в избрании Афинагора, если рассмотреть это в контексте холодной войны. Сразу после II Мировой войны Советский Союз попытался расширить свое влияние на православный Восток при помощи Русской Церкви. Именно в связи с этим архиепископ Санкт-Петербургский (тогда Ленинградский) посетил в январе 1947 г. Иерусалимский, Антиохийский и Александрийский патриархаты. Он предложил созвать всеправославный собор, превращая таким образом в абстракцию роль Константинопольского патриарха как *primus inter pares*, канонически ответственного за созыв всеправославных соборов. Поэтому когда Русский патриархат созвал в 1948 г. в Москве Всеправославную конференцию, Вселенский патриархат по каноническим соображениям отклонил приглашение участвовать в ней. И в контексте холодной войны было логично, что Соединенные Штаты проявили интерес к Вселенскому патриархату. Вначале выбор греческого правительства склонялся к бывшему архиепископу Афинскому Хрисанфу Филиппидису, который из-за своей деятельности во время малоазиатской экспедиции рассматривался турецким правительством как *persona non grata*. Афинагор был гражданином Османской империи, он родился в 1886 г. в эпирском Василиконе и восстановил свое турецкое гражданство. Префект Стамбула выдал ему турецкий паспорт сразу после его прибытия в аэропорт на борту самолета президента Соединенных Штатов. Он был первым патриархом, посетившим Анкару, где встретился с президентом Турецкой республики, а премьер-министр Турции Аднан Мендерес нанес ему визит в Фанаре в 1952 г. В том же году его посетили король Греции Павел и королева Фредерика.

Пребывание на константинопольском престоле патриарха с высокими личными качествами и предпринимаемые им с самого начала своего патриаршего служения осторожные инициативы способствовали улучшению на несколько лет положения греческого меньшинства. Но вскоре, в связи с проблемой Кипра, в греко-турецких отношениях усилилась напряженность. События 6 и 7 сентября 1955 г., известные как «сентябрьские инциденты» имели следствием волну греческой эмиграции и сильное сокращение греческого населения Стамбула. Вторым тяжелым ударом для патриарха Афинагора стало закрытие в 1971 г. по решению Верховного конституционного суда Богословской школы, начавшей свою деятельность в 1844 г. Зато открылись три академических центра за границей: Православный центр Вселенского патриархата в Шамбези (Женева) в 1966 г., Патриарший центр патристических исследований в Салониках в 1968 г. и Православная академия на Крите в 1968 г. Но основание этих академических центров не восполнило закрытия Халкинской богословской школы[4], так как патриархат утратил возможность воспитания молодых людей, учившихся там, постигая на опыте традиции практику (*praxis*) и экклезиологию патриархата.

Афинагор предпринимал инициативы для укрепления связей патриархата с другими Православными Церквами, а также с Ватиканом. Стала знаменитой его встреча с папой Павлом VI в Иерусалиме в 1964 г., которая продолжилась 7 декабря 1965 г. отменой взаимного отлучения Православной и Католической Церквей, бывшего в силе начиная с раскола 1054 г. В 1967 г. патриарх и папа нанесли друг другу визиты соответственно в Рим и в Стамбул. Их встреча 1964 г. произошла в критический момент холодной войны и стала ответом христианского мира коммунизму. Наступил поворот в отношениях Вселенского патриархата и Ватикана.

[4] В 1971 г. Богословская школа на Халки была закрыта во исполнение принятого турецким правительством закона, запрещавшего деятельность частных высших учебных заведений. С 1971 школа остается закрытой, несмотря на отдельные обещания турецкого правительства.

Патриарх Димитрий I (1971–1991)

Афинагор скончался в 1971 г. Все полагали, что его преемником станет митрополит Халкидонский Мелитон, за которым было большинство в Священном синоде. Но когда делегация Священного синода подала список кандидатов префекту Стамбула, он вычеркнул имена Мелитона и еще троих иерархов. Так как Мелитон не мог быть избранным, группа поддерживавших его иерархов предложила кандидатуру митрополита Имвросского и Тенедосского Димитрия (Пападопулоса). Он был избран 16 июля 1972 г. и интронизирован спустя два дня. Одним из важнейших моментов его патриаршего служения стал визит в Стамбул папы Иоанна-Павла II в 1979 г., который показал, что дух сотрудничества и примирения, вошедший в отношения между двумя Церквами в 1964 г. в Иерусалиме, по-прежнему живет. Другим крупнейшим событием стала реконструкция после пожара 1946 г. патриаршей резиденции. Благодаря зарубежным визитам патриарха жизнь патриархата вышла за его константинопольские стены.

Патриарх Варфоломей I (с 1991 г.)

Патриарх Димитрий скончался 2 октября 1991 г., и 22 октября его преемником стал патриарх Варфоломей, духовный сын митрополита Халкидонского Мелитона. Новый патриарх оказался сильным и решительным человеком; через несколько месяцев после восхождения на престол он собрал предстоятелей Православных Церквей и обратился с посланием к миру и Церкви. Он объявил 1 сентября Днем защиты окружающей среды и творения. Он принимал участие в многочисленных международных богословских, экуменических, межрелигиозных и экологических конференциях. Он учредил встречи между иерархами Вселенского престола для подготовки иерархов нетурецких епархий его юрисдикции к участию в работе Священного синода Вселенского патриархата. В 1994 г. он впервые выступил в Европарламенте, что впоследствии позволило сильнее проявиться международной и вселенской природе патриархата. В 1992 и 1998 гг. он назначил иерархию Албанской Автокефальной Церкви. Он председательствовал на чрезвычайном и расширенном синоде 1998 г. в Софии, созванном с целью урегулировать вну-

тренние проблемы Болгарской Церкви. Уже в XXI веке он созывал подобные синоды на Фанаре, чтобы в согласии с церковными канонами защитить канонические прерогативы Вселенского патриархата и разрешить проблему Иерусалимского патриархата. В 1995 г. он участвовал в торжествах на Патмосе, посвященных 1900-й годовщине книги Апокалипсис.

Благодаря важным инициативам и действиям патриарха Варфоломея, поддержанным Священным синодом, Вселенский патриархат вступил в XXI век, оставаясь верным своему каноническому и вселенскому назначению, определенному соборами, с возросшим и окрепшим авторитетом во всем мире. В новом веке патриархат продолжает свое вселенское служение первого очага Православия, созывая всеправославные соборы, провозглашая автокефалию и автономию Церквей, освящая миро для помазания, выступая в качестве апелляционного суда для всех Православных Церквей, прославляя святых (как-то: свв. Мирона и Силуана) и будучи вправе основывать монастыри.

Вселенский Константинопольский патриархат – одна из редких институций международного сообщества, чья история и церковное служение не прерываются более 17 веков.

ПРИМЕЧАНИЕ КРИСТИН ШАЙО О РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЩИНАХ В ТУРЦИИ

Информация взята из Доклада о международной религиозной свободе 2007 г., обнародованного Бюро по демократии, правам человека и труду (http://www.state.gov/g/drl/rls/irf/2007/90204.htm, Часть I. Религиозная демография).

В 2007 в Турции было около 72,6 млн. населения. Согласно правительственным данным, 99% населения составляют мусульмане, в большинстве сунниты.

Существует также множество других религиозных групп, сосредоточенных, главным образом, в Стамбуле и других крупных городах. Хотя точной статистики по ним у нас нет, эти религиозные группы включают приблизительно 65000 православных христиан-армян, 23000 иудеев и 4000 православных греков. Правительство

толкует Лозаннский договор 1923 г., предоставляющий особый статус меньшинствам, исключительно в применении к этим группам, тогда как текст упоминает также «немусульманские меньшинства», не перечисляя отдельные группы.

Имеется также приблизительно 10000 бахаистов, около 15000 православных христиан-сирийцев, 5000 езидов, 3300 свидетелей Иеговы, 3000 протестантов и, кроме того, небольшое число христиан-болгар, халдеев, ассирийцев, грузин, румынских католиков и маронитов. Число христиан-сирийцев на юго-востоке в прошлом было высоким, но под давлением властей, а позднее вследствие войны против террористов Курдской рабочей партии очень многие христиане-сирийцы переехали в Стамбул или эмигрировали в Западную Европу, Северную и Южную Америку.

По информации из других источников, на 2007 г. имелось приблизительно 70–100 тыс. православных христиан, работающих в Стамбуле и происходящих, в частности, из Болгарии, Румынии, России и Грузии. У румын и болгар есть свои приходы в Стамбуле, есть они также у «белых» русских – потомков эмигрантов, покинувших Россию после революции 1917 г. Все православные церкви в Стамбуле в принципе находятся под юрисдикцией греческого Константинопольского патриархата.

Имеются также арабоязычные православные христиане в районе Антиохии на юго-востоке Турции, некоторые из них работают в Стамбуле (10–15 тыс.). Их старые общины вокруг Антиохии находятся под юрисдикцией Антиохийского патриархата, имеющего резиденцию в Дамаске, Сирия (около 5000 верующих).

БИБЛИОГРАФИЯ

Alexandris, Alexis P., *The Greek Minority of Istanbul and Greek-Turkish Relations, 1918–1974*, 2 ed., Athenes, 1992.

Кардарас К., *Вселенский патриархат и греки, не покинувшие Македонию и Эпир после Берлинского конгресса*, Афины, 1996 (на греческом языке).

Конортас П., *Оттоманские воззрения на Вселенский патриархат в XVII-начале XX века*, Афины, 1998 (на греческом языке).

Мавропулос Д., *Вселенский патриархат с 1787 по 1949 гг.*, Афины, 1960 (на греческом языке).

Нанакис А., *Вдовствующий Вселенский престол и избрание Мелетия Метаксакиса (1918–1922)*, Фессалоники, 1991 (на греческом языке).

–, *Вселенский патриархат, Новейшая история*, т. 1, 2, Фессалоники, 2000, 2004 (на греческом языке).

–, *Этнархия и национальная Церковь*, Фессалоники, 2007 (на греческом языке).

Ставридес В.Т., *Миряне в православном мире*, Стамбул, 1961 (на греческом языке).

–, *История Вселенского патриархата*, Афины, 1967 (на греческом языке).

–, *Вселенские патриархи с 1860 до наших дней*, Фессалоники, 1977 (на греческом языке).

См. также:

Daldas, N., *Le Patriarcat œcuménique de Constantinople et le statut canonique de la «Diaspora» orthodoxe de langue grecque – le cas de la France*, coll. «Bibliothèque nomocanonique», 2000.

Missir, L., *Églises et État en Turquie et au Proche-Orient*, Bruxelles, 1973.

Papadopoulos, C., *Les Privilèges du patriarcat œcuménique dans l'Empire ottoman*, Paris, 1924.

Runciman, S., *The Great Church in Captivity: A Study of the Patriarchate of Constantinople from Eve of the Turkish Conquest to the Greek War of Independence*, Cambridge, 1968.

Théarvic, M., «Le Patriarcat œcuménique en Turquie d'Europe», в: *Échos d'Orient* 2 (1898–1899), p. 156–166.

–, «Le Patriarcat œcuménique dans les îles, en Bulgarie et en Bosnie», в: *Échos d'Orient* 2 (1898–1899), p. 238–244.

Vaporis, N., «Some Aspects of the Civil Jurisdiction of the Patriarchate of Constantinople during the Ottoman Period», в: *The Greek Orthodox Theological Review* 12/2 в (1996–1967), p. 154–160.

ИСТОРИЯ ЭЛЛАДСКОЙ (ГРЕЧЕСКОЙ) ЦЕРКВИ В XX СТОЛЕТИИ

Григорий Д. ПАПАТОМАС

Начало истории автокефальной Элладской Церкви в XIX в.

В 1950 г. Элладская Церковь отметила 1900-ую годовщину прибытия апостола Павла в Грецию. В 2000 г. отпраздновали двухтысячелетие христианства в Греции. Первую церковь в Греции основали в македонских Филиппах Павел и Сила. Затем была основана община в Фессалониках, потом – в Верии, на востоке Македонии. Позднее возникли церкви в Афинах, в пелопонесском Коринфе, в Никополе, что на востоке Эпира, на греческом острове Крит.

В начале XIX века южная часть тогдашней Греции была освобождена от османского владычества (XV–XIX вв.). Она провозгласила свою политическую независимость в 1821 г. и в 1829 г. стала суверенным государством, получившим международное признание в 1830 г. (Лондонский договор).

Великие державы навязали Греции в короли Оттона Баварского (1832–1862). В 1833–1834 гг. регентом при несовершеннолетнем короле – немце по происхождению и католике по крещению – был профессор права германского университета Георг фон Маурер, протестант. По церковным делам королевства Греция с населением, в подавляющем большинстве православным, его консультировал архимандрит Феоклит Фармакидис. Это было только началом будущих институциональных осложнений в жизни греческой Церкви.

В 1834 г. Афины стали столицей новой Греции, церковным и государственным, административным центром.

В мае 1833 г. была создана комиссия из четырех мирян и трех клириков, которая потребовала автокефалии Греческой Церкви, а также учреждения независимого и постоянного синода.

В начале июля 1833 г. королем Оттоном I по предложению регента фон Маурера была незаконно провозглашена автокефалия Элладской Церкви. 15 июля 1833 г. в Навплио, временной столице Греции, собрались епископы и провозгласили Элладскую Церковь «независимой» от Вселенского Константинопольского патриархата. Правящим органом Церкви отныне становился синод из пяти членов с постоянным уполномоченным от правительства, мирянином. Все они назначались королем. Политическая идея образования национальной Церкви созревала в контексте постоянного государственного вмешательства, которое со временем лишь возрастало.

Это неканоническое провозглашение автокефалии привело к разрыву греческой православной общины с Вселенским Константинопольским патриархатом на 17 лет, до 1850 г. Только тогда патриархат утвердил патриарший и синодальный Томос, провозглашавший на известных канонических условиях автокефалию Элладской Церкви.

Патриарший и синодальный Томос от 29 июня 1850 г. был поддержан королевским декретом от 15 августа 1850 г., после которого был принят закон 201 от 9 июля 1852 г., получивший название «Уставного закона о Священном синоде Элладской Церкви». Два закона (200 и 201), написанные по протестантскому образцу, имели целью поставить Церковь в зависимость от политической власти. Высшим органом Элладской Церкви стал синод, назначавшийся королем. В работе синода участвовал королевский уполномоченный, который мог наложить вето на любое решение, что означало полное подчинение Церкви политической власти. Согласно Уставной хартии, главой Церкви был король. Синод, таким образом, должен был проводить политику правительства короля – впоследствии Георгия Датского, царствовавшего с 1863 по 1913 гг. С 1860 по 1923 гг. Церковь была порабощена королевской и национальной политикой, что привело к многочисленным осложнениям.

Почти все духовенство не имело достаточного богословского образования. Однако с 1828 г. первым правителем Греции Каподистрией (1828–1831) в Эгине основывались богословские школы – род лицеев или, скорее, небольших семинарий. Афинский богослов-

ский факультет, основанный в 1836–1837 гг., стал частью первого греческого университета, в свою очередь основанного в 1837 г. Но этот факультет заработал по-настоящему только в последнем десятилетии XIX века. Второй в Греции богословский факультет открылся в Салониках в 1942 г.

Во второй половине XIX века территория Греции расширилась после присоединения освобожденных Ионийских островов и Фессалии, которые, вместе с греческими землями, освобожденными в 1921 г., назывались «старыми территориями». Ионийские острова были включены в греческое государство в 1864 г., а позднее актом Вселенского патриархата безусловно закреплены за Элладской Церковью. Фессалия отошла к Греции в 1881 г. и была в 1882 г. закреплена за Элладской Церковью патриаршим актом. То, что называется Элладской Церковью, было теперь территориально завершено (см. Приложение).

Элладская Церковь унаследовала от XIX века тяжелейшее прошлое и нестроения: широкое и постоянное вмешательство государства, синодальную неорганизованность Церкви, отсутствие высшего административного органа управления церковными делами, невнимание к пастырской работе, недостаток инфраструктуры для хотя бы минимальной общественной деятельности Церкви, полное отсутствие контакта с другими Церквами и внешним миром и т. д. С начала XX века это положение вызвало в Церкви бессилие и дезорганизацию, в частности, из-за абсолютного и постоянного вмешательства государства во все внутренние и публичные функции Церкви, во все ее дела (*политейократия*).

Религиозные братства

С последнего десятилетия XIX и в начале XX века для практической организации активной христианской и духовной жизни всех верующих формировались «христианские братства (*christianikes adelphotites*)», основанные образованными мирянами, так как официальная Церковь по той или иной причине плохо заботилась о духовном окормлении своей паствы. Это вызвало противостояние между движением мирян и церковной иерархией.

Братства хотели также поставить на должный уровень образование масс, воспитание церковных кадров, подготовку священников

в специальных семинариях и т. д. Они намеревались вести социальную работу через благотворительные ассоциации и филантропические учреждения.

Следует подчеркнуть, что их начинания наложили сильный отпечаток на церковную и даже политическую жизнь Греции в XX веке, поскольку они пытались ее контролировать. Они развивали проповедническую работу, практику исповеди по западному образцу, религиозную печать, обучение религии, в том числе через катехизацию для детей и женщин, работу библейских кружков. Общепризнанны их заслуги в работе среди молодежи, будущих членов и руководителей Церкви: воскресные школы, летние лагеря, библиотеки и комнаты досуга, спортивная работа и т. д.

В этом движении заметным было братство «Жизнь» («Зои»), основанное в 1907 г. ученым архимандритом Евсевием Матопулосом (1849–1929), тесно сотрудничавшим с известным проповедником Апостолосом Макракисом. Это братство решительно противостояло всему классическому монашескому движению, определяя при этом себя как «городское и социальное монашество», действующее в обществе. Братство «Зои» вдохновлялось немецким пиетизмом и западными, католическими и протестантскими миссионерами, перенимая их методы, но сохраняя свою веру.

Впоследствии «Зои» превратилось в политико–религиозное движение, ставившее главной целью всемирную реформу Церкви, государства и общества. Его христианский идеал предусматривал исправление и обновление общества путем усиления христианской веры в сознании народа.

Первоначально братство «Зои» посвящало свои труды проповеди, религиозному воспитанию и изданию журналов, рассчитанных на широкую публику, в том числе одноименного журнала «Зои», основанного в 1911 г. В 1950-е годы в братстве состояло около 200 богословов–мирян и 500 женщин, которые повсеместно учреждали в Греции филиалы религиозных братств, действовавших отдельно от Церкви и независимо от приходов. Организовывались начальные и средние школы, а также школы катехизации, дома престарелых, сиротские приюты и другие учреждения благотворительного характера.

До II Мировой войны почти все благотворительные и миссионерские организации находились под руководством «Зои», а позднее – более консервативного его филиала «Сотир», основанного

в 1961 г., когда братство разделилось. К этому движению присоединились многие епископы.

Период 1900–1923 гг.

Прежде всего, необходимо сказать, что в течение XX века Элладская Церковь перенесла сильные потрясения из–за политических перемен и преобразований. Среди них – провозглашение в 1924 г. республики (парламентская демократия), ряд диктатур – генерала М. Пангалоса (1925–1926), генерала И. Метаксаса (1936–1941), Г. Пападопулоса и «черных полковников» (1967–1974), II Мировая война (оккупация Греции Италией в 1940 г., Германией – в 1941–1944 гг.), гражданская война и вооруженное восстание коммунистов (1946–1949), послевоенный период (1955–1967). Все это время продолжалась политическая нестабильность, а в некоторые периоды, особенно в 1956–1974 гг., церковная власть из–за давления государства вообще отсутствовала. Все эти политические события тесно связаны с жизнью Элладской Церкви в XX веке.

Наряду с политическими и церковными событиями в течение XX века имели место многочисленные церковно–правовые изменения, касающиеся нашей исторической темы. Они тоже дают повод подчеркнуть частые факты вмешательства государственных органов в церковные дела.

История первого тысячелетия XX века начинается с религиозного и политического кризиса в консервативном греческом обществе. Причиной кризиса стал вопрос о переводе Евангелия на новогреческий язык. В сентябре 1901 г. появление новогреческого перевода Евангелия, сделанного Ал. Паллисом, вызвало отрицательную реакцию в Афинском университете. Это привело к возникновению 3 ноября двух партий «Евангелика» и «Ноэмбриана». Королева Ольга, русская по происхождению и покровительница Паллиса, выступала за перевод, но подверглась обвинению в покушении на классический греческий язык. В Афинах прошли манифестации, погибли люди. Митрополит Афинский Прокопий Экономидис (1896–1901), близкий друг королевы, одобрил перевод, но впоследствии вынужден был отказаться от этого, так как Священный синод грозил анафемой всякому, кто будет переводить Евангелие на

новогреческий, распространять и использовать переводный текст. Вселенский Константинопольский патриархат утвердил этот перевод в 1911 г.

Следующий митрополит Афинский Феоклит Минопулос (1902–1917, 1920–1922) был человеком мирным и по церковным вопросам занимал умеренную позицию. Он был низложен из–за политического вмешательства и заменен Мелетием Метаксакисом (1918–1920). В 1910 г., при премьер–министре Венизелосе, для определения порядка жизни Церкви, приходов (имущество, требования к священникам, их жалованье) и назначения священников были приняты церковные законы.

Много раз, начиная с провозглашения автокефалии, в XIX и XX веке государство конфисковало церковное имущество. Вот важнейшие даты актов огосударствления в XX веке.

В 1909 г. государством были выделены деньги на имущество и собственность Церкви. В 1921 г., после Балканских войн (1912–1913) государство без возмещения экспроприировало часть церковного имущества. В 1952 г. государство конфисковало 3/4 церковного имущества для помощи народу, разоренному двумя войнами, мировой и гражданской, длившимися почти 10 лет (1940–1949).

В 1987 г., во время кризиса в отношения Церкви и государства при правительстве социалистов, министр Трицис провел два закона (1700 и 1811), но они никогда не применялись. Иногда огосударствление церковного имущества производилось с согласия Церкви. Так было в 1910 г., когда статус священников был приравнен к статусу государственных служащих и соответственно изменилось их жалованье. Вторично это было сделано в 1923 г. для помощи многочисленным греческим беженцам после обмена населением в Малой Азии.

В 1930 г. были в Церкви учреждены «Органы управления церковным имуществом» и «Казначейство обеспечения духовенства Греции».

С 1910 г. греческое государство стало более активно участвовать в жизни общества, чтобы объединить и модернизировать его, усилив деятельность в области образования, в армии и т. д.

В 1920-е гг. греческое государство также рассчитывало использовать культовое посредничество Православной Церкви для интеграции пестрого по составу перемещенного населения после недавних войн.

После двух Балканских войн (1912–1913), когда появилась возможность освобождения Северной Греции и подписания Берлинского договора (1913), греческое государство расширилось географически, присоединив «Новые территории»: Македонию (1912), Эпир (1912), Восточную Фракию (1913) и северные острова Эгейского моря – Лесбос, Самос и др. (1913). Эти территории находились в ведении Вселенского Константинопольского патриархата. Из-за I Мировой войны (1914–1918) немедленно урегулировать возникшие церковные вопросы было невозможно.

В течение Балканских войн (1912–1913) и I Мировой войны (1914–1918) всякая деятельность Церкви на пастырском и организационном уровне была более или менее парализована.

После I Мировой войны миссия Церкви изменилась, и ей пришлось переосмыслить свою национальную стратегию. На то были многочисленные причины, например, возрастающий поток эмиграции (*diaspora*). Действовали ограничения, установленные Лозаннским договором (1923): так, Вселенский патриарх перестал тогда быть этнархом всех православных христиан бывшей Османской империи.

С другой стороны, на национальном уровне между 1916 и 1920 гг. существовал, как уже было сказано, политический раскол (*dichasmos*) между двумя частями эллинского народа – консерваторами, сторонниками короля, и либералами, сторонниками Венизелоса. Вступили в конфронтацию король Константин XII в Афинах и премьер-министр Венизелос в Салониках, восставший в 1916 г. против роялистского правительства и сформировавший временное правительство (1916–1917) в Салониках, освобожденных в 1912 г. Это вызвало противостояние и в самом Священного синоде.

Реорганизация Элладской Церкви и «модернизация» греческого общества составляли часть проектов Партии греческих либералов в 1911–1932 гг., особенно в 1923–1932 гг. После возвращения к власти в Афинах (1917) Венизелос назначил Мелетия Метаксакиса, в то время архиепископа Кипрского, митрополитом Афинским (1918–1920). Впоследствии Мелетий стал Вселенским патриархом Константинопольским (25 ноября 1921–20 сентября 1923 г.).

В 1922 г. началась катастрофа греко–турецкой войны в Малой Азии, которая закончилась обменом населением между Грецией и Турцией (Лозаннский договор от 24 июля 1923 г.). Согласно договору, греческое меньшинство продолжало проживать в Стамбуле и

на островах Имврос и Тенедос. При этом массовом обмене населением Грецию покинуло около 360 тыс. турок, а Малую Азию – около 1 млн. 400 тыс. греков. В огромном большинстве они поселились в Греции, что увеличило ее население приблизительно на четверть. Другие обосновались за границей, в частности, в Соединенных Штатах Америки, а также в Австралии и Западной Европе.

В 1922 г. в Константинополе состоялся Всеправославный конгресс под руководством патриарха Мелетия. На конгрессе были приняты некоторые реформы, в частности, введен григорианский календарь. Именно после этого конгресса, с принятием Уставной Хартии 1923 г., была решительно пущена в ход программа реорганизации Элладской Церкви.

Период 1923–1938 гг.

В 1923 г. Хризостом Пападопулос (1923–1938), великий историк Церкви, при поддержке богословского факультета Афинского университета стал новым архиепископом Афинским.

По инициативе архиепископа было созвано общее собрание «Священного синода иерархии», что имело для Элладской Церкви важные последствия: она получила новый устав – Хартию 1923 г. Согласно Хартии, высшим органом власти в Церкви становился Священный синод иерархии (*synodos tes hierarchias*), членами которого было большинство епископов, а председателем – митрополит Афинский. Помимо прочего, Хартия определяла порядок назначения священников и их число.

Единственным слабым местом этой новой синодальной системы было то, что, учитывая практическую трудность ежегодного созыва всех епископов Церкви и одновременного прибытия их в Афины, действительно представлял Церковь и принимал решения один архиепископ.

На этот новый путь, начатый в 1923 г., Церковь ступила не случайно. Еще с конца Балканских войн (1912–1913) наблюдались конкретные инициативы по реорганизации церковных дел. Эти инициативы открывались документом 1914 г., разработанным в рамках деятельности комиссии по подготовке законов. Помимо прочего комиссия наметила проект новой Уставной Хартии, в которой Церковь полностью утверждала свою независимость и

исключала всякое вмешательство власти в свободном государстве в ее дела. Этот законодательный акт содержал много положительных элементов, но политические события 1914–1922 гг. вынудили отложить его утверждение.

Постоянный Священный синод (*diarkis synodos*) также был учрежден в 1925 г. другим законом, как исполнительный синодальный орган «Священного синода иерархии». Он состоял из 7, а после 1928 г. из 13 членов, включая архиепископа Афинского как председателя. Этот орган представлял Священный синод Церкви и обеспечивал исполнительную власть синода иерархии, решая неотложные и/или чрезвычайные проблемы между сессиями синода иерархии. Он ежегодно обновлялся путем ротации и в порядке старшинства митрополитов, и созывался в любое время по необходимости.

Таким образом, существовала «смешанная» система управления Церковью, включавшая Священный синод иерархии и постоянный Священный синод взамен «Священного синода архиепископов», о котором говорилось в тексте Уставной Хартии 1923 г.

Реорганизация этих синодов как высшего органа власти в Элладской Церкви означала восстановление ее канонической идентичности.

Синод иерархии («Священный синод») пришел на смену 5 членам, назначаемым королем и, по крайней мере, теоретически, мог оказывать влияние на правительство.

В действительности же все последующие правительства не считались с этим синодальным измерением Церкви. Так, каждый диктатор и каждая новая власть поочередно изменяли уставы Элладской Церкви, порой в пользу вышеупомянутых религиозных братств. Но следует сказать, что правительства могли давать и положительный ответ на требования Церкви. Однако, по воле государства, представитель правительства всегда участвовал в работе того и другого синода, что составляло институциональную слабость этой новой системы. По докладу уполномоченного правительство принимало или отвергало решения Священного синода. Так было вплоть до последней диктатуры 1967–1974 гг.

Церковные реформы 1923–1925 гг. ощутимо улучшили состояние дел в Церкви. Но потребовалось еще полвека борьбы (1923–1974), чтобы утвердить канонические основания, позволившие внутренне урегулировать сотрудничество Церкви с государством;

более или менее гармонические отношения с государством установились с 1975 г.

В 1923 г. вышли первые номера церковного журнала «Ekklesia», а в 1930 г. – журнала «Theologia».

В марте 1924 г. Элладской Церковью был принят новый (григорианский) календарь. Такие нововведения, как принятие григорианского календаря и разграничение будничных и праздничных дней, способствовали изменению отношений между Церковью, государством и обществом.

После отмены диктатуры (1926 г.), дабы начать пересмотр слабых мест Уставной Хартии 1923 г., архиепископ Хризостом созвал чрезвычайное собрание Священного синода иерархии. На этом собрании, помимо прочего, рассматривался вопрос о вхождении митрополий Новых Территорий в лоно автокефальной Элладской Церкви, который был окончательно решен в 1928 г. Тогда был утвержден патриарший и синодальный акт об административном подчинении митрополий Новых Территорий автокефальной Элладской Церкви, согласно уже принятому государственному закону 3615 от 15 июля 1928 г. (см. Приложение).

По этому закону постоянный Священный синод состоял из 9 членов – 4 от автокефальной Церкви и 4 от Новых территорий – под председательством архиепископа Афинского.

По закону 5438 от 1932 г. количество членов постоянного Священного синода увеличивалось с 9 до 13 (архиепископ Афинский, 6 митрополитов от автокефальной Церкви и 6 от Новых Территорий). Синод по–прежнему ежегодно обновлялся путем ротации и в порядке старшинства митрополитов.

На административном уровне в 1927 г. изменились церковные титулы: митрополит Афинский титуловался архиепископом, а прочие епископы митрополитами.

В 1936 г. в Афинах состоялся первый Всемирный богословский коллоквиум православных факультетов богословия. Второй такой коллоквиум прошел в 1978 г., также в Афинах.

Ряд реформ, проведенных Хризостомом в 1923–1938 гг., коренным образом изменил структуру и жизнь Церкви.

В 1923 г. были организованы семинарии, посвященные подготовке проповедников и младшего духовенства, и была одобрена система урегулирования догматических вопросов.

Период 1938–1974 гг.

В 1938 г. после смерти архиепископа Хризостома его сменил Дамаскин Папандреу, избранный и поддержанный Священным синодом. Но религиозные движения оказывали давление на правительство, чтобы провести своего кандидата Хрисанфа Филипидиса, бывшего митрополита Трапезундского и Понтийского, которого поддерживал также диктатор Метаксас. Это говорит о том, как сильны были тогда религиозные движения, к которым примыкали влиятельные лица, интеллектуалы, университетские профессора. Они добились пересмотра результата выборов в высшем судебном органе Греции – Кассационном суде, отменившем избрание Дамаскина. Дамаскин был отправлен в изгнание и заключен в монастыре Фер횭номени на острове Саламин.

При диктатуре Метаксаса (1936–1941) началось возвращение к политике государственного вмешательства. Постоянный Священный синод приобрел тогда чрезвычайную значимость. Этот новый тип постоянного синода из 12 членов был тогда поставлен над Священным синодом иерархии, утратившим свое значение, однако не упраздненным.

Диктатура издала тогда целый ряд «законов по необходимости» (законов–указов) для урегулирования некоторых церковно–административных вопросов. «Закон по необходимости» 2170 от 1940 г. подвергал пересмотру Уставную Хартию 1932 г., где говорилось о недопустимости государственного вмешательства в дела Церкви.

В 1941 г., когда в Грецию вторглись германские войска, Хрисанф, не признавший нацистского оккупационного режима, вынужден был подать в отставку. Священный синод восстановил в должности председателя канонически избранного им в 1938 Дамаскина Папандреу (1941–1949), который был чрезвычайно сильной личностью и выдающимся юристом. Еще будучи митрополитом Коринфским, Дамаскин был направлен Вселенским Константинопольским патриархатом в Соединенные Штаты Америки для организации православной греческой диаспоры и написал на эту тему великолепный доклад.

В пору немецкой оккупации (1941–1944) этот выдающийся архиепископ, пользовавшийся чрезвычайным авторитетом, сумел

наладить жизнь православного народа. В труднейших условиях ему удалось заставить немецких нацистов считаться с собой.

В 1941 г., при Дамаскине, когда Греция была оккупирована немцами, еще раз было переделано церковное законодательство. В качестве архиепископа Дамаскин утвердил Уставную Хартию (закон 671 от 1943 г.), которой вводился смешанный постоянный Священный синод из епископов автокефальной Церкви и Новых Территорий, что удовлетворяло условиям патриаршего и синодального акта от 1928 г. о Новых Территориях. Священный синод еще был тогда верховным органом власти Элладской Церкви, но, ради большей гибкости и возможности решать срочные церковные вопросы, право избрания епископов было передано постоянному Священному синоду.

Дамаскин также своим прямым указанием наладил благотворительную деятельность в Афинском регионе, так как эта работа была необходимой и неотложной. Для этого он даже пригласил к сотрудничеству своих давних недругов – религиозные братства, зная их организационный опыт в этом деле.

Во всяком случае, религиозные братства были весьма активны и имели преимущество в авторитете и богатстве, почему после II Мировой войны им и была поручена социальная часть плана Маршалла по восстановлению греческой экономики. Отныне братства возобладали: считается, что каждый третий грек с той эпохи, так или иначе, участвовал в их движении.

В марте 1947 г. к Греции были присоединены Додеканесские острова. О церковных осложнениях, вызванных этим событием, см. Приложение.

Во время гражданской войны (1946–1949) в Греции вспыхнули антиклерикальные погромы, жертвами которых стали 300 из 400 священников севера страны, занятого прокоммунистически и антихристиански настроенными партизанами. Это был период потрясений, продолжавших глубоко разъединять греческий народ во второй половине XX века.

Преемником архиепископа Дамаскина († 1949) стал Спиридон Влахос (1949–1956). Прежде чем стать митрополитом Иоаннинским, он организовывал национально–освободительную борьбу на севере Греции против болгарских агрессоров. Он пользовался среди греков большим уважением, так как считался защитником их прав. В 1911 г. он основал знаменитую церков-

ную академию в Веллас–Иоаннине, где готовили священников и учителей для Северной Греции, тогда еще порабощенной. Он имел чрезвычайный авторитет у государства, которое при нем не касалось церковных дел.

Следующий архиепископ Дорофей Коттарас (1956–1957), бывший митрополит города Ларисса, был крупным знатоком в области канонического права.

Архиепископ Феоклит Панайотопулос (1957–1962), бывший митрополит Патрасский, находился под влиянием религиозных братств. В 1961 г. движения «Зои» и «Сотир» разделились. Движение «Зои» было более либеральным. В центре духовной жизни членов движения «Сотир» стояли литургическая жизнь и Церковь.

В 1961 г. на острове Родос была организована первая предсоборная межправославная конференция, посвященная подготовке всеправославного собора. За нею последовала вторая (1963), а затем третья конференция (1964).

В 1962 г. была создана Комиссия по реформе Уставной Хартии Элладской Церкви. Комиссия должна была разработать предложение по введению системы двусторонности в отношениях между Церковью и государством. Но достигнуть этого помешала смута 60-х годов.

В 1963 г. было отмечено тысячелетие основания монашеского государства горы Афон, о статусе которого см. в Приложении.

При архиепископе Иакове Ваванацосе (1962) произошел крупнейший в истории Элладской Церкви кризис: религиозные братства встали в ожесточенную оппозицию к архиепископу, в частности, гласно критикуя его личную нравственность. Он был вскорости отстранен и подал в отставку.

Следующий архиепископ Хризостом Хаджиставру был в свое время помощником митрополита Смирнского Хризостома, который считается мучеником греческой нации. Он много работал вместе с ним, когда митрополит возглавлял Драмскую епархию на севере Греции, будучи ответственным за противостояние болгарской пропаганде (1910). Хризостом Хаджиставру был сначала епископом Смирнским, затем, после изгнания в 1923 г., стал в Греции митрополитом Кавальским. Ему удалось добиться уважения к Церкви и поставить под контроль религиозные движения.

В послевоенный период (1955–1966) со стороны государства еще наблюдались отдельные попытки вмешательства в дела

Церкви. В течение приблизительно 30 лет (1943–1974), в далеко не однородный в политическом отношении период, государство сохраняло Уставную Хартию, принятую при немецкой оккупации («закон» 671 от 1943 г.). Все попытки улучшить ее оставались без результата. Даже напротив. Единственным исключением за этот период стало предложение со стороны комиссии 14 клириков и мирян (1962–1964) по введению в отношения Церкви и государства «принципа двусторонности». Предложения комиссии были доведены до Священного синода (1964) и получили форму проекта Уставной Хартии, который, однако, так и не был принят парламентом.

Диктатура Г. Пападопулоса пресекала всякие попытки улучшения Уставной Хартии Церкви. Был издан «закон по необходимости» от 3 ноября 1967 г., который отменял действовавшую на тот момент Уставную Хартию (закон 671 от 1943 г.). Закон объявлял законченной деятельность постоянного Священного синода, лишал силы мандаты его членов и предусматривал создание новой системы, по которой новый синод из пяти человек назначался в так называемом «порядке достоинства» (*aristindin*) по выбору диктатуры и состоял из епископов, поименованных в королевском указе 291 от 1967 г. Этот тип синода «*aristindin*» действовал в 1967–1974 гг. В течение семи лет диктатуры Церковью управляли сначала по «законам по необходимости», потом по «указам–законам», принимаемым властью.

В 1967 г., при первой диктатуре полковников, архиепископа Хризостома принуждали к отречению, но он имел мужество не подчиниться. Тогда государство издало постановление, в котором оговаривался максимальный возраст архиепископа – 80 лет.

Новая Уставная Хартия от 1969 г. предоставляла выбранному диктатурой архиепископу право назначать членов постоянного Священного синода в «порядке достоинства» («синод *aristindin*») и вновь делала обязательным присутствие уполномоченного от правительства для вступления в силу решений архиепископа. Таким образом, канонический порядок управления Церковью, установленный в 1923 г., и требующий, прежде всего, представительности Священного синода иерархии и постоянного Священного синода, был отменен.

Во главе созданного диктатурой синода из 5 человек («синод *aristindin*») был поставлен в сане архиепископа Иероним Коцонис (1967–1973), архимандрит, один из руководителей движения

«Зои», профессор канонического права и бывший канцлер дворца. Он немедленно отдал управление Элладской Церковью в руки религиозных движений. Это вызвало небывалую смуту. 17 епископов были изгнаны и заменены членами «Зои». В 1968 г. была упразднена монархия, а в 1974 г. провозглашена республика.

В 1969–1970 гг. Иероним со своим синодом при поддержке диктаторского правительства назначил еще 36 новых епископов. В 1969 г. он утвердил собственную Уставную Хартию.

При правительстве Пападопулоса, в период хунты полковников (1967–1973), согласно Хартии от 1969 г., по–прежнему требовалось присутствие правительственного уполномоченного для вступления в силу решений архиепископа и управляющего по делам религий министерства национального образования и культов.

В 1972 г. между диктатором Пападопулосом и архиепископом Иеронимом возникли разногласия. Иероним повел себя вызывающе в отношениях со Вселенским Константинопольским патриархатом, предложив изменить структуру постоянного Священного синода, что означало попытку отмены условий, установленных в 1928 г. патриархатом, с целью определять их своей властью.

В 1972 г. Священный синод не принял всех этих предложений архиепископа. В том же году, когда к власти пришел новый полковник Д. Иоаннидис (вторая диктатура), Иероним подписал отречение. Министром национального образования и культов стал профессор патрологии Фессалоникийского университета, идеологический противник Иеронима, П. Христу, и Церковь снова сменила курс.

Период 1974–2000 гг.

После отмены второй диктатуры (1974), по указу–закону 87 от 1974 г., была восстановлена Уставная Хартия 1943 г., которая оставалась в силе до обнародования Уставной Хартии 1977 г.

Архиепископом был тогда назначен Серафим Тикас (1974–1998), некогда любимец Дамаскина, тесно связанный с греческим вооруженным сопротивлением немецкой оккупации. В 1949 г. он был избран митрополитом Иоаннинским.

По предложению полковников второго периода – хунты Иоаннидиса – Серафим назначил синод, составленный из епископов, избранных до 1967 г., с целью восстановления канонического

порядка в Элладской Церкви. Этот синод постановил низложить 13 епископов, поставленных Иеронимом. Новые епископы были враждебно настроены к религиозным братствам, утратившим обретенные ими религиозные должности. Клирики и миряне, состоявшие в этих братствах, удалились тогда в монастыри, в частности, на Афон, где некоторые из них стали игуменами.

В вопросе прошедших разделений Церковь проявляла определенную слабость. Серафим сумел организовать Церковь и сохранить равновесие в церковном управлении, в том числе и оказывая поддержку некоторым епископам, пришедшим из религиозных братств, тогда еще могущественных. Ему удалось также сохранить равновесие в отношениях между Элладской Церковью и Вселенским патриархатом. Для облегчения пастырской работы он организовал новые епархии вокруг Салоник и Афин. Эта организационная деятельность шла на уровне митрополий лучше, чем на уровне приходов, так как духовенство в целом не было достаточно заинтересовано в ней и не проявляло активности.

Он восстановил также церковное образование для подготовки духовенства, улучшив организацию богословских семинарий, с 1974 г. подчиненных министерству образования, давно уже финансировавшему их деятельность. В этой же перспективе министр национального образования Г. Раллис, желая поощрить обучение греческого духовенства, увеличил оклад священникам, прошедшим университетский курс.

В 1974 г. Вл. Фидас, генеральный секретарь министерства образования по церковным и религиозным делам, профессор истории Церкви и канонического права, аннулировал Уставную Хартию, принятую в 1969 г., при Иерониме, и восстановил Хартию Дамаскина Папандреу 1943 г. (закон 671) без последующих изменений.

В проекте новой конституции греческого государства, принятой в 1975 г., статьи 3 и 13 посвящены урегулированию отношений между государством и Церковью. К этим статьям профессор Фидас предложил дополнения, одобренные парламентом. Затем Фидас подготовил новую Уставную Хартию Церкви, утвержденную в 1977 г. законом 590, где оговаривается, что иерархия Элладской Церкви, ее верховная власть, созывается каждый год, между тем как раньше Священный синод иерархии созывался только раз в три года. Постоянный Священный синод, впервые признанный новой конституцией греческого государства, между двумя созывами мог

пользоваться всею властью иерархии. Все регулируемые статьей 3 конституции греческого государства вопросы, касающиеся организации, управления и идентичности Элладской Церкви, были исчерпывающе развиты в ее Уставной Хартии (ст. 1–35).

Внутреннюю жизнь Церкви регулировала статья 13 конституции страны. Согласно этой статье о свободе вероисповедания, Церковь имела право самостоятельно, без вмешательства государства решать все вопросы, касающиеся пастырской жизни. Два синода могли и могут организовывать внутреннюю жизнь Церкви (приходов, монашества и т. д.) по собственному праву, утверждая проекты постановлений. Обнародование постановлений в «Правительственной газете» облекало их авторитетом закона, признаваемого правительством. Новая Уставная Хартия (закон 590) в огромной степени помогла Церкви избавиться от государственного вмешательства.

После смерти Серафима архиепископом Афинским был избран Христодул Параскеваидис. Бывший секретарь Иеронима, он был личностью, способной сочетать духовное мышление, проповедуемое религиозными братствами и открытость современному обществу, в частности, молодежи. Он дал толчок к обновлению литургической жизни. Он был очень активен в области социальной работы и благотворительности, создав для этих целей неправительственную организацию («Солидарность»), а также многочисленные комитеты по проблемам современности (биоэтика, токсикомания, избиение женщин, матери–одиночки и т. д.). Но, порою, он проявлял и полемический задор в проповедях и интервью. В 1999 г. он начал полемику с Вселенским патриархатом, которая продолжалась до конца его жизни. В области экуменических отношений владыка Христодул был инициатором сближения Элладской Православной Церкви с Церковью Римско–Католической. Он принимал в Афинах папу Иоанна–Павла II и сам в 2006 г. посетил Ватикан по приглашению папы Бенедикта XVI.

В 2000 г. возник вопрос об удостоверениях личности. Греция стала членом Европейского Сообщества в 1981 г. Принимая общеевропейские нормы, греческое правительство объявило, что упоминание о вероисповедании будет исключено из удостоверений личности. Это совместное решение правительств Европы вызвало немедленную и живейшую реакцию членов Элладской Церкви и мобилизовало большое число граждан. Церковь созвала две народные манифестации (*laosynaxes*) – одну в Салониках (14 июня 2000 г.)

и другую в Афинах (21 июня 2000 г.). Главным оратором на обеих был архиепископ Христодул, и это при отсутствии единства среди епископов. Около 3,5 млн. православных поставили подписи за сохранение упоминания о вероисповедании в их удостоверениях личности. В конце концов, эта инициатива Церкви провалилась. Сейчас в Греции много спорят о положении и будущем религии в объединенной Европе.

Нынешний архиепископ Иероним Лиапис был избран 7 февраля 2008 г. В своей интронизационной проповеди он высказался за то, чтобы перевернуть в истории страницу XX века, отмеченную принципом политико–социального вмешательства, начинающуюся с религиозных братств и завершенную архиепископом Христодулом, – чтобы начать XXI век, ставя на первое место собственно лишь церковную миссию Церкви в современном европейском и мировом сообществе.

По данным официальной статистики, в 2001 г. в Греции насчитывалось около 11 млн. жителей, из которых 95% православные, 0,9% – римо–католики, 0,6% – протестанты, 2,7% – мусульмане и совсем небольшая еврейская община. Количество греков–католиков в течение XX века составляло 45–55 тыс., приблизительно 0,5% населения. Но с недавним наплывом иммигрантов (из Польши, с Ближнего Востока, с Филиппин) римско–католическая община в Греции возросла почти до 350 тыс. Наконец, сравнивая количество церковных и гражданских браков, уравненных греческим законодательством, следует отметить, что по статистике 95% браков заключается в Церкви.

Организация Элладской Церкви в наши дни

Согласно действующей Уставной Хартии, Священный синод рассматривает церковные дела при помощи 12 синодальных комитетов, в числе которых (1) Генеральный секретариат, (2) комитет по церковному искусству и музыке, (3) комитет по церковно–правовым и догматическим вопросам, (4) комитет по богослужению и пастырской работе, (5) комитет по монашеской жизни (6) комитет по христианскому воспитанию молодежи, (7) комитет по межправославным и межхристианским связям, (8) комитет по церковной подготовке духовенства, (9) комитет по печати и связям с

общественностью, (10) комитет по ересям, (11) комитет социальной помощи, (12) комитет по финансам Церкви.

В монастыре Петраки в Афинах находится центр Священного синода с офисами синодальных комиссий, церковными судами и Апостольской Диаконией, основанной в 1936 для миссионерской работы в Греции и за границей, главным образом, в Африке и на Ближнем Востоке.

С 1971 г. в монастыре Пантелис в Афинах начал работу «межправославный» центр, цель которого – развитие отношений Элладской Церкви с другими поместными Православными и инославными Церквами через экуменические диалоги и другие международные богословские встречи.

В 2000 г. были созданы 4 четырехлетние духовные академии (Афины, Салоники, Крит и Веллас–Иоаннина). До этого существовало 26 церковных лицеев для богословского образования молодежи и 4 церковных колледжа.

В Греции немало богословов с международной известностью, среди которых Хр. Пападопулос, Хр. Андруцос, П. Баланос, П. Трембелас, П. Брациотис, И. Кармирис, В. Веллас, П. Неллас, П. Христу, Эв. Феодору, Н. Ниссиотис и их ученики. Многие из них активно участвуют в богословском экуменическом диалоге.

Роль женщин часто сводилась к благотворительной деятельности, но теперь насчитывается некоторое число православных женщин–богословов. В начале XX века епископ Нектарий Эгинский сделал попытку восстановить в Эгине и в Афинах институт диаконисс, что не увенчалось значительным успехом.

Назовем также такие церковные периодические издания, как «Synaxi», «В пути» («Kath' Odon»); богословский журнал «Наследие» («Klironomia»), издаваемый в Салониках; официальные журналы Элладской Церкви «Ekklesia» и «Theologia».

Церковь ведет многогранную благотворительную деятельность во всех епархиях (сиротские приюты, хосписы, больницы и т. д.). Она также занимается филантропической деятельностью по поддержке православных на Балканах, в Африке и Азии через уже упомянутую Апостольскую Диаконию.

В 2008 г. Элладская Церковь насчитывала 81 митрополию (44 из них относятся к «автокефальной Церкви» и 37 к «Новым Территориям»). К ним следует прибавить 9 митрополий полуавтономной Критской Церкви и 5 митрополий Додеканеса, канонически

зависимых от Вселенского патриархата. Таким образом, в Греции на 2008 г. было 95 действующих митрополитов, 51 из которых находится в подчинении Вселенского патриархата и 44 – автокефальной Элладской Церкви.

Согласно официальному ежегоднику «Диптихи Элладской Церкви 2008 г.», в этом году на территории Греции насчитывалось 8523 прихода, в которых служило 9842 клирика, а также 489 монастырей и 5239 монахов и монахинь.

Если в первой половине XX века отмечался упадок монашеской жизни, то новым подъемом 70-х монашество обязано духовным отцам и матерям, в частности, афонским, таким как о. Ефрем († 1980) из монастыря Ксеропотаму, игумен Василий из монастыря Ставроникита, о. Ивирон, о. Эмилиан из монастыря Симона Петра, о. Георгий из монастыря св. Григория и о. Ефрем из монастыря св. Филофея.

Из видных женских монастырей назовем монастыри св. Патапия в Лутраки, Успения в Панораме (Салоники), Девы в Хиосе и Тиносе, св. Иоанна Богослова в Суроти и Успения в Ормилии (последние два под Салониками).

Из святых, канонизированных в XX веке, наиболее известны св. Нектарий (1846–1920), основатель монастыря Св. Троицы на острове Эгине; св. Николай Планас (1851–1932), нищелюбивый, и св. Силуан Афонский (1866–1938). Почитаются и другие святые люди, как–то монахи Паисий († 1994) и Порфирий († 1991).

Говоря о возрождении греческой иконописи в XX веке, следует, прежде всего, назвать Фотия Контоглу (1896–1965).

Во многих приходах действуют культурные центры и даже маленькие музеи.

Что до византийской музыкальной традиции, к ней принадлежат знаменитые певцы и педагоги, из которых ныне наиболее известен Ликургос Ангелопулос.

Заключение

В XX веке Церковь перешла от подчиненного положения, занимаемого ею в XIX, к еще большему порабощению государством, постоянно вмешивавшимся в ее дела. Потребовалось полстолетия непрестанной борьбы (1923–1974) между политиками и иерарха-

ми Церкви, чтобы установить достаточно гармоничные отношения между Церковью и государством. Уставная Хартия Элладской Церкви 1977 г. сделала возможным негласно разделить управление Церковью и государством, играющими совершенно разные роли.

В 1923–1943 гг. сменявшие друг друга Уставные Хартии более или менее принимались во внимание, хотя и тогда государство 29 раз самоуправно вмешивалось в дела Церкви. К примеру, в 1966 г. правительство предписало Священному синоду не позволять избирать епископов. Дошло до того, что запирался вход в Афинскую митрополию, чтобы не допустить туда епископов. Только в 1977–2008 гг. вмешательства греческого государства в дела Элладской Церкви прекратились.

Религиозные братства были особенно могущественными в 1945–1967 гг., когда им удавалось добиться государственной поддержки. В 2000 г. осталось не более 5–7 тыс. здравствующих и активных членов движения «Сотир» и совсем немного членов «Зои».

Церковные проблемы XX века частично объясняются пребыванием у власти трех диктаторских режимов (1925, 1936, 1967 гг.), общей политической нестабильностью, II Мировой войной, идеологическим наследием старых политиков, а также отсутствием, во всяком случае, в некоторые периоды, твердой церковной власти, способной вести определенную церковную политику.

В течение XX века происходило постепенное освобождение Церкви от государственного господства путем постепенного усиления канонической институции Священного синода и постоянного Священного синода как его представительства. Таким образом, условия, определяющие управление Церковью, прошли в XX веке следующие 7 фаз: 1923–1938, 1938–1941, 1941–1966, 1967–1974, 1975–2008 гг. В течение всего периода, начиная с архиепископа Хризостома (1923–1938), Элладская Церковь колебалась между двумя высшими органами административной власти: Священным синодом и постоянным Священным синодом. Вслед за политическими изменениями принималась та или иная система управления, и при этом не слишком учитывалось их соответствие церковным нуждам.

При изучении всех этих проблем Элладской Церкви в XX веке возникает вопрос: как объяснить постоянное вмешательство государства в организацию и жизнь Церкви? Из того факта, что православие – религия большинства греческого народа, естественно сле-

дует «преимущественная» забота государства о «своей» Церкви. А государство было заинтересованно в деятельности Церкви постольку, поскольку в нем усиливалась тенденция к контролю над ней. Это продолжалось до поворотного 1975 г., когда была принята десятая конституция греческого государства и установлена совершенно новая «система договорных отношений» (*consonantia*).

ПРИЛОЖЕНИЕ

«Церковь Греции» и «Церковь в Греции»

Вследствие исторических изменений, происшедших в XIX и XX веке, и географического расширения Греции с 1882 г., когда ее территория почти удвоилась, для определения понятия «Церковь в Греции» необходимо правильное понимание термина «Элладская Церковь», или «Церковь *Греции*».

Церковь Греции

Согласно закону 3615 от 1928 г. и патриаршему и синодальному акту от 1928 г. Церковь Греции (Элладская Церковь) включает автокефальную Церковь Греции и митрополии под юрисдикцией Вселенского патриархата, находящиеся на Новых Территориях Северной Греции.

– В состав автокефальной Церкви Греции (1850–1882) входят: «Старая» (Южная) Греция (1850), Эптанис (1866) и Фессалия (1882).

– В состав митрополий Новых Территорий под юрисдикцией Константинопольского патриархата (1928, закон 3615/1928) входят: Эпир, Македония, Фракия и острова Эгейского архипелага.

Критская Церковь, митрополии Додеканеса и гора Афон

В Греции есть еще три церковных региона, не относящихся к юрисдикции Элладской Церкви, а напрямую подчиненных Все-

ленскому Константинопольскому патриархату. Таким образом, их митрополиты не присутствуют в Священном синоде Элладской Церкви. Это остров Крит, политически присоединенный к Греции в 1810 г., Церковь которого наполовину автономна с 1900 г.; острова Додеканеса, присоединенные к Греции после II Мировой войны (1947), и гора Афон, присоединенная к Греции в 1912 г. и находящаяся под юрисдикцией Константинопольского патриархата, согласно Уставной Хартии от 1924 г., ратифицированной греческим правительством.

Остров Крит («полуавтономная» Церковь)

Остров Крит обрел в 1898 г. статус автономного государства («критская *политейя*») в составе Османской империи. Особый церковный статус (полуавтономия) был дарован Криту Константинопольским патриархатом в 1900 г.

Критская митрополия разделена на 9 епархий, управляемых провинциальным синодом с резиденцией в Ираклионе и во главе с митрополитом Критским.

С 1967 г. Критская митрополия называется «Критской архиепископией», а ее митрополит – архиепископом. Архиепископ и другие епископы назначаются Константинопольским патриархатом. Критская Церковь до наших дней сохраняет режим полуавтономии. Хотя ее название – Критская Православная Церковь (закон 4149 от 1961 г.), она не является ни автокефальной, ни автономной, а лишь полуавтономной.

Додеканесские острова (митрополии)

Церковный регион Додеканесских островов состоит из 5 митрополий. Додеканесские острова были освобождены после II Мировой войны и присоединены к Греции в 1947 г. До 1912 г. часть Османской империи, Додеканес (название означает «двенадцать островов», из них крупнейшие – Родос, Кос, Лерос, Калимнос и др.) оставался под итальянской оккупацией до 1920 г., когда был прямо аннексирован Италией (Севрский договор 1920 г., подтвержден Лозаннским договором 1923 г.). Впоследствии правительство

Муссолини намеревалось создать «автокефальную православную церковь», которая охватывала бы не только архипелаг Эгейского моря, но и греческие общины Италии, Триполитании, Эритреи. На это должны были дать согласие два греческих православных патриархата – Константинопольский и Александрийский. Но эти намерения так и не осуществились. Наконец, в 1947 г. возвращенный Италией Додеканес по Парижскому договору стал частью Греции.

Закон 1062 от 1949 г. установил возможность распространить на Додеканес церковное законодательство, действительное для Элладской Церкви. Однако это установление до сих пор не нашло применения.

Священный синод Константинопольского патриархата избирает митрополитов и осуществляет прямую административную власть «второй степени».

«Монашеская политейя» Горы Афон

Афонский полуостров с 963 г., более тысячи лет, имеет статус «монашеской *политейи*» (государства). Ко времени освобождения от османов он обрел особый законный режим, сохраняемый по сей день. На Святую Гору не распространяется патриарший и синодальный акт 1928 г. и закон 3615 того же года. Юридические основания, на которые опирается структура афонской «политейи», заложены в греческой конституции 1975 г. и в узаконенной ею Уставной Хартии. Фактически, Афон составляет неотъемлемую часть греческого государства и управляется согласно греческой конституции (1926–1927–1948–1952–1968–1975 гг.), гарантирующей нормальную работу его учреждений и его самоуправление.

Согласно статье 105 греческой конституции 1975 г., Афонский полуостров представляет собой самоуправляемый анклав греческого государства, имеющий особый церковный режим. В соответствии с этой конституционной статьей и в силу старинной привилегии он управляется 20-ю представителями 20-ти монастырей. Административную функцию осуществляет греческое государство, представляемое префектом–губернатором, компетенция которого определяется законами. Внутреннее управление опирается на Уставную Хартию Святой горы Афон, принятую в 1924 г. и ратифицированную греческой конституцией 1926 г.

Монастыри горы Афон автономны и имеют право распоряжаться своим имуществом. Берлинский (1878), Бухарестский (1913), Севрский (1920) и особенно Лозаннский (1923) договоры обеспечивают неприкосновенность всех афонских монастырей.

Европейское общинное право, распространяющееся на Грецию после ее вступления в Европейское Экономическое Сообщество (1979), признает в Общей декларации (№ 4) по горе Афон особый режим афонской *политейи*, т. н. «афонское право», в свою очередь, основанное на статье 105 греческой конституции.

К *ставропигиальным* монастырям, т. е. напрямую подчиняющимся Константинопольскому патриархату, но находящимся на греческой территории, относятся патриарший экзархат на острове Патмос (архипелаг Эгейского моря), Влатадский патриарший монастырь в Салониках (центральная Македония) и патриарший монастырь св. Анастасии в Халкидике (центральная Македония).

Церковь старостильников возникла после раскола 1925 г. при архиепископе Хризостоме Пападопулосе. Митрополиты Флоринский и Зантский отказались от перехода на григорианский календарь, и Элладская Церковь назначила вместо них двух других канонических епископов. После кончины этих митрополитов (после II Мировой войны) некоторые приверженцы старого календаря по–прежнему имели собственную иерархию (с тремя внутренними течениями, на 2008 г. образовавшими в целом 17 параллельных церквей старостильников). Вопрос о разделении остается и сегодня болезненным для греческого общества.

ИСТОЧНИКИ И БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Документы

Chambre des Députés, *Constitution de la Grèce*, Athénes, Parlement des Hellénes, 1975, 182 p. (на франц. языке).

Новая Уставная Хартия Элладской Церкви, Афины, Хр. Мораитис – журнал «Энориа», 1977, 135 с. (на греч. языке). То же в книге: Archim. Grig. Papathomas, *L'Église de Grèce dans l'Europe unie (Approche*

nomocanonique), Thessalonique–Katérini, Éd. Épektasis (coll. «Bibliothéque nomocanonique», n° 3), 1998, p. 577–653.

Страгас, Ф., *История Элладской Церкви по истинным источникам* (1817–1867), т. I–VII, Афины, 1969–1983, 5080 стр. (на греч. языке).

Учредительные тексты Греческой Церкви: Патриарший и синодальный Томос1850 г.; Патриарший и синодальный Акт 1866 г.; Патриарший и синодальный Акт 1882 г.; Патриарший и синодальный Акт 1928 г. См.: Archim. Grig. D. Papathomas, *L'Église de Grèce dans l'Éurope unie (Approche nomocanonique)*, Thessalonique–Katérini, Éd. Épektasis (coll. «Bibliothéque nomocanonique», n° 3), 1998, p. 541–562 (на франц. языке).

Цорцатос Б. Д., *Уставное законодательство Элладской Церкви*, Афины, Апостольская Диакония, 1967, 630 с. (на греч. языке).

– , *Основные административные учреждения Элладской Православной Церкви*, Афины, Апостольская Диакония, 1974, 123 с. (на греч. языке).

Библиография

Ангелопулос, А. А. *Церковная история – История административных структур и жизни Элладской Церкви (XX век)*, Салоники, Кириакидис, 1984, 264 с. (на греч. языке).

Аливизатос, И. С. Эллинская Православная Церковь, Афины, Афинский университет, 1955, 142 с. (на греч. языке).

Basdekis, Ath., «Between Partnership and Separation. Relation between Church and State in Greece under the Constitution of 9 June 1975», в: *Ecumenical Rewiew*, t. XXIX (1977), p. 52–61; то же, в: *Ökumenishe Rundschau*, t. XXV (1976), p. 381–393 (на нем. языке).

Doudelet, A., *Les Orthodoxes Grecs*, Tournhout Brépols, 1996.

Galanis, Sp., *La Conception de l'Église dans la pensée théologique et les mouvements religieux en Grèce, de 1830 á nos jours*, Strasbourg, Université des sciences humaines, 1986, 444 p.

Иеромихалос, Аф., *Церковная история Греции*, Салоники, Фессалоникийский Аристотелевский университет, 1973, 446 с. (на греч. языке).

Juster, A., «Le patriarcat œcuménique de Constantinople, la Grèce et la Turquie» in: S. Vaner (dir.), *Le Différend gréco–turque*, Paris, Éd. de l'Harmattan – Centre national des lettres, 1988 [284] p. 47–56.

Конидарис, Г., *Церковная история Греции*, Афины, Типотехника, т. I, 1954–1960, 542 с. и т. 2, 1970, 365 с. (на греч. языке).

Костаридис, Э., *Современная Эллинская Церковь*, Афины, Феникс, 1921, 606 с. (на греч. языке).

Le Gouillou, M.–J., «Église et l'État au XIX siecle (en Grèce)», в: *Istina*, t. VII, n° 2 (1960), p. 133–152.

Пападопулос, Х., *Элладская Церковь от начала до 1934 г.*, Афины, Апостольская Диакония Элладской Церкви, 2000, 281 с. (на греч. языке).

Grig. D. Papathomas, *L'Église de Grèce dans l'Europe unie (Approche nomocanonique)*, Thessalonique–Katérini, Éd. Épektasis (coll. «Bibliothéque nomocanonique», n° 3), 1998 (на франц. языке).

Петру, И., Папариту, А. (ред.), *История Православной Церкви* (в 8 томах), Афины, 2009.

Phidas, Vl., «Avant–projet de la loi relative sur la Charte statutaire de l'Église de Grèce», в: *Episkepsis*, n° 414 (1 mars 1989), p. 6–8 (на франц. языке).

–, «Историческая эволюция и особенности Элладской поместной Церкви» in: КОЛЛЕКТИВ, *Церковь поместная и Церковь вселенская*, Шамбези–Женева, изд. Православного центра Вселенского патриархата, сер. «Богословские исследования», 1981, с. 125–137 (на греч. языке).

–, «The Church of Greece. History», в: *The Splendour of Orthodoxy*, Athens, 2000, p. 394–410.

Rinvolucri, M., *Anatomy of a Church. Greek Orthodoxy Today*, London, 1966, 192 p.; L'Anatomie d'une Église. L'Église grecque d'aujourd'hui, Paris, Spes, 1969, 191 p.

Троянос Сп. Н., *Организация Элладской Церкви*, т. 1, Афины, М. и Н. Афанасопулос, 1973, 120 с. (на греч. языке).

Unitas, «Carta constituzionale della Chiesa ortodossa di Grecia [Уставная Хартия Элладской Православной Церкви]», в: *Unitas*, t. XXXIII, n° 2 (1978), p. 125–131 (на итал. языке).

Вавускос, С., *Церковно–правовая «ипостась» митрополий «Новых Территорий»*, Салоники, Патриарший институт патристических исследований, 1973, 61 с. (на греч. языке).

Vogel, Cyr., «L'organisation de la paroisse orthodoxe en Grèce», в: *Istina*, t. VIII, n° 3 (1961–1962), p. 295–320.

Vuccino, Gr., «L'Église de Grèce sous la dictature», в: *Échos d'Orient*, t. XXVI (1927), p. 326–338.

Захаропулос, Н., *История отношений между Церковью и государством в Греции*, т. 1, (Библиографическое введение), Салоники, Мелисса, 1985, с. 156 (на греч. языке).

КИПРСКАЯ ЦЕРКОВЬ В XX СТОЛЕТИИ

Андреас МИЦИДИС

1900–1960

12 июля 1878 г. Кипр был освобожден от османского господства и перешел под британское управление. Церковь и круги мирян с большим одобрением восприняли передачу Кипра в руки христианской власти. Все ожидали, что британцы скоро предоставят Кипру свободу, чтобы дать осуществиться его давней мечте – воссоединению с матерью-родиной, с Грецией. Но все эти надежды оказались напрасными, так как политика того времени не благоприятствовала этой тенденции.

Новые хозяева острова не только не соответствовали ожиданиям киприотов, но постепенно облагали их все более тяжелыми налогами и все меньше мер принимали для свободы островитян. С первых же дней оккупации они стали вмешиваться даже во внутренние дела Кипрской Православной Церкви. Церкви удалось помешать закреплению такого положения, главным образом, или отчасти, благодаря позиции, занятой архиепископом Софронием III, мудро управлявшим Церковью апостола Варнавы в течение 35 лет: 13 лет под турками и 22 года под британцами, с 1865 по 1900 гг. В 1889 г. Софроний III во главе делегации отправился в Лондон с целью просить британское правительство способствовать улучшению политических дел на острове.

После кончины Софрония III архиепископский престол Кипра вдовствовал около 10 лет из-за внутренних разногласий и трений. В 1909 г. архиепископом был избран Кирилл II (1909–1916), бывший прежде митрополитом Киренийским (1889–1893) и Китионским (1893–1909). Кирилл II много потрудился для восстанов-

ления Церкви и возобновления ее национального статуса, строил храмы, основывал школы. Именно при его служении, в 1914 г., была составлена первая Конституционная хартия Кипрской Церкви.

Его преемником стал Кирилл III (1916–1937), ранее митрополит Киренийский (1895–1916). Он проявлял особый интерес к образованию и к национальному вопросу на Кипре. Он возглавил две делегации, побывавшие в Лондоне в 1918–1919 и в 1919–1920 гг. Во время его служения, в 1929 г., была утверждена новая Конституционная хартия Кипрской Церкви, но в силу политических причин она не получила применения. Учредив литературный конкурс, Кирилл III способствовал изучению истории и культуры Кипра.

Между тем в ноябре 1914 г. британское правительство аннексировало Кипр, и в марте 1925 г. он был объявлен британской колонией. Греческое население Кипра – около 400000 чел. при общем населении в 495000 – ответило на эти действия усилением борьбы за освобождение острова.

В октябре 1931 г. вспыхнула революция, но власти острова жестоко подавили освободительное движение, арестовав 23 октября митрополита Китионского Никодима и 26 октября митрополита Киренийского Макария. 3 ноября оба они были отправлены в изгнание по обвинению в подстрекательстве к мятежу. Британцы отменили все свободы и даже запретили звонить в церковные колокола.

В 1933 архиепископ Кирилл III скончался. Архиепископский престол вдовствовал в течение многих лет. На то были две причины. С октября 1931 г. из-за ареста двух упомянутых митрополитов и последующей кончины архиепископа Кипрская Церковь не собирала сессий синода; кроме того, около ноября 1937 г. правительство Кипра обнародовало три указа, противоречивших церковной власти и Конституционной хартии в том, что касалось избрания архиепископа. Свободные и нормальные выборы нового архиепископа стали невозможными.

Один из депортированных митрополитов, Китионский, умер в Иерусалиме 13 сентября 1937 г. Митрополит Киренийский вернулся на Кипр 22 декабря 1946 г. Поскольку британское правительство отменило упомянутые три указа, в 1947 г. состоялись выборы архиепископа. Был созван обычный избирательный синод, в котором участвовал митрополит Иоаким Деркойский, принадлежавший к

Вселенскому Константинопольскому патриархату. Новым архиепископом был избран митрополит Пафский Леонтий. Он был митрополитом с 1930 г. и locum tenens (местоблюстителем) архиепископского престола с 1933 г.

Архиепископ Леонтий, управлявший Кипрской Церковью с 1933 по 1946 гг., проводил весьма полезную церковную и национальную деятельность. Однако за деятельность на национальном уровне он был дважды (21 апреля 1938 г.–20 апреля 1939 г. и 18 мая 1939 г.–17 мая 1940 г.) незаконно лишен свободы британскими властями, прямо в своей резиденции. Он пробыл архиепископом Кипрским всего 36 дней.

На смену ему пришел митрополит Киренийский (1917–1947), который был архиепископом Кипрским в 1947–1950 гг. под именем Макария II. Его тоже избрал канонический избирательный синод, на который дополнительно были приглашены от Вселенского Константинопольского патриархата митрополит Пергамский Адамантий и митрополит Сардийский Максим. Вслед за избранием и утверждением нового архиепископа были заняты и три вдовствующих митрополичьих престола.

При Макарии II, в 1949 г., для подготовки духовенства Кипрской Церкви была основана академия апостола Варнавы. Все греческое население Кипра выступало тогда за воссоединение с Грецией. Комитет во главе с митрополитом Киренийским Киприаном выехал за границу, чтобы доставить документы, касающиеся референдума, греческому парламенту, британскому правительству, а также генеральному секретарю ООН.

Но, не завершив своей миссии, умер Макарий II, и архиепископом Кипрским был избран Макарий (Макариос) III (1950–1977), бывший митрополит Китионский (1948–1950). Макарий III развернул широкую церковную и национальную деятельность, пустив в ход свои выдающиеся качества, такие как высокая культура, живость ума и решительность.

С самого начала Макарий III стремился укрепить духовность Церкви и поднять доходы духовенства. Он поддерживал и продвигал статус семинарий, учредил Отдел церковного образования, проявлял большой интерес ко всем благотворительным учреждениям и построил замечательную архиепископскую резиденцию. Он добился уважения к земельной собственности архиепископии, поощрял все, что касалось образования. Он устроил так, что средние школы

имели собственные фонды и пользовались автономией, избегая подчинения иностранному правительству. Наряду с этим он активно трудился для того, чтобы многострадальный остров Кипр обрел свободу. Для этого он создал Всекипрскую национальную организацию молодежи, проводил многочисленные объединенные встречи. Кроме того, он пошел навстречу тем, кто искал мирного решения национальной проблемы Кипра.

Представляя права киприотов на международной арене, он посещал многие страны, а также штаб-квартиру ООН.

В апреле 1955 г. киприотам стало ясно, что добиться свободы дипломатическим путем невозможно, и тогда на Кипре разразилась новая революция, организованная лучше, чем в октябре 1931 г. Произошло это под политическим руководством архиепископа Макария III и под военным командованием подполковника Георгия Гриваса-Дегениса (1898–1974). Однако течение революции повернулось так, что 9 марта 1956 г. архиепископ Макарий III, митрополит Киренийский Киприан, настоятель церкви Фанеромени в Никосиии, а также секретарь Киренийской епархии отправились в изгнание на Сейшельские острова в Индийском океане.

Несколько позже, с августа 1956 г. по апрель 1957 г., митрополит Китионский Анфим был принужден ограничить передвижение пределами своей епархии в Ларнаке. Затем были высланы жители целых городов и сел, тысячи киприотов оказались в концентрационных лагерях, был объявлен комендантский час для молодежи, граждан подвергали чудовищным физическим и психологическим пыткам по одному подозрению в принадлежности к Национальной организации борцов-киприотов (ЭОКА), происходили казни через повешение, убийства многочисленных борцов-партизан и гражданского населения. Но все эти жестокости не пошатнули боевой дух и решимость киприотов. 28 марта 1957 г. сейшельские изгнанники были освобождены, однако им не было позволено вернуться на Кипр. Они прибыли в Афины, откуда продолжали бороться за освобождение острова, и возвратились на Кипр в марте 1959 г., после подписания Лондонско-Цюрихского соглашения, которое привело к уничтожению колониального режима на Кипре и провозглашению в августе 1960 г. республики.

От провозглашения в августе 1960 г. Республики Кипр до 2000 г.

С провозглашения в августе 1960 г. Республики Кипр начинается новая эра в жизни Кипрской Церкви.

Самым значительным событием этого периода, совпавшим с созданием нового государства, стал приход к президентской власти Кипрского архиепископа. Вполне естественно, что после освобождения киприоты назвали президентом республики архиепископа Макария III, который, в качестве руководителя нации, воплощал национальную традицию, добрую волю и борьбу киприотов за свободу.

Вследствие этого Кипрская Церковь, единодушно поддержанная народом, обрела свое духовное и национальное представительство. Этот факт был, прежде всего, выражением надежды на то, что Кипрская Церковь приведет киприотов к осуществлению их самых пламенных желаний.

Действительно, все усилия архиепископа в качестве президента шли в этом направлении вплоть до декабря 1963 г., когда поднялся турецкий мятеж, оборвавший этот процесс и уничтоживший связанные с ним надежды.

Но Кипр во главе с архиепископом сменил тогда курс, повернув на давно знакомый путь мученичества и жертвенности, в надежде на то, что он приведет к национальному возрождению. К несчастью, церковный кризис, развязанный тремя митрополитами в 1972 и 1973 гг., а затем роковой военный переворот 15 июля 1974 г. и, наконец, турецкое вторжение не только помешали развитию страны, но и привели Кипр на грань разрушения и упадка.

В то время, когда архиепископ Макарий III, как мы видели, прилагал усилия к отражению турецкого мятежа, три митрополита – Геннадий Пафский, Анфим Китионский и Киприан Киренийский, – направляемые военным правительством Греции, пришедшим к власти в 1967 г. вопреки воле народа, 2 марта 1972 г. потребовали от архиепископа уйти с поста президента. Они объясняли свое требование следующим образом: политические обязанности несовместимы со священническим служением архиепископа. Сознавая, что его уход с большой вероятностью привел бы к уничтожению государства и разделу Кипра, и прислушиваясь к единодушному желанию духовенства и народа, архиепископ

отказался исполнить упорное и несвоевременное требование трех митрополитов. Тогда, 7 марта 1973 г., они лишили его духовного сана, не считаясь с тем, что три епископа не могут низложить другого епископа, тем более, если он – их архиепископ. Это деяние трех митрополитов безоговорочно осудили предстоятели всех Православных Церквей, оставшиеся в церковном общении с архиепископом Макарием III.

Вместо того, чтобы подчиниться мнению и увещеваниям официальных представителей Православных Церквей, три митрополита 13 апреля 1973 г. выступили с заявлением о своем решении «низложить» архиепископа и в циркулярным письме от 17 апреля 1973 г. призывали верующих не повиноваться ему.

Вследствие этих событий, не имея другого выхода, архиепископ обратился к предстоятелям четырех древних православных патриархатов с просьбой принять меры к устроению дел в Кипрской Церкви. Он получил положительные ответы. 5 июля 1973 г. состоялся чрезвычайный синод с кворумом, так как в нем участвовали патриархи Николай VI Александрийский и Илия IV Антиохийский, а также епископы Антиохийского, Александрийского и Иерусалимского патриархатов. Синод объявил низложение архиепископа Макария III неканоническим, незаконным, недействительным и предложил трем митрополитам подчиниться этому решению и восстановить прежние нормальные отношения и церковное общение с архиепископом. Но, к несчастью, три митрополита не согласились с решением синода и не подчинились его увещеваниям. Тогда 14 июля 1973 г. синод постановил лишить сана самих трех митрополитов, так как их действия были чреваты тяжелыми последствиями, противоречили церковным законам и создавали смуту на Кипре.

После их низложения был созван канонический избирательный синод с участием представителей Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского патриархатов. Синод избрал митрополитом Пафским Хризостома I и экзархами Хрисанфа Ледрского и Варнаву Саламинского. 13 августа 1973 г. этот новый избирательный синод увеличил число епархий от 3 до 5, включая Пафос, Китион, Кирению, Лимассол и Морфу. Последняя епархия подчинялась епископу Ледрскому.

Видя провал замысла сместить архиепископа Макария III с поста президента республики Кипр, греческий военный режим ре-

шился на военный переворот 15 июля 1974 г. с целью устранить архиепископа. Заговорщики сожгли архиепископскую и президентскую резиденции, «метохион» (подворье) монастыря Киккос в Никосии, правительственные здания. Многие граждане были убиты или брошены в тюрьмы. К счастью, архиепископ остался жив, и разделения острова удалось избежать. Однако Турция использовала эту измену, чтобы развернуть военные действия против Кипра. Турецкие войска вторглись на остров 20–22 июля, затем 14–16 августа 1974 г. Во время этого вторжения много людей было убито или пропало без вести. Насчитывается около 200000. беженцев. Были разрушены правительственные здания, жилые дома, благотворительные учреждения, разграблено имущество жителей, и немалая часть нашей земли захвачена. Церковь также стала жертвой ударов и глубоких ран, нанесенных турецким нашествием. Были осквернены или превращены в мечети храмы, разбиты или проданы за границу иконы, разграблены святыни, погублено церковное имущество. Наконец, многие священники лишились места или были убиты.

В борьбе за физическое и национальное выживание, за сохранение самого эллинизма киприотов, за освобождение нашей оккупированной территории, за восстановление здоровья и нормальной жизни наших пострадавших от агрессии сограждан Кипрская Церковь, крепкая своим всегда боевым духом, еще более укрепила свою передовую позицию.

Чудом оставшись живым во время переворота, архиепископ на следующий день покинул Кипр. За границей он продолжал трудиться ради восстановления Кипра после переворота и турецкого вторжения.

7 декабря 1974 г., уступая настойчивым просьбам кипрского народа, архиепископ Макарий III вернулся на Кипр и был горячо встречен. Он снова приступил к своим церковным и общественным обязанностям и с непоколебимой решимостью продолжил борьбу за изгнание захватчика и восстановление свободы и прав человека на Кипре, чему тогда препятствовали немалые трудности.

Однако тяжесть борьбы и бедственное положение Кипра не прошли бесследно для здоровья архиепископа. У него неоднократно случались сердечные приступы, последний из которых 3 августа 1977 г. подкосил его. Народ от всего сердца оплакал своего вождя. Почти все население Кипра воздало ему почести и прошло воз-

ле его гроба. На его погребении присутствовали представители Православных Церквей и делегации из множества стран.

На посту президента республики Кипр Макария III сменил Спирос Киприану (1977–1980), затем Георгиос Василиу (1988–1993), после чего в течение 10 лет (1993–2003) президентом был Глафкос Клеридис. Во главе Церкви встал митрополит Пафский Хризостом, избранный архиепископом 13 ноября 1977 г. Новый архиепископ был помощником своего предшественника, сначала как экзарх Константийский (1968–1973), потом как митрополит Пафский (1973–1977). Он всегда был рядом с ним в трудные времена борьбы. В короткой и ясной интронизационной речи архиепископ Хризостом (1977–2006) изложил свои планы. Вот их основные линии: преданность православной вере, защита и проповедь ее; развитие межправославных и межхристианских связей; сплочение и привлечение духовных сил внутри Кипрской Церкви, формирование добродетельного и образованного духовенства. Он говорил также об укреплении физического и духовного здоровья молодежи, об организации хорошего управления Церковью и бережном отношении к ее имуществу, о продолжении борьбы архиепископа и вождя нации Макария III за свободу и выживание греческого народа Кипра.

Архиепископ Хризостом I сдержал слово. Он вселил в народ религиозный и патриотический пыл, нравственность, верность и решительность в борьбе за восстановление на всем Кипре справедливости и свободы. Благодаря его вмешательству в 1978 г. возобновили работу семинарии, прекратившие свою деятельность вследствие событий 1974 г., и возросло жалованье духовенства. Кроме того, в 1979 г. была разработана новая Конституционная хартия Кипрской Церкви. В хартию были включены важнейшие разделы о духовном развитии общины, о таком управлении ее хозяйством, при котором Церковь способна выполнять свои многочисленные миссии.

В начале 1978 г. митрополитом Пафским стал игумен монастыря св. Неофита Хризостом, а в 1994 г. новым митрополитом Киренийским взамен почившего митрополита Григория был избран Павел, игумен Махаирского монастыря. В 1996 г. скончался митрополит епархии Морфу Хрисанф, и в 1998 г. его сменил митрополит Неофит. В 1998 г. митрополит Ламассольский Хрисанф подписал отречение, и в следующем году ему на смену пришел новый настоятель Махерского монастыря Афанасий.

Организация Церкви

В пределах административной юрисдикции Кипрская Церковь была в 1973 г. разделена на 6 регионов: архиепископский и 5 митрополий – Пафос, Китион, Кирения, Лимассол и Морфу. Архиепископ и 5 митрополитов, а также экзарх Саламинский Варнава и экзарх Тримифунтский с 1996 г. Василий составляют Священный синод Кипрской Церкви.

После турецкого вторжения и захвата северной части Кипра большая часть духовенства архиепископского региона, вся паства Киренийской митрополии и частично митрополии Морфу стали беженцами, которые либо рассеялись по остальным регионам острова, либо покинули его. Митрополиты Кирении и Морфу временно обосновались в Агландии-Никосии и в городе Эвриху.

Монастыри Кипра по-прежнему служат источниками благочестия для островитян, будучи святыми местами молитвы и паломничества. Ныне насчитывается 9 мужских монастырей (Киккос, Махайра, св. Неофита, Хрисоройятисса, Троодитиса, Ставровуни, св. Креста в Минфи, Свято-Георгиевский в Мавровуни и св. Иоанна Крестителя в Меса Потамос), а также 16 женских (Свято-Георгиевский Аламаносский, Свято-Ираклидиевский, св. Мины, Кемаклийский Преображенский, Ахерский Свято-Пантелеймоновский, Свято-Кендеасский, Архангела Михаила в Аналионте, Богородицы «Живоносный источник» в Глоссе, Богородицы Сфалангиотиссы, Свято-Никольский, Богородицы Кампиотиссы, св. Феклы в Мосфилоти, Богородицы Амасгосской, Богородицы Амирусской, св. Марины и Рафаила в Ксилотимбу и Богородицы Трикукиотиссы).

Кипрская Церковь особенно заботится о духовном и материальном благоденствии своего духовенства. Клириками могут стать только те, кто имеет диплом семинарии св. Апостола Варнавы. До событий 1974 г. начало строиться здание богословской школы университетского уровня, куда должны были поступать только клирики (даже в 2008 г. она все еще не открылась). Существуют школы византийской церковной музыки с бесплатными курсами. В 1963 г. архиепископ Макарий III создал Фонд повышения жалованья духовенства, поддерживаемый архиепископией и правительством. В 1970 г. он обеспечил государственное жалованье сельским свя-

щенникам и первым делом пожертвовал Фонду земельную собственность архиепископии.

В ведении Кипрской Церкви находятся различные благотворительные учреждения, как-то: центры социальной помощи, братства милосердия, дома престарелых, сиротские приюты, общежития для девушек, студенческие столовые, детские сады и т. д.

Кипрская Церковь открыла много школ и библиотек. Крупнейшие лицеи столицы, других городов и сельских районов построены целиком или частично Церковью. Крупнейшая библиотека (при храме Богородицы Фанеромени) основана и поддерживается Церковью. Архиепископская епархия стремится собирать все старинные издания и все книги о Кипре.

Церковь помогает нуждающимся студентам продолжать занятия в университете. Существует учреждение, назначающее стипендии.

В 1972–1974 гг. за счет архиепископской епархии в монастыре св. Спиридона Тримифунтского был открыт специальный центр для хранения рукописей и икон. Целью этого центра были хранение и защита археологических и художественных сокровищ Церкви для знакомства с ними публики на Кипре, а возможно, и за границей. Подобный центр действует ныне в архиепископской епархии и в монастыре Богородицы Хрисоройятиссы.

В 1977 г. Церковь и государство сообща учредили Фонд архиепископа Макария III, включающий несколько центров, в том числе центр медицинского обслуживания (акушерство, гинекология, педиатрия, уход при анемии), культурный центр, основавший Византийский музей, художественную галерею, библиотеку и издающий многотомную историю Кипра, а также все сведения об архиепископе Макарии III и другую научную литературу.

Церковь заботится о духовной жизни верующих. Она обращается к ним с проповедями (устными или письменными), выпускает религиозные радио- и телевизионные программы, ежемесячник «Апостол Варнава» и другие издания, проводит курсы катехизации, организует работу религиозных ассоциаций и христианских студенческих команд.

Кипрская Церковь выполняет все свои межправославные и межхристианские обязательства. Она поддерживает добрые отношения со всеми Православными Церквами-сестрами и, насколько возможно, идет на сближение с другими христианскими Церквами, стараясь перешагнуть старые богословские расхождения.

По соглашению с православным греческим Александрийским патриархатом, Кипрская Церковь с недавних пор стала участвовать в миссионерской работе в Восточной Африке.

В марте 1971 г. архиепископ Макарий III совершил поездку в Кению, где крестил около 5000 человек. Он присутствовал при закладке православной семинарии в Найроби, построенной за счет Кипрской архиепископии и начавшей работу в 1982 г. также с помощью Кипрской Церкви. На прилегающей территории находится резиденция православной греческой иерархии Кении, храм и профессиональная техническая школа, также построенная на средства Кипрской архиепископии.

Наша Церковь активно участвует в экуменическом движении Всемирного Совета Церквей, членом которого она является с 1948 г., в работе Конференции европейских церквей с 1959 г. и Совета церквей Ближнего Востока, членом-основателем которого она стала в 1974 г.

Действуя в экуменическом духе, архиепископ Кипрский в 1971 г. предоставил в качестве центра конференций монастырь св. Напаса (XV век) в распоряжение всех Церквей, представленных на Кипре и названных Советом церквей, сделавших финансовый вклад в его реставрацию и содержание.

В 2007 г. население Кипра составляло около 750000 чел., в том числе греческая община (около 80%), живущая в основном на юге страны и в большинстве православная. Кроме того, на Кипре проживает около 5000 маронитов, примерно столько же армян, а также малочисленные группы католиков и англикан. Наша Церковь поддерживает дружественные отношения со всеми этими общинами.

БИБЛИОГРАФИЯ

Апостол Варнава, журнал Кипрской Церкви, Никосия, 1918–2000 (на греческом языке).

Кипрские хроники, Н. Г., Кириазис (изд.), Ларнака, 1923–1937 (на греческом языке).

Греческий Кипр, журнал Кипрской этнархии, Никосия, 1949–1956 (на греческом языке).

Flinn, W. H., *Cyprus, a Brief Survey of Its History and Development*, Кипр, 1924.

Hackett, John, пер. Харилаоса Папаиоанну, *История Кипрской Церкви*, т. II, Пирей, 1927 (на греческом языке).

Hill, George, *A History of Cyprus*, vol. 4 (1571–1948), Cambridge, 1952.

Андреас Мицидис, *Краткая история Кипрской Церкви*, Никосия, 1994 (на греческом языке).

–, «The Church of Cyprus. Historical Development», в: *The Splendour of Orthodoxy*, 2000 Years, Athenes, 2000, p. 368–376.

Orr, C. W., *Cyprus under British rule*, London, 1918.

Христианское возрождение, журнал Христианских объединений, Никосия, 1944–1951 (на греческом языке).

Филиос Заннетос, *Кипр в эпоху возрождения,* 1821–1930, Афины, 1930 (на греческом языке).

БОЛГАРСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В XX СТОЛЕТИИ

Тодор САБЕВ

Начало христианства и главные события средневековой истории Болгарии

В I веке до Р. Х. римляне заняли область Фракии и создали там провинции. Корни болгарского православия находятся в этой части Балканского полуострова.

После крещения в 865 г.[1] князя[2] Бориса-Михаила была создана и организована поместная Болгарская Церковь. Борис имел связи с Константинопольским патриархатом и принимал у себя учеников свв. Кирилла и Мефодия. Было введено богослужение на церковно-славянском языке.

При «первом» (681–1018) и «втором» (1186–1393–1396) Болгарском царстве Православная Церковь добилась некоторого успеха в своей миссии: был выработан устав, созданы епархии, завязались отношения с основными христианскими центрами Востока и Запада.

С самого начала Болгарская Церковь имела канонический статус автономной архиепископии под юрисдикцией Константинопольского патриархата, признанной в 870 г.[3] Затем, в 919 г., по

---

[1] Точная дата крещения св. Бориса-Михаила неизвестна. Называют 864 или 865 год, но чаще останавливаются на 865.

[2] Титулование болгарского вождя Бориса I (годы правления: 852–889; ум. в 907 г.) ставится под вопрос. Некоторые исторические источники говорят о нем как о князе или хане, но местная традиция Болгарской Православной Церкви именует его царем.

[3] Представители Бориса поставили вопрос о церковной принадлежности Болга-

личному решению Симеона Великого (893–927), провозгласившего себя императором Болгарии, она стала называться патриархатом[4].

В течение последующих полутора веков резиденцией Болгарского патриархата были разные места, в конце X века – Охрид. При византийском императоре Василии II, завоевавшем в 1018 г. болгарские территории, установилось название Охридская болгарская архиепископия, которое продержалось до 1767 г.[5] В конце XII века, в 1186 г. Болгария восстановила свою независимость, и, как следствие, возникла автономная архиепископия в Тырново. В 1235 г., при царе Иване II Асене (1218–1241), Тырновская архиепископия обрела достоинство патриархата, на этот раз признанного всеми православными патриархами[6].

Что касается отношений Болгарской Церкви с католиками, следует упомянуть, что в самом начале XIII века Католическая Церковь удостоила архиепископа Тырновского звания примаса. 7 ноября 1204 г. представитель папы Иннокентия III провозгласил архиепископа Василия Тырновского примасом Болгарской Церкви, а этот титул считался почти равным званию патриарха в восточном христианстве[7].

После падения Тырново в 1393 г. под натиском османов патриарший центр был закрыт и патриарх Евфимий († 1404) удалился в изгнание, по всей вероятности, в Бачковский монастырь, что в южной части Филиполиса (Пловдива). С 1396 по 1878 гг. все болгарские земли пребывали под османским владычеством и частично были исламизированы.

В середине XVIII века все болгарские территории, не принадлежавшие к Охридской болгарской архиепископии, были под юрис-

рии во время церковного собора в Константинополе в 869–870 гг.

[4] Следует отметить, что это самопровозглашение не было тогда признано ни одной Православной Церковью.

[5] Охридская болгарская архиепископия был упразднена решением Константинопольского патриархата.

[6] В 1235 г. собор, проходивший сначала в Галлиполи, затем в Лампсакусе, провозгласил Тырновскую Болгарскую Церковь патриархатом. В том же году это решение было одобрено патриархами Константинопольским, Александрийским, Антиохийским и Иерусалимским.

[7] Болгария находилась в церковной унии с папским Римом. Однако на практике это имело скорее политическое, чем церковное значение.

дикцией Константинопольского патриархата. Постепенно видоизменились вся жизнь и все учреждения Болгарской Церкви: она утратила автономию, и греческий язык в качестве богослужебного вытеснил церковно-славянский.

В Османской империи болгарский народ считался частью *Rum millet*, как называлась христианская община, включавшая всех православных и пребывавшая под юрисдикцией греко-православного Вселенского Константинопольского патриархата. Во многих местах болгарское духовенство было заменено греческим.

Движение за Болгарскую Церковь и национальную независимость началось в 1820-х годах и прошло разные этапы. С 1824 по 1853–1856 гг. делались попытки избавиться от греческих епископов и заменить их болгарскими. Греческие митрополиты оставались на болгарских территориях, особенно в Причерноморье, вплоть до 1906 г. Кое-где в Македонии и в других частях Болгарского княжества имелись два епископа, греческий и болгарский.

Возрождение и Болгарский экзархат (XIX век)

В XIX веке наступившее в Восточной Европе «новое время» сразу же открыло новую страницу в истории балканских стран. Для болгарского народа вдохновляющим образцом стала, в частности, борьба греков за политическую независимость, полученную ими в 1829 г. и продолженную церковной автокефалией в 1850 г.

В 1860 г. болгарский епископ Илларион Макариопольский провозгласил независимость Болгарской Церкви от Константинополя, где была значительная болгарская община. Он всенародно заявил о независимости 3 апреля 1860 г., во время пасхальной литургии[8]. Сразу же после этого в Константинополе произошло собрание болгарских иерархов и представителей мирян, прибывших из разных епархий болгарских городов, чтобы потребовать независимости Болгарской Церкви. Такие же требования прозвучали тогда и на болгарских землях.

[8] Епископ Илларион не помянул патриарха Константинопольского за литургией. Это означало непризнание болгарами патриаршей власти. В болгарской истории это событие известно как «болгарская Пасха».

Все заинтересованные стороны – духовенство и миряне, представлявшие движение за независимость Болгарской Церкви, Константинопольский патриархат и представители османского правительства обсуждали различные проекты восстановления Болгарской Церкви.

Наконец, 27 февраля 1870 г. султан подписал указ (фирман), которым Болгарская Церковь официально объявлялась автономным экзархатом и оставлялась под юрисдикцией Константинопольского патриархата. За исключением нескольких болгарских епархий, перечисленных в фирмане, во всех «смешанных» епархиях с греко-болгарским населением вопрос о будущем устройстве Церкви подлежал урегулированию на основе местных референдумов с учетом этнической принадлежности большинства населения. Фирман предоставлял экзарху право быть предстоятелем своего народа, особенно в том, что касалось духовности и культуры (статья 5). Образованием ведал смешанный совет.

Константинопольский патриархат объявил указ неканоническим и подал османскому правительству жалобу, которая осталась без результата. Затем, в сентябре 1872 г., патриархат провозгласил Болгарскую Церковь раскольнической. Этому предшествовали следующие события.

В 1871 г. в Константинополе прошел первый собор новой Болгарской Церкви. 12 февраля 1872 г. епископ Ловчанский Илларион был избран первым экзархом, но из-за разнообразного политического давления со стороны турок и болгар вынужден был подать в отставку. 16 февраля 1872 г. его сменил митрополит Видинский Анфим I, который в свою очередь был низложен 12 апреля 1877 г., поскольку поддерживал Россию в русско-турецкой войне за освобождение Болгарии. 24 апреля 1877 г. экзархом был избран митрополит Ловчанский Иосиф (1840–1915). Он был молод и учился в университете Сорбонны.

В 1878 г. на Берлинском конгрессе было решено создать автономное Болгарское княжество между Дунаем и Балканами, сохранив османскую администрацию на македонских территориях и в Восточной Румелии[9]. Документы свидетельствуют о том, что Бол-

[9] Восточная Румелия, расположенная к югу от Балканской горной цепи, была автономной провинцией Османской империи. Присоединена к Болгарскому княжеству в 1885 г. и к Болгарии в 1908 г.

гарский экзархат, с самого своего создания и до 1878 г., был для болгарского народа чем-то вроде министерства иностранных дел.

В 1878 г. к Болгарскому экзархату относились три соседствующих политических региона: Болгарское княжество, подчиненное османскому султану, Восточная Румелия с османской администрацией до 1885 г. и Македония с фракийским Адрианополем (Эдирне или Одрин, город в «европейской» Турции), также в пределах Османской империи. По мнению экзарха Иосифа, резиденция Болгарского экзархата должна была находиться в Константинополе, столице Османской империи, где проживало около полутора миллионов болгар. В 1879 г. на национальном Учредительном собрании в средневековой болгарской столице Тырново раздавались требования вернуть резиденцию экзархата в Тырново, тогда как экзарх Иосиф, стремясь привести всех болгар к единодушию, настаивал все же на том, чтобы остаться в Константинополе. Он не хотел потерять своего влияния на многочисленных болгар, живших в Константинополе и вообще в Османской империи.

Исторический взлет в XX веке

7 июля во главе Болгарии оказался князь Фердинанд I Саксен-Кобург-Готский, католик. 23 сентября 1908 г. он официально провозгласил независимость Болгарии и объявил себя царем. В 1912 г. Болгария в союзе с Сербией, Грецией и Черногорией вступила в войну против Османской империи. В 1913 г. Болгария, не поделив со своими вчерашними союзниками Македонию, объявила им войну, которую проиграла. Перед началом Балканских войн в 1912 г. Болгарский экзархат начитывал 5 епархий за пределами Болгарского княжества – Охрид, Скопье, Монастир (Битолья), Дебар, Велес, Струмица и Нишава. В Болгарском княжестве было 1987 храмов, 104 монастыря и 1992 клирика. Первоначально (1878–1885) в Болгарский экзархат входили такие епархии, как Тырновская, Софийская, Самоковская (впоследствии под юрисдикцией Софийской), Кюстендильская (стала частью Софийской в 1884 г.), Врачанская, Видинская, Ловчанская, Доростольская, Червенская, Варненская и Преславская. В 1885 г., после объединения Болгарского княжества и Восточной Румелии добавились еще две епархии – Пловдивская

и Силвенская, в 1896 г. – Старозагорская, а в 1912 г., после первой Балканской войны – Неврокопская.

В Македонии проживало около 1,2–1,5 млн. болгар и было 8 болгарских епархий – Костурская, Леринская, Воденская, Фессалоникская, Поленская, Сересская, Мелникская и Драмская. Последняя болгарская епархия была в районе Адрианополя. В этих 9 епархиях, которыми управляли наместники болгарского экзарха, всего насчитывалось 1600 храмов и часовен, 73 монастыря и 1310 клириков. До 1912 г. в Македонии и в районе Адрианополя экзархат имел 1373 болгарские школы с 2266 учителями и 78854 учениками. В 1891 г. школа для священников переместилась из Адрианополя в Константинополь и с 1897 г. стала богословской академией. В 1890–1912 гг. экзархат издавал в Константинополе собственный журнал «Новини», с 1898 «Вести».

У экзархата, заклейменного расколом с Константинополем, были очень ограниченные перспективы успешной деятельности. Однако Болгарская Православная Церковь находила поддержку и растущую симпатию у христианских (православных, католических и англиканских) иерархов, а также у европейских дипломатов, положительно воспринимавших чаяния народов обрести независимость и свободу.

Эти европейские дипломаты, как правило, заступались за православных иерархов и за православные народы Балкан, в том числе за болгарский народ, перед Высокой Портой, т. е. руководителями османского правительства в Константинополе.

Организационную работу затрудняло то, что некоторым членам болгарского Священного синода, проживавшим за пределами Константинополя, препятствовали приезжать туда и участвовать в заседаниях синода. Это вызывало осложнения на уровне болгарской церковной власти в духовных, юридических и административных вопросах, особенно когда приходилось принимать коллективные решения, касающиеся Церкви. Этот недостаток соборности отягощался еще и тем, что экзарх Иосиф после освобождения в 1878 г. основной территории Болгарии оставался в Константинополе. Болгары считали своего экзарха олицетворением нации, объединителем и покровителем всего народа, защитником духовного единства и руководителем во всем, что касается болгарской культуры и общественной жизни.

Но были и такие болгары, которые хотели ограничить общественную роль экзарха, например, в организации школ, и его косвенное воздействие на работу болгарского парламента. Это были политики-миряне, недовольные той важной ролью, которую играл глава Церкви в обществе, например, когда он организовывал деятельность за пределами страны и выделял денежные средства для людей без болгарского гражданства, хотя и болгарского происхождения.

Действительно, будучи экзархом в 1872–1915 гг., Иосиф имел плодотворные дипломатические контакты с другими деятелями Болгарской Церкви, не только в Константинополе, но и на болгарской территории, с целью определить подобающее место Церкви в обществе.

Однако спустя немного времени после освобождения, за которым последовали Балканские войны (1912–1913) и I Мировая война (1914–1918) с катастрофическими последствиями для Болгарии и для экзархата в частности, отношения между Церковью и болгарским государством постепенно изменились. Начался ряд несогласий по различным вопросам: статус и роль Церкви; раскол 1872 г.; внутренняя миссионерская работа Православной Церкви (в том числе среди цыган, или ромов[10], и мусульман); отношения с инославными христианами; жалованье духовенства; попытки болгарского правительства секуляризовать собственность экзархата и т. д.

Последствия обеих Балканских войн были особенно катастрофическими для Болгарии. По Бухарестскому договору Болгарский экзархат потерял свои епархии в турецкой Фракии. Епархии, расположенные за пределами Болгарии, стали величайшей потерей, понесенной Болгарской Церковью. Охрид, Битолья, Велес, Дебар и Скопье перешли под юрисдикцию Сербской Православной Церкви. Элладская Церковь получила всю Фессалоникскую епархию. Болгарские епархии на юге Добруджи достались Румынской Православной Церкви. Во всех этих местах были закрыты болгарские школы и высланы болгарские священники и учителя. Только митрополия в Маронии (ныне Комотини), что в Восточной Фракии, осталась за Болгарским экзархатом. Вплоть до 1906 г. в Болгарии, в Пловдиве и в Причерноморье, оставалось 6 греческих епархий.

[10] Название «ромы» используется сейчас для обозначения цыган, например, в документах Евросоюза.

В течение I Мировой войны Болгарская Православная Церковь следовала за болгарской армией и организовала несколько епархий в Великой Македонии, но когда Болгария потерпела в этой войне поражение, македонские епархии были вновь утрачены Болгарской Церковью. В ноябре 1919 г. по договору, подписанному в Нейи, Болгарская Церковь потеряла свою Струмицкую епархию, районы на границе Софийской епархии и Восточную Фракию, однако сохранила Адрианопольскую и соседнюю временную Лозенградскую (по-гречески «Saranda Ekklisies», ныне город Кыркларели в европейской части Турции) епархии.

После потери Македонии и Приэгейской Фракии, имея в своей юрисдикции вне Болгарии только Константинополь, Адрианополь и Лозенград, экзарх Иосиф перенес свою администрацию из Стамбула в Софию, столицу Болгарии. После его смерти в 1915 г. Болгарская Церковь из-за напряженных отношений между государством и Священным синодом была не в состоянии избрать нового экзарха вплоть до 1945 г.

После I Мировой войны возникло движение за реформы в Болгарской Церкви, которые позволили бы расширить роль мирян, в том числе женщин, и усовершенствовать соборную систему в управлении Церковью. Среднее духовенство не удовлетворяла иерархия – малодеятельная, но весьма властолюбивая. С другой стороны, движения мирян предлагали определенные способы обновления церковной жизни, например, в том, что касалось облачения духовенства, литургического языка, образования и т. д., по западным образцам.

В 1920 г. между правительством и Священным синодом вспыхнул конфликт по вопросу движения за проведение реформ в Церкви. Перед членами Священного синода возникла угроза ареста и замены временной группой. С февраля 1921 по февраль 1922 г. заседал церковный собор, но его постановления не получили применения из-за внезапных политических перемен в начале 1923 г. Между 1923 и 1939 гг. Церковь неоднократно предпринимала попытки ввести рассмотрение нового церковного устава в повестку дня болгарского парламента, но они остались безуспешными.

В тех трудных условиях, которые сложились в стране после I Мировой войны, работа Болгарской Православной Церкви не привела к особым достижениям. Епископы сосредоточили свои усилия

на организации жизни Церкви, пытаясь сделать ее более активной. Уделялось внимание подготовке духовенства и развитию христианского образования.

Этот период был отмечен также ростом строительства храмов.

В межправославных отношениях наступило явное затишье. Одной из его причин был все еще не преодоленный раскол. Главные усилия Церкви направлялись на то, чтобы устранить раскол и установить регулярные отношения с другими Православными Церквами.

В начале II Мировой войны, когда была аннексирована часть Македонии и часть Восточной Фракии, Болгарская Церковь вернула некоторые из своих епархий, но после войны утратила их окончательно. В дальнейшем Болгарская Церковь строго сохраняла свою юрисдикцию в пределах болгарского государства.

В годы нацистского геноцида евреев и других этнических меньшинств, несмотря на участие Болгарии в Тройственном пакте, Болгарская Православная Церковь прилагала плодотворные усилия для защиты жизни евреев в Болгарии. Следует подчеркнуть роль, которую сыграл в этом деле митрополит Софийский Стефан, будущий экзарх, а также митрополит Пловдивский Кирилл, впоследствии патриарх Болгарский.

В январе 1945 г., после избрания митрополита Софийского Стефана экзархом и поражения стран Тройственного пакта во II Мировой войне, патриарх Константинопольский официальным актом своего синода аннулировал раскол 1872 г.

9 сентября 1945 г. власть в стране захватили коммунисты. Они начали преследование Церкви и христиан. В том же году страна была оккупирована советской Красной армией. В 1946 г. была провозглашена республика, во главе которой встало правительство Отечественного Фронта[11]. В декабре 1947 г. Церковь была отделена от государства.

Митрополит Стефан, экзарх Болгарской Православной Церкви с 1945 по 1948 гг., был активным членом национального антифашистского движения. В 1948 г., разочаровавшись враждебной

[11] «Отечественный Фронт» – союз нескольких политических партий. Сформировался во время II Мировой войны. Его членов, имевших разную политическую ориентацию, объединяло общее неприятие фашизма. Но вскоре в «Отечественном Фронте» возобладала Коммунистическая партия.

позицией болгарских коммунистов по отношению к Церкви, он, под предлогом ухудшения здоровья и по соглашению с коммунистическим политбюро, подал в отставку. Болгарская Православная Церковь снова оказалась обезглавленной и оставалась в таком положении до 1953 г., когда она вновь обрела достоинство патриархата. В 1948–1953 гг. Церковью руководил временно исполняющий обязанности митрополит.

Последующие годы отмечены постоянным стремлением коммунистического правительства контролировать Православную Церковь и другие религии страны и ограничивать их деятельность и влияние на население.

В 1949 г. парламент, следуя атеистической политике государства, провел новый закон о религии, во многом ущемлявший права верующих. В духе этого закона был написан новый устав для Православной Церкви, утвержденный правительством в 1950 г. Этот устав давал государству возможность вмешиваться во внутренние дела религий.

В мае 1953 г. митрополит Пловдивский Кирилл третьим болгарским собором духовенства и народа был избран патриархом Болгарским и митрополитом Софийским. Этим актом Болгарская Православная Церковь была восстановлена в статусе патриархата. Но это не было согласовано с Константинопольским патриархатом, который всегда претендовал на исключительное право утверждать такой статус внутри православия. Поэтому Болгарский патриархат рассматривался Константинопольским патриархатом и другими грекоязычными Церквами как самопровозглашенный. Однако в последующие годы он был признан всеми Православными и многими другими Церквами. Болгарский патриархат был признан таковым со стороны Константинопольского патриархата в 1960 г. Процесс признания счастливым образом совпал с началом Всеправославной конференции 1961 г., и болгарская делегация смогла участвовать в ней с самого ее открытия.

В 1962 г. начались визиты патриарха Болгарского в различные поместные Православные Церкви. В следующем году он вместе с другими православными патриархами посетил Афон и принял участие в торжествах по случаю 1000-летия афонской монашеской общины.

Патриарх Кирилл активно занимался организацией болгарских православных общин в Западной Европе, Америке и Австралии.

В 1971 г. почившего патриарха Кирилла сменил патриарх Максим, митрополит Ловчанский, в то время член Священного синода, который в 2000 г. вторично стал патриархом.

Служение патриарха Максима может быть оценено положительно, с учетом непростого времени, которое нужно было преодолеть в несколько приемов. Эпоха коммунизма была трудна из-за постоянных попыток государства стереть всякий след религии. Однако патриарху удалось обойти многие такие попытки атеистического государства. Разрушено было лишь несколько храмов, но так как молодое поколение воспитывалось в атеизме, а старшее поколение вынуждали отказаться от его религиозных верований, храмы мало-помалу пустели.

Вследствие политических перемен 1989 г. Болгарской Церкви пришлось столкнуться с новыми трудностями. Небольшая группа епископов отделилась от синода и создала новую церковную структуру, провозгласив себя канонической Православной Церковью Болгарии и стремясь присвоить власть, а также имущество Церкви. Это было посткоммунистическое наступление на Церковь, результатом которого стало разрушение всей работы, выполненной ею, в столь важный для развития демократии в Болгарии момент.

В 1990 г. в Болгарии состоялись первые свободные и демократические выборы. В 1991 г. приступило к своим обязанностям новое правительство. Выборы 1994 г. выиграли социалисты (бывшие коммунисты). В 1997 г. они были побеждены демократами. В 2001 г. премьер-министром страны стал бывший царь Симеон Саксен-Кобург-Готский, но в 2005 г. его сменил социалист. В 2002 г. президентом был избран социалист Георгий Първанов и в 2006 г. избран вторично. В 1995 г. Болгария подала заявку на членство в Европейском Союзе и стала его членом в начале 2007 г.

Организация Церкви и миссия

В XIX веке имелись две средние школы для православных священников. Одну из них в 1903 г. перенесли из Самокова в Софию, другая стала нынешней богословской семинарией св. Иоанна Рильского. После второй Балканской войны (1913) была закрыта богословская семинария в Константинополе, а в 1915 г. она продолжила свою работу в Пловдиве. Другие школы для начального образова-

ния священников были открыты в Рильском, Бачковском и Черепичском монастырях.

В 1923 г. Софийский университет св. Климента Охридского открыл богословский факультет, первую в Болгарии высшую богословскую школу, которая поддерживала тесные отношения с Болгарской Православной Церковью. Следует отметить, что многие из ее преподавателей были известными в то время деятелями Церкви. При коммунистах факультет почти 40 лет был отделен от университета и преобразован в богословскую академию Священного синода. В 1951 г. имелась только одна средняя богословская школа Софийской семинарии.

В 1905 г. в Болгарии насчитывалось почти 2000 православных священников. Только двое из них имели высшее богословское образование. Относительно многие получили среднее образование в богословских школах, но очень многие имели только начальное или неоконченное среднее. В 1938 г. количество священников увеличилось приблизительно до 2500.

В середине 1990-х в двух семинариях Софии и Пловдива[12] обучалось около 400 студентов. Высшее богословское образование давали 4 университета: Софийский, Великотырновский, Схуменский и филиал Пловдивского в Курджали. Всего студентов было около 1200, половина из которых – женщины. С середины 1990-х религия изучается в начальных школах как факультативный предмет. До сих пор идет спор о том, следует ли сделать ее обязательным школьным предметом.

В начале XX века Церковь организовала перевод Библии на современный болгарский язык и его издание. Часть перевода, в том числе Евангелия, была издана в 1909 и 1920 гг. Полный текст Библии (новое исправленное издание) вышел в 1920 г. В 1922 г. Священный синод с помощью Объединенного библейского общества опубликовал новое издание Библии. Болгарское Библейское общество переиздало его в Софии в 1995 г. В богослужебной жизни наиболее употребителен церковно-славянский язык, но используется и современный болгарский. Есть два типа болгарской литургической музыки – византийский и русский.

[12] Пловдивская семинария была вновь открыта в 1990-е годы после политических перемен.

В новых условиях свободы и демократии многочисленные богословы, мужчины и женщины, а также видные клирики проводят конференции и организуют дискуссии о религии, выставки, посвященные жизни Церкви. Такие мероприятия особенно часто организуют «православные братства», в которых весьма активно участвуют женщины. Работают курсы переподготовки священников.

В докоммунистический период Церковь проводила большую работу по социальной финансовой помощи, используя собственные фонды и опираясь на «православные братства», которые также играют значительную роль в христианской духовной и просветительской работе.

Немалое внимание уделяется религиозной печати и богословской литературе. Начиная с освобождения в 1878 г. экзархатом, синодом и епархиальными центрами издавалось более 50 газет и журналов. Самые старые и представительные из них – «Церковен вестник» и «Духовна культура». Среди значительных изданий можно назвать также «Ежегодник Академии богословия», а ныне – ежегодные издания богословского факультета Софийского университета на болгарском языке с кратким изложением на иностранных языках, периодические издания Института истории и архивов – также на болгарском с изложением на других языках.

В 1923 г. в Софии был открыт Музей истории и археологии Церкви, в котором представлены уникальные объекты болгарского христианского искусства и иконографии. Издательство Священного синода Болгарской Православной Церкви также поощряет развитие качественной богословской литературы, которая продается в церковных лавках различных епархиальных центров. Кроме того, Церковь на собственных предприятиях производит свечи и другие предметы культа для распространения и продажи в стране.

Кроме Священного синода, представляющего высшую административную власть в Церкви, существует Верховный совет Церкви, который занимается финансовыми делами. Различные департаменты Церкви занимаются вопросами религиозного, в том числе богословского образования, литургической жизнью и межцерковными связями.

С конца 1980-х годов началось возвращение Церкви ее собственности, захваченной с 1945 г. коммунистами. Этот процесс не завершился и по сей день. После 1989 г. началось строительство новых

монастырей и храмов, а также реставрация старых, представляющих большую ценность.

Введение в 1969 г. в Болгарии новоюлианского календаря было одобрено всеми Церквами. Однако небольшая группа монахов и монахинь и несколько примкнувших к ним мирян воспротивились новому календарю как «западному» и «неправославному». Они откололись от Болгарской Православной Церкви и вошли в контакт с единомышленниками-старостильниками за границей.

В целом описанная деятельность Церкви была положительной. Но большинство болгар не могут забыть трагическую судьбу Болгарского экзархата. Имеются в виду македонские и адрианопольские епархии, в которых столько часовен, монастырских храмов и священников оказались отрезанными от Болгарской Церкви. И не меньшей скорби заслуживает утрата всех болгарских школ с учителями и учениками.

Связи с другими Православными Церквами и экуменическая деятельность

Что касается раскола с Константинопольским патриархатом, следует отметить, что некоторые Православные Церкви не одобрили поведения Вселенского патриархата и не приняли участия в Константинопольском соборе 1872 г. Это Румынская, Сербская и Русская Церкви. В других Церквах, например, в Иерусалимской, были внутренние разногласия по поводу этого раскола. В первой половине XX века были попытки покончить с расколом, но спорный вопрос о церковной юрисдикции Болгарской Православной Церкви за пределами болгарского государства мешал урегулировать конфликт. Таким оставалось положение, пока Болгария решительно не отказалась от территориальных претензий.

После того как с расколом было покончено, Болгарская Церковь приняла участие во многих всеправославных встречах.

Экуменизм в Болгарии впервые проявился в 1911 г. в Движении православной молодежи. Его усилению способствовал Всемирный альянс для содействия международной дружбе через Церкви (*World Alliance for Promoting International Friendship through the Churches*). Среди болгарских сторонников экуменизма назовем профессора Стефана Занкова и митрополита (впоследствии экзарха) Стефана,

присоединившихся к другим пионерам христианского единства. Они внесли вклад в экуменическое движение на всех уровнях, добившись симпатии друзей Болгарии и «раскольнического» экзархата.

В 1961 г. Болгарская Православная Церковь стала членом Всемирного Совета Церквей (ВСЦ), а позднее – членом Конференции европейских Церквей (КЕЦ). В обеих организациях есть ее представители. В Болгарии происходили многочисленные встречи и важные консультации, в частности, Софийская консультация по вопросу об участии православных в КЕЦ в 1982 г.

Болгарская Православная Церковь также принимала участие в других программах экуменического движения, в двусторонних и многосторонних встречах, во встречах Христианского движения за мир и т. д.

Экуменический Отдел Болгарской Церкви, разумеется, содействует экуменизму, проводя в Болгарии международные встречи. Он выступает также за контакты с протестантами и католиками в стране, за общие экуменические акции, такие как конференции в защиту мира. До перестройки эти конференции давали возможность выступить с христианским свидетельством. Такая деятельность объединяла верующих всех конфессий в Болгарии. Экуменическая атмосфера помогает избежать напряженности, иногда проявляющейся в отношениях между Православной Церковью и другими христианскими и нехристианскими религиозными общинами в Болгарии и за ее пределами.

Краткие сведения об инославных Церквах и других религиозных общинах в Болгарии

В 2007 г. в Болгарии проживало 7,86 млн. чел., в подавляющем большинстве болгары (около 7 млн.). Другие граждане – турки, цыгане, армяне, русские, греки, евреи и т. д. – принадлежат к различным религиозным конфессиям и структурам. Это католики латинского обряда (потомки болгар, обращенных в католицизм в XVI веке, около 50 тыс.), католики восточного обряда (потомки болгар, обращенных в католицизм в XIX веке во время борьбы за независимость, около 10 тыс.), верующие Армянской Апостольской Церкви (20 тыс.), протестанты (лютеране, методисты,

конгрегационалисты, баптисты, пятидесятники и т. д., около 175 тыс.), адвентисты (7 тыс.), а также иудеи (1,5 тыс.) и мусульмане в основном турецкого, но также болгарского и цыганского происхождения (около 900 тыс.). Есть также цыгане-христиане, в большинстве православные.

Отношения между Церковью и государством

Законы новой конституции привели к отделению Церкви от государства в 1947 г.[13], когда страну захлестнул вал коммунизма. Теперь политические и гражданские законы не могут быть обойдены или необязательны для кого-либо на основании того, что он исповедует ту или иную религию. Невозможно вмешательство Церкви в дела государства, так же как и нарушение автономии Церквей или других религиозных общин. Закон определяет наказание вплоть до года тюремного заключения для всякого, кто силой или угрозами препятствует гражданам или религиозным объединениям свободно практиковать свою веру, совершать религиозные обряды и отправлять богослужения.

Однако законодательство ограничивало роль Церкви в области образования и религиозного воспитания молодежи. Православная Церковь считалась носительницей «традиционного вероисповедания болгарского народа» и «демократической народной Церковью».

Это уточнение не устраняло ряда проблем и не отменяло утеснений, перенесенных всеми Церквами и религиями Болгарии. Основным непреодолимым препятствием для Церкви при коммунистическом режиме было насаждение атеистической пропаганды, жесткий контроль со стороны государства и ограничение религиозной деятельности. Это, в частности, тормозило усилия по организации миссии и сдерживало непосредственное влияние Церкви на новое поколение.

При коммунистическом режиме Православная Церковь потеряла свою финансовую независимость. С 1945 г. государство начало экспроприацию большей части ее имущества: зданий, земель и лесов. С приходом коммунистов к власти множество клириков, иерар-

[13] Фактически Церковь отделилась от государства в 1944–1949 гг.

хов и активистов христианских организаций были подвергнуты допросам, тюремному заключению и т. д. Многие, например, духовные лидеры, попали под подозрение и были высланы правительством. В 1951 г. правительство установило еще более жесткие правила для Церкви и ее Священного синода.

Долгое время, и при коммунистах, и даже прежде, неправославные Церкви считались «иностранным элементом». С 1945 г. эти Церкви были обречены на политические ущемления, изоляцию, общественное осуждение и т. д. С нападками и гонениями столкнулись руководители экуменического движения. За симпатию к экуменизму и контакты с его деятелями, как правило, гражданами стран Запада, были подвергнуты критике экзарх Стефан и профессор Стефан Занков. Государственная политика, направленная против экуменизма, служила целям коммунистического режима в стране.

Поворот к демократии

В конце 1980-х годов болгарские Церкви – члены ВСЦ и КЕЦ, в том числе и Православная Церковь, проявили большой интерес к дискуссиям и деятельности в области прав человека, религиозной свободы, мира и сотрудничества. Критическое международное положение после II Мировой войны, опасность холодной войны и призывы к общему христианскому свидетельству вновь открыли путь к экуменическому сотрудничеству. Это, частично и постепенно, с начала 1980-х способствовало прогрессу в отношениях между Церковью и государством в Болгарии.

В тот же период Церковь, сохранившая пахотные земли, осуществляла т. н. «экономию через работу на фермах». Государство продолжало выделять ежегодные субсидии на содержание храмов и монастырей как исторических и культурных памятников. Расширилось издание религиозной литературы. Служители Церкви пользовались общими пенсионными фондами. В 1960-е годы КЕЦ и другие экуменические организации назначили сто стипендий в помощь обучению и специализации клириков и молодых богословов, в большинстве православных. В 1980-е у властей не было единодушия по вопросу об инициативах Православной Церкви, когда речь шла об экуменических встречах в Болгарии с посещением

монастырей, о контактах с лидерами других религий и т. д. Но они никогда не противились ввозу Библии и богословских книг для распространения среди участников этих экуменических встреч.

В середине 1980-х церковные и экуменические деятели Запада были готовы поддержать важные проекты Болгарской Православной Церкви, связанные с обновлением социальной работы, учреждением экуменического центра и оснащением богословских и культурных институтов. Было уже почти получено согласие на высоком политическом уровне, но церковные власти упустили этот шанс.

К сожалению, призыв признать и объяснить компромиссы прошлого коммунистического периода, примириться, объединиться и залечить раны, с которым выступила Церковь в конце 1989 г., не нашел понимания и необходимой поддержки. Равнодушие, осложненное непростыми отношениями и даже противоборством между Церковью и обществом, помноженное на личные интересы, усиленно используемое политиками и фанатиками и подпитываемое атеистами, помешало этому высоко христианскому и патриотическому начинанию. Фактически, конечным результатом стал новый трагический раскол 1992 г., возникший при поддержке правительства и продлившийся до 2008 г. Как объяснить начало этого нового раскола?

В мае 1992 г. Бюро по делам религиозных культов издало акт 92, обличавший патриарха Максима как коммунистического агента. Его низложили и заменили митрополитом Неврокопским Пименом, который стал раскольничьим патриархом в 1996 г. Раскольники рукоположили новых митрополитов и епископов.

В октябре 1998 г. патриарх Максим собрал в Софии всеправославный синод, на котором раскольники объявили, что признают его патриархом, но это оказалось неискренним. В апреле 1999 г. патриарх Пимен скончался. Хотя этот раскол был канонически улажен и аннулирован с октября 1998 г., раны, нанесенные им, кровоточат и поныне, тем более, что он, возможно, был инспирирован внецерковными политическими силами.

Было и другое отрицательное событие. Для «охраны православия» Священный синод в июне 1998 г. постановил выйти из ВСЦ и КЕЦ. Это было сделано без необходимой предварительной процедуры, без выяснения проблем и соблюдения православной соборности.

Когда на Ассамблее ВСЦ в Хараре в декабре 1998 г. делегаты Болгарской Православной Церкви объявили о выходе, это вызвало удивление и несогласие. Неприятие этого решения Священного синода было выражено также в критических комментариях многих газет и аналитических материалах СМИ Болгарии и других стран. В 2006 г. положительный отзыв о 9-ой Ассамблее ВСЦ, написанный приглашенными на нее болгарскими митрополитами, дал некоторую надежду на возможное возвращение в ВСЦ в будущем.

Юрисдикция Болгарской Церкви в 2000 г.

В 2008 г. Болгарская Православная Церковь насчитывала 13 епархий внутри страны (Софийская, Сливенская, Врачанская, Видинская, Русенская, Варненская и Великопреславская, Великотырновская, Старозагорская, Ловчанская, Неврокопская с резиденцией в Гоце-Делчеве, Доростольская с резиденцией в Силистре, Плевенская и Пловдивская), а также две епархии за пределами страны (епархия в Западной и Центральной Европе, Берлин, и епархия в США, Канаде и Австралии, Нью-Йорк). Митрополиты за пределами Болгарии имеют те же права и исполняют те же обязанности, что и другие.

В середине 1990-х годов Болгарский патриархат имел в Болгарии и за границей около 3700 храмовых построек и 170 монастырей. Недавняя статистика насчитывает 1200 священников и не менее 200 монахов и монахинь. Самые известные болгарские монастыри – Рильский (X век), Бачковский (XI век) и Троянский (XVII век). Они всегда привлекают множество паломников, и так было даже в коммунистический период. В истории Болгарии монастыри всегда играли не только духовную, но и образовательно-культурную роль.

Диаспора

Страдания болгарского народа под османским владычеством, ряд войн, бедность и политико-идеологическое давление вынудили значительное число болгар покинуть страну. Многие обосновались

в США, в Канаде и в Австралии, другие – в Центральной и Западной Европе. Для этих болгар Церковь учредила приходы и две епархии.

Епархию в Нью-Йорке в течение 25 лет возглавляет митрополит Иосиф Босаков. В США имеется 15 болгарских приходов, в Канаде и в Австралии – по 3.

В 1970-е годы в Европе началась серьезная подготовка к созданию там еще одной болгарской епархии. Патриаршим наместником Западной Европы стал архимандрит, а впоследствии епископ Симеон Димитров (1980–1986), бывший викарный епископ Нью-Йорка. Позднее он организовал в епархии болгарские общины. До него существовали только 2 болгарских прихода: в Вене (с 1916 г.) и в Будапеште (с 1967 г.). В 1980 г. в Будапеште разместился епархиальный центр. За 2 года были организованы общины в Великобритании, во Франции, Бельгии, Германии, Швеции. В 1986 г. епископ Симеон был избран митрополитом Западной и Центральной Европы. В 1987 г. был учрежден епархиальный совет, а также бюро в германском Штутгарте. В 1994 г. резиденцию митрополита перенесли в Берлин, где в 2005 г. был освящен собор.

Епископский викариат в Берлине ответствен за общины Германии, Австрии, Швейцарии и Лихтенштейна.

Епископский викариат в Будапеште ответствен за общины Венгрии, Чехии, Словакии и Хорватии.

Викариат в Лондоне ответствен за приходы Великобритании, Нидерландов, Бельгии, Франции и Люксембурга.

Викариат в Барселоне занимается приходами Испании и Португалии.

Стокгольмский викариат занимается координацией и пастырским служением в скандинавских странах.

Наконец, Римский викариат работает в Италии, Сан-Марино и на Мальте.

В 2007 г. епархия Европы включала 32 общины.

В германском Бухгагене находится маленький монастырь под юрисдикцией митрополита Симеона с тремя монахами-немцами.

В Стамбуле в 1898 г. был освящен великолепный «железный» храм св. Стефана. Он остается главным из трех болгарских храмов Стамбула, в которых служит единственный священник небольшой (около 500 чел.) болгарской общины.

Имеется также две болгарские церкви в Эдирне (бывший Адрианополь[14]) с несколькими верующими и священником. 2 болгарские общины пребывают под юрисдикцией патриарха Константинопольского, но фактически управляются синодом в Софии.

На горе Афон в Греции поныне действует болгарский монастырь св. Георгия Изографа, основанный в IX веке. В нем обитают 35 монахов и послушников. Имеется новый храм в Афинах, освященный в марте 2008 г.

В Бухаресте в 1869 г. были построены болгарский храм и школа свв. Кирилла и Мефодия. В 1948 г. они были закрыты румынским правительством. В 1954 г. румынский патриарх Илия уступил Болгарскому патриархату храм пророка Илии в Бухаресте. Священник этого храма официально представляет Болгарский патриархат в Румынской Церкви.

Подворье Болгарской Православной Церкви в Москве было открыто в 1948 г. Ее настоятель принадлежит к столичной епархии.

Приходы за пределами Болгарии различны по степени организации и по количеству прихожан. Обнадеживает, однако, их опыт, разнообразие их программ, их умение приспособиться к различным ситуациям, через которые довелось пройти. Это хорошо видно на примере прихода св. Иоанна Рильского, основанного в 1967 г. в Вене в очень скромных условиях и окормляющего теперь более 10 тыс. православных болгар. Кроме богослужения, приход занимается катехизацией, благотворительностью и преподаванием болгарского языка и культуры.

Заключение

История Болгарской Православной Церкви в течение столетий была очень непростой и скорбной. Так было даже после освобождения от османского ига, в коммунистический период и по сей день, из-за недавнего раскола. Вместе с тем можно сказать, что общины

[14] 14 сентября 2008 г. болгарский Премьер-министр Сергей Станишев на торжественной церемонии заново открыл болгарский православный храм во имя свв. Константина и Елены в г. Эдирне (бывший Адрианополь). Храм, построенный в 1869 г., сгорел около 20 лет назад и был недавно восстановлен.

Болгарской Православной Церкви в Болгарии и за границей совершенствуются организационно и растут количественно.

В завершение этой статьи скажем, что и подъем, и упадок, и канонические соображения, и времена политического и экономического процветания, и международные отношения – все это множество религиозных и культурных факторов определило роль и судьбу Болгарской Православной Церкви в течение одиннадцати веков.

БИБЛИОГРАФИЯ

Crampton, R., *A Consise History of Bulgaria*, Cambridge (2 ed. 2005).

Dimitrov, I., «Bulgarian Christianity», в: *The Blackwell Companion to Eastern Christianity*, K. Parry (ed.), Blackwell Publishing (2007), p. 47–72.

–, «Die Bulgarische Orthodoxe Kirche im europaeischen Kontext», в: *Philia, Eine Zeitschrift für Eupopa*, I–II, Франкфурт на Майне, 2003, с. 162–168.

–, «La chiesa ortodossa nella società bulgara contemporanea», в: *L'Ortodossi nella nuova Europa. Dinamiche storiche e prospettive*, Турин, 2003, с. 285–302.

–, «Die Orthodoxe Kirche im demokratischen Staat – Laenderfallstudie Bulgarien», в: *Christen in Europa. Orthodoxes Christentum – ein unterschaetzter Faktor in Europa*, epd-Dokumentation 4/2007, с. 13–18.

Giatzikis, E., *An Introduction to Postcommunist Bulgaria*, Manchester, 2002.

Hupchik, D., *The Bulgarians in the 17th century: Slavic Orthodox Society and Culture under Ottoman Rule*, Jefferson (Mo), 1993.

–, *The Balkans: from Constantinople to Communism*, London, 2002.

Keith, G., Sabev, T., «Europe», в: *A History of the Ecumenical Movement*, J. Briggs, M. A. Oduyoye и G. Tsetsis (ed.), vol. 3, 1968–2000.

Pundeff, M., «Churches and Religious Communities», в: *Handbook on South Eastern Europe*, K. D. Grothusen (ed.), vol. 6, «Bulgaria», Göttingen, 1990.

Runciman, S., *The History of the First Bulgarian Empire*, London, 1930.

Sabev, T., *The Orthodox Churches in the World Council of Churches*, Genève, 1996.

–, «L'expérience de l'Église orthodoxe bulgare dans la société civile aux XIX et XX siècles», в: *Unity*, London, Faber, 2003, p. 131–143.

–, «L'Église orthodoxe bulgare et la Question juive», в: *Church and Culture in Service to Society and Unity,* p. 320–325.

Stavrianos, L., *The Balkans since 1453*, London, 2000.

Церкви и вероисповедания в Народной Республике Болгария, изд. Экуменического отдела Болгарской Православной Церкви, София, 1975. переизд. 1985 (болг. и др. языки).

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ СЕРБСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ В XX СТОЛЕТИИ

Предраг ПУЗОВИЧ

Сербская Православная Церковь – автокефальная Церковь, насчитывающая около 9 млн. верующих в странах бывшей Югославии и в мире. Согласно официальной государственной статистике 2003 г., в республике Сербия был 7498001 житель: 6371584 (84,98%) православных, 410976 (5,48%) католиков, 239658 (3,196%) мусульман, 80837 (1,078%) протестантов и 785 (0,01046) иудеев.

История до XX столетия

Христианство было введено в Сербии в IX веке. Его распространял Константинопольский патриархат.

Сербская архиепископия существовала с 1219 г., когда св. Савва (1176–1235) стал первым архиепископом. Он был рукоположен в Никее. С 1219 по 1346 гг. его первой резиденцией был монастырь Зика близ нынешнего города Кралево.

Три существовавшие ранее епархии, основанные в XI веке, пребывали до эпохи св. Савы под юрисдикцией Охридской архиепископии (ныне в Македонии). Затем они, одновременно с 8 новыми, только что основанными епархиями, перешли под сербскую церковную юрисдикцию. В 1253 г. резиденция архиепископии переместилась к югу, в город Печ (ныне в Косово).

В конце XIII–начале XIV века, в связи с расширением сербского королевства на юго-восток, юрисдикция Сербской архиепископии расширилась, и количество епархий возросло.

При королях Драгутине, Милутине и Стефане Дечанском, а особенно при Стефане Душане (в 1331–1345 король, в 1346–1355 царь-император), военные победы в Македонии и Фессалии сделали Сербию господствующей на Балканах державой. Стефан Душан хотел стать царем этих новых территорий. Поднять его до этого положения мог только патриарх, и архиепископ Иоанникий в 1346 г. на народном собрании в Скопье был избран первым сербским патриархом. Семь дней спустя, в день Пасхи, там же, в Скопье, Стефан Душан венчался на царство. Возвышение Сербской Церкви до уровня патриархата с собственной резиденцией в городе Печ было признано Константинопольским патриархатом в 1375 г. После этого Сербская Православная Церковь организовалась по образцу митрополии. До ранга митрополий поднялись ее старые епархии – Рашская, Призренская, Зетская и Скопская.

На Уроше V (1355–1367), сыне Душана, династия прервалась, и государство распалось на феодальные княжества, т. н. «деспотии». Сербия также стала деспотией, и в 1459 году была вынуждена признать верховенство Османской империи. Долгое время, когда сербы уже были подчинены и платили туркам ежегодную дань, Печский патриархат продолжал существовать.

После того как в 1459 г. страна стала вассалом турок, во главе Церкви стоял патриарх Арсений II (1453–1463). Кто был его преемником, достоверно не известно. Это сложное положение было на руку архиепископу Охридскому, который делал все, чтобы распространить свою церковную юрисдикцию на территорию Печского патриархата. В 1520–1530 гг. ему открыто противился Павел, митрополит города Смедерево близ Белграда. Пытаясь решить эти проблемы, митрополит Павел достиг некоторых успехов, но, в конце концов, потерпел поражение после двух поместных соборов в Охриде (1532, 1541), на которых действия митрополита и его сторонников были осуждены архиепископом Охридским Прохором как неприемлемые. Несмотря на поражение митрополита, в 1557 г. Печский патриархат был восстановлен. Первым патриархом этой эпохи был Макарий Соколович (1557–1571, † 1574). Во время его служения Сербская Церковь добилась от правительства Османской империи законного статуса и тех же привилегий, что и Константинопольский патриархат. Вплоть до конца турецкого владычества Церковь играла для сербов объединительную роль. Патриархат был разделен на 4 епархии. В 1766 г., по внушению Константиноволь-

ского патриарха, он был упразднен султаном, а его территория подчинена Константинопольскому патриархату.

Большинство сербов жили под властью Османской империи с 1459 до 1830 г., а некоторые провинции стали позднее частью Австрийской империи и Венецианской республики. Константинопольский патриархат заменил сербских иерархов греческими, которых как его ставленников называли «фанариотами». После упразднения в 1766 г. Печского патриархата сербские епископы управляли епархиями только в Черногории и в Карловацкой митрополии (в то время Австрийская империя).

По Белградскому мирному договору 1739 г. граница между Австрийской и Османской империями проходила по рекам Сава и Дунай, и сербы, жившие на севере этого региона, были гражданами Австрийской империи до конца I Мировой войны. После освобождения Сербии от османского ига греческие епископы с 1830 г. были заменены сербскими. В Боснии и Герцеговине такая замена началась в 1880 г., в «Старой Сербии» (Косово и Метохия) – в 1896 г., и, наконец, на юге Сербии – с 1897 г., хотя этот регион еще зависел от турецкого правительства.

В Далмации епархия была создана французскими властями в 1808 г. и оказалась под юрисдикцией Карловацкой митрополии (1829–1870), а позднее, в 1873 г., стала частью Буковинско-Далматской митрополии с кафедрой в Вене.

Карловацкая митрополия возникла в 1690–1691 гг., при патриархе Арсении III, благодаря привилегиям, пожалованным австрийским императором Леопольдом I.

В 1848 г. Карловацкая митрополия церковным собранием с участием представителей сербского народа была возведена в ранг «патриархата».

Сербская Церковь стала автономной по Томосу от 1832 г. и, таким образом, имела ранг митрополии. Константинопольский патриархат предоставил ей автокефалию в 1879 г., после Берлинского конгресса. Самым значительным лицом этого периода был митрополит Михаил Йованович (1859–1881; 1889–1898). Этот иерарх получил образование в России и оставался русофилом всю жизнь. Такая позиция вызвала противостояние между ним и князем, а позднее королем Миланом Обреновичем, человеком проавстрийских симпатий. Вследствие их разногласий митрополит Михаил в 1881 г. был низложен, а в 1883 г. – принужден по-

кинуть страну. Во время пребывания митрополита Михаила в эмиграции в России государственными властями была поставлена новая иерархия во главе с митрополитом Феодосием Мраовичем, которая управляла Церковью в течение 6 лет, с 1883 по 1889 г. Так как эта иерархия была назначена светскими властями, ее считали неканонической.

В 1878 г. на Берлинском конгрессе Сербия добилась независимости. В 1882 г. Милан Обренович стал королем. В 1889 г. он отрекся от престола. Вместо юного короля Александра страной управляли регенты. В 1889 г. они позволили митрополиту Михаилу вернуться и вновь возглавить Сербскую Церковь. После возвращения он больше не вмешивался в политику и скончался в 1898 г.

Сербская Церковь в конце XIX–начале XX века

После кончины митрополита Михаила королевский двор и правительство выбрали новым митрополитом епископа Нишского. Именем сербского правительства министр образования и церковных дел предложил примириться с неканонической иерархией Феодосия Мраовича. Из неканонических епископов в живых тогда оставались Димитрий Павлович и Никанор Ружичич. По соглашению с митрополитом Иннокентием и епископами Савой Деченацем и Мелетием Вуичем сербская каноническая иерархия приняла это предложение. Примирение состоялось 15 февраля 1898 г. Через месяц Никанор Ружичич был избран епископом Нишским (1898–1911). В апреле 1890 г. правительство утвердило закон о церковных властях, который предусматривал восстановление Шабацкой епархии (1898–1905). Таким образом, оба неканонических епископа вновь вошли в состав иерархии.

1900–1945

Во время служения митрополита Иннокентия в 1900 г. была основана богословская школа св. Савы. Прежняя богословская школа, просуществовавшая 65 лет, была закрыта в 1903 г.

Вследствие конфликта между королевскими династиями Обреновичей и Карагеоргиевичей, после убийства короля Александра

Обреновича в 1903 г., к власти пришла династия Карагеоргиевичей. В 1905 г. скончался митрополит Иннокентий.

Новым митрополитом Сербским был избран Димитрий Павлович (1905–1920). В течение долгого и неспокойного периода сербам пришлось много пострадать. В 1908 г. Австрийская империя аннексировала Боснию и Герцеговину. В 1912–1913 гг. Балканские войны закончились победой сербов, и сербские южные провинции (Косово, Метохия, а также Македония) были освобождены от турецкого владычества, длившегося долгие века. Эти территории были включены в Сербскую митрополию.

Во время I Мировой войны (1914–1918) митрополит удалился на греческий остров Корфу через Албанию. Следует отметить, что за этот период эмиграции он сделал немало доброго для Церкви и для сербов. После окончания войны в 1918 г. он вернулся на родину. В течение I Мировой войны Сербская Церковь потеряла треть своего духовенства. Более тысячи священников были убиты или пропали без вести. После войны, в 1918 г., было создано Королевство сербов, хорватов и словенцев, которое в 1929 г. получило название «Королевство Югославия» и просуществовало до II Мировой войны. Затем, в 1945 г, Сербия стала одной из федеральных республик социалистической Югославии, руководимой Тито, вместе с 5 другими республиками, такими как Черногория, Босния и Герцеговина, Хорватия, Словения и Македония. Множество сербов проживало за пределами Сербии, особенно в Хорватии, Черногории, Боснии и Герцеговине. Для двух провинций был утвержден статус автономии. Это были Косово и Воеводина – населенный сербами регион севернее Дуная и Савы, до I Мировой войны зависимый от Австро-Венгерской империи.

Подготовка к созданию Сербского патриархата

После 1918 г. почти все епархии бывшего Печского патриархата вошли в состав нового государства. За его пределами оставались 4 епархии с сербскими епископами: Тимишоара в Румынии, Сентендре в Венгрии, Задар (тогда в Италии) и Скадар (Шкодер, Шкодра) в Албании, а кроме того, общины под юрисдикцией Сербской Церкви в Вене, Триесте, Риеке (ныне в Хорватии), хорватском Перое, а также в США и Канаде.

Все представители Сербской Православной Церкви за границей желали присоединиться к Сербскому патриархату.

Ради единства внутри Сербской Церкви требовалось отступление от канона со стороны Буковинско-Далматской митрополии в пользу Далматской епархии и Боко- Которской епархии в Черногории, а для епархий в Боснии и Герцеговине, для Рашской епархии в Старой Себии и для юга страны нужно было просить об отступлении от канона Константинопольский патриархат. Архиерейский синод за воссоединение Сербской Церкви состоялся в 1918 г. и подготовил восстановление Сербского патриархата. Председательствовал на нем Митрофан Бан, митрополит Черногорско-Приморский. Переговоры с митрополитом Буковинско-Далматским Владимиром Рептой об отступлении от канона в пользу Далматской и Боко-Которской епархий проходили, однако, довольно сложно. Наконец, митрополит Репта согласился оставить эти епархии в 1919 г., но при условии, что они будут переданы под юрисдикцию Карловацкой митрополии, созданной в 1690–1691 гг. Каноническая связь между этими епархиями и Карловацкой митрополией была установлена 20 декабря 1919 г. Переговоры с Константинопольским патриархатом успешно завершились 18 марта 1920 г.

17 июня 1920 г. регент Александр Карагеоргиевич утвердил королевский указ в поддержку решения епископов о воссоединении Сербской Церкви. 12 сентября 1920 г. в резиденции патриархата в Сремских Карловцах прошли торжества по поводу восстановления патриархата и воссоединения Сербской Православной Церкви. Сербский патриархат состоял тогда из 26 епархий, таких как Белградская, Баня-Лукская и Бихачская, Бачковская, Битольская, Боко-Которско-Рагусская, Будимская, Велес-Дебарская, Вршацкая, Горнокарловацкая, Дабар-Боснийская, Далматско-Истрийская, Дорианская, Жичская, Захумско-Рашковская, Захумско-Герцеговинская, Зворницко-Тузлинская, Злетовско-Струмицкая, Нишская, Охридская, Пакрацкая, Рашковско-Призренская, Скопская, Сремско-Карловацкая, Шабацкая, Тимишоарская, Тимокская, а также Черногорско-Приморская.

28 сентября 1920 г. Архиерейский синод Сербской Церкви избрал архиепископа и митрополита Димитрия Павловича патриархом. «Устав о выборах патриарха» еще не был утвержден властями, поэтому правительство не сразу одобрило это избрание. Король полагал, что выборы должны проходить при поддержке и помощи

государства. Таким образом, «Устав о выборах патриарха Сербской Православной Церкви» был подписан 23 октября 1920 г. Согласно этому уставу, избирательный совет должен выбрать патриархом одного из трех кандидатов, предложенных Священным синодом. В тот же день был утвержден временный «Устав о Сербском патриархате». После введения устава в действие бывший митрополит Димитрий Павлович был вторично 12 ноября 1920 г. избран патриархом, и король утвердил это избрание. В честь венчания на патриаршество 13 ноября состоялась церемония в Белградском соборе, и патриархат вновь обрел место в этом городе. Позднее, в 1924 г., Димитрий по обычаю был венчан также на Печский патриарший престол. Константинопольский патриархат признал возвышение Сербской Церкви до патриархата, посвятив этому событию специальный Томос от 1922 г.

За время служения Димитрия были избраны 16 епископов. Восстановлена была Браничевская епархия (1921) и созданы новые: Моравская (в Чехословакии) с резиденцией в Праге (1921); Американская и Канадская (1921) с резиденцией в Либертвилле близ Чикаго; Бихачская (1925, ныне в Боснии), а также сербский викариат в албанском Скадаре (1922).

В Белграде и Загребе в 1920 г. были основаны факультеты православного богословия, а в Битоле в 1922 г. открылась богословская школа. В 1926 г. богословский факультет начал выпускать периодическое издание «Богословие». В 1929 г. вступил в действие Закон о Сербской Православной Церкви. Составлялось Уложение о Сербской Православной Церкви. Были созданы фонды для священников на покое и для сиротских приютов. Патриарх Димитрий издал книги «Типикон Хиландара св. Савы» и «Погребальная служба по владыке Стефану Лазаревичу».

Патриарх Варнава (1930–1937)

После кончины патриарха Димитрия в 1930 новым патриархом был избран митрополит Скопский Варнава Росич. Он родился в Черногории. Получив богословское образование в Призрене, он отправился в 1899 г. в Санкт-Петербург, в богословскую академию, и после получения в 1905 г. диплома стал монахом. Затем он поехал в Константинополь, где был учителем и одновременно духовником

учащихся сербской начальной школы. Он был также одним из издателей «Константинопольской газеты», еженедельника для сербов, проживавших в Османской империи. Он хорошо знал греческий и турецкий языки, посетил Палестину и Афон.

По месту своего рождения, Плевле, находившемуся тогда под османским владычеством, он был гражданином Османской Турции. Поэтому Священный синод Константинопольского патриархата в 1910 г. избрал его епископом Велес-Дебарской епархии (Македония). Рукоположение состоялось 10 апреля в Константинополе.

Он внес вклад в развитие системы образования в епархии, которую возглавлял в трудный период вплоть до начала Балканских войн (1912–1913). Во время I Мировой войны он вместе с сербской армией был эвакуирован на остров Корфу. В 1917 г. он выполнял дипломатическую миссию в России (как епископ), а впоследствии вернулся на Салоникский фронт.

По окончании I Мировой войны епископ Варнава управлял всеми епархиями юга Сербии.

Он поддержал восстановление Сербского патриархата. Архиерейский синод восстановленного патриархата назначил его митрополитом Сербским в ноябре 1920 г. В течение 10 лет этого служения он восстановил многие монастыри и храмы и рукоположил многих клириков.

Варнава стал Сербским патриархом в 1930 г. Он стремился усовершенствовать закон о Сербской Православной Церкви. Устав Сербской Православной Церкви был завершен 3 ноября 1931 г., принят 24 ноября 1931 г., после чего обнародован в «Официальной газете королевства Югославия». В статье 12 давался следующий список епархий: Белградско-Карловацкая с епископской кафедрой в Белграде, Банатская (Вршац), Баня-Лукская (Баня-Лука), Бачковская (Нови Сад), Браничевская (Пожаревац), Горнокарловацкая (Плашко, Карловац), Дабар-Боснийская (Сараево), Далматинская (Сплит, временно – Шибеник), Зворницко-Тузлинская (Тузла в Боснии), Злетовско-Струмицкая (Штип в Македонии), Жичская (Кралево), Нишская (Ниш), Охридско-Битолская (Битола), Пакрацкая (Пакрац в Хорватии), Рашко-Призренская, Скопская (Скопье), Тимокская (Заечар), Захумско-Герцеговинская (Мостар), Черногорско-Приморская (Цетинье) и Шабацкая (Шабац). Все они были подчинены патриарху.

В 1931 г. епархии Бихачская, Боко-Которская, Захумско-Рашковская и Печская были упразднены по административным соображениям. В том же году Битолская и Охридская епархии были объединены. В 1931 г. части Вршацкой и Тимишоарской епархий были объединены, составив Банатскую епархию.

Имелось также 5 заграничных епархий под юрисдикцией Сербской Церкви: в Чехословакии (основана в 1921 г., епископская кафедра в Праге), в США и Канаде (основана в 1921 г., епископская кафедра в Либертвилле близ Чикаго), Мукачевско-Пряшевская епархия (вновь созданная в 1931 г. в Чехословакии, ныне Украина), Задарская сербская епархия (основана в 1931 г., епископская кафедра в Задаре, Хорватия) и сербский викариат в Скадаре (ныне Албания, основан в 1931 г.).

Согласно 13-ой статье Устава, епископы Скопской, Дабар-Боснийской, Загребской, а также Черногорско-Приморской епархий были возведены в сан митрополитов.

Патриарх Варнава много занимался издательской деятельностью. Из богословских периодических изданий того времени назовем следующие: «Вестник Сербской Православной Церкви», «Богословие», «Наследие св. Савы» («Светосавље»), «Православие», «Христианская жизнь», «Христианская мысль», «Христианское дело», «Духовная стража», «Христианское единство», «Братство», «Защитник Православия» («Православни браник») и «Жичский благовестник». Было возведено немало храмов. В 1935 г. в Белграде началось строительство собора св. Савы и патриаршей резиденции.

Во время служения патриарха Варнавы в 1934 г. был убит король Александр и разгорелся конфликт, причиной которого стало неудачное соглашение («конкордат») между Католической Церковью и Королевством Югославия. Патриарх Варнава умер при невыясненных обстоятельствах в день утверждения конкордата в парламенте, и после его смерти по поводу конкордата началась полемика.

Патриарх Гавриил (1938–1950)

Почившего патриарха сменил митрополит Черногорско-Приморский Гавриил Дожич. Он также был уроженцем Черногории. В 1881 г. он стал монахом в Сичевском монастыре в Сербии.

Он получил диплом Призренской богословской школы, затем учительствовал в Дечанской монастырской школе. В 1904 г. он был послан в Константинополь для изучения греческого языка. Позднее овладел французским. В 1905 г. он отправился изучать богословие в Афины, где в 1909 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Православное христианство в Сербии в XVIII веке» (греч., не переведена). Он был также секретарем братства сербского монастыря Хиландар в 1910 г. Оттуда он вернулся в Константинополь, где получил сан архимандрита. В декабре 1910 г. он стал митрополитом Рашко-Призренским. В 1913 г. избран митрополитом Печским. В 1914 г. в качестве председателя черногорского Красного Креста он развернул широкую благотворительную деятельность, в частности, по рассылке лекарств и продуктов солдатам черногорцам. После поражения Сербии и Черногории его арестовали австрийские солдаты в городе Печ и отправили в белградскую тюрьму. Позднее он был заключенным концентрационного лагеря в венгерском Цинглере, где от тяжелых условий и дурного обращения заболел, после чего, в 1917 г., был выслан в черногорский город Ульцинь. После освобождения страны в 1918 г. в качестве митрополита Печского он стал депутатом черногорской Великой народной скупщины в Подгорице, которая приняла решение о воссоединении с Сербией. Митрополиту было поручено представить это решение регенту Александру. После кончины митрополита Митрофана Бана митрополит Печский Гавриил был избран митрополитом Черногорско-Приморским. После того как был восстановлен патриархат, митрополит Гавриил решающим образом содействовал принятию закона и уложения о Сербской Православной Церкви и разработке ее структуры. Как представитель своей Церкви он участвовал в работе Всеправославного конгресса и Всеправославной конференции 1923 г. в Константинополе. Он способствовал исправлению неудовлетворительного финансового положения духовенства, для чего учредил Фонд митрополита Черногорско-Приморского Гавриила для улучшения образования и введения плодотворного пастырского служения в епархии, Фонд епископа Рады для пастырских целей,

Фонд помощи нуждающимся студентам Черногории и Приморья, учащимся на богословском факультете.

С момента его избрания патриархом и вплоть до 1941 г., когда II Мировая война пришла в Югославию, Гавриил работал чрезвычайно активно, завоевав всеобщее уважение в Сербской Православной Церкви. Он ездил во все епархии, посещал сербские общины, совершал богослужения и наставлял верующих. При патриархе Гаврииле успешно функционировал богословский факультет, а также 5 богословских школ-интернатов – в Сремских Карловцах, в Сараево, в Цетинье, в Призрене и в Битоле. В 1940 г. была построена библиотека в епископской резиденции в Карловцах и дом для студентов богословского факультета в белградском квартале Карабурма.

Когда в 1941 г. в Югославии началась война, патриарх Гавриил был заточен немцами в черногорском Острожском монастыре. Некоторое время его держали также в сараевских и белградских тюрьмах, в Войловицком и Раковицком монастырях, а позднее, вместе с епископом Николаем Жичским, отправили в концентрационный лагерь в Дахау.

Нацистская оккупация Югославии продолжалась с 1941 по 1945 г. После поражения 1941 г. государство распалось на ряд провинций, занятых разными армиями. Банатскую, Браничевскую, Жичскую, Нишскую, Тимокскую и Шабацкую епархии, а также часть Белградско-Карловацкой архиепископатии контролировали немцы, Скопскую, Злетовско-Струмицкую и Охридско-Битолскую – болгары, Далматинскую, Рашко-Призренскую и Черногорско-Приморскую – итальянцы. Баня-Лукская, Горно-Карловацкая, Дабар-Боснийская, Загребская, Захумско-Герцеговинская, Зворницко-Тузлинская и Пакрацкая епархии, а также Сремская часть Белградско-Карловацкой архиепископии находились в марионеточном государстве Хорватия, созданном в 1941 г. Таким образом, Сербская Православная Церковь была вынуждена признать власть секулярных правительств разных стран, в которых жили православные сербы. И миряне, и духовенство претерпевали великие страдания и утраты, особенно в Хорватии, созданной в 1941 г. фашистами-усташами.

В боснийской части Далматинской епархии 18 храмов были разрушены или сожжены усташами и мусульманами, другие были разграблены и стали непригодными для богослужений.

В Сремской епархии (Сербия) были разрушены и сожжены 44 храма, в Горно-Карловацкой (Хорватия) – 157 храмов, в Славонийской (Хорватия) – 55 храмов, 3 монастыря и 25 приходских построек. То же самое происходило в каждой епархии на территории т. н. «независимого государства Хорватия». В течение II Мировой войны были депортированы в концлагеря или переселены многие сотни тысяч православных сербов, клириков и мирян. Кроме того, в течение этой войны около миллиона православных сербов были убиты, особенно при хорватском фашистском режиме во главе с Павеличем. Многие православные люди были обращены в католицизм. Около сотни монастырей, храмов и часовен были сожжены или повреждены, а уцелевшие – разграблены. Больше всех пострадали иерархи Церкви. Сербская Церковь потеряла 9 епископов. В Хорватии местные профашистские коллаборанты убили сербского митрополита Дабар-Боснийского Петра Зимонича, епископа Баня-Лукского Платона Йовановича и епископа Горно-Карловацкого Саву Трлаича. Немцы казнили епископа Захумско-Герцеговинского Николая и епископа Моравского Горазда Павлика (в Чехословакии). Митрополит Загребский Досифей был подвергнут пыткам в тюрьме, выслан в Сербию и умер. Болгары изгнали епископа Скопской епархии Иосифа и епископа Злетовско-Струмицкой епархии Викентия. В 1941 г. немцы перевезли епископа Зворницко-Тузлинского Нектария из «независимого государства Хорватия» в Белград и принудили к участию в первом заседании Священного синода епископов, который продолжал действовать до конца войны.

Венгерское правительство выслало в Сербию сербского епископа Мукачевско-Пряшевской епархии (резиденция в Мукачеве, ныне Украина) Владимира. Епископ Рашко-Призренский Серафим умер в Албании, куда был выслан. Епископ Далматинский Ириней Георгиевич был задержан в Италии. Немцы арестовали также епископа Жичского Николая Велимировича, который вначале был заточен в Любостийский и Войловицкий монастыри, а затем отправлен в Дахау близ Мюнхена. Он скончался в 1956 г. в США. Викарный епископ Сремско-Карловацкий Валериан Прибишевич скончался в 1941 г. в Сплите, вдали от своей резиденции: усташи не позволили ему выехать. Только 9 православных епископов остались в своих епархиях. Ко всему этому, Сербская Православная Церковь понесла невосполнимые потери. Например, хорватские профашистские

коллаборанты разграбили сокровища Сремско-Карловацкого храма и перевезли их в Загреб.

В эти опасные времена вместо патриарха Гавриила и до его возвращения из-за границы в 1946 г. Церковью управлял митрополит Скопский Иосиф. Благодаря его уму и осторожности Церковь не осталась тогда без главы.

После некоторых колебаний коммунистическое правительство позволило патриарху вернуться в страну. Он прибыл в Белград 14 ноября 1946 г. и принял руководство Церковью, сразу же столкнувшись с многочисленными проблемами и с гонениями на Церковь при коммунистическом режиме. Епископов и священников убивали или арестовывали, чтобы приговорить к долгим срокам. Многие были заключены в тюрьмы даже без настоящего суда. Особенно преследовало коммунистическое правительство епископов. Митрополит Черногорский и Приморский Иоанникий был убит близ Аранджеловаца (Сербия). Епископ Бачковский Ириней Чирич провел 17 месяцев под домашним арестом. Епископ Николай Велимирович, известный как издатель «Синаксаря, или Житий святых» на сербском языке, эмигрировал в США и вместе с епископом Американским Дионисием Маливоевичем стал основной мишенью для югославских коммунистов.

В 1946 г. Церковь в Югославии была отделена от государства, но последнее продолжало вмешиваться в церковные дела: оно изымало церковные метрические книги, аннулировало освященные Церковью браки (вводя гражданские), запрещало религиозное воспитание в школах, перевело пенсионные фонды для священников и их вдов в министерство труда, упразднило социальную помощь духовенству и т. д. По закону об аграрной реформе от 1946 г. государство конфисковало у Церкви 180000 гектаров возделываемой земли и лесов и национализировало 1180 церковных зданий, в том числе многие епископские резиденции.

Повсюду были в запустении монастыри и храмы. Во многих районах местные власти мешали или запрещали священникам исполнять их служение. Епископам и священникам запрещено было возвращаться в свои округа на юге страны.

Перед возвращением патриарха Гавриила священный Синод счел нужным отказаться от Мукачевско-Пряшевской епархии (основана в 1931 г., ныне территория Украины), передав ее под юрисдикцию Московского патриархата. Формально решение об

этом полагалось принять на Архиерейском синоде, что и было сделано в 1947 г.

После заключения мирного договора между Югославией и Италией Архиерейский синод под председательством патриарха Гавриила постановил сделать город Задар и его окрестности, а также далматинские острова частью Далматинской епархии, а Риеку-Истрию и острова, расположенные у северных берегов Хорватии отдать под юрисдикцию Горно-Карловацкой епархии. На первом очередном Архиерейском синоде, проходившем в Белграде 24 апреля–21 мая 1947 г., была восстановлена Сремская епархия (с епископской кафедрой в Сремских Карловцах), а также Шумадийская (с епископской кафедрой в Крагуевце) и Будимско-Полимская (с епископской кафедрой в черногорском городе Бело Поле). Было рукоположено несколько иерархов и назначен ряд администраторов на вакантные посты в новых Сремской, Шумадийской и Будимско-Полимской епархиях, расположенных на территории Сербии.

Кроме того, Архиерейский синод постановил изменить в 1957 г. Устав Сербской Православной Церкви, чтобы государственные власти не могли впредь навязывать свои решения церковных дел, что имело место после принятия Постановления об отделении Церкви от государства. Было решено также не приносить впредь торжественной присяги главе государства. На следующем собрании епископов в 1948 г. Моравская епархия в Чехословакии была передана под юрисдикцию Московского патриархата.

Непростым делом было восстановление богословских школ. Программы церковного образования больше не утверждались официально. После II Мировой войны вплоть до 1952 г. богословский факультет оставался частью Белградского университета. В Призрене в 1947 г. вновь открылась богословская школа. Два года спустя, в 1949 г., вновь открылась богословская школа св. Савы в Раковицком монастыре (Белград). Были проблемы, связанные с церковной периодикой. «Сербский православный патриарший вестник», выходивший нерегулярно во время войны, с 1 марта 1946 г. стал выпускаться ежемесячно. «Великий календарь» под названием «Церковь» (со статьями просветительского характера) периодически издавался при оккупации и после войны до 1946 г. С 1949 г. регулярно печатался карманный «Календарь». В том же году Ассоциация православных священников Югославии (с центром в Бел-

граде) начала выпускать ежемесячный «Вестник» для образования духовенства.

Патриарх Викентий (1950–1958)

7 мая 1950 г. внезапно скончался патриарх Гавриил. 1 июля 1950 г. патриархом был избран Викентий Проданов. Викентий родился в Петровом Селе (Воеводина) в 1890 г. Он окончил среднюю школу в Новом Саде, затем богословскую школу в Сремских Карловцах и был пострижен в сербском Бездинском монастыре (ныне в Румынии). Позднее он получил историческое образование в Белграде. В 1936 г. Викентий был избран викарным епископом Марчи (Хорватия), а два года спустя собрание епископов назначило его помощником патриарха Гавриила в Сремских Карловцах. В 1939 г. он был избран епископом Злетовско-Струмицкой епархии и, кроме того, с 1940 г. до начала войны был управляющим Охридско-Битолской епархией. Во время войны он был изгнан из своей епархии и заменил бывшего в заключении епископа Жичского Николая Велимировича. После войны коммунистические власти не позволили ему вернуться в свою македонскую епархию, так как у них имелся план насадить в Церкви раскол и создать «автокефальную» Македонскую православную церковь. В 1958 г. власти провозгласили в Македонии церковную автономию, которая была признана Белградским патриархатом. Но когда в 1967 г. власти в одностороннем порядке провозгласили т. н. «Македонскую автокефальную Православную Церковь», это не было признано и не признано до сих пор ни Сербским патриархатом, ни другими Православными Церквами, так как в православной традиции автономия и автокефалия – это далеко не одно и то же. Патриарх Викентий успешно противостоял оказываемому на него давлению с требованием признать эту автокефалию. Кроме того, благодаря его усилиям получали социальную и медицинскую помощь священники и миряне, служившие в Сербской Православной Церкви. В 1952 г. правительство отделило от Белградского университета богословский факультет, который с тех пор принадлежал Церкви вплоть до 2004 г., когда он вновь вошел в состав университета. Несмотря на финансовые трудности и, в частности, благодаря межцерковной помощи, оказанной Всемирным Советом Церквей (ВСЦ),

Церковь смогла содержать этот факультет. Патриарх Викентий восстановил и поддерживал прерванные войной дружеские связи с другими Православными Церквами. За время его служения было рукоположено 5 епископов и митрополитов (Жичский, Мостарский, Призренский и 2 викарных епископа для Белграда).

В 1957 г., в последний год жизни патриарха, появилось двухнедельная газета «Православный миссионер», которая стала крупнейшей газетой Церкви. В 1958 г. начал выходить журнал «Православная мысль», посвященный богословской литературе и церковным вопросам. Патриарху Викентию принадлежат многие научные работы, напечатанные в «Вестнике Новосадского исторического общества» и «Вестнике Сербской патриархии». Он был известным историком-исследователем.

15 июля 1958 г., после заседания ежегодного Архиерейского синода, патриарх Викентий внезапно скончался. Правительство ожидало, что Архиерейский синод признает македонскую автокефалию, но просчиталось. Весть о смерти патриарха была воспринята с большим подозрением.

Патриарх Герман (1958–1990)

Два месяца спустя, 13 сентября, патриархом был избран епископ Жичский Герман Джорич. Он родился в сербском городке Йошаничка-Баня в 1899 г. Получил богословское образование в богословской школе св. Савы в Белграде. Он учился также на факультете права в Париже. Он был рукоположен в 1927 и служил священником в таких приходах, как Мияковцы и Врнячка-Баня. В 1951 г. он был назначен генеральным секретарем Священного синода и работал в этой должности до 1956 г. Он принял постриг 7 июля 1951 г. в Студеницком монастыре и 15 июля 1951 г. в Белградском соборе рукоположен во викарного епископа Моравского. В 1952 г. он был избран епископом Будимским, в следующем году назначен управляющим Жичской епархии, в 1955 г. – Будимско-Полимской и в 1956–1957 гг. – Рашко-Призренской епархии. В 1956 г. он стал епископом Жичской епархии.

Патриарх Герман стоял во главе Сербской Церкви более 30 лет (1958–1990). После интронизации он совершил паломничество в Святую Землю, посетив по дороге всех восточных патриархов. На об-

ратном пути он побывал на Афоне, где посетил сербский монастырь Хиландар и предложил помощь в его обновлении, разумеется, при строгом сохранении его византийского характера. В 1963 г. патриарх вновь посетил этот монастырь по случаю 1000-летия Афона. В 1964 г. он присутствовал на церемонии бракосочетания короля Греции Константина и еще раз посетил Хиландар. При участии верующих мирян он учредил комитет помощи монастырю. В каждом номере газеты «Православие» публиковались материалы об этом сербской обители, находящейся на Афоне, т. е. под юрисдикцией Константинопольского патриархата. Монастырь был основан в 1198 г. князем Стефаном Неманьей (в монашестве Симеон) и его сыном Савой, первым сербским архиепископом и просветителем Сербской Церкви.

Патриарха Германа высоко ценили во Всемирном Совете Церквей (ВСЦ). Он был избран одним из 6 председателей его Генеральной ассамблеи 1968 г. в Упсале.

При патриархе Германе было сооружено множество храмов, например, храм в монастыре св. Стефана в Сланцах близ Белграда (владение Хиландарского монастыря), часовня св. Параскевы в Раковицком монастыре, храм Собора сербских святых в Карабурме (Белград). Многие храмы и приходские строения были реставрированы и украшены. Строились новые здания, например, здание богословского факультета в Белграде, открытого в 1995 г. а также богословская школа при монастыре Крка (Хорватия) близ города Шибеник. В 1985 г. возобновилось строительство монастыря св. Савы, разрушенного во время II Мировой войны.

Благодаря патриарху Герману в 1964 г. в Сремских Карловцах была открыта богословская школа св. Арсения. Сначала она была филиалом богословской школы св. Савы в Белграде и стала самостоятельной через несколько лет. В 1964 г. открылась уже упоминавшаяся богословская школа при монастыре Крка с 5-летним сроком обучения. Занятия в школе начались в 1966 г. Были восстановлены монастырские школы в Преображенском монастыре в ущелье Овчар-Каблар (Сербия) и в Острожском монастыре (Черногория). В 1986 г. был основан богословский факультет в Либертвилле, США, – сначала как филиал Белградского богословского факультета, – в 1988 г. ставший самостоятельным. В 1990 г. при Белградском богословском факультете открылся богословский институт, но в 2003 г. он был закрыт.

Немало своего времени патриарх Герман посвящал многочисленным периодическим изданиям. С 1965 г. регулярно выходил большой календарь «Церковь». С 1967 г. издавался журнал Сербского патриархата «Православие» и детское приложение к нему «Колокольчик святого Саввы» («Светосавско звонце»).

С 1968 г. периодически выпускался журнал на английском языке «Сербская Православная Церковь в прошлом и настоящем». С 1967 г. в самом патриархате открылся православный университет с еженедельными конференциями.

В течение служения патриарха Германа в Сербии и за ее пределами был создан ряд новых епархий. В 1963 г. Американо-Канадская епархия была разделена на три епархии: Американо-Канадская восточная с кафедрой в Питтсбурге, Американская епархия Среднего Запада с кафедрой в Чикаго и Американская западная с кафедрой в Альгамбре. Западная Европа и Австралия в 1969 г. были включены в епархию Западной Европы и Австралии с епископской кафедрой в Лондоне. В том же году некоторые части Вршацкой и Тимишоарской епархий были объединены в одну Тимишоарскую епархию с епископской кафедрой в Тимишоаре (Румыния). Архиерейский синод провел церковную организацию австралийского и новозеландского регионов, создав в 1973 г. Австралийско-Новозеландскую епархию. В 1975 г. была восстановлена Вранская епархия с кафедрой во Вранье (Сербия). В 1983 г. от Американо-Канадской епархии отделилась Канадская. В 1990 г. была восстановлена Бихачская епархия под официальным названием Бихачско-Петровацкая и с епископской кафедрой в Босанском Петроваце (Босния).

К сожалению, в Сербской Православной Церкви возникли два раскола. Причиной первого был распад в 1963 г. Американской епархии на три новые. Этот раскол был улажен в 1992 г. Второй был вызван самопровозглашением в 1967 г. македонских епархий автокефальной церковью. Он продолжается по сей день.

Патриарх Павел (с 1990)[1]

Патриарх Герман ушел на покой по болезни 1 декабря 1990 г. и скончался 27 августа 1991 г. Ему пришел на смену епископ Рашко-

[1]Скончался 15 ноября 2009 года — *прим. ред.*

Призренский (Косово и Метохия) Павел (Стойчевич). Он стал в 1990 г. патриархом Сербской Православной Церкви, 44-м по счету. Родился будущий патриарх в Славонии (Хорватия) в 1914 г. Он изучал богословие в Сараево и окончил богословский факультет в Белграде. Он стал монахом в Благовещенском монастыре (Овчар, Сербия) в 1946 г. Затем преподавал в Призренской богословской школе. В 1955–1977 гг. завершал высшее образование в Афинах. В 1957 г. он был избран епископом Рашко-Призренским.

Став патриархом в 1990 г., Павел прилагал все усилия для исцеления раскола между двумя юрисдикциями Сербской Церкви в США и Канаде. Разрыв между группами духовенства углублялся и причинял вред верующим сербам и Церкви, но в 1992 г. он был полностью преодолен.

В 1991 г. Словения и Хорватия провозгласили независимость от Югославской Федерации. В 1992 г. их примеру последовали Македония и Босния и Герцеговина. Бушевала гражданская война. Сербия и Черногория создали в 1992 г. новую федерацию.

Таким образом, во время служения патриарха Павла Югославия распалась. Войны повлекли за собой пытки, смерти и разрушения в Хорватии и Боснии и Герцеговине. Сербский народ, его епископы и священники подверглись изгнанию и переселению. Большинство храмов были разорены или разрушены. Страдания сербов, разрушения их святынь превысили предел после бомбардировки Сербии в марте–июне 1999 г. и ввода 13 июня 1999 г. международных военных сил. Более 115 храмов и монастырей, построенных с XIV по XX век, были повреждены или разрушены. Более 1000 сербов были убиты, более 230 тыс. были согнаны с мест, и многие из них погибли. Кроме того, было сожжено или заминировано около 10 тыс. домов.

Вот неполный список разрушенных сербских храмов в порядке времени их построения. XIV век: Свято-Троицкий монастырь в Мушутиште, храм Богородицы Одигитрии в Мушутиште, Введенский храм в Доляне близ Клины, храм Иоанна Предтечи в Самодреже под Вучитрном (отстроенный в 1932 г.), Зочиштский монастырь и храм свв. Космы и Дамиана, Архангело-Гаврииловский монастырь в Биначе около Витины, храм св. князя Лазаря в Белице под Истоком, храм св. Георгия в Руднике под Србицей. XV век: монастырь св. Марка в Корише близ Призрени, Девичский монастырь под Србицей. XVI век: храм св. Николая в Любижде близ Призрени.

XX век: монастырь св. Уроша в Шаренике в Горно-Неродимском уезде, храм Богородицы в Дяковаце и храм Архангела Михаила в Штиме.

В эти смутные времена, отмеченные страданиями сербского народа и разрушением его святынь, духовенство и миряне стремились построить в епархиях новые храмы, приходские дома и прилегающие помещения. С 1990 г. в одной Белградско-Карловацкой епархии было построено более 20 храмов и строятся другие.

Во время служения патриарха Павла были рукоположены 24 епископа и созданы или восстановлены многие епархии. В 1990 г. епархия Западной Европы разделилась на епархию Центральной Европы и епархию Великобритании и Скандинавии. В тот же год была основана Осиекпольско-Баранская епархия (ныне в Хорватии). После смерти в 1990 г. Фирмилиана, епископа американской епархии Среднего Запада, его сменил епископ Восточной Америки Христофор. В 1992 г. под названием Милишевской была восстановлена Будимско-Полимская епархия в Сербии. В 1994 г. епархии Центральной Европы и Великобритании-Скандинавии объединились, образовав епархию Западной Европы с кафедрой в Стокгольме.

В 1994 г. был назначен новый епископ в Париж для новообразованной епархии Франции и Западной Европы (Франция, Бельгия и Иберийский полуостров). В 2006 г. Шабацко-Валевская епархия была разделена на две – Шабацкую и Валевскую (восток Сербии).

Вновь была открыта в 1992 г. богословская школа в Четинье. В 1992 г. была открыта богословская академия св. Василия Острожского в Србине (Фоча, Босния и Герцеговина), в 1994 г. она вошла в состав Сараевского университета и в 2004 г. стала богословским факультетом св. Василия Острожского. В 1997 г. была основана богословская школа в Крагуевце, сначала как филиал Белградской богословской школы, с 2000 самостоятельна.

В 2003 г. в Белграде было создано информационное агентство Сербской Православной Церкви – «Православная пресса».

В 2008 г. Сербская Православная Церковь насчитывала 41 епархию в стране и за границей, в том числе восстановленные епархии Охридской архиепископии.

При своих многочисленных обязанностях патриарх Павел занимается также образовательной и научной работой. Он опубликовал многие труды, как-то «Вопросы и ответы перед по-

священием во чтеца» (1988), «Девич, монастырь св. Иоанникия Девичского» (1989, второе издание 1997), «Молитвы и прошения» (1990). Более 20 лет он постигал глубины литургии, прежде чем издать книгу о ней в форме вопросов и ответов, чтобы тема была понятна читателю. Его статьи одна за другой печатались в «Вестнике Сербской Православной Церкви» и были изданы в 1988 г. в трех томах под названием «Для объяснения некоторых недоумений о нашей вере». По просьбе патриарха в 1973 г. был издан «Октоих» Дечанского монастыря, написанный Георгием Црноевичем. В 1986 г. вышло исправленное издание книги «Сербикон» («Србљак»).

В качестве епископа Призренского Павел подготовил репринтное издание литургических исследований на «Христианские праздники» М. Скабаллановича. Кроме того, он был председателем комиссии Священного синода по исправлению сербского перевода Нового Завета, выполненного Вуком Караджичем в 1847 г. Перевод комиссии был одобрен и опубликован в 1984 г. как первый сербский перевод, авторизованный Церковью. В 1990 г. был издан его исправленный вариант, затем последовали новые переводы. Патриарх был председателем Литургической комиссии Священного синода по исправлению и публикации «Служебника (Литургикона)». В 1988 г. Белградский богословский факультет удостоил его степени доктора богословия *honoris causa*. В 1992 г. Нью-Йоркская богословская академия св. Владимира удостоила его той же степени.

Сербская Православная Церковь готовит своих служителей в 7 богословских школах: Белградской, Крагуевацкой, Призренской, Фочской, Четинской, школе монастыря Крка и Сремско-Карловацкой, а также на трех богословских факультетах: Белградском, Фочском (Босния и Герцеговина) и Либертвилльском (США).

XX век отмечен деятельностью двух крупнейших служителей Церкви: знаменитого богослова Иустина Поповича († 1979) и епископа Николая Велимировича († 1956, канонизирован в 2003 г.). Среди здравствующих богословов можно назвать имена митрополита Черногорского Амфилохия (Радовича), епископа Бачковского Иринея (Буловича), епископа Браничевского Игнатия (Мидича), а также епископа Захумско-Герцеговинского Афанасия (Евтича) (ныне на покое).

В 2007 г. в Сербской Православной Церкви насчитывалось 300 монастырей, в том числе 120 женских и около 160 мужских. Многие монастыри сейчас восстанавливаются после разрушений военного и послевоенного времени. Имеется также несколько монастырей без общин.

Кроме афонского Хиландара, крупнейшие сербские монастыри суть следующие: Жичский монастырь (XIII век), основанный королем Стефаном; Печский патриарший монастырь (XIII век), основанный сербскими архиепископами Арсением, Никодимом и Даниилом II; Студеницкий монастырь (XII век), основанный великим князем Стефаном, в монашестве Симеоном; монастырь Крка в Далмации (XIV век), основанный княгиней Еленой Шубич, сестрой царя Душана; Милешевский монастырь близ города Приеполе (XIV век), основанный королем Владиславом Неманичем; Погановский монастырь (XIV век), основанный Константином Деяновичем и его дочерью Еленой и включенный в 1979 г. в список культурных памятников мирового значения; Дечанский монастырь (XIV век), основанный королем Стефаном Дечанским и также включенный в список культурных памятников мирового значения; Сопочанский монастырь близ города Нови Пазар (XIII век), основанный королем Урошем, и Грачаницкий монастырь (XIV век) в 10 км от Приштины (Косово).

ПРИМЕЧАНИЕ КРИСТИН ШАЙО

Название «Косово» введено в 1968 г. коммунистическим режимом взамен прежнего составного «Косово и Метохия». Старейший регион сербского народа, его государства – княжества Рашка – и его Церкви. Назывался также «Старой Сербией». См. Меморандум о Косово и Метохии Священного Архиерейского собора Сербской Православной Церкви, 2004. Нынешняя республика Косово включает исторические области Косово (восточная часть) и Метохию (западная часть).

БИБЛИОГРАФИЯ

Alexander, S., *Church and State in Yugoslavia since 1945*, Cambridge, 1979.

Circović, S., *The Serbs*, Cambridge, 2005.

Janjić, J., *Vie et paroles du patriarche serbe* Paul (traduit du serbe á Paris en 2008).

Книга воспоминаний об Иосифе Цвийовиче, епископе Битолском и архиепископе Скопском (Цейне-Лепосавич-Белград, 2007, на сербск. языке).

Mémorandum sur le Kosovo et Métochie, édite par le synode de l'Église serbe orthodoxe, traduction française, Paris, 2004, p. 22–24.

Parry, K., «Crisis in the Balkans: the Byzantine Monuments of Kosovo», в: *Eastern Churches Journal*, 8/3, 2001, p. 83–90.

Pavlovitch, K., *The Impropable Survivor: Yugoslavia and Problems 1918–1988*, Columbus, 1988.

Petrovich, M., *A History of Modern Serbia, 1804–1918*, 2 vol., New York, 1976.

Попович, Р., *Сербская Православная Церковь в истории*, Белград, 2005 (на сербск., греч., нем., англ. языках).

Пузович, П., *Краткая история Сербской Православной Церкви, 1219–2000*, Крагуевац, 2000 (на сербск. языке).

–, *Kurze Geschichte der Serbischen orthodoxen Kirche*, Himmelsthür, 2007.

Радич, Р., *Государство и религиозные общины, 1945–1970*, I–II, Белград, 2002 (на сербск. языке).

–, *Жизнь во времени: Гавриил Дожич (1871–1950)*, Белград, 2006 (на сербск. языке).

Сава, епископ Шумадийский, *Сербские иерархи с IX по XIX век*, Белград-Подгорица-Крагуевац, 1996 (на сербск. языке).

Сербская Православная Церковь между 1920 и 1970 гг., к 50-й годовщине сербского патриотического возрождения, Белград, 1971 (на сербск. языке).

Слепчевич, Д., *История Сербской Православной Церкви*, Кельн, 1986, 3 т. (на сербск. языке).

Subotić, G., *Art of Kosovo*, New York, 1998.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО ИСТОРИИ АЛБАНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В XX СТОЛЕТИИ И ЕЕ ВОСКРЕСЕНИЕ В 1991 ГОДУ

Анастасий (ЯННУЛАТОС)

В последние десятилетия XX века положение Албанской Автокефальной Православной Церкви было уникальным и привлекало внимание на мировом уровне. Ведь в течение почти полувека коммунистическое и атеистическое правительство диктатора сталинского типа Энвера Ходжи (1944–1985) делало все, чтобы уничтожить в стране малейший признак религии, изгоняя и преследуя православное духовенство и терроризируя верующих. Сотни храмов и множество монастырей было разграблено, разрушено или превращено в бары, рестораны, стойла для скота.

С 1967 г. все храмы были закрыты и богослужения запрещены. Между 1967 и 1990 гг. люди за пределами Албании думали, что Албанская Православная Церковь совсем исчезла под гнетом государственного атеистического абсолютизма и что ее история принадлежит прошлому. Однако в декабре 1990 г., через 23 года после закрытия всех церквей, в южной деревне Дервичан была вновь отслужена литургия. И уже в 1991 г. отмечалось удивительное возрождение во многих областях духовной и общественной жизни.

Исторический обзор

До земель нынешней Албании весть о Христе дошла в I столетии. Культуру страны вскормил дух Евангелия. Вдоль берегов Адриатического и Ионийского морей проходила внутренняя дорога, *Via Ignatia*, соединявшая восточную и западную части Римской империи. Политически и культурно край принадлежал римскому миру.

Наши сведения о различных периодах церковной истории этого региона весьма ограниченны. Кое-какую существенную информацию – названия некоторых епархий, имена епископов и святых – дают археологические раскопки и надписи на кусках терракоты. Нам представляется важным собирание и хранение всех объектов такого рода, так как они помогают лучше узнать церковное прошлое Албании. Однако многие исторические факты и подробности остаются и, вероятно, навсегда останутся для нас неизвестными.

Представим краткий обзор периодов истории Албанской Православной Церкви.

Первый период начинается в апостольском веке и доходит до 731 г. Тогда край принадлежал к Западной Иллирии, а его Церковь была самоуправляемой частью Фессалоникского викариата. В политическом отношении вплоть до смерти Феодосия I (395 г.) регион был зависим от Рима, а в дальнейшем – от Восточной Римской империи, и, таким образом, Албания попала под церковную юрисдикцию Константинополя. С 731 г. до начала XI века местная Церковь находилась в прямом ведении Константинопольского патриархата.

В третий период, с XI века по 1767 г., большинство епархий (Флавеницкая, Белградская, Адрианорльская, Бутротская) относились к Охридской архиепископии (1018 г.), пребывавшем в общении с Константинопольским патриархатом.

Этот период отмечен двумя разделениями. Во-первых, это великий раскол между Востоком и Западом (1054 г.), который разделил и Албанский регион между двумя юрисдикциями – римской на севере и византийской на юге. После этого раскола Рим до конца XI века упорно пытался распространить свое влияние на юг. Второе разделение, на политическом уровне, а именно османское завоевание, определило всю историю Албании после падения Дурреса в 1501 г. При османской оккупации более двух третей населения обратилось в ислам, чтобы избежать непосильных налогов и уклониться от призыва мужчин в османскую армию.

Четвертый период начинается с отмены автономии Охридской архиепископии в 1767 г. и длится до первых десятилетий XX века. Тогда Албанская Церковь снова оказалась под юрисдикцией Константинопольского патриархата.

В новое время ключевым политическим событием стало образование в 1912 г. Албанского государства. Впервые после той четверти XV века, когда страной правил борец против османов Скандербег

(1443–1468), албанцы получили возможность стать хозяевами в своем доме.

Последний период – период автокефалии, которую Албанская Православная Церковь получила в 1937 г. по соглашению с Константинопольским патриархатом, – продолжается и поныне. Уже в 1922 г. Албанская Церковь провозгласила «автокефалию», которая тогда была признана лишь политически, самим албанским государством. Канонически же, Константинопольским патриархатом, она была признана лишь в 1937 г. Начало этого периода было многообещающим, но дальнейшие годы стали самыми мрачными из всех, когда-либо пережитых Албанской Церковью. Как сказано в Псалме 114:3: «Объяли меня болезни смертные, муки адские постигли меня; я встретил тесноту и скорбь».

Черные годы

В 1939 г., всего через два года после провозглашения автокефалии Церкви, в страну вторглись итальянские войска, и Албания стала провинцией фашистской Италии. В это время был разработан обобщенный стратегический план вовлечения всех православных в союз с арберешами, католиками-униатами албанского происхождения, жившими на юге Италии. Пропаганда утверждала, что самое лучшее для Албании – подчинение всех албанских христиан Ватикану и итальянскому государству. Однако этот проект был отвергнут Православной Церковью, и после поражения Италии в 1943 г. с планами унии было покончено.

После ухода из Албании немецких войск в 1944 г. Коммунистическая партия во главе с Энвером Ходжой захватила бразды правления и установила диктаторский режим (1944–1985). Этот режим, нетерпимый к любому сопернику, видел в религии угрозу и подверг Церковь жестоким гонениям. Гонения первых 23 лет сравнимы с теми, которые пережила Церковь в Советском Союзе и в других балканских странах. 22 октября 1967 г., стремясь быть новаторским в мировой истории, режим Ходжи объявил себя «первым и единственным в мире атеистическим государством». Гонения, последовавшие за этим категорическим решением, были самыми суровыми из всех когда–либо перенесенных поместной Церковью. Государство закрыло все храмы и стремилось разрушить сотни

исторических памятников, превращая церковные здания в склады, кинотеатры и стойла для животных. Духовенство было упразднено, все имущество Церкви, включая земли, утварь и архивы, конфисковано. Малейшее сопротивление каралось заключением, изгнанием или смертью. Так же каралось всякое проявление религиозности.

Государство отстранило от служения архиепископа Христофора и 25 декабря 1948 г. заточило его в тюрьму.

По официальной версии, он умер от сердечного приступа 19 июня 1958 г., но по слухам – был отравлен. На его место 25 августа 1949 г. был назначен Паисий Водица, вдовец, бывший епископ Корчинский.

В феврале 1950 г. в Тиране состоялось собрание мирян и клириков Православной Церкви. На нем был принят новый устав, более соответствовавший общественно-политическим условиям того момента.

Паисий Водица скончался 4 марта 1966 г. В апреле 1966 г. архиепископом стал бывший участник сопротивления Дамиан, но в 1967 г. он подписал отречение и удалился в Поградец, где скончался 18 октября 1973 г. В это время Албанская Церковь состояла из архиепископии и 3 епархий, возглавляемых епископами, а также 12 округов, руководимых высшим духовенством с 330 приходами и 25 монастырями.

Говоря об этом периоде, следует отметить два факта: прежде всего, многонациональный состав православных, среди которых были албанцы, греки, славяне, влахи; с другой стороны, то обстоятельство, что православные не составляли большинства населения, как в других балканских странах.

Согласно итальянской статистике, накануне гонений православие исповедовали 20,7% населения[1]. 23 марта 1949 г. в разговоре со Сталиным Ходжа утверждал, что православные составляют 30–35% населения[2].

В период гонений оставалась активной лишь малочисленная группа верующих, составившая неформальную катакомбную церковь.

[1] Al. Popović, *L'Islam balkanique*, Berlin, 1986, p. 38.

[2] «Biseda Sekrete e Enver Hoxhës me Stalinin», *Gazete Shqiptare*, 15 oct. 2000, p. 13 [см. *Vostotsia Europa*]; «Europa Lindore në Dokumente e Arkivave Ruse», 1944–1953, vol. II, Moscou, 1998, p. 44–57.

Новое десятилетие

В 1991 г. под давлением международных событий коммунистический режим в Албании сменил свою железную политику по отношению к религии на более гибкую. Православная Церковь была тогда неспособна подняться своими силами. Из-за политической нестабильности и внутрицерковных конфликтов, при отсутствии духовной жизни, проповеди и поддержки, Церковь обнищала и пришла в совершенный упадок. И все же стойкие зерна православного благочестия, спавшие в тысячах душ, ждали только благоприятных условий, чтобы прорасти.

Однако полностью разрушенная православная управленческая структура оставляла мало надежды. В мире не было ни одного албанского епископа, который мог бы взять на себя ответственность за восстановление поместной Церкви. Не было ни одного албанского клирика или мирянина, который мог бы взяться за это труднейшее дело. 15 священников и 3 диакона, пережившие долгие гонения, были уже престарелыми и больными.

В конце концов, после целого ряда смелых шагов Вселенский Константинопольский патриархат взял на себя инициативу по восстановлению Албанской Церкви. В январе 1991 г. Вселенский патриарх Димитрий и Священный синод выбрали меня патриаршим экзархом Албании.

Наконец, после месяцев сопротивления этому вмешательству патриархата со стороны албанского правительства, 18 июля 1991 г. мы прибыли в Тирану. Во время поездки по стране мы увидели невероятное запустение, до которого довели безжалостные гонения. Наша миссия в качестве патриаршего экзарха состояла в том, чтобы укрепить структуру того остатка организации, который мог бы представлять поместную Православную Церковь. С этим намерением мы провели 1 и 2 августа собрание духовенства и мирян, в котором участвовали 15 клириков и 30 мирян из всех церковных округов страны. Собрание изучило положение, сложившееся после ухода коммунистической власти, приняло к рассмотрению проекты Церкви и перешло к избранию 4 викарных комитетов и одного общего церковного совета в составе 13 человек – клириков и мирян.

Особенно нужны были компетентные люди, албанские граждане, которые могли бы стать епископами. В частности, требовался

кандидат, хотя бы из неженатых и образованных мирян, на должность архиепископа. К сожалению, такового не было. Все согласились с тем, что поместная Церковь не может быть восстановлена без помощи извне.

В марте 1992 г. состоялись политические выборы, которые привели к созданию новой демократической партии, сформировавшей тогда первое свободно избранное правительство. В мае 1992 г., когда я готовился вернуться к своим обязанностям преподавателя Афинского университета, духовенство и миряне Албании, люди различного этнического происхождения, обратились ко мне с настоятельной просьбой остаться в стране и начать работу по реорганизации их обескровленной Церкви. 5–8 июня делегация Албанской Церкви, впервые после начала коммунистических гонений, нанесла визит во Вселенский Константинопольский патриархат и просила избрать меня предстоятелем Албанской Православной Церкви.

24 июня 1992 г. Святейший патриарх Варфоломей и Священный синод единогласно избрали меня архиепископом Тиранским, Дурресским и всея Албании. Священный синод Вселенского патриархата избрал также епископами трех архимандритов-греков для трех вдовствующих кафедр: Христодул Мустакас стал митрополитом Корчинским, Александр Каплакидис – митрополитом Гирокастрским, а Игнатий Триантис – митрополитом Бератским. Албанское правительство энергично противилось этим назначениям, говоря о внешнем греческом контроле над тремя религиозными общинами страны.

Президент Сали Бериша все же принял поставление архиепископа, но ни под каким видом не соглашался с тем, чтобы другие православные иерархи тоже были греческого происхождения. 12 июля я принял это избрание. Интронизация произошла в Тиранском Благовещенском соборе 2 августа 1992 г. в присутствии всего духовенства и представителей мирян из всех албанских провинций.

Задача огромной трудности

Перед нами стояла трудная и долгосрочная задача, способ решения которой был неясен. Прежде всего, недоставало церковной инфраструктуры. Однако труднее всего было справиться с атмос-

ферой подозрения, нагнетаемого некоторыми кругами, особенно вне православной христианской общины, и связанного с греческим происхождением архиепископа. После многих лет гонений православная община оказалась чем-то вроде этнически неоднородной и разобщенной группы. Некоторые этнические вопросы вызывали разногласия. Кроме того, нам пришлось начинать без элементарной организационной структуры, при очень слабых экономических ресурсах и очень малом числе помощников. Другой трудностью для меня было изучение нового языка в немолодом уже возрасте.

Условия жизни были тяжелы. Простейшие задачи осложнялись многочисленными и нелегкими для преодоления препятствиями.

Хотя президент республики примирился с фигурой нового архиепископа, определенные круги в Албании предприняли против нас ряд акций, в том числе разработку закона, который мог бы принудить меня покинуть страну из-за моего греческого происхождения. На специальном собрании духовенства и мирян 21 января 1993 г. в Дурресе православные делегаты единодушно заявили, что не потерпят подобных мер. Осенью 1993 г. при обсуждении новой конституции имела место последняя попытка заставить уйти православного архиепископа. Однако на референдуме 6 ноября 1994 г. это намерение не получило одобрения.

С другой стороны, Вселенский патриархат принял некоторые поспешные решения, отмеченные недостаточным пониманием общественно-политической атмосферы и условий жизни, сложившихся тогда в Албании. В июле 1996 г. Константинопольский патриархат без согласования с албанской стороной утвердил трех упомянутых выше митрополитов-греков. Для нас настали скорбные дни, так как, отказавшись стать в оппозицию к албанскому правительству, мы, однако, были разобщены из-за атмосферы недоверия с обеих сторон. Мы старались объяснить, что невозможно прийти к верному решению путем односторонних действий. Следовало достичь консенсуса ради единственной цели – помочь Албанской Православной Церкви выжить и развиваться дальше.

В течение 7 месяцев, с ноября 1997 по июль 1998 г., продолжалось обсуждение и урегулирование болезненного вопроса о составе албанского Священного синода представителями Вселенского патриархата и Албанской Православной Церкви с участием албанских властей.

Наконец, был достигнут следующий компромисс: Священный синод состоит из двух лиц греческого и двух лиц албанского происхождения.

В 1998 г. Священный синод был создан. Митрополит Бератский Игнатий, арванит, т. е. албанец из Греции, занял свой пост, а митрополит Гирокастринский Александр и митрополит Корчинский Христодул подали в отставку. Митрополитом Корчинским был избран архимандрит Иоанн Пелуши, а епископом Аполлонийским – о. Косма Гиро (Экономос). Последний принадлежит к старшему поколению священников, которые героически продолжали тайно крестить и служить Божественную Литургию в годы самых жестоких гонений.

В феврале 1999 г. два митрополита-грека, подавшие в отставку, чтобы получить возможность вернуться в Элладскую Церковь, просили лишить их титулов. Это было исполнено. Так была решена острая проблема создания Священного синода.

В течение 7 первых, критических лет (1991–1998) я как иерарх сражался в одиночку, поддерживаемый только общим церковным советом из 13 клириков и мирян. Благодаря созданию Священного синода я теперь не оставался один на один с тяжелой задачей управления Церковью. Со мною были теперь братья-иерархи из Священного синода, а это – главная необходимость для правильной работы автокефальной Православной Церкви.

На политическом уровне главным событием был приход Рамиза Алии на смену Энверу Ходже. Албания вышла тогда из политической и экономической изоляции. С 1990 г. в стране началась демократизация.

В начале 90-х, перед моим приходом, местные миряне пытались организовать во многих местах комитеты, но не была сформирована церковная управленческая структура.

В феврале 1991 г. в Тиране группа из 40 верующих во главе с диаконами Сотиром Коджери и Спиро Финдуку предприняла усилия для открытия собора, отнятого государством в 1967 г. и превращенного в гимназию. 25 марта 1991 г., в день Благовещения, Папа Гаги и диакон Сотир отслужили во вновь открывшемся соборе первую литургию.

В июне 1991 г. нашу Албанскую Церковь посетили представитель Албанской архиепископии в Америке о. Артур Лиолин и другие православные клирики из Америки. Они оказали помощь на-

шему немногочисленному духовенству в совершении крещения и в служении литургии. Вслед за ними к нам стали приезжать другие православные священники и миряне-миссионеры из США. Приезжали также греческие священники, чтобы окормлять верующих на юге страны, а позднее греческие миряне и монахини.

С начала 60-х годов в Албании оставалось не более 330 клириков. В 1967 г. всякая деятельность Церкви оказалась вне закона. Священника, застигнутого за богослужением, убивали или бросали в тюрьму.

Трагически мало священников пережило эти годы духовных потемок. В 1990 г., когда, оставшись без архиереев, церковное служение могли совершать только священники, их было всего 22, в большинстве старше 70 лет. Для церковного возрождения духовенства не хватало. Первая конференция духовенства состоялась в 1995 г.

В 1999 патриарх Константинопольский Варфоломей совершил исторический визит в Албанию.

Восстановление духовной жизни Албанской Церкви (1991–2003)

В первые годы после падения коммунистического режима верующие собирались под открытым небом в местах, освященных некогда Церковью, так как храмов не было. Храмы, как мы видели, были либо разрушены, либо кощунственно использовались в качестве складов, загонов для скота и т. д.

В это время, когда денежные средства Албанской Православной Церкви были ограниченны и покрывали только основные текущие нужды, мы не пренебрегали помощью. Многочисленные друзья, известные и неизвестные, из разных частей света с трогательной щедростью отвечали на наши призывы. Мы всегда говорим: «Мы – бедная Церковь, но мы богаты друзьями».

Главным делом для восстановления нашей разоренной Церкви было, прежде всего, обновление православной веры в сердцах людей, затем – реорганизация поместной Церкви и привлечение новых сил к церковной работе.

Первые шаги

Мы начали с проповеди Евангелия – любви и мира. Мы развивали молитвенную жизнь и взращивали православное сознание. Мы вводили программы катехизации, открывали молодежные лагеря, крестили тысячи мужчин, женщин и детей. В 1999 г. для координации работы с молодыми людьми во всей Албании было создано бюро по делам молодежи. Руководил этой работой молодой албанский богослов Йоргос Пападопули. Мы организовали фестиваль православной молодежи и начали выпускать молодежный журнал «Кембанат». Мы открыли православные приходы в большинстве больших и малых городов и в сотнях сел. Мы создали группы православных интеллектуалов, женские и молодежные группы для помощи Церкви в исполнении ее миссии.

С 1991г. молодые албанцы стали посвящать себя монашеской жизни. В 2008 г. в Албании было 5 монахов, которые работали со мной, архиепископом, но никто не жил в монастыре. Были также албанские монахи и монахини в Греции.

Богословское образование

Тогда же мы начали воспитывать и готовить работников местного уровня. В феврале 1992 г. мы арендовали старую разрушенную гостиницу и создали в ней семинарию. Эта школа стала богословской академией Воскресения Христова. В 1996 г. школа перебралась в только что выстроенное здание Свято-Власьевского монастыря в Дурресе. В 1998 г. она приняла первых студентов.

В 1994 г. там стал преподавать о. Лука Веронис из США, который впоследствии, в 1998–2003 гг., был ее директором. В 2003 г. у нас было 129 новых клириков – все албанцы, – окончивших трехлетний курс высшего богословского образования. Кроме того, среди нас еще жили 3 престарелых священника докоммунистического периода.

В сентябре 1998 г. в Гирокастре была открыта школа Св. Креста. Это было сделано для поощрения духовного развития молодых людей и их интереса к богословию и в надежде, что некоторые из них продолжат свое обучение в богословской академии Дурреса и станут священниками, а другие будут служить в своих местных

приходах как миряне, получившие высшее богословское образование.

Издания

Для укрепления нашей работы с помощью печати мы создали бюро церковных изданий. В 1992 г. нам пожертвовали цветной печатный станок, и мы взялись за издание ежемесячника «Воскресение» («Ngallja»).

В 1996 г. мы начали выпускать англоязычный информационный бюллетень «Новости православия в Албании». Позднее стали выходить новые журналы и информационные листки, а также ежемесячник для детей «Радуйтесь» («Gezohu»), газета для студентов «Слово» («Fjala») и уже упоминавшийся молодежный журнал «Колокола» («Kembanat»).

Печаталась разная богослужебная, духовная и академическая литература. В 1998 г. начала вещание круглосуточная православная радиостанция «Воскресение». Возвращение страны к религиозной свободе не означало обращения всех албанцев к религии. Многие не вернулись в традиционные для своего происхождения религиозные общины, а предпочли секулярный путь, называя себя атеистами или агностиками. Другие же были просто равнодушны к религии. Сегодня для многих семей обычное дело – смешанные в религиозном отношении браки.

В последнем десятилетии XX века Церкви удалось избежать враждебности и прямой или непрямой конфронтации с другими религиозными и нерелигиозными группами. Мы всегда заявляли, что в любом человеке, во что бы он ни веровал, мы видим брата или сестру и относимся к нему с уважением и любовью. Мы не только горячо поддерживали религиозную терпимость вообще, но и подчеркивали необходимость сотрудничества между религиозными общинами и с людьми доброй воли, не останавливаясь на их идеологических предпочтениях, чтобы построить более справедливое, мирное и гармоничное общество. Мы верим, что наша поддержка гармоничной религиозной жизни способствует общему прогрессу албанского общества.

Восстановление структуры

Согласно статистике, взятой из итальянских источников, в период великих гонений в Албании было разрушено около 1600 православных храмов и монастырей. Восстановление этих структур было одной из наших первейших задач.

Во время нашей поездки по стране в 1991 г. за неимением помещений часто не было другого выбора, кроме собраний под открытым небом. В Дельвине мы совершали литургию под высокими деревьями. В Корче мы рукополагали первого албанского священника на ступенях крыльца совершенно разрушенного здания епархии, а верующий народ толпился на соседней площади. Не находилось угла для Тиранской архиепископии, для Бератской и Гирокастринской епархий.

Конфискованное имущество и программа реконструкции

Албанское правительство не отвечало на наши отчаянные призывы вернуть Церкви для восстановления разрушенных храмов хотя бы отобранные земли: нам не выделили даже участка для строительства богословской школы. С помощью юридического бюро Церкви мы преодолели невероятные трудности, чтобы отвоевать некоторые из объектов церковной собственности, конфискованных в течение долгих гонений.

Для наших рабочих потребностей мы в сотрудничестве с местными архитекторами и инженерами создали бюро технических служб. Мы также вступили в сотрудничество с различными строительными предприятиями, собрали необходимые фонды и с Божьей помощью разработали большую программу строительства, которая позволила нам возвести множество зданий за несколько лет. С 1991 по 2003 гг. мы построили 89 новых храмов, обновили и реставрировали 5 монастырей, 74 храма и памятника и отремонтировали более 140 храмов. Некоторые из этих зданий весьма значительны по размерам, например, Корчинский и Фиерский соборы (в каждом 1000 кв. м), а также Дурресский, Шен Влаш Семанский, Кучовский, Поградецкий, Лежский, Бератский и Сарандский храмы, среди которых есть двухъярусные. Из обновленных храмов назовем Кавайский, Люшенский, Дурресский и Тиранский.

Значительнейшие из реставрированных монастырей – Святого Космы, Арденицкий, Бератский, Каравастайский, Либофшский, Ванайский, Гирокастринский, Леклийский, Леусский и Преметский.

Мы также построили или обновили более 20 других зданий, как-то: богословскую академию и монастырь Святого Власия (Сен Влаш) близ Дурреса, архиепископский центр в Тиране, епархиальные центры в Гирокастре, Корче и Берате, богословскую школу в Гирокастре, центр медицинской диагностики, духовно-просветительский центр в Люшне, гостиницу в Тиране, молодежные центры и гостиницы в Корче, Эльбасане и Кавае, здания поменьше для детских яслей и клиник в других городах, центр «Назарет» с типографией, свечной фабрикой, столярной мастерской и иконописно-реставрационной мастерской. Все эти объекты немало способствуют развитию окружающих городов и деревень.

В османский период православным приходилось строить простые храмы, напоминающие по высоте и архитектуре скорее жилые дома, чем церкви. В нашу свободную эпоху мы строили простые или триклинные базилики, а также многочисленные храмы в византийской традиции с куполами.

Эта огромная программа строительства стала реальностью, несмотря на политическую и социальную нестабильность и те бесчисленные экономические трудности, с которыми сталкивалась Православная Церковь в ненадежное и полное препятствий время.

Построив более 300 зданий, Православная Церковь достойно и без шумихи способствовала также экономическому росту страны, предоставив разнообразную работу сотням человек в многочисленных местных общинах.

Социальные и образовательные программы

Наряду с этим Албанская Православная Церковь развивала социальные программы в области образования, охраны здоровья, гуманитарной помощи, культуры и, позднее, экологии.

Образование

Церковь открыла 12 школ в таких городах, как Тирана, Дуррес, Кавая, Корча, Эльбасан,Поградец, Люшня, Саранда, Влёра, Шкодер, Пермети и Гирокастра (2 школы). Она оказывала техническую и материальную помощь общественным школам и многие из них реставрировала. В южном горном районе Церковь оборудовала интернат для девочек, чтобы дать им возможность продолжать образование в городе.

В 2000–2001 гг. мы создали в Тиране наш первый институт профессионального образования, в котором читаются двухгодичные курсы по 6 предметам: финансовое управление, бухгалтерия, лабораторная биология, информатика, иконография и реставрация икон. Это одно из первых профессиональных высших учебных заведений такого рода в Албании. В 2000 г. в нем насчитывалось уже 300 студентов.

Второй профессиональный институт мы открыли в Дервичане близ Гирокастры, отстроив разрушенные здания.

Здравоохранение

Работа Церкви в области охраны здоровья началась в 1992 г., когда в госпиталях и клиниках Тираны, Берата, Гирокастры, Корчи и т. д. было распространено большое количество лекарств и оборудования для неотложной помощи. Первая православная поликлиника была открыта в 1995 г. в Тиране. В последующие годы в Тиране был открыт центр медицинской диагностики с 24 пунктами, оснащенными специализированными лабораториями. Центр расположен в шестиэтажном здании, хорошо оборудован, в нем работают лучшие местные врачи. В 2001 г. пациентам, не принадлежащим к нашей общине, начало оказывать помощь объединение хирургов, руководимое американским специалистом.

Каждый месяц клиника принимает около 6000 пациентов из всех регионов. Имеются также православные поликлиники в Корче, Кавае и в деревне Ергуцати близ Гирокастры. Есть разъездная стоматологическая клиника, главным образом, для детей из отдаленных сел.

Гуманитарная помощь

Вся социальная и филантропическая работа Церкви проводилась благодаря ее бюро под названием «Служба любви» («Diaconia Agapes»), основанному в 1992 г. для социальных потребностей страны. Во время социально-политических кризисов 1992, 1994 и 1997 гг. Церковь собрала и распространила через многие благотворительные общественные организации тысячи тонн продуктов питания, одежды и медикаментов.

Благодаря различным европейским фондам, Православная Церковь помогла создать многочисленные гуманитарные программы, в том числе сельскохозяйственные проекты в горных районах. То же было сделано в других сферах, таких как телекоммуникация, строительство дорог, ремонт школ, сиротских приютов, а также учреждений для слепых и слабослышащих. Оказывалась помощь заключенным, в частности, созданы теплицы для предоставления им работы.

После политических беспорядков 1997 г. Церковь помогла отстроить поврежденные здания Тиранского и Гирокастринского университетов.

Во время войны 1999 г. в Косово, когда Албания приняла около миллиона косовских беженцев, Православная Церковь осуществила важную гуманитарную программу, охватывавшую оба лагеря беженцев. В сотрудничестве с Всемирным Советом Церквей мы оказали помощь более чем 33000 беженцев, в большинстве мусульманам. Хорошим примером взаимопомощи стало предоставление православными одежды и предметов первой необходимости для 300 новорожденных и их матерей. В первый послевоенный год Церковь содержала единственный оставшийся открытым лагерь для беженцев из Косово. Этот лагерь был открыт еще 2 года – до мая 2001 г.

Культура

Восстановление памятников.

С конца 1990-х годов Церковь прилагала систематические усилия для развития культуры в Албании. Даже в периоды кризисов и смут Церковь продолжала содействовать продвижению научных

исследований, собиранию денег для работы по восстановлению христианских культурных памятников, храмов и монастырей. Как уже говорилось, в 1991–2003 гг. было восстановлено 74 здания. Например, завершилась реставрация фресок храма Богородицы в деревне Леуса близ Перметi.

Проявляя неослабевающий интерес к восстановлению албанских памятников поствизантийской эпохи, мы издали книгу профессора Пиро Томо «Поствизантийские храмы юга Албании» («Kisha Pasbizantine në Shqipërinë e Jugut»). Мы также выпустили 5 видеофильмов на эту тему. Кроме того, мы организовали научно-исследовательскую группу, чтобы начать опись всех имеющихся памятников, каковы бы ни были их величина и состояние.

Византийская музыка.

Мы организовали семинар традиционной церковной музыки, а также хор византийской музыки, записывающий кассеты и компакт-диски.

Иконопись.

Мы открыли иконописную мастерскую, в которой были отреставрированы многочисленные предметы искусства. Мы позаботились о подготовке нового поколения мастеров, благодаря которым возрождается традиционная православная иконопись. В нашем профессиональном институте открылись два отделения – хранения икон и собственно иконописи.

В ознаменование нового тысячелетия наша Церковь организовала культурный симпозиум под названием «2000 лет христианского искусства и культуры в Албании».

Экология

В 2001 г. наша Церковь в сотрудничестве с биологическими факультетами Тиранского, Афинского и Салоникского университетов начала осуществлять программу защиты окружающей среды. Она включает тысячечасовый курс для 15 дипломированных студентов, а также программы по защите экосистемы в Звернеце, на берегах реки Вьосы, в Ллогарском лесу и по вторичной переработке отходов в двух больших албанских городах.

Межправославная и экуменическая деятельность

В 2000 г. в Албании насчитывалось около 3,5 млн. жителей, в том числе приблизительно 10% католиков и от 20 до 30% православных, остальные – мусульмане, по крайней мере, номинальные. Католики в большинстве живут на севере, а православные на юге.

Албанская Православная Церковь обрела свое место в церковном мире. Она активно участвует во всеправославных событиях на всех уровнях. Албанская Православная Церковь поныне пребывает в церковном единстве со всеми православными Церквами мира.

С 1994 г. она является членом Конференции Европейских Церквей (КЕЦ) и Всемирного Совета Церквей (ВСЦ). Она вносит вклад в усилия, направленные на сотрудничество за мир и солидарность в Юго-Восточной Европе. Она стремится преодолеть ограниченность балканским и европейским миром и расширить свое видение до библейской и вселенской перспективы, перспективы воскресшего Христа, с уважением и любовью обнимающей весь мир.

Начавшееся в 1991 г. возрождение Албанской Православной Церкви происходило в контексте радикальных политических и экономических реформ, вызванных падением коммунистической системы. В течение 1990-х годов, при каждой новой волне перемен или хаоса, Православная Церковь должна была учиться ставить себя на службу албанскому народу.

В 1980-е годы Албанию постиг ужасный экономический упадок. Он сказался на жизни большинства семей, повергнув их в бедность. Позднее, когда жесткий контроль правительства ослаб, албанцы начали возвращать отобранную государством собственность, делить колхозное имущество, превращая его в семейное. Движение за выкуп собственности официально началось в 1993 г., но вопрос о документах на собственность поныне остается одним из самых запутанных и острых вопросов, на которые должно дать ответ албанское правительство. Православная Церковь была глубоко затронута этой проблемой. В начале 1990-х годов Церковь начала добиваться от правительства компенсации, чтобы вернуть свое имущество. Для достижения этой цели пришлось немало потрудиться. Многие бывшие объекты нашей собственности были выкуплены. В ряде случаев право Церкви на возвращение своего имущества продолжало попираться, даже когда юстиция высказалась в ее пользу.

По-прежнему высокой была безработица. С падением коммунизма большая часть албанской промышленности, неэффективной и получавшей прежде крупные государственные субсидии, остановилась. Считается, что число безработных составляло приблизительно 70% населения. Многие албанцы отправились искать работу за границей, в частности, в соседних Греции и Италии. В 1994 г. около 500000 таких работников ввезли в страну более 35 млн. долларов, что оказало огромную помощь их семьям. В 2006 г. только в Греции насчитывалось более полумиллиона албанских эмигрантов. Хотя сегодня возможность найти работу возросла, в каждой семье кто-то и поныне ездит на заработки за границу, и не всегда законным путем.

Заключение

Демократия принесла новые надежды на лучшую жизнь и лучшее будущее в Албании. Однако нескончаемые политические и экономические потрясения свели на нет эти ожидания, повергнув многих албанцев в отчаяние. В частности, в 1997 г. из-за мошенничества с капиталовложениями пропали миллионы долларов, что поставило страну на грань анархии. Поток эмиграции стал трагедией для Православной Церкви, потерявшей в нем множество способных молодых людей, которые могли бы стать руководителями Церкви, но в силу необходимости или от отчаяния предпочли эмигрировать.

Сейчас, когда после падения коммунизма прошло более десятилетия, Албания столкнулась с многочисленными социальными и экономическими трудностями. Они связаны, в частности, с попытками обуздать всеобщую коррупцию. Все эти проблемы затрагивают и жизнь Православной Церкви.

В течение первых десятилетий XX века Албанская Православная Церковь перенесла большие страдания. Ей угрожали внутренние враги и противники. Во второй половине XX века перед ней разверзлись врата ада. Но в конце XX века Православная Церковь на живом опыте убедилась в том, что «врата ада не одолеют ее» (Мф. 16:18). Во время политических и социальных конфликтов она несет «служение примирения» (2 Кор. 5:18). Ныне признано, что Церковь много способствовала восстановлению Албании, ее социальному и духовному прогрессу.

БИБЛИОГРАФИЯ

Forest, J., *The Resurrection of the Church in Albania. Voices of Orthodox Christians*, Genève, WCC Publications, 2002 (с фотографиями).

Hoppe, I. (ред.), *Ressurection, The Autocephalous Church of Albania, 1991–2003*, Tirana, 2003 (с фотографиями).

РУМЫНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В XX СТОЛЕТИИ

Мирча ПЭКУРАРИУ

Краткая история Румынской Церкви до XIX века

Христианство в Румынии имеет «апостольское» происхождение, так как в Малой Скифии, ныне румынской Добрудже, благовествовал апостол Андрей.

В VI веке в бывшей дако-римской провинции Малая Скифия было 14 епископских кафедр, другие кафедры находились в южнодунайских римских провинциях-лимитрофах, и в каждой имелись иерархи, священники и верующие миряне – дако-римляне. Все это исчезло после 602 г. вследствие аваро-славянского нашествия на Балканы.

Заметим, что знаменитые св. Иоанн Кассиан (360–435) и Дионисий Малый (460–545) были по происхождению дако-римлянами.

На территории между Дунаем и Черным морем епархия существовала непрерывно, даже после великого аваро-славянского нашествия 602 г.

Несомненно, что в XIII–XIV веках существовала митрополия с кафедрой в городе Вичина (ныне Исакча в уезде Тульча), подчиненная Вселенскому Константинопольскому патриархату, и что с XI по XIV век существовала Валашская епископия в нижнем течении Дуная, в регионе нынешних Болгарии, Сербии, Македонии, Албании и Северной Греции.

В середине XIV века образовались два средневековых государства – Валахия, или Мунтения, и Молдова. За государственной организацией, естественно, последовала организация церковная. Возникли две митрополии – в 1359 г. Венгро-Валашская, или Валашская, с кафедрой в городе Куртя-де-Арджеш, а позднее, в 1386–

1401 гг., Тарговиштская, Бухарестская и Молдавская с кафедрой в городе Сучава, в XVI–XVII веках перенесенной в Яссы. В этих двух митрополиях было основано также несколько епархий: Рымникская и Бузэу, а также Романская, Рэдэуцская и Хушская, которые существуют до наших дней.

В начале второго тысячелетия княжество Трансильвания, территория которого очерчена дугой Карпат, и княжество Банат были завоеваны и присоединены католическим королевством Венгрия (между XI и XIII веками). При всем том православная церковная жизнь продолжалась. Православные румыны имели митрополию в Балграде (ныне Алба-Юлия), а также епархии в Ваде (область Клуж), Марамуреше и Банате.

В течение всего средневековья в Валахии и Молдове имелись многочисленные монастыри, скиты и приходские храмы, основанные румынскими князьями, боярами, а также монахами, приходскими священниками и верующими мирянами. Некоторые из этих зданий, особенно замечательные по своей архитектуре и живописи, находятся под охраной ЮНЕСКО.

Все румынские памятники были некогда значительными центрами духовной и культурной жизни. Назовем некоторые из наиболее представительных и действующих поныне. В Валахии это Водицкий, Тисманский, Снаговский, Дялулский, Аржешский, Быстрицкий, Арнотский, Калдарушанский, Черницкий, Хурезский монастыри, а кроме того, Колцинский, Антимский, св. Георгия Нового и св. Спиридона Нового в Бухаресте. В Молдове – монастыри Нямецкий, Быстрицкий, Каприянский, Путнинский, Воронецкий, Хуморский, Молдовицкий, Слатинский, Агапийский, Сучевицкий, Драгомирненский, Секу, Трехсвятительский Воротецкий и Голья в Яссах.

В XVIII и начале XIX века территориальные потери повлекли за собой изменения церковной жизни православных. Например, после 1688 г. княжество Трансильвания (с 1541 г. зависимое от османов) было надолго, до 1918 г., присоединено к империи католиков Габсбургов. В 1701 г. в Трансильвании был образована греко-католическая епископия с кафедрой в Блаже (с 1737 г.), насчитывавшая в 1853 г. три епархии.

Православная Церковь трудно пережила это положение, так как габсбургские власти только в 1761 г. позволили восстановить для румын православную епископию с кафедрой в Сибиу. В 1864 г.

епископ был возведен в сан митрополита, после чего епископия была реорганизована усилиями Андрея Шагуны (1848–1873), самого выдающегося иерарха во всей истории Трансильвании.

В 1775 г. к Габсбургской империи была присоединена северная часть Молдовы (Буковина). Впоследствии государственные власти создали Буковинскую епископию с кафедрой в Черновцах, подчиненную сербской Карловацкой митрополии, тоже находившейся в пределах империи. В 1873 г. Черновицкая епископия сама стала митрополией. В 1812 г. почти половина Молдовы (территория между реками Прут и Днестр) была незаконно присоединена царской Россией и в дальнейшем называлась Бессарабией. Эта область приблизительно совпадает с нынешней Республикой Молдова.

В этой расстановке сил была создана новая румынская архиепископия с кафедрой в Кишиневе (Кишинэу), с 1813 г. подчиненная Священному синоду в Санкт-Петербурге и утратившая всякую связь со страной и Церковью, от которых была отторгнута. Только первый ее иерарх был румыном (и тот поставлен русскими), а все последующие были русскими.

В 1859 г., после избрания Александра Иоана Кузы единым господарем обоих княжеств, Молдова и Валахия объединились. Организационное слияние двух митрополий произошло путем присвоения митрополиту Бухарестскому титула митрополита-примаса всея Румынии. В 1872 г. вступил в силу новый закон об организации Церкви, которым учреждался Священный синод в таком виде, в каком он остается до наших дней, т. е. с участием всех действующих иерархов.

Автокефалия Румынской Православной Церкви

Начиная с царствования Александра Иоана Кузы, предпринимались шаги для официального и канонического признания автокефалии Румынской Православной Церкви Вселенским Константинопольским патриархатом, хотя Румынская Церковь уже веками называла себя «автокефальной». Официальное признание ее автокефалии произошло в 1885 г., когда об этом был издан Томос Вселенского Константинопольского патриархата. Следует отметить, что после 1859 г. роль Православной Церкви в новом румынском государстве начала уменьшаться вследствие процесса «секуляриза-

ции». Государство постепенно взяло на себя такие функции, как образование, правосудие, социальная помощь, акты гражданского состояния. В 1863 г. Палата депутатов утвердила «секуляризацию», или национализацию монастырского имущества, что на практике вело к ограничению роли монастырей в культурной и общественной жизни страны. Взамен было введено специализированное богословское образование, созданы богословские семинарии (с 1803 г.) и богословский факультет в составе Бухарестского университета (с 1881 г.). Другой факультет действовал в австрийском Черновицком университете.

Румынская Православная Церковь после 1918 г.

В 1918 г., после I Мировой войны, в которой участвовала и Румыния, было основано румынское национальное государство путем объединения с прежней Румынией Бессарабии (март 1918 г.), Буковины (ноябрь 1918 г.), а также Трансильвании, Баната, Кришаны и Марамуреша (декабрь 1918 г.). Митрополитом-примасом был избран епископ Карансебешский Мирон Кристя. Это избрание символизировало наше национальное и церковное единство.

После 1918 г. в жизни объединенной Румынской Церкви произошло много крупных событий. Так как каждая из румынских исторических областей, присоединенных в 1918 г., имела особую церковную организацию, необходимо было образовать единую церковную администрацию. Поэтому в течение нескольких лет разрабатывался устав организации Церкви, который вступил в силу в 1925 г. и действовал до 1948 г. В 1928 г. после долгого публичного обсуждения вступил в действие закон о культах, который регламентировал отношения культов и государства.

В 1925 г. постановлением Священного синода Румынская Православная Церковь была провозглашена патриархатом. Этот акт был признан Вселенским Константинопольским патриархатом в июле 1925 г. Таким образом, митрополит-примас Мирон Кристя стал первым румынским патриархом.

Именно Мирон Кристя (1868–1939), бывший епископ Карансебешский, придал Румынской Церкви форму единой организации, установил дружеские отношения с рядом Православных и даже неправославных Церквей и возглавил культурную и миссио-

нерскую деятельность церкви. Вместе с тем в период между двумя войнами он играл в Румынии политическую роль: в 1927–1930 гг. он был членом «регентства» из трех человек, которое управляло Румынией после смерти короля Фердинанда и до интронизации Кароля II. Дважды, в 1938 и 1939 гг., Кароль II назначал его премьер-министром.

Преемником Мирона Кристи стал патриарх Никодим Мунтяну, бывший епископ Хушский, затем митрополит Ясский, известный переводчик русской богословской литературы на румынский язык. К сожалению, его служение пришлось на время II Мировой войны и на послевоенные годы, когда в Румынии постепенно начал устанавливаться тоталитарный режим.

После 1918 г. в Румынии было создано много новых епархий, более 20 епископий, среди которых «епископия армии» в 1921 г. и «миссионерская епископия» для православных румын в США и Канаде в 1934 г.

Среди иерархов того времени, кроме двух патриархов, были такие выдающиеся личности, как митрополиты Николае Балан Ардяльский (1920–1955), Ириней Михалческу Молдавский (1939–1947), Нектарий Коцларчук Буковинский (1925–1935), Виссарион Пую Буковинский (1935–1940), а также епископы Роман Чорогариу Орадьский (1921–1936) и Николае Иван Клужский (1921–1936), боровшиеся до 1918 г. за права румын, епископы Григорие Комша Арадский (1925–1935), Николае Колан Клужский (1936– 1957), Николае Поповичи Орадский (1936–1950), Андрей Магиеру Арадский (1935–1960), Василе Лазареску Тимишоарский (1934–1960). Все они были эрудированными богословами и высоко культурными людьми. Некоторые из них были избраны почетными членами Румынской Академии (как, кстати, и некоторые профессора богословия наших дней), что доказывает их авторитет в культурной жизни страны. Все митрополиты и епископы, так же как предстоятели других исторических христианских Церквей (римо-католики, греко-католики, реформаты, лютеране), были *de jure* членами сената.

В тот период (1918–1948) имелось 3 богословских факультета – Бухарестский, Черновицкий и Тимишоарский, 5 академий в Трансильвании и в Банате (Сибиу, Клужская, Орадьская, Арадская и Карансебешская) и более десятка семинарий, в том числе монашеская в Керницком монастыре. В числе наиболее выдающихся

богословов могут быть названы Иоанн Иринеу Михалческу (будущий митрополит Молдовы), Теодор М. Попеску, Шербан Ионескy, Петре Винтилеску, Василе Испир, Никифор Краиниц – все в Бухаресте; и Василе Тарнавски, Василе Георгиу, Валериан Шесан в Черновцах, Гала Галактион и Василе Раду – два переводчика Библии на румынский язык, а также Юлиу Скрибан и Иоанн Савин в Кишиневе.

Все они без исключения продолжали специальное образование на католических и протестантских богословских факультетах Западной Европы. Благодаря им и многим другим румынское богословие достигло значительного прогресса.

То же самое относится к православной церковной прессе межвоенного периода. Были изданы сотни богословских трудов и сборников проповедей в Бухаресте, Черновцах, Кишиневе, Сибиу, Клуже, Ораде и т. д. Делались многочисленные переводы творений отцов Церкви, трудов современных греческих богословов и русских богословов-эмигрантов. Церковная пресса достигла очевидного прогресса: в каждом приходе имелся собственный печатный орган. Наиболее высоко ценились такие богословские журналы, как «Румынская Православная Церковь» («Biserica Ortodoxă Română»), «Богословские исследования» («Studii teologice») и «Лучи света» («Raze de lumină») в Бухаресте, «Лампада» («Candela») в Черновцах, «Светильник» («Luminătorul»), «Миссионер» («Missionnarul») и «Бессарабские архивы» («Archivele Basarabiei») в Кишиневе, «Богословское обозрение» («Revista teologică») в Сибиу, «Банатский алтарь» («Altarul Banatului») в Карансебеше и др. В новом переводе, выполненном патриархом Никодимом Мунтяну и профессорами богословия Василе Раду и Гала Галактионом, вышли три «синодальных издания» Библии (1936, 1938 и 1944 гг.).

Переживали подъем все формы церковного искусства: архитектура, живопись и скульптура. Строились, особенно в городах, сотни новых храмов в традиционном византийском стиле со специфическими румынскими элементами и с фресками работы известных живописцев. Благодаря созданию новых монастырей налаживалась монашеская жизнь, мало-помалу преодолевая последствия «секуляризации» 1863 г., в том числе в Трансильвании, где по приказу габсбургских властей в 1762–1763 гг. были разрушены все монастыри.

В церковной музыке работали известные композиторы и регенты. В 1928–1948 гг. в Бухаресте, резиденции патриархата, действовала академия религиозной музыки, где готовили регентов и преподавателей.

Для оживления благочестия в народе основывались религиозные объединения, в частности, для мирян, такие как Воинство Господне (Oastea Domnului) в Сибиу, имевшее филиалы по всей стране; Румынское православное братство (Frația Ortodoxă Română) для интеллектуалов, с центром в Клуже; Национальное общество румынских православных женщин (Societatea Națională a Femeilor Ortodoxe Române) с центром в Бухаресте; и другие – Общая ассоциация духовенства (Asociația Generală a Clerului), Ассоциация жен священников (Asociația Preoteselor) и др.

Отмечались значительные достижения в области социальной помощи, особенно в Бессарабии, где Церковь находилась в лучшем положении: в Кампулунге была основана богословская семинария для сирот войны, в некоторых приходах учреждены столовые для бедных, интернаты для детей священников и нуждающихся учеников.

После 1918 г., благодаря взаимным визитам иерархов, участию в богословских конгрессах и обмену студентами-богословами, были установлены многочисленные контакты с представителями других Православных Церквей.

С 1925 г. Румынская Православная Церковь вместе с различными другими Церквами включилась в зарождающееся экуменическое движение, особенно на европейском уровне. В 1961 г. она стала членом Всемирного Совета Церквей.

Первая румынская православная диаспора

Говоря о румынской православной «диаспоре», можно упомянуть о том, что к концу XIX–началу XX века многие молодые румыны эмигрировали в поисках работы. Трансильванцы уезжали обычно в США, буковинцы в Канаду. Некоторые из них вернулись, но многие остались за границей навсегда. Их число возрастало, возникли румынские приходы, приветствовалось прибытие священников с родины, строились храмы. Первый храм был построен в 1903 г. в канадской Регина Саск, второй в 1904 г. в амери-

канском Кливленде. Воздвигались новые храмы, особенно в регионе Великих Озер, где сосредоточилась большая часть эмигрантов. В марте 1918 г. на собрании представителей всех румынских приходов в Янгстауне (Огайо) было решено создать епископию, подчиненную Бухарестской митрополии, но это не осуществилось, и в 1929 г. конгресс в Детройте (Мичиган) повторил прошение. В 1934 г. в Румынии был принят закон о создании румынской миссионерской православной епископии США и Канады, после чего первым епископом был избран Поликарп Морушка, приступивший к своим обязанностям в 1935 г. В 1939 г. епископия включала 33 прихода, 54 филиала и 26 храмов в США и 17 храмов в Канаде, а также приходские школы, молодежные организации и женские ассоциации. К сожалению, в 1939 г., когда началась II Мировая война, епископу Поликарпу, находившемуся тогда в Румынии, не удалось вернуться в свою епископию и пришлось пережить немалые трудности.

В Западной Европе румынские приходы существовали с 1853 г., когда появился приход в Париже. В 1866 г. бывшим господарем Молдовы Михаилом Стурдзой был основан храм в Баден-Бадене, а в 1906 г. открылся румынский приход в Вене. В 1923 г. основан приход в Софии для румын, живущих в Болгарии.

II Мировая война

В течение II Мировой войны Румыния и Румынская Православная Церковь пережили драматические события. В июне 1940 г. советские войска заняли Бессарабию и северную часть Буковины. Все румынские учреждения, в том числе церковные, были упразднены. Многие священники, оставшиеся в своих приходах, были арестованы, и многие храмы закрыты. В 1941 г. румынские войска вновь заняли Бессарабию, восстановив румынскую администрацию. Но в 1944 г. Бессарабия и северная часть Буковины были вновь аннексированы Советским Союзом.

После Венского арбитража 30 августа 1940 г. северная и восточная часть Трансильвании отошли к Венгрии, находившейся тогда под регентством Хорти (1920–1944). Такое положение продлилось до осени 1944 г. Два православных епископа и десятки священников были изгнаны в неоккупированную часть Трансильвании, не-

сколько священников и десятки верующих были убиты, 17 храмов были разрушены, а другие осквернены.

В течение II Мировой войны Румыния боролась, прежде всего, против Советского Союза, но с августа 1944 г. она боролась против нацистской Германии. Многие священники в качестве «военных духовников» сопровождали румынские войска на полях сражений. Многие из них были арестованы, осуждены и заключены в тюрьму коммунистическим режимом.

Румынская Православная Церковь при коммунистическом режиме (1944–1989)

В 1944 г., т. е. к концу II Мировой войны, Румыния потеряла две области, принадлежавшие ей веками: Бессарабию и северную часть Буковины, аннексированные Советским Союзом. Это повлекло за собой утрату Румынским патриархатом Бессарабской епархии (Кишинев, Бельцы и Измаил) и Черновицкой митрополии. Там были образованы Кишиневская архиепископия и Черновицкая епископия, подчиненные Московскому патриархату и возглавляемые, как уже говорилось, исключительно русскими или украинскими иерархами.

В 1948 г., после полного установления в Румынии коммунистического режима, в жизни Румынской Православной Церкви также произошли большие изменения. Практически, Церковь, до сих пор признаваемая «национальной», полностью отделилась от государства и превратилась в маргинализированный институт, лишь «терпимый» атеистическим государством. «Инспекторами по культам» – из расчета по одному на каждый отдел министерства (впоследствии департамента) культов – осуществлялся постоянный контроль (по советскому образцу) за всеми служителями православного и других вероисповеданий. Фактически, все церковные учреждения (патриархат, центры епархий, архиепископии, монастыри, богословские школы) находились под негласным и постоянным наблюдением офицеров Секуритате (службы безопасности), всегда готовых подавить всякое действие, признанное ими враждебным по отношению к атеистическому государству. Требовалось, чтобы каждое церковное мероприятие проводилось в присутствии «инспектора по культам». Особо жесткому

контролю подлежало общение с иностранными богословами, приезжавшими в Румынию, а участие румынских богословов в зарубежных конгрессах и собраниях допускалось только по согласованию с департаментом культов. Все назначения архиереев, священников, настоятелей монастырей, преподавателей богословия, осуществляемые иерархами, должны были иметь «визу» департамента культов. Выборами патриарха, митрополитов и епископов занималась Избирательная коллегия, а избранный иерарх утверждался главой государства.

В августе 1948 г. вступил в силу новый закон о культах, согласно которому в Румынии официально признавались 14 религиозных вероисповеданий: православное, римско-католическое, армяно-григорианское, русское старообрядческое, лютеранское, реформатское (кальвинистское), синодо-пресвитерианское и унитарианское (итого 4 протестантских исповедания), баптистское, адвентистское, пятидесятническое и евангелистское, а также иудейское и мусульманское – 2 нехристианских вероисповедания. Закон определял министерство культов как общественное ведомство, с помощью которого государство осуществляет право надзора и контроля над всеми религиозными культами и учреждениями, а также право иметь для этого «специальных представителей». Министерство культов с его «уполномоченными» (по советскому образцу) было напрямую подчинено Центральному комитету Румынской коммунистической рабочей партии.

В октябре–декабре 1948 г. была поставлена вне закона Греко-католическая (униатская) Церковь Трансильвании, а ее священники и верующие были насильственно присоединены к Православной Церкви.

В октябре 1948 г. Священный синод принял новый Устав организации и деятельности Румынской Православной Церкви. Он вступил в силу только в феврале 1949 г., после утверждения властями коммунистического государства. По этому Уставу были низложены многие епископы и осталось только 5 митрополитов (Венгро-Валашский, Молдавский, Трансильванский, Олтенский и Банатский) на 12 епархий. Позднее, в 1975 г., была основана новая епархия в Алба-Юлии.

В августе 1948 г., когда вступил в силу новый «закон об образовании», стало признаваться только «светское» и «государственное» образование, а некоторые учебные заведения всех вероисповеданий

перешли в ведение министерства образования. В школах всех ступеней было отменено изучение религии. Тогда же был закрыт Черновицкий богословский факультет (перенесенный после II Мировой войны в Сучаву), а также 4 богословские академии в Трансильвании и все богословские семинарии.

В 1948 г. была отменена армейская епископия и запрещено религиозное окормление в военных подразделениях, в тюрьмах, больницах и домах престарелых. Были также распущены светские объединения религиозного профиля (Воинство Господне, Румынское православное братство и др.) и объединения священников. Были запрещены все приходские журналы и газеты, а для тех, которые составили исключение, а также для богослужебных и немногочисленных богословских книг, продолжавших издаваться, государство установило жесткую цензуру с помощью бывшего министерства культов, ставшего департаментом культов.

С 1944 по 1961 гг. были приостановлены все связи с экуменическим движением и с румынской диаспорой.

В 1959 г. ужасный удар претерпело православное монашество. Были закрыты десятки монастырей и скитов, две монашеские семинарии (в монастырях Агапия и Хурези). Сотни монахов и монахинь были отторгнуты от монашеской жизни. Впоследствии пострижения совершались лишь в отдельных редких случаях по согласованию с государственными властями.

Кроме того, с 1945 г. начались аресты священников и монахов. Пик этой крупномасштабной кампании пришелся на 1948–1949 и 1959 гг. Были арестованы также многие политики, известные интеллектуалы, крестьяне, рабочие, учащиеся. Только в 1964 г. всех «политических заключенных» коммунистической Румынии выпустили на свободу. Арестованные священники были обвинены в активной националистической деятельности до 1940 г., в межвоенный период, но особенно во «враждебной позиции» по отношению к новому, коммунистическому режиму. Следует отметить, что из общего числа в 10000 православных священников и монахов более 1800 подверглись аресту и получили долгие сроки тюремного заключения – либо пожизненные, либо от 10 до 20 лет. Некоторые отбывали наказание на строительстве Дунайско-Черноморского канала либо на уборке камыша в устье Дуная, другие – в тюрьмах Айуда, Гилавы, Герлы, Питешти, Рымнику-Сарата и т. д. Около 200 священников скончались в тюрьме или в лагерях

принудительного труда. Некоторые священники из области Аржеш были приговорены к смерти и казнены в 1959 г. по обвинению в поддержке «борцов против коммунизма», скрывавшихся в Карпатских горах.

Следует назвать здесь имена некоторых известных профессоров богословия, познавших голгофу коммунистических тюрем. Это Никифор Краиниц, Теодор Попеску и Думитру Станилоэ из Бухареста, Иоанн Савин и Константин Томеску из Кишинева, Иларион Фелеа из Арада и Ливиу Мунтяну из Клужа (эти двое умерли в Айудской тюрьме). Это архимандриты Бенедикт Гиуш, Василе Василаче, Софиан Богиу, священник Георге Калчу Думитряса и др. Некоторые богословы были арестованы также советскими властями и отправлены в Сибирь, как, например, профессор Ион В. Георгеску и священник Василе Тепордеу. Можно добавить имена священников и монахов, оставшихся в 1944 г. в Бессарабии и Буковине и высланных в Сибирь или Казахстан. Бывший митрополит Буковинский Виссарион Пую в 1946 г. был заочно приговорен к смерти за то, что занимал во время войны пост митрополита Одесского. Митрополиту удалось бежать в августе 1944 г. в Западную Европу. Он скончался во Франции в 1964 г. Епископ Николае Поповичи (который требовал возобновления преподавания религии в школах и протестовал против арестов) вынужден был уйти на покой в 1950 г. возрасте 45 лет. Такова же была судьба митрополита Банатского Василе Лазареску, помогавшего женам некоторых заключенных священников.

Еще более печальной была участь священников Греко-Католической и Римо-Католической Церквей. Все иерархи и многие священники этих Церквей были арестованы и некоторые погибли в заключении. В тот же период проводились аресты протестантских и неопротестантских пасторов.

Несмотря на все эти утеснения и надзор и на то, что Церковь была вынуждена отказаться от некоторых сторон своего служения, следует признать, что она в этот довольно долгий период (1944–1989), насколько было возможно, исполнила свой долг. Ее возглавлял выдающийся патриарх Юстиниан Марина, который проявил редкое умение управлять судьбами Церкви в этой новой социально-политической конъюнктуре. Он помог Церкви обрести новое законодательство, соответствующее внезапно наступившим переменам, руководил богословским образованием и издательской деятельнос-

тью, поддерживал братские отношения с другими Православными Церквами, провел в 1955 г. первую канонизацию румынских святых, после 1961 г. установил контакт с экуменическим движением и румынской православной диаспорой, стоял у истоков широкого движения за восстановление исторических и религиозных памятников.

Его усилия продолжил патриарх Иустин Моисеску (1977–1986), бывший профессор богословия, особенно небезразличный к экуменическому движению, а также восстановлению исторических и религиозных памятников.

Среди других выдающихся иерархов этого периода следует назвать имена трех митрополитов Ардяльских – Николае Колана (1957–1967), Николае Младина (1967–1981) и Антония Пламадялы (1982–2005), митрополита Банатского Николае Корняну (с 1962 г. до наших дней), митрополита Олтенского Нестора Ворническу (1978–2000), архиепископа Галацского Антима Ники, многие годы бывшего патриаршим викарием (1944–1994).

Говоря о богословском образовании, следует учесть, что с 1948 по 1989 гг. действовали только 2 высших богословских учебных заведения (в Бухаресте и в Сибиу) с четырехгодичным курсом обучения и 6 богословских семинарий. Интересен следующий факт: именно в этот трудный период достигла широкого размаха работа крупнейших во всей истории румынских богословов, таких замечательных авторов, как Иустин Моисеску (будущий патриарх), Теодор Попеску, Иоан Коман, Думитру Станилоэ, Ливиу Стан, Николае Кицеску, Петру Резуш, Эни Бранеште, Эмилиан Василеску – все из Бухареста, а также Николае Младин (будущий митрополит), Милан Шесан, Григорие Марку, Теодор Бодогаэ, Думитру Белу – из Сибиу.

В сфере церковных изданий в эту эпоху следует отметить выход учебников богословия, книг по литургике и гомилетике, новые издания Библии, новые переводы отцов Церкви. Кроме того, патриархат выпускал 3 журнала – «Румынская Православная Церковь», «Богословские исследования» и «Православие», митрополии выпускали 5 журналов (от 4 до 6 номеров в год), в Сибиу выходила газета «Румынский телеграф» (издавалась непрерывно с 1853 г.), но все эти издания подвергались цензуре министерства культов.

Только в 1961 г., во время третьей Генеральной ассамблеи Всемирного Совета Церквей в Нью Дели, Румынской Православной

Церкви удалось возобновить свою деятельность в Совете. С тех пор она участвовала в работе всех генеральных ассамблей и некоторых комиссий ВСЦ. Церковь также всегда принимала активное участие в деятельности Конференции Европейских Церквей (КЕЦ).

Постепенно восстанавливались связи с румынской диаспорой в Америке, хотя это и привело к расколу из-за создания новой епархии, подчиненной Бухаресту, между тем как первая епархия после установления коммунистического режима порвала отношения с патриархатом. Число румынских православных приходов в Западной Европе возрастало тем более, чем больше было румын, которым удавалось покинуть социалистическую Румынию и обосноваться в «свободном мире», особенно в Германии, а также в Швейцарии, Франции, Испании, Италии, Великобритании и скандинавских странах.

В последнее десятилетие безбожной коммунистической диктатуры (1980–1989) в Бухаресте, под предлогом урбанизации и перестройки новых кварталов столицы, было разрушено более 20 храмов, среди которых были исторические памятники. Вопреки диктатуре Николае Чаушеску (1974–1989), при ужесточившемся надзоре над всеми церковными учреждениями, Церковь сумела продолжить свою деятельность.

Обратимся к статистике. К концу тоталитарного режима в лоне Румынского патриархата было более 9000 приходов с таким же числом действующих священников (на место ушедших на покой, арестованных или скончавшихся рукополагали молодых), около 12000 святых мест, 140 монашеских обителей (монастырей или скитов) и в них более 2600 монахов и монахинь. Статистики числа прихожан за эту эпоху нет. Несомненно, Румынская Православная Церковь была в значительно лучшем положении, чем Церкви в других социалистических странах (в СССР, Болгарии, Югославии), не говоря уж об Албании, где стремились уничтожить любой признак религиозной жизни.

Румынская Православная Церковь после 1989 г.

С конца 1986 г. во главе Румынской Церкви стоял патриарх Феоктист Арапашу († 2007). Жизнь Церкви менялась и обновлялась. После 1990 г. началось постепенное восстановление таких

упраздненных при коммунистическом режиме епархий, как Томисская, Аржешская, Марамурешская, Хушская, Карансебешская. Создавались новые епархии – Тарговиштская, Слобозийская, Александрийская, Харгитская. Были отстроены или вновь открыты многие разрушенные или закрытые в 1959 г. монастыри и скиты и построены новые, среди которых имеются настоящие произведения искусства: Реча (область Муреш), Изворул Муреш (область Харгита), Быршана и Сапынца (область Марамуреш), Чолпани (область Бакэу) и др. Престольные праздники больших монастырей по-прежнему привлекают большое число верующих: например, в Яссах 14 октября, в день св. Параскевы, в Божественной Литургии принимает участие около миллиона человек. Построено или строится несколько сот новых храмов, особенно много в городах. В 2006 г. имелось более 550 монастырей и скитов, всего около 14500 приходских и монастырских зданий, кладбищ, часовен при больницах, тюрьмах, приютах и т. д. Число священников возросло более чем до 12000.

Созданы новые богословские факультеты (с отделениями пастырской работы, румынского языка, истории, наследия, иностранных языков, социальной помощи), семинарии, лицеи богословского профиля (в рамках государственного образования). Каждая епархия имеет собственный печатный орган, богословские факультеты выпускают журналы и ежегодники. Появляются новые богословские труды. Переизданы многие труды богословов предыдущего периода (Думитру Станилоэ, Иоанна Комана и др.). Переводятся сочинения некоторых иностранных богословов и отцов Церкви.

В области миссионерской и пастырской работы возобновили свою деятельность некоторые светские христианские объединения, распущенные в 1948 г., и создано много новых: Воинство Господне, Румынское православное братство, Ассоциация православных студентов и др. Церковь возобновила свою социально-гуманитарную деятельность, создавая благотворительные общества, помогая сиротам, старикам, инвалидам, развертывая религиозную работу в больницах, сиротских приютах, домах престарелых, открывая столовые для бедных и заключенных.

Усилилась активность румынской православной диаспоры. Как уже говорилось, еще в коммунистическую эпоху многие румыны покинули родину, чтобы обосноваться в европейских странах и

даже на другом континенте. После 1989 г. количество эмигрантов значительно возросло. Многим из них при помощи патриархата удалось создать свои приходы в Германии, Швеции, Франции, Италии, Испании, Англии и в более отдаленных странах, таких как Австралия и Новая Зеландия. В 1994 г. была создана митрополия для румын, живущих в Германии и северных странах, кафедра которой сейчас находится в Нюрнберге. В 1997 г. создана другая митрополия – для Франции и стран с романскими языками. Ее кафедра в Париже. В США имеется миссионерская архиепископия, подчиненная Священному синоду в Бухаресте, и старая архиепископия «Ватра Ромыняска» (Джексонвилль, Мичиган), которая сейчас находится под юрисдикцией Православной Церкви в Америке, не порывая, однако, связей с Румынской Церковью-матерью. Созданы епископии в Венгрии (кафедра в Дьюле) и Сербии (кафедра во Вршаце) для православных румын, оставшихся в этих странах после установления новых границ по окончании I Мировой войны.

Окрепли связи с другими церквами, в частности, православными. Наша Церковь продолжает свою деятельность во Всемирном Совете Церквей, Конференции Европейских Церквей и других экуменических организациях.

Следует, в частности, сказать о прогрессе в отношениях с Римско-Католической Церковью, кульминацией которого стал визит 7–9 мая 1999 г. папы Иоанна-Павла II в Румынию, первый визит папы римского в преимущественно православную страну, и ответный визит патриарха Феоктиста в Ватикан в 2002 г. с посещением нескольких румынских общин в Италии.

Статистика

Согласно переписи 1930 г., положение с вероисповеданиями граждан Румынии было следующим: 72% православных, 7,9% греко-католиков (в основном, в Трансильвании), 6,8% римо-католиков (в большинстве это венгры или трансильванские секлеры), 2,2% лютеран (трансильванские саксонцы), а также 4,2% иудеев и менее 1% мусульман (турки и добруджские татары). Кроме того, имеются такие меньшинства, как армяне, православные старообрядцы и другие группы.

Согласно переписи 2002 г., положение с вероисповеданиями граждан Румынии (21681000 жителей) было следующим: 86,8% православных (из которых 97% румыны, но имеются также украинцы, русские, болгары, сербы, цыгане), 4,7% римо-католиков (венгры, секлеры), 3,2% реформатов-кальвинистов (венгры, секлеры), 0,9% греко-католиков (трансильванские румыны), 1,5% пятидесятников (румыны, венгры, цыгане). Других вероисповеданий менее 1% (лютеране, баптисты, адвентисты, нехристиане, атеисты). Трудно точно назвать число православных румын, живущих в Республике Молдова, а также в диаспоре Западной Европы, США, Канады и других стран мира (Южная Африка, Литва и т. д.).

В начале III тысячелетия можно сказать, что Румынская Православная Церковь продолжает свою двухтысячелетнюю традицию служения родному народу. Оставаясь, как и прежде, национальной и государственной Церковью она вместе с тем надеется на мир в современном мире, на экуменические связи между всеми Церквами и всеми народами мира.

1 января 2007 г. Румыния вошла в великую семью европейских народов. Западная Европа, на которую веками смотрели как на католическо-протестантскую, во второй раз после Греции приняла преимущественно православную страну – сразу две православные страны, Румынию и Болгарию. У Румынии есть чем поделиться с многонациональной, многоконфессиональной, отчасти дехристианизированной Европой. Это наше первородное, двухтысячелетнее христианство, близкое Римской Церкви по языку, происходящему от латыни, и единое с Константинополем по богослужебному обряду и церковной организации. Румынская Церковь ценима за свою богословскую культуру европейского уровня, и многие иностранцы чтут ее духовность. Румынская Церковь хочет стать частью новой Европы, нового Европейского Союза.

Как было сказано, Румынская Православная Церковь остается восприимчивой к европейскому экуменизму, десятки лет она активно трудится во Всемирном Совете Церквей, в Конференции Европейских Церквей, а также в различных комиссиях по межконфессиональному и даже межрелигиозному диалогу. И она может стать возрождающей нравственной силой не только в самом румынском обществе, но и в великом европейском сообществе.

БИБЛИОГРАФИЯ

Bălan, I., *Romanian Patericon: Containing the Lives and Sayings of the Saints and Monastic Fathers who laboured in the Land of Romania from the Fourth to the Twentieth Century*, Platina, California, 1966.

Caravia, P. et al., *The Imprisoned Church: Romania 1944–1989*, Bucarest, 1999.

Corneliu, L., *Cartea episcopilor cruciați (Книга о епископах-«крестоносцах»)*, Bucarest, Editura Realitatea, 2001.

Dumitraşcu, N., *The Mission of the Romanian Orthodox Church and Its Challenges*, Cluj-Napoca, 2002.

Enache, G., *Ortodoxie şi putere politică în România contemporană (Православие и политическая власть в современной Румынии)*, Bucarest, Editura Nemira, 2005 (по архивным документам).

Manea, V., *Preoți ortodocşi în închisorile comuniste (Православные священники в коммунистических тюрьмах)*, Alba-Julia, Editura Reîntregirea, 2001.

Moraru, A., *Biserica Ortodoxă Română între anii 1885 – 2000 (Румынская Православная Церковь между 1885 и 2000)*, Bucarest, 2006.

Păcurariu, M., *Biserica Ortodoxă Română. Monografie-album (Румынская Православная Церковь. Монография-альбом)*, Bucarest, 1987 (с французским и английским переводом).

–, *Geschichte der Rumänischen Orthodoxen Kirche*, Erlangen, 1994 (Oikonomia, tome 33).

–, *Autocefalie, Patriarhie, Slujire sfântă (Автокефалия, патриархат, святое служение с 1925 по 1995)*, Bucarest, 1995.

–, *Istoria Bisericii Ortodoxe Române (История Румынской Православной Церкви)*, 3 тт., 3-е изд., Jaşi, Editura Trinitas, 2004–2007.

–, «L'Église orthodoxe et les autres cultes de Roumanie» в: *Connaissez la Roumanie*, изд. под эгидой Румынского общества статистики и Национального фонда содействия наукам и искусству, Bucarest, Editura Economică, 2006, с. 461–486.

–, «Romanian Christianity» в: *The Blackwell Companion to Eastern Christianity*, K. Parry (ed.), p. 186–206, Oxford, 2007.

Stebbing, N., *Bearers of the Spirit: Spiritual Fatherhood in Romanian Orthodoxy*, Kalamazoo, 2003.

Suttner, E. C., «50 Jahre rumänisches Patriarcat. Seine Geschichte und die Entwiklung seines Kirchenrechts» в: *Ostkirchliche Studien*, Würzburg, т. 25, 1976, с. 3–42 и 105–137.

Vasile, C., *Biserica Ortodoxă Română in primul deceniu communist (Румынская Православная Церковь в первое коммунистическое десятилетие)*, Editura Curtea Veche, 2005.

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В МОЛДОВЕ В XX СТОЛЕТИИ

Эмиль ДРАГНЕВ

Православная Церковь в Бессарабии в XIX веке

В результате войны 1806–1812 гг. между Российской и Османской империями, согласно Бухарестскому мирному договору (1812), была аннексирована восточная часть княжества Молдова (вассального по отношению к Османской империи). Россия отказалась от аннексии Валахии, затем от аннексии всей Молдовы, включая область между реками Сирет и Днестр (более 2/3 территории), и удовольствовалась областью между реками Днестр и Прут (около половины страны).

Новая провинция Российской империи получила название Бессарабия. Ранее так называлась небольшая область на левом берегу Дуная (между Прутом и Днестром) с городом Килия, который до конца XV века был владением валашских господарей из рода Басараб.

Довольно быстро эта восточная часть княжества Молдова была преобразована в административную единицу Российской империи. С последними проявлениями автономии было покончено в 1873 г., когда Бессарабия стала губернией. Но по существу автономия была ликвидирована в 1828 г. Одной из административных реформ было введение русского языка в качестве официального. Румынский язык мог употребляться только в исключительных случаях.

21 августа 1813 г. на канонической территории Молдавской митрополии, основанной в 1401 г. утвердилась Кишиневская и Хотинская епархия Русской Церкви. Первым иерархом этой епархии стал румын по происхождению митрополит Гавриил Бэнулеску–Бодони.

Политика в области церковной жизни в новой провинции следовала общеимперской тенденции русификации элиты, в том числе духовенства. Были введены административные правила Русской Православной Церкви. Румынский язык не употреблялся больше даже в семинариях, и богослужебные книги издавались только на церковно-славянском.

В Бессарабии не осталось никакой церковной автономии. Как во всех епархиях Российской империи, все назначаемые Святейшим синодом иерархи были русскими.

Бессарабия выделялась только тем, что большинство верующих, а также часть духовенства и монашества говорили на румынском языке (который именовался молдавским). Таким образом, одним из основных занятий русских епископов в Бессарабии, особенно во второй половине XIX века, были попытки уменьшить это различие, главным образом, путем перемещения священников и монахов румынского происхождения в другие российские губернии и замены их уроженцами других мест.

Апогей этой политики связан с именем епископа Павла Лебедева (1871–1882), отменившего изучение румынского языка в школах, где он еще преподавался, после чего бюллетень епархии стал всецело русскоязычным. Миссией епископа Павла было также присоединение к Кишиневской и Хотинской епархии южных районов Бессарабии, вновь аннексированных Россией после Берлинского конгресса (1878).

Православная Церковь в Бессарабии в начале XX века до воссоединения с Румынией

В начале XX века начались новые веяния, пока еще «легкие», но уже в первые десятилетия окрепшие до настоящей бури, которая вызвала капитальные перемены.

На периферии Российской империи первым заявило о себе национальное движение. Для того чтобы не дать ему разгореться, Русская Церковь в Бессарабии пошла на некоторые уступки.

Предел этих уступок, допущенных с целью ослабить возможный молдавско–румынский сепаратизм, был достигнут при епископе Владимире Синиковском (1904–1908) и почти совпал с событиями первой русской революции (1905–1907). Иерарх Бессарабии

настойчиво рекомендовал тогда употреблять в богослужениях румынский язык, особенно в деревне, где большинство населения было румынским. Он также получил разрешение Святейшего синода ввести в Кишиневской семинарии изучение румынского языка и румынских песнопений. С 1908 г. на румынском языке выходило периодическое издание Братства Рождества Христова «Luminătorul» («Светильник»), которое выходит и сегодня.

Российские власти полагали, что уступки, сделанные епископом Владимиром, опасны и могут породить национальный сепаратизм. Вследствие этого епископ Владимир был заменен жестким Серафимом Чичаговым, отставным полковником российской армии (1908–1914).

Епископа Серафима встревожило такое явление, как «иннокентьевщина». Это религиозное движение, зародившееся в 1908 г., было связано с именем иеромонаха Иннокентия из Балты, города между Днестром и Бугом. Иннокентий был уроженцем Бессарабии, и его проповеди вдохновлялись Евангелием. Этого человека считали святым и чудотворцем. Следует подчеркнуть, что проповедовал он по-румынски, что привлекало множество поклонников из бессарабских крестьян румынского происхождения. Это, в свою очередь, привлекло внимание официальной иерархии, но первым отреагировал не епископ Каменец-Подольский, в чьей епархии находилась Балта, а епископ Бессарабии, который обратился к Святейшему синоду с просьбой об удалении этого монаха с эсхатологическими видениями, вероятного «ересиарха». Серьезное и хорошо документированное исследование об Иннокентии и «иннокентьевщине» – дело будущего. «Иннокентьевцы» поныне имеются в Балте, которая в 1924–1929 гг. была столицей Молдавской автономной республики, а сейчас принадлежит Украине.

Во время I Мировой войны официальная Церковь была обязана обосновывать справедливый характер участия России в этой войне, заниматься сбором средств и т. д. Новый архиепископ Бессарабии Платон Рождественский (1914–1915) не совершил великих дел.

Последний иерарх, назначенный в Бессарабскую епархию Святейшим синодом Русской Церкви, Анастасий Грибановский (1915–1918) имел репутацию строгого аскета, например, когда ложился спать, клал себе под голову камень вместо подушки. Но политические осложнения выдвигали на первый план отнюдь не совершенствование церковной жизни.

27 февраля (12 марта) 1917 г. русская монархия пала. Если учесть фундаментальное значение понятия царя в системе православных ценностей, становится ясно, что речь шла не только о перемене правительства. Революционная волна принесла с собой иные, непривычные для церковной жизни, понятия, такие как «демократия», «свобода». Переоценка ценностей стала неизбежной и для Церкви.

Первым общественным действием духовенства Бессарабии в духе современности стало Чрезвычайное епархиальное собрание духовенства и мирян Кишиневской епархии, проведенное 19–25 апреля 1917 г. по инициативе и под патронатом «синодальной» Русской Церкви. На нем было принято решение, касающееся многих проблем той эпохи: статуса Бессарабской Церкви с канонической точки зрения, «демократических» тенденций в церковной жизни, а также требований национально–этнического характера.

Необходимость новой процедуры избрания иерархов Бессарабии обуславливалась решением другого чрезвычайного епархиального собрания, созванного после закрытия Московского собора. Перед тем, в августе 1917 г., имело место еще одно чрезвычайное епархиальное собрание, на котором был образован Верховный совет Кишиневской епархии, учреждение революционное по духу («советы») и с весьма широкими прерогативами, вплоть до права низложения иерархов.

Дальнейшие события вызвали противостояние высшей церковной иерархии русского происхождения, весьма склонной к демократическим уступкам в духе Февральской революции. Но далеко не столь чуткой была церковная иерархия к требованиям этнического порядка, совпадавшими с интересами большинства верующих – этнических румын и группы клириков во главе с архимандритом Гурие Гроссу и священником Константином Поповичи. Иерархи отстаивали следующие требования: иерархия местного происхождения, говорящая по–молдавски (по–румынски), и автономия Бессарабской Церкви. Эти требования открыли путь национально–освободительному движению, руководимому Молдавской национальной партией.

Декларация о независимости Молдавской демократической республики от 24 декабря 1917 г. поставила на повестку дня вопрос о статусе Бессарабской Церкви. Высшая иерархия продолжала настаивать на сохранении канонической зависимости от Московского

патриархата, а группа клириков во главе с Гурие Гроссу, в соответствии с новой политической ситуацией, сложившейся после провозглашения независимости, настаивала на автокефалии. С 18 февраля 1918 г. началась кампания за созыв поместного синода, полномочного принять решение об автокефалии Бессарабской Церкви.

Бессарабская Православная Церковь в рамках румынского православия

27 марта 1918 г. Совет страны (Sfatulării), выражая волю бессарабского народа, принял решение об объединении Молдавской республики с Королевством Румыния. Эта коренная перемена создала новые условия для решения церковного вопроса. Но архиепископ Анастасий и его викарные епископы Гавриил и Дионисий не соглашались поставить под сомнение свою принадлежность к Русской Церкви.

Во время встречи в Яссах 24 апреля Анастасий отказался признать новую юрисдикцию и упорно игнорировал приглашение присоединиться к Священному синоду Румынской Церкви, несмотря на то, что был признан в качестве главы Бессарабской епархии. Более того, в июне он покинул страну, чтобы участвовать в работе Святейшего синода Русской Церкви (членом которого был избран на 3 года), который должен был подготовить «Всероссийский Собор». До того ему удалось получить примирительное письмо от русского патриарха Тихона к митрополиту Молдавскому (в Яссах) Пимену, отправленное 23 мая 1918 г. В этом письме патриарх, упомянув о защите прав Русской Церкви в Бессарабской епархии, предлагал неожиданное решение: духовенство и народ Бессарабии должны сами определить свое будущее в этом отношении. Он советовал созвать поместный собор или епархиальное собрание, чтобы определить, какой должна быть внутренняя организация Бессарабской Церкви и какими должны быть ее отношения с Русской Церковью и Румынской Церковью. Он просил сообщить ему это решение и заявления румынских церковных властей, чтобы Святейший синод Русской Церкви мог принять собственное решение о судьбе Бессарабской епархии.

После отказа архиепископа Анастасия и его отъезда в Россию Священный синод Румынской Церкви 14 и 16 июня издал 2 важных

документа: Постановление и Пастырский Томос. Констатировав сложившееся положение и расценив отъезд архиепископа Анастасия как добровольный уход, румынский Священный синод направил в Кишиневскую епархию епископа Хушского вплоть до избрания номинального иерарха. Синод обратился к епископам Гавриилу и Дионисию с просьбой определить свою позицию по отношению к Румынской Церкви. Оба иерарха заявили, что, подчиняясь обстоятельствам, они отказываются от должности викарных епископов, даже в случае приглашения стать членами Священного синода Румынской Церкви, и покинули страну.

С другой стороны, идея автокефалии Бессарабской Церкви отчасти совпадала с намерением сделать Бессарабскую митрополию составной частью Румынской Церкви, такой же, как Молдавская митрополия, вопреки тому мнению, что Бессарабская епархия должна войти в Молдавскую митрополию.

Первой задачей архиепископа Никодима стала реорганизация управленческих структур Кишиневской и Хотинской епархии по образцу остальных епархий страны и оптимизация их после «нововведений» революционного периода, вызвавших совмещение и удвоение функций в учреждениях. Кроме того, он упразднил духовную консисторию, верховный совет епархии, школьный церковный совет, хозяйственное управление и т. д. После оставления архиепископом Никодимом Кишиневской кафедры в декабре 1919 г. его сменил епископ Гурие Гросу. Это произошло 3 января 1920 г., и в тот же день митрополит–примас Румынии Мирон Кристя издал акт, согласно которому духовенство и народ Бессарабии получали широкие права, в том числе право иметь епископом местного уроженца.

Когда епископом Кишиневским стал Гурие Гроссу, положение осложнилось неоднозначным событием. 21 февраля 1920 г. был созван чрезвычайный епархиальный совет представителей духовенства и мирян, избранный «демократическим путем». На совете состоялись первые в истории епархии свободные и демократические выборы иерархов. Архиепископом Кишиневским и Хотинским был избран Гурие Гроссу, а викарным епископом – Дионисий Эрхан.

Таким образом, одно собрание избрало двух иерархов без опоры на законодательство – беспрецедентный случай в истории румынского государства. С точки зрения государства и Церкви

этот случай мог быть квалифицирован только как незаконный. Организаторы же с чистой совестью полагали, что поступают по закону, что были решения Священного синода Русской Церкви от 5 июня 1917 г. об избрании иерархов епархиальными собраниями, принятые по инициативе патриарха Тихона, призвавшего духовенство и народ Бессарабии решить свою судьбу на епархиальном собрании.

После этого неприглядного случая, следует отметить, несколько различных рассмотрений вопроса о юрисдикции – в Яссах, а затем в Бухаресте и Кишиневе. Если румынские государственные и церковные власти считали все формальности перехода Бессарабии под юрисдикцию Румынской Церкви полностью улаженными в соответствии с Постановлением и Пастырским Томосом от 14 и 16 июня 1918 г. в Кишиневе, то другая точка зрения состояла в том, что новое положение вещей все еще утверждено не до конца. И именно епархиальное собрание, полностью выражая волю бессарабского духовенства и народа, путем избрания назначенных Румынской Церковью иерархов, по-настоящему узаконило, по предложению патриарха Тихона, переход из юрисдикции Московского патриархата в юрисдикцию патриархата Бухарестского. Правда, это решение (о переходе) по причине неустойчивого в то время положения в Москве, где был арестован, а затем заключен в тюрьму патриарх Тихон, не было сообщено Российскому патриархату.

Споры по поводу этого собрания продолжались около года. В конце концов, в Бухаресте восторжествовала взвешенная и терпимая позиция. Несмотря на обвинения в проявленном тут сепаратизме (упорно отметаемые в Кишиневе), 17 декабря 1920 г. Священный синод Румынской Церкви, в присутствии министра культов и искусств Октавиана Гоги, признал избрание бессарабских иерархов законным. После их представления в королевском дворце в Бухаресте (29 марта 1921 г.) 15 мая 1921 г. в Кишиневе как епархиальном центре, в присутствии митрополита-примаса и министра культов и искусств, состоялось торжественное и официальное утверждение архиепископа Гурие Гросу предстоятелем Кишиневской и Хотинской епархии, а Дионисия Эрхана – ее же викарным епископом.

Разработанный в 1921 г. проект «Организационного Устава» предусматривал создание в Бессарабии двух новых епархий. Это решение мотивировалось существованием в прошлом двух

епископских кафедр – Хотинской и Измаильской. Чрезвычайное епархиальное собрание, проведенное 14 марта 1921 г. в Кишиневе, не возражало против этого. Наконец, 2 февраля и 13 марта 1923 г. были приняты решения об учреждении Хотинско-Балтской и Белгородско-Измаильской епархий[1].

Пока не был утвержден новый Организационный Устав, который должен был установить общие правила для всей, значительно расширившейся после 1918 г., канонической территории Румынской Церкви, возникла угроза повторения того, что случилось в феврале 1920 г. Чтобы примирить народ (духовенство и мирян), чрезвычайно привязанный к местным обычаям, с центральной властью, архиепископ Гурие созвал 13 марта 1923 г. чрезвычайное епархиальное собрание, на котором решено было пойти на компромисс. Сохраняя свое право избрания иерархов, Бессарабская Церковь, неизменно выражая «беззаветную преданность всерумынскому братству», но учитывая обстоятельства, постановила, что назначение двух недавно утвержденных иерархов будет осуществлено в соответствии с румынским синодальным порядком, но при условии, что единогласное решение собрания относительно конкретных кандидатур подтвердят 6 представителей Бессарабии, представленных в Великой избирательной коллегии.

На Хотинско-Балтскую кафедру Великая коллегия избрала кандидата, выдвинутого епархиальным собранием, а именно епископа Виссариона Пую. Но с кандидатом на Белгородско-Измаильскую кафедру получилось иначе. Вместо поддержанного собранием архимандрита Юлия Скрибана Великая коллегия избрала священника, профессора Черновицкого факультета богословия Николая Котлярчука. Все возражения, высказанные бессарабской делегацией, были отклонены, а решение Великой коллегии утверждено королевским указом от 31 марта 1923 г.

Отметим, что Чрезвычайное собрание Бессарабской Церкви 7 и 16 марта 1921 г. впервые как представительный форум высказалось за то, чтобы ее предстоятелем был патриарх Румынской Церкви, и это желание было письменно закреплено в предложениях, включенных в ряд статей, подготовленных для Организационного Устава Румынской Церкви.

[1] Город Белгород-Днестровский, рум. Cetatea Alba, в Российской империи – Аккерман.

Наконец, с изданием закона от 6 мая 1925 г., согласно которому Румынская Церковь состояла из 5 митрополий, включая пятую по счету, последнюю хронологически, Бессарабскую, начало сбываться желание бессарабцев иметь собственную митрополию, как завещал Гавриил Банулеску-Бодони. Прошло 3 года до ее возникновения *de facto*. Духовенство и народ высказались почти единогласно за назначение митрополитом Гурие Гросу. После долгих лет отлагательств, объясняемых отчасти политическими обстоятельствами, а также противодействием в среде высшей иерархии, особенно со стороны лично епископа Виссариона Пую, 28 апреля 1928 г. архиепископ Гурие стал митрополитом Бессарабским.

Вопросом чрезвычайной важности не только для религиозной, но и вообще для интеллектуальной жизни было открытие в Кишиневе богословского факультета, административно подчиненного Ясскому университету. Это открытие первого в Бессарабии высшего учебного заведения состоялось после долгих обсуждений. Богословский факультет, расположившийся в помещении бывшей богословской семинарии, открыл свои двери для студентов 8 ноября 1926 г. С 1928 г. его деканом стал знаменитый богослов и писатель Гала Галактион (о. Григоре Пишкулеску). Некоторые выпускники факультета сыграли значительную роль в церковной жизни Румынии и в богословских исследованиях. Среди них будущий архиепископ Антим Ника, Николае Чудин, архимандрит Василе Василаке, Исидор Тодоран, Александр Северин.

Понятие «бессарабское православие», отсылающее к названию книги Галы Галактиона, особенно глубоко отражает реальность православия в Румынии. Воздействие русского православия, а также процесс обмирщения в бывшем Румынском королевстве (особенно после революции 1848 г.), продолженный секуляризационными реформами Александра Иоана Кузы, повлекли за собой расхождение между православной религиозностью Бессарабии и других областей Румынии.

Пожалуй, сильнее всего смущала религиозную жизнь в Бессарабии календарная реформа сентября 1924 г. Привязанность к старому календарю была слишком сильна, особенно в Молдове и Бессарабии, где проблема усугублялась политическими осложнениями. Это использовалось пропагандой, подпитывавшей местный сепаратизм и ностальгию по временам российского владычества. К концу межвоенного периода, Бессарабскую Православную

Церковь, пережившую время реорганизации и адаптации, с множеством осложнений и возмущений, характерными для процесса перемен, можно было считать процветающей. Она имела четкую систему епархий, огромное число верующих, высокообразованное духовенство, воспитанное Кишиневским богословским факультетом, издавала журнал «Светильник» и газету «Миссионер». Бессарабские епархии, митрополия с Измаильско–Белгородской епископией, Хотинско–Балтская епископия Буковинской митрополии насчитывали в целом 1090 храмов, 1104 священника, 20 монастырей и 9 скитов с 2414 монахами и монахинями.

Положение Бессарабской Православной Церкви во время первой советской оккупации (1940–1941)

Аннексия Бессарабии Советским Союзом, оговоренная секретным дополнительным протоколом пакта Молотова–Риббентропа, повлекла за собой катастрофические для церковной жизни последствия. Значительная часть духовенства (около 40%) перебралась тогда в Румынию. В Бессарабской Церкви настало нечто вроде «междуцарствия». Иерархия, назначенная Московским патриархатом, не спешила занять свое место.

В новых политических условиях религиозная жизнь требовала иного образа действий. Это, вероятно, объясняет появление в декабре 1940 г. такой однозначно мрачной фигуры, как некий Алексий, именовавшийся епископом Тульским, а вскоре ставший архиепископом Кишиневским и Бессарабским. Трудно точно сказать, откуда он взялся: был ли это, действительно, иерарх Московского патриархата или просто надевший рясу агент НКВД? На сегодня известно, что в 1933 г. он оговаривал перед органами безопасности своих собратьев, монахов, скрывавшихся при Свято–Сергиевском храме в Москве, что в 1939 г. он был «запрещен в служении», а в 1940 г., став епископом Тульским, принял дела Кишиневской епархии.

Самый тяжелый удар в первые месяцы советской оккупации был нанесен по городским, особенно кишиневским, церковным учреждениям. Все храмы и часовни при учебных заведениях, военных частях и больницах, включая даже часовню в резиденции митрополита, были использованы в нецерковных целях. Горожане были

возмущены поведением новых властей, которые грабили храмы, изымали ценности (иконы, облачения священнослужителей и т. д.).

В сельских приходах советская политика была чуть более гибкой. Чтобы не вызвать массового восстания крестьян, весьма привязанных к религиозным ценностям, в деревне репрессивных методов не применяли, а действовали внешне вполне законно. По законам Советского Союза, единственным собственником недвижимого имущества было государство. Таким образом, все церковные здания и земли становились государственной собственностью. Верующие для отправления культа должны были арендовать храм и его территорию. Цены же, назначаемые, как правило, произвольно, непомерно и поступательно возрастали. Если для священника и верующих эти чрезмерные цены были непосильны, храм закрывался и тут же использовался по совсем другому назначению, а печать заявляла, что жители такой-то деревни, осознав бессмысленность религии, добровольно отказываются от храма и от услуг священника. Таким был путь к окончательному торжеству атеизма. Хватало, однако, и жестокостей. Число высланных, убитых или исчезнувших священников за один только год оккупации (июнь 1940–июнь 1941) достигло 48 человек.

После 22 июня 1941 г. советские власти, покидая Бессарабию, полностью разрушили или сильно повредили немало храмов. Митрополичий собор был сожжен, а здание епархии вместе с часовней снесено.

Возвращение в лоно Румынского патриархата (1941–1944)

Одной из главных задач для вернувшихся румынских властей стало восстановление нормальной церковной жизни. Довольно скоро были реорганизованы иерархические структуры. Возвратились на свои места архиепископ Бессарабской митрополии Ефрем Энасеску (сменивший в 1938 г. митрополита Гурие Гросу) и епископ Измаильский и Белгородский Дионисий Эрхан. Вскоре епископ Дионисий ушел на покой по возрасту и нездоровью, и его сменил епископ Поликарп Морушка, окормлявший прежде румын в Америке. Другой епископ, Партение Чопрон (окормлявший армию) сменил епископа Балтского и Хотинского Тита Симедрю, получившего сан митрополита Буковинского. Началась работа по реорганизации.

Утверждение рукоположений, произведенных Алексием Тульским, было приостановлено вплоть до выяснения его канонического статуса. Священники, оставившие Церковь и веру и ставшие советскими функционерами, были решительно отстранены Церковью. Богослужения совершались по новому календарю. 31 октября 1942 г. в присутствии короля Михая, королевы-матери Елены и трех бессарабских иерархов был заново освящен после реставрации Кишиневский митрополичий собор.

Снова стали издаваться «Светильник», «Миссионер», «Епархиальный бюллетень» (Измаил). Появились новые издания «Кишиневский архиепископский бюллетень», «Бессарабская Церковь» (Балта). Историк и богослов о. Павел Михаил создал церковный музей при бывшем митрополичьем соборе.

Возобновилась филантропическая деятельность Церкви. Однако за этот краткий период оживления не успели вновь открыть Кишиневский богословский факультет. После 1940 г. он слился с богословским факультетом Черновицкого университета.

В январе 1944 г. в Бухаресте была созвана Великая избирательная коллегия, которая назначила иерархов многих епархий, в том числе и бессарабских, до того возглавляемых наместниками. Тогда же был назначен второй митрополит Бессарабский Ефрем Энацеску, который вел плодотворную церковную деятельность вплоть до последних дней перед второй советской оккупацией.

Православная Церковь в Молдавской Советской Социалистической Республике

Вторая советская оккупация продлилась не один десяток лет. Военные обстоятельства заставили Советскую власть занять новую позицию по отношению к Православной Церкви. Нуждаясь в патриотической поддержке, власти вынуждены были изменить своей прежней стратегии скорейшего уничтожения Церкви. Теперь они выбрали относительно терпимую позицию, хотя и жестко ограниченную Кремлевским соглашением 1943 г. В общем, эта новая ориентация в церковной политике не претерпела больших изменений до самого конца Советской власти в СССР, – может быть, отчасти благодаря большему значению, которое придавалось теперь международному общественному мнению.

Результатом этой стратегии стало то, что политика советских властей по отношению к Церкви в Бессарабии, вторично ставшей Молдавской Советской Социалистической Республикой[2], может быть определена через две отчасти противоречащие друг другу тенденции: консервативную и ограничительную. Церковь не подлежала программе скорейшего уничтожения, но ее поле деятельности все более и более сужалось. Следует отметить, что (в отличие от 1940 г.) Бессарабская Церковь обрела каноническую структуру, разумеется, в лоне Московского патриархата.

В условиях относительной изоляции, принимая во внимание запрещение как-либо проявлять себя вне весьма тесных рамок, установленных гражданскими властями, иерархи Кишиневской и Молдавской епархии от Венедикта до Ионафана, возглавлявшего ее накануне перестройки, не показали себя как личности. Большинство верующих знало их лишь по фотографиям в церковных календарях, ежегодно выпускаемых Московским патриархатом.

В соответствии с практикой Русской Церкви, вернулся юлианский календарь. Румынский язык употреблялся крайне ограниченно, в основном для проповедей в сельских храмах, тем более, что проповедь вообще в глазах властей была религиозной пропагандой, недопустимой как таковая. В этот период не было никаких учебных заведений для священников и отсутствовала всякая религиозная периодика.

Чтобы сократить количество действующих храмов, власти вернулись к практике введения непосильных налогов. Это было особенно действенно в период искусственного голода 1946–1947 гг., когда население не имело возможности платить. До 1949 г. была закрыта почти половина храмов. В некоторых (всего в 48) храмах, считавшихся действующими, богослужения не совершались за отсутствием священников, из которых одни были отстранены от служения, а другие репрессированы.

[2] Территории Бессарабии и Молдавской ССР не вполне совпадают. Земли Северной Бессарабии (Хотинский район) и Южной Бессарабии (Измаильский и Белгород-Днестровский районы) были переданы Украинской ССР, а Транснистрия (часть Молдавской АССР, созданной в 1924 г. в составе УССР со стратегической целью возобновления власти над Бессарабией), никогда не принадлежавшая Молдавскому княжеству, была присоединена к Молдавской Советской Социалистической Республике.

«Хрущевская оттепель» принесла новые изменения в политику атеистического государства по отношению к Православной Церкви. Несмотря на относительную либерализацию в других областях жизни, наступление на Церковь усиливалось. Откровенные репрессии прекратились, но велась подрывная работа, порою весьма тонкая, порою более грубая, направленная на изобретение непременно законных оснований для закрытия монастырей и храмов. Придумывались политические, экономические, культурные и другие мотивы. В административный аппарат епархий внедрялись сотрудники органов безопасности. Они вскрывали случаи «поповского обмана», что вело к отстранению от служения многих представителей духовенства и часто заканчивалось закрытием храмов.

Иногда удавалось избежать сопротивления, но в некоторых случаях верующие решительно протестовали, и тогда власти прибегали к репрессивным мерам. Особенно примечателен случай с уничтожением монастыря в деревне Ракула, который сопротивлялся 9 дней, что привело к аресту настоятельницы и 8 жителей деревни. После закрытия старейшего в регионе монастыря Каприана были уничтожены его библиотеки и богатые архивы. Следует упомянуть о том, что многие антирелигиозные акции во избежание осложнений осуществлялись украдкой, по ночам. В 1963 г. именно ночью взорвали знаменитую колокольню митрополичьего собора. Утром территория была уже засеяна.

Главные усилия направлялись на закрытие монастырей, самое существование которых, как считалось, шло вразрез со всем устройством советской жизни. В 1960 г. из 24 монастырей, насчитывавшихся к концу войны, оставалось только 7, в 1961 – всего 4, а в конце 1965 г. от знаменитого бессарабского монашества остался единственный женский монастырь в селе Жабка, выстоявший до конца советской эпохи, главным образом, благодаря настоятельнице, боровшейся в рядах Красной армии во время войны.

В эпоху «брежневского застоя», когда церковная жизнь была сведена к минимуму, на первый план выдвигались «положительные меры», т. е. атеистическая пропаганда, с которой советский человек встречался на всех этапах своего воспитания, начиная с детского сада. Перед всеми средствами информации и формами культуры стояла цель воспитывать людей в духе атеизма. Более того, верующих превращали в изгоев общества. Хотя закон и не делал различия между

верующим и неверующим гражданином, на практике для верующих был закрыт путь к общественному продвижению и высшему образованию. Только утаивание своей религиозности, при постоянном риске разоблачения, позволяло небольшому числу верующих получать университетские дипломы. Всем этим объясняется значительное снижение посещаемости храмов и легкость их закрытия. К концу советской эпохи насчитывалось 194 действующих храма.

Православная Церковь в конце советской эпохи и после провозглашения независимости Республики Молдова[3]

Перемены пришли в 1989 г. с началом организованного национального движения. Первым признаком новых времен стала замена митрополита Серапиона (Фадеева), символизировавшего консерватизм Русской Православной Церкви и нечувствительного к требованиям национального движения, архиепископом Владимиром (Кантаряном), который, по крайней мере, говорил по-румынски. В 1990 г. были назначены 2 новых епископа: Петр (Пэдурару) в Балту и Викентий (Морарь) в Бендеры. Многие, как в Церкви, так и в обществе, воодушевленном строительством нового национального государства и заново открытой румынской идентичностью, сочли эти перемены недостаточными. Политическая независимость нового государства подразумевала также церковную независимость.

В то же время инерция советского наследия и ностальгия, питаемая некоторой надеждой на воссоздание прошлого, вступили в

[3] Здесь, когда речь идет о периоде после обретения Молдовой независимости, под Молдавской митрополией (Молдавской Православной Церковью) подразумевается митрополия, подчиненная Московскому патриархату, а под Бессарабской митрополией – подчиненная Бухарестскому патриархату. В 2004 г. этно-демографическая ситуация представлялась следующим образом: молдаване–румыны – 78%, украинцы – 8,4%, русские – 5,9%, гагаузы – 4,4%, болгары – 1,9%, другие – 1%. С конфессиональной точки зрения абсолютное большинство составляли православные – 93,3%, затем шли баптисты – 1%, адвентисты – 0,4%, пятидесятники – 0,3%, старообрядцы – 0,15%, другие вероисповедания – 1,1%, атеисты – 1, 4% и «неопределившиеся» – 2,2%. Католиками заявили себя 4645 чел., евангелистами синодо-пресвитерианами – 3596 чел. Во время этой переписи 1667 чел. назвали себя мусульманами и 3608 чел. –иудеями.

противоречие с тенденцией к обретению румынской идентичности. Это противостояние дало себя знать уже на заре независимости Молдавского государства. 3 апреля 1992 г. группа из 52 парламентариев обратилась с посланием к Московскому и Бухарестскому патриархам, требуя начать диалог «с целью восстановления церковного единства румынского народа». Священный синод Румынской Православной Церкви, рассмотрев это требование, заявил, что никогда не признавал отделения Бессарабской митрополии с кафедрой в Кишиневе и Буковинской митрополии с кафедрой в Черновцах. Вообще, Румынский патриархат никогда не признавал катастрофических последствий пакта Молотова-Риббентропа.

Российский патриархат занял однозначно отрицательную позицию по отношению к этой инициативе. Более того, была развязана кампания против представителей духовенства Республики Молдова, поддержавших идею воссоединения Румынской Церкви. Последствием этого противостояния стало раздвоение иерархии Православной Церкви в Молдове, к которому мы еще вернемся.

Постсоветская эпоха характеризуется оживлением старых храмов и монастырей и строительством новых. Если в 1988 г. действовали только 194 храма и один женский монастырь в Жабках, то в 1994 г. это число значительно возросло: было уже 864 храма, 21 монастырь (11 мужских и 10 женских) и 1 скит. Динамика сохранилась и далее: в 2001 г. насчитывалось 1076 храмов, 34 монастыря и 6 скитов.

После 1989 г. превращенный в выставочный зал собор Рождества Христова был возвращен Церкви, а с 1990 г. начались реставрационные работы. В 1997 г. была отстроена соборная колокольня. Эти два события произвели огромное символическое впечатление на население.

Значительные перемены произошли и в уставе Кишиневско–Молдавской епархии. В 1992 г. патриарх Алексий II и Священный синод Русской Православной Церкви приняли решение присвоить Кишиневской епархии официальное название «Молдавская Православная Церковь (МПЦ)». В 1994 г. это решение было одобрено Архиерейским собором. Архиепископ Владимир получил Томос о самоуправлении и сан митрополита Кишиневского и всея Молдовы.

Согласно этому Томосу, Молдавская митрополия получала право самоуправления в экономических, административных и юридических вопросах. Законодательная (в церковной области) власть

переходила теперь к синоду МПЦ, статус которого был утвержден решением правительства Республики Молдова от 17 ноября 1993 г. Митрополит избирался синодом МПЦ по списку кандидатов, утвержденному патриархом Московским, причем эти кандидаты должны были быть гражданами Молдовы и владеть румынским и русским языками. Согласно закону о культах от 24 марта 1992 г., правительство передавало Церкви культовые здания и часть прилегающих территорий.

Был основан ряд прицерковных учреждений. Открыты школы церковного пения в Бендерах (1996), в монастыре свв. Марфы и Марии (село Гагимус, Каушанский район, 1998) и в селе Чиштельница (школа, перемещенная из Гербовецкого монастыря).

В 1991 г. по решению правительства в рамках Молдавского государственного университета, в помещении старой богословской семинарии, был восстановлен православный богословский факультет, в часовне которого еще недавно находился спортзал. В 1993 г. факультет был выведен за пределы университета и преобразован в Богословскую Академию, оставаясь в том же помещении. Это вызвало практические проблемы, так как студенты остались без стипендии и возникли трудности с признанием диплома Академии вне структуры Церкви. Только в 2003 г. правительство узаконило деятельность этого учреждения. С 2005 г. это высшее богословское учебное заведение получило название Университета православного богословия.

Недавно, в 2005 г., в Забричанах Единецкого района был основан Богословский институт во имя св. Иоанна Богослова, но он до сих пор не признан на государственном уровне, и его дипломы признаются только внутри МПЦ.

С 1995 г. началась кампания по введению в средних школах курса религии. Поныне этот курс допускается лишь как факультативный, по желанию родителей учащихся и с разрешения школьной администрации. Таким же образом организуется пастырская деятельность в воинских частях, медицинских учреждениях, домах престарелых и тюрьмах.

Первое периодическое издание «Православный вестник» с одноименным приложением на русском языке стало выходить в 1995 г. С 1998 г. издается газета «Колокол Молдовы» и ее русский вариант, а с января 2001 г. – газета «Алтарь веры», официальный орган Кишиневской митрополии. Начали выходить

также периодические издания в епархиях МПЦ. В Единецкой и Бричанской епархиях в 2000 г. по благословению епископа Доримедонта стал выходить епархиальный информационный бюллетень «Вифлеемская звезда» на румынском и русском языках. Между 1999 и 2002 гг. выходил журнал «Церковь», а с 2002 г. – журнал «Православие». В Тираспольско-Дубоссарской епархии издается русскоязычный бюллетень «Православное Приднестровье». В 1993 г. типография города Орхея стала издательским центром митрополии, где на румынском языке печатались основные богослужебные книги.

Серьезная реорганизация структуры МПЦ началась в 1995 г. с создания Тираспольско-Дубоссарской епархии (во главе с епископом Юстинианом), тогда как епископ Бендерский и викарий Молдавской митрополии Викентий был переведен в Абаканско-Кызылскую епархию в России. Затем, в 1998 г. была основана Кагульско-Каушанская епархия, переименованная вскоре в Кагульско-Лапуснскую, а в конце 2005 г. в Кагульско-Комратскую (во главе с епископом Анатолием), и Единецко-Бричанская с епископом Доримедонтом, скончавшимся 31 декабря 2006 г., после чего кафедра по сей день вдовеет. Балтская епархия стала Балтско-Фалештской и возглавляется епископом Маркелом.

В ноябре 1995 г. состоялось первое заседание Архиерейского собора МПЦ, на котором была обновлена структура митрополии, состоящей теперь из 8 отделов (строительства, реставрации и живописи, пастырской работы среди молодежи, пастырской работы в армии, полиции и юридических учреждениях, издательского, цензуры и связей с масс-медиа, монастырей и монашеской жизни, внешних связей, инспекции, контроля и ревизии).

В 2005 г. была создана Ниспоренская епархия во главе с епископом Петром. В 2008 г. МПЦ состояла из 6 епархий: центральной во главе с архиепископом Кишиневским, Тираспольско-Дубоссарской, Кагульско-Комратской, Единецко-Бричанской (вдовствует), Ниспоренской (также вдовствует после отстранения епископа Петра, ныне епископа монастыря Хынку) и Балтско-Фалештской.

Кроме официальных и традиционных структур Православной Церкви, было учреждено несколько православных организаций, одни в объединении с Церковью, другие – неправительственные, такие как «Ихтис–Молдова», официально признанная в 2000 г.; социальный центр «Агапис», основанный в 2004 г. и канонически

подчиненный МПЦ; центр милосердия и духовной терапии «Катред», основанный в 2000 г.

«Ассоциация студентов – православных христиан (АСПХ)», основанная в 1996 г. и зарегистрированная как структура МПЦ, выпускает периодическое издание «Логос», бывшее прежде приложением к газете «Православный вестник». Ассоциация организует паломничества по святым местам Республики Молдова и за ее пределами. Проводит катехизацию среди стариков и детей. Миссионерские и благотворительные акции осуществляются также по инициативе многих монастырей и приходов.

Возвращаясь к событиям 1992 г., начавшимся с выступления группы парламентариев за воссоединение Румынской Церкви, напомним об отрицательной реакции Московского патриархата, решившего, в качестве практической меры, подвергнуть прещению и удалить из его резиденции в Балте епископа Петра (Пэдурару). Все требования, обращенные к патриархату, относительно восстановления епископа в его сане остались без ответа.

В сентябре 1992 г. часть духовенства и верующих, ориентированная на национальное возрождение Румынской Церкви, основала для защиты своих позиций Православное братство Стефана Великого. 14 сентября собрание большого числа клириков и мирян епархии под председательством епископа Петра приняло решение о восстановлении Бессарабской митрополии и направило делегацию в Бухарест, к Священному синоду Румынской Православной Церкви, с прошением принять митрополию под каноническую юрисдикцию Румынского патриархата. Это начинание было поддержано группой парламентариев и 275 деятелями культуры, науки и искусства.

Не получив ответа на ходатайство, обращенное к Российскому патриархату, 27 сентября епископ Петр направил патриарху Феоктисту новое прошение о принятии под каноническую юрисдикцию Румынской Православной Церкви. 8 октября он обратился к правительству Республики Молдова с ходатайством о признании и регистрации Бессарабской митрополии, которое осталось без ответа. Дальнейшие переговоры с правительством и парламентом Республики Молдова также не возымели результата. Впоследствии, 18 декабря, в Бухарест направилась делегация клириков и мирян, возглавляемая епископом Петром, с прошением принять Бесса-

рабскую митрополию под каноническую юрисдикцию Румынской Православной Церкви.

19 декабря 1992 г. Священный синод Румынской Православной Церкви принял решение о восстановлении Бессарабской митрополии и патриаршим актом признал ее в качестве составной части Румынской Православной Церкви. Соответственно своему уставу, Бессарабская митрополия сохранила право совершать богослужения по старому юлианскому календарю. Содержание патриаршего акта было доведено до сведения всех Православных Церквей и правительства Республики Молдова.

Московский патриархат расценил это действие как неканоническое вмешательство во внутренние дела Молдавской Православной Церкви под юрисдикцией Российского патриархата.

Такую же позицию заняло правительство Республики Молдова.

После 4 лет оттяжек, 19 августа 1997 г. апелляционный суд Республики Молдова вынес решение в пользу Бессарабской митрополии по ее иску против так и не признавшего ее правительства. Это решение вызвало весьма враждебную реакцию Молдавской митрополии. Окончательным решением Верховного Суда от 9 декабря 1997 г. деятельность Бессарабской митрополии была признана незаконной.

Такое решение оставило для Бессарабской митрополии единственный путь: обращение к международным организациям.

Последовало обвинение в том, что по церковным делам, к которым относятся переговоры между Румынским и Российским патриархатами, обращение в мирскую структуру, в данном случае Европейский суд по правам человека, недопустимо. Однако к этому вынудило поведение Московского патриархата, не проявившего и признака доброй воли в решении проблемы Бессарабской митрополии. Кроме того, обращение в мирскую организацию, в Европейский суд по правам человека, было вызвано тем, что по церковному вопросу уже принял решение другой мирской орган, а именно Верховный Суд Республики Молдова.

13 декабря 2001 г. Европейский суд по правам человека принял решение в пользу Бессарабской митрополии, обязывающее правительство Республики Молдова официально признать ее.

После заявления министра юстиции Иона Мореи, назвавшего Бессарабскую митрополию «орудием румынского империализма», правительство Республики Молдова немедленно подало

встречный иск, который был рассмотрен и отклонен Европейским судом по правам человека. 27 марта 2002 г. первоначальное решение было вновь и окончательно утверждено. 30 июня 2002 г. власти Республики Молдова вынуждены были признать законность Бессарабской митрополии и начать, согласно закону о культах, процедуру регистрации ее приходов, монастырей, богословских школ, объединений и т. д. Европейские учреждения продолжают контролировать отношения между властями Республики Молдова и Бессарабской митрополией.

Вопрос о признании церковной собственности стал предметом нового иска в Европейский суд по правам человека.

Новое обострение конфликта последовало после заседания Священного синода Румынской Православной Церкви 22–24 октября 2007 г., на котором было официально признано восстановление викарных епархий Бессарабской митрополии межвоенного периода, когда их насчитывалось 4: архиепископия Кишиневская, епископии Балтская, Южнобессарабская и Дубоссарско-Приднестровская. Но это решение не включало вопроса о выборах епископов и о создании соответствующих управленческих структур.

Немедленной была враждебная реакция Москвы, Кишинева и Тирасполя.

В ноябре 2007 г. планировалась встреча предстоятелей Румынской и Русской Церквей в Москве. Но состоялась она в итоге в Троянском монастыре в Болгарии и не принесла ощутимых результатов. Еще более жесткой была реакция молдавских властей. В телевизионном выступлении 1 декабря 2007 г. президент Владимир Воронин заявил, что он оспорит решение Европейского суда по правам человека от 13 декабря 2001 г., если Бессарабская митрополия не прекратит деятельности трех из своих четырех епархий (за исключением Кишиневской). 19 декабря президент Молдовы подтвердил свою нетерпимую позицию по отношению к Бессарабской митрополии. В такой ситуации Бессарабская митрополия 9 января 2008 г. обратилась в Генеральный секретариат Совета Европы, в Совет Министров Совета Европы и к докладчику Парламентской Ассамблеи Совета Европы по Республике Молдова с просьбой о контроле выполнения решения Европейского суда по правам человека от 13 декабря 2007 г. властями Республики Молдова. 21 января 2008 г. молдавский президент В. Воронин получил от Патриарха Московского Алексия II титул «человека

года» за личный вклад в поддержку канонического православия в Молдове.

В 2008 г. Бессарабская митрополия насчитывала 4 епархии, 120 приходов и 1 монастырь, будучи возглавляема митрополитом Бессарабским и экзархом Новых земель[4].

БИБЛИОГРАФИЯ

Agrigoroaiei, Ion, Basarabia. *De la Unire la integrare*. (Бессарабия. *От союза к интеграции*), Chişinău, 2007.

Buzilă, Boris, *Din istoria vieţii bisericeăti din Basarabia, 1812–1918; 1918–1944* (*К истории жизни Бессарабской Церкви, 1812–1918; 1918–1944*), Bucarest– Chişinău, 1996.

Galaction, Gala, *Zile basarabene* (*Бессарабские дни*), Chişinău, 1993.

Păcuraru, Mircea, *Basarabia, aspecte din istoria Bisericii şi al neamului românesc* (*Бессарабия, аспекты истории Церкви и румынского народа*), Jaşi, 1993.

Пасат В. И., *Трудные страницы истории Молдовы, 1940–1950*. Москва, 1994.

–, *Суровая правда истории*. Кишинев, 1998.

Русак, В. *История Российской Церкви*. Москва, 2002.

Tihonov, Ludmila, *Politica statului sovietic, faţă de cultele din R.S.S. Moldovenească, 1944–1965* (*Политика Советского государства по отношению к культам в Молдавской ССР, 1944–1965*), Chişinău, 2004.

Прот. Цыпин, Владислав. *История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды, 1700–2005*. 2–е изд. Москва, 2005.

См. также:

Brezianu, Andrei, *Historical Dictionary of the Republic of Moldova*, Lanham (Maryland), 2000.

Bruchis, M., T*he Republic of Moldavia. From the Collapse of the Soviet Empire to the Restoration of the Russian Empire*, New York, 1996.

[4] Последняя часть титула (экзарх Новых земель) означает, что митрополия охватывает также приходы, находящиеся вне пределов Республики Молдова, особенно на постсоветском пространстве.

Caşu, Igor, «Historiography on "Recent History" in the Republic of Moldova», в: Antohi, S., Apor, P., Kopecek, M. (ed.), *Past Continuous: Writing Recent History in Post-Communist Eastern Europe*, Budapest, CEU Press, 2005.

Durandin, C., *Histoire des Roumains*, Paris, 2005.

Dyer, Donald (ed.), *Studies in Moldovan : The History, Culture, Language and Contemporary Politics of the People of Moldova*, Boulder (Colorado), 1996.

King, Charles, *The Moldovans. Romania, Russia and the Politics of Culture*, Stanford, Hoover Institution Press, 2000.

Livezeanu, Irina, *Cultural Politics in Greater Romania: Regionalism, Nation Building & Ethnic Struggle, 1918–1930*, Ithaca (New York), 2000.

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ВЕНГРИИ В XX СТОЛЕТИИ

Этеле КИШ

Введение

Этот текст излагает юридическую историю Православной Церкви в Венгрии в XX столетии, основываясь на первичных и вторичных источниках в авторской интерпретации. Некоторые из этих источников, например, архивы венгерского министерства культов за 1940-е годы, безнадежно повреждены во время русских бомбардировок в октябре-ноябре 1956 г. Другие источники за этот период также труднодоступны, и в Венгрии, и за границей, и поэтому автор вынужден был доверяться информации из вторых, а то и третьих рук. Так что это исследование следует продолжить.

Православие в Венгрии в начале XX века

Статья IX закона от 1868 г. определяет законные основания деятельности Православной Церкви, официально признанной в Австро-Венгерской монархии. Этот закон объявлял свободу использования языка на всех уровнях церковной администрации, а также в церковных школах. Он подтверждал существование митрополичьей кафедры в Нодьсебен-Сибиу и ее независимость от сербской юрисдикции. Основание этой митрополии было провозглашено Собранием трансильванских румын в 1864 г. Тот же закон от 1868 г. закреплял за православными епископами постоянные мандаты депутатов Верховной палаты венгерского парламента, вслед за «Declaratorium Illiricum», регулировавшим вопросы жизни православных в XVIII веке.

На Сербском национальном собрании в мае 1848 г. в сан патриарха был возведен Карловацко-Сремский митрополит Иосиф Раячич († 1861). Этим собрание желало подчеркнуть неоспоримую роль Раячича как вождя сербского народа в Габсбургской империи. В декабре того же года император Франц-Иосиф I утвердил это решение, почтив таким образом Иосифа Раячича как главу сербов, противостоявших венгерской революции 1848–1849 гг. Затем, через несколько лет сан патриарха был восстановлен законом от 1868 г. В промежутке, указом от 1855 г., Константинопольский патриархат утвердил автономию Карловацкой епархии-архиепископии. Карловацкий митрополит-патриарх был избран общим собранием верующих сербов Венгрии. Одновременно собранием православных румын Трансильвании был избран митрополит Нодьсебенский, но, согласно закону, результат выборов должен был утвердить венгерский король (эпохи Франца-Иосифа). Статья IX закона от 1868 г. со всей очевидностью отменяла юрисдикцию Карловацкой митрополии над всей территорией Венгрии, между тем как с XVIII века она распространялась на всю империю Габсбургов.

По количеству верующих православие представляло собой второе вероисповедание в Венгрии: на 1910 год православных там было более 2980000 чел. (1710000 румын и 1045000 сербов). В это время Православная Церковь была представлена в Венгрии двумя автономными митрополиями и восемью епископиями, в числе которых было 6 сербских (Бачковская, Будимская, Врацкая, Темишварская, или Тимишоарская, Пакрацкая и Карловацкая) и 2 румынские (Карансебешская и Арадская).

После австро-венгерского соглашения 1867 г. и издания закона 1868 г. о национальностях в Венгрии сербская и румынская иерархии заняли в целом чрезвычайно законопослушную позицию, стараясь таким образом насколько возможно сохранить автономию своих наций и Церквей. Они по-прежнему боролись не только с продолжающимися попытками некоторых венгерских политиков ограничить действующие законы, но и с радикализмом тех соплеменников, которых называли «ирредентистами». Фактически, радикально-националистические венгерские политики пытались ввести государственный контроль над использованием национальных языков, над обучением в церковных школах и над выбором епископов. Румынские националисты хотели автономии Трансильвании и, по возможности, общерумынского союза в виде

некоей конфедерации между Габсбургской монархией и Румынией, однако независимо от Венгрии. Сербские же националисты мечтали о союзе с Хорватией и Словенией. В 1904–1905 гг., к концу своей долгой церковной карьеры, к требованию сербско-хорватско-словенского союза присоединился Георгий Бранкович (1890–1907).

Бранкович много сделал для своей Церкви. Он восстановил некоторые монастыри во Фрушка Гора, основал семинарию и высшее училище в Сремских Карловцах, одаривал школы. Он снискал уважение своего народа, Габсбургской монархии и сербского правительства. После его смерти в 1908 г. Лукиан Богданович, в ту пору молодой епископ Будимский, был избран патриархом-митрополитом, так как другой кандидат, Гаврило Бачковский, не получил санкции венгерского премьер-министра Шандора Векерле. Позднее, в 1912 г., Богданович вынужден был уступить давлению премьер-министра Иштвана Тисы и отказаться от многих сторон сербской автономии, что глубоко огорчило сербскую интеллигенцию. В том же году Богданович вызвал гнев Тисы, назначив епископом Будимским Георгия Зубковича. Но это касалось скорее сербского политического вопроса, из-за которого год спустя патриарх Лукиан был зверски убит в Бад Гастайн при так никогда и не выясненных обстоятельствах. В то же время Иштван Тиса стремился всеми средствами достичь компромисса с румынами, прибегая, с одной стороны, к услугам законопослушных иерархов, а с другой – используя свое влияние на румынское национальное собрание в Венгрии. Вплоть до конца I Мировой войны и провозглашения Михаем Каройи независимой Венгерской Республики венгерские православные епископы-румыны держались своей легитимистской позиции. Только в 1918 г. они признали Центральный румынский национальный совет, в создании которого, однако, сыграли определяющую роль, будучи единственной законной властью для румын. В декабре 1918 г. на собрании в Алба-Юлия, вместе со своими союзниками – румынскими греко-католиками – они высказались за объединение всех румын и за единое Румынское королевство.

В законе IX от 1868 г. была оговорка (§ 9), узаконивавшая православные общины, которые не были «ни сербскими, ни румынскими». Речь шла о мадьяроязычных православных греко-македонско-влашского происхождения, ассимилировавшихся в Венгрии в XIX веке и при переписи населения называвших себя

венграми. Эти автономные общины, свободно распоряжавшиеся церковным имуществом и использовавшие в богослужении родной язык, сразу же взяли к себе в священники греков из монастырей Константинопольского патриархата, оставаясь, однако, под мягким контролем поместной Церкви, которой они были обязаны представлять новоизбранного священника. Другие общины той же группы или со смешанным составом прихожан окормлялись местными священниками, в основном, сербами или румынами, но имели независимую администрацию. Фактически, некоторые из этих общин, в таких городах, как Мишкольц, Токай и Дьендьеш, уже угасали. Энциклика Вселенского Константинопольского патриарха Иоакима IV от 1884 г. объявляла их канонически подчиненными патриархату, оговаривая при этом их автономию. Однако в Венгрии эта энциклика не сразу возымела действие. После создания румынской митрополии в Трансильвании некоторые из упомянутых общин отвергли духовную власть местных епископов и перешли в прямое подчинение митрополита Карловацкого, не отказываясь от автономии (общины городов Брашов, Мишкольц, Ходмезевашархей). Для сохранения своей автономии и имущества эти общины обычно ограничивали число своих членов потомками основателей – греческих и македонско-влашских торговцев, которые, даже уменьшаясь количественно, были достаточно состоятельны и занимали видные посты в венгерском обществе. Были другие общины, смешанные, состоявшие из сербов (или румын), а также греко-македоно-влахов, с отдельной греческой школой, принадлежавшие к поместной Сербской Церкви (в городах Дьер, Вак, Эгер, Эстергом, Комаром). Однако к началу XX века большинство этих общин почти исчезли.

Будапештские румыны, не имевшие права использовать румынский язык ни в богослужении – в будапештском Свято-Успенском храме, – ни в независимой влашской школе, в 1900 г. основали новый приход, который освятил румынский епископ Арадский[1].

---

[1] Церковная община (и ряд других греческих церквей) была основана в 1791–1792 гг. Дионисий Папаиоаннис (Попович), уроженец города Козани (ныне в Северной Греции), в то время епископ Будимский, в 1785 г. был возведен патриархом Константинопольским в сан епископа Белградского и экзарха Сербии. Будучи активным участником взятия Белграда австрияками в 1789 г., он вынужден был бежать после взятия его турками. Затем, в 1890, император Иосиф поставил

В 1905–1909 гг. они безуспешно спорили с греческой общиной Пешта по поводу раздела церковного имущества. В 1902 г. греческая община переписала документ о своем основании, подчеркнув греческое происхождение основателей, но упомянув также об активном употреблении языка администрации Церкви – венгерского. К тому времени греческий был уже непонятен членам общины, но оставался богослужебным языком. Было предусмотрено, что в случае исчезновения общины ее наследницей становится новая греческая община с венгерским гражданством, а в промежуточный период церковное имущество управляется министерством культов. Этот пересмотренный акт был признан венгерским министерством культов лишь в 1910 г. В то же время (в 1906 или 1907 г.) община города Сентеш объявила себя венгерской. В 1907 г. был принят закон, называемый *Lex Apponyi*, вводивший обязательное изучение венгерского языка даже в церковных школах, и одновременно венгерский парламент приступил к обсуждению введения обязательной должности венгерского православного декана и православной академии в составе уже существующего университета. Однако для осуществления этого на практике ничего не было сделано.

В начале XX века наблюдалось недолговременное движение за возвращение к православию некоторых карпато-русских греко-католических общин на северо-востоке Венгрии[2]. Это движение было вызвано в первую очередь экономическим грабежом, которому греко-католические священники подвергали верующих, но также оно было отголоском подобного движения в США, которое возглавил св. Алексий-Элек Тот, деятель русинской греко-католической иммиграции из Венгрии и Галиции. Кроме порыва к возвращению в исконное православие, это движение было проникнуто русским монархизмом и основывалось на убеждении в том, что русины принадлежат к русскому народу. Занимая долж-

---

его на вдовствующую Будимскую кафедру. Первоначально богослужебным языком Успенской общины в Пеште, был греческий, хотя основали ее не только греки, но и македоно-влахи. С 1809 по 1888 гг. наряду с греческим богослужения совершались на румынском языке священником-румыном. На румынском же проходило обучение в церковно-приходской школе.

[2] Подкарпатская Русь – историческая область Украины, принадлежавшая Венгрии, Чехословакии (1919), затем снова Венгрии (1938), а с 1945 г. – Украинской ССР.

ность премьер-министра, Иштван Тиса из боязни панславистской пропаганды и русского влияния запретил митрополиту Карловацкому принимать эти общины в Православную Церковь. Перед I Мировой войной это движение не принесло немедленных плодов, но имело значительные последствия на прикарпатском востоке Словакии после войны.

Патриарх Георгий Бранкович одержал больший успех в обращении католиков восточного обряда – «sokác», населявших Херцегсанто близ Байи в Бачковской епархии. В 1899 г. патриарх Бранкович купил землю, чтобы дать возможность общине построить школу и храмы.

Православные Церкви в Венгрии между 1920 и 1941 гг.

После распада Австро-Венгерской монархии и официального расчленения Венгрии по Трианонскому договору 1918 г. количество православных в стране снизилось до 50990. В пределах нового государства оставалась одна сербская Будимская епископия с единственным действующим Грабовацким монастырем. Размер епархии был установлен указом Священного синода Сербской Церкви, изданным в 1920 г. С 1913 г. епископом Будимским был Георгий Зубкович, умерший в 1951 г. Он пережил войну против Сербии, начавшуюся в 1914 г., позднее, в 1920 г., вынужден был принести присягу новому венгерскому государству, оставаясь в то же время в подчинении Священного синода в Белграде вплоть до того, как стала возможной реорганизация Православной Церкви. Из-за сербской оккупации в 1921–1923 гг. и последующего обмена населением Будимская епископия потеряла также приходы бывшей южной части Венгрии. Этот обмен населением, фактически, привел к тому, что даже оставшиеся открытыми сербские храмы опустели. В эти годы Венгрию покинуло 60–70% сербского населения, число которого уменьшилось от 15908 в 1920 до 6286 чел. в 1930 г. Тогда в Венгрии числилось по переписи 13043 православных румын, 2286 православных болгар и 15554 православных венгров. В указе Вселенского Константинопольского патриархата от 19 февраля 1922 г., утверждавшем автокефалию Сербской Православной Церкви в Королевстве Югославия и всех принадлежащих к ней митрополий, упоминалось также о Будимской епископии как части автокефаль-

ного Сербского патриархата. Однако с 1908 г. указом Константинопольского патриархата храмы греческой диаспоры передавались в подчинение Афинской и Элладской архиепископии. Это положение изменилось в 1922 г., когда в Европе, Америке и Австралии были созданы митрополии, подчиненные Константинопольскому патриархату. В 1922 г. территория Венгрии была объявлена юрисдикцией греческого Фиатирского митрополита, имевшего резиденцию в Лондоне. В апреле 1924 г. Константинопольским патриархатом в Будапеште была основана новая митрополичья кафедра, окормлявшая Австрию, Венгрию и Италию. Возглавил ее Герман Каравангелис, митрополит Амасейский, весьма недовольный этим назначением. Вследствие его протестов и протестов сербов в октябре 1924 г. митрополия, без особого оглашения, стала «Центральноевропейским экзархатом» с кафедрой в Вене, но сохранила под своей юрисдикцией Австрию, Венгрию и Италию. Будучи занят в основном реорганизацией греческих общин в Австрии и Италии, митрополит Герман до 1930 г. не вмешивался прямо в венгерские церковные дела.

Согласно закону, епископ Будимский оставался членом Верховной палаты венгерского парламента. Однако, поскольку автономная Венгерская Православная Церковь перестала существовать, он не был расположен поддерживать связи ни с Белградским патриархатом, ни с преемниками, назначаемыми Сербской Церковью. Сербские приходы оставались в ведении сербского епископа Будимского, который не понимал, почему он должен заниматься еще и 18 румынскими приходами, остававшимися в Венгрии. Это явствует из его переписки 1923 г. с митрополитом Сибиуским. Румынские общины юридически не принадлежали ни к какой епископии, что следовало из указа Бухарестского патриархата от 1928 г., ограничивавшего свою юрисдикцию территорией Румынии. Румынскими общинами управлял румынский священник из Бухареста. Епископские обязанности исполнялись епископами ближайших румынских епархий – Орадской и Арадской. Из-за катастрофического отсутствия священников и растущей потребности в учителях и даже школах румынские общины в 1927 и 1929 гг. делали попытки объединиться, избрав себе администратора и создав собственную консисторию, что, однако, не было одобрено венгерским министерством культов. Надеясь получить румынского епископа в Венгрии с кафедрой в Дьюле или в

Будапеште, румыны создали систему церковных округов. В 1932 г. возник первый округ, а к 1934 – еще 4.

Общины греческого происхождения продолжали поминать на литургиях епископа Будимского, однако не имели к нему прямого отношения. В то же время епископ требовал, чтобы иерархия была подчинена Константинопольскому патриархату. Для епископа Георгия Зубковича непризнание этих общин каноническими разумелось само собой. Известно, что в 1920-е гг. епископ всерьез рассматривал возможность назначения венгерских священников и введения венгерского языка в качестве богослужебного, чтобы, с одной стороны, расстроить планы Константинополя, а с другой – покончить с призывами к унии с Римом. Особенно же разгневан был епископ деятельностью двух авантюристов – Гезы Бороша и Иштвана Немета.

Епископ Сербского патриархата Досифей в 1926 г. в Нише рукоположил этих двух бывших римо-католиков (Иштван Немет был даже католическим священником) в православные священники и направил их в США как миссионеров, после чего они все же вернулись в Венгрию. Они требовали от епископа Георгия и одновременно от митрополита Германа признать их в качестве венгерских священников. Епископ Георгий, отлично зная, кто это такие, отказал категорически, но митрополит Герман был обманут Неметом и, в конце концов, утвердил их. Через некоторое время Борош и Немет занялись шовинистической пропагандой и попытались создать независимую Венгерскую Православную Церковь. Борош скоро вернулся в католицизм, а Немет в 1929 г. обосновался в греческом приходе города Сентеш и ввел там, по согласованию с Константинополем, богослужение на венгерском языке. Расстриженный в 1930–1931 гг. епископом Досифеем, рукоположившим его в Нише, он не подчинился этому решению, и, поскольку покровительства Германа, митрополита Амасейского и Центральной Европы, было для него уже недостаточно, он был избран на самозванном синоде «архиепископом Венгерским», несмотря на то, что был женат. Ни Православные Церкви, ни венгерские власти не признали его рукоположения во епископа, совершенного в 1934 г. сирийским православным епископом Моран Мор Игнатием Ефремом I Барсаумом без письменного свидетельства. Позднее Немет был отвергнут своими сторонниками в Сентеше, заключен в тюрьму и, после II Мировой войны, уехал из Венгрии в США. После визита митро-

полита Германа в Венгрию в 1930 г. греческое правительство просило его не ездить больше туда, во избежание ухудшения отношений с Югославией из-за венгерских дел.

Между тем была предложена другая возможность будущего для венгерского православия. В 1928 г. митрополитом Русской Православной Церкви заграницей был рукоположен бывший офицер полиции Янош Руско. В его же ведение были переданы русские эмигранты в Венгрии. В скорости, в 1931 г., он был отстранен решением русского синода в Карловцах. Затем, в 1933 г., его принял русский митрополит Парижский Евлогий (улица Дарю, русская архиепископия в Западной Европе Константинопольского патриархата) и вновь направил в Венгрию. С помощью о. Руско в Будапеште была построена венгерская православная часовня во имя св. Иоанна Златоуста. Были воздвигнуты и другие храмы – в 1932 г. в городах Сегед, Ходмезевашархей, а в 1943 г. – в городе Ньиредьхаза. Сербский епископ ожесточенно противился этим начинаниям, предпринятым, по его словам, неканоническим священством.

В то же время в Будапеште с 1916 г. имелась действующая болгарская церковная община, и в 1929 г. митрополит Софийский позволил ей рукоположить во священство для Венгерской Церкви богатого болгарина из Арада. Кандидат был намерен основать монастырь и богословскую семинарию, но совместное противодействие сербов и Константинопольского патриархата не дало осуществиться этим замыслам. Тогда же, в 1930–1931 гг., венгерские болгары построили в Будапеште большой храм во имя свв. Кирилла и Мефодия. Этот храм, в течение многих десятилетий бывший единственным болгарским храмом в Западной Европе, был освящен лишь в 1956 г., и эта задержка объясняется, в основном, проблемой каноничности Болгарского патриархата.

В течение этих лет сербско-константинопольский конфликт вращался вокруг вопроса об историческом старшинстве. Константинопольский патриархат считал себя Церковью-матерью по отношении к Венгрии не только согласно 28 канону Халкидонского собора о так называемых «варварских» землях, т. е. диаспоре, но и потому, что первым христианским епископом и миссионером на территории Венгрии был Иерофей, посланный туда Константинополем еще до начала латинской миссии. Таким образом, Константинопольский патриархат выдвигал на первый план и неустанно подчеркивал тот факт, что его юрисдикция над Венгрией никогда не

отменялась, а лишь отлагалась по историческим причинам. Со своей стороны, сербы отрицали весомость этого аргумента и подчеркивали тот факт, что корни современной православной иерархии в Венгрии восходят к сербским епископским кафедрам XV века. После нашествия турок на Венгрию в 1686 г. и великого исхода сербов в Венгрию в конце XVII века только сербы оставались в Венгрии хранителями православия, так как и русины, и румыны, и, между прочим, сами венгры предпочли пойти на унию с Римом.

В 1931 г. старые общины греко-влашского происхождения начали объединяться в ассоциацию под названием «Церковный совет общин греческого происхождения». Эта организация не была признана венгерским правительством. Уже ранее некоторые из этих общин требовали от епископа Георгия Зубковича принять сан митрополита Венгерского, оставаясь в то же время сербским епископом Будимским. Однако из-за его отказа и желания общин вернуть себе незаконно присвоенное сербскими епископами церковное имущество, общины прямо обратились к Константинопольскому патриархату. В то же время будапештская община взяла себе новое имя: «Венгерская церковная греко-восточная община, основанная греками Будапешта»[3], и постановила принять новый григорианский календарь. В 1931, 1932 и 1933 гг. она вместе с другими 4 общинами просила Вселенский Константинопольский патриархат принять ее под свою юрисдикцию, резко критикуя деятельность таких венгерских священников, как Руско и Немет. Когда же в 1933 г. Вселенский Константинопольский патриархат провозгласил Венгрию своей канонической территорией, Совет согласился на это лишь через 3 года, в 1936 г. И даже тогда некоторые греческие храмы не пошли на это, как и греческий приход, оставшийся с епископом Зубковичем.

Оберегая собственную автономию, эти общины видели себя подчиненными митрополиту Фиатирскому, а через него – Константинопольскому патриархату, так как после кончины в 1935 г. митрополита Центральной Европы Германа епископия Центральной Европы была упразднена, а ее экзархат перенесен в Фиатирскую митрополию в Великобритании. Будапештская община считала значимость этого канонического указа условной, так как полная

[3] Официальное название, употребляемое венгерскими православными: «Греко-восточная не униатская община (*görögkeleti nem egyesült*)».

его действенность и законный статус православных Венгрии зависел от соглашения, которое еще надо было обсудить между Вселенским Константинопольским патриархатом и венгерским правительством. В послании от 1938 г. Вселенский патриархат оповещал венгерское правительство о том, что соглашение не может быть заключено, пока нет взаимопонимания между Константинополем и Сербской Церковью. Действительно, Сербский и Румынский патриархаты жаловались Константинопольскому на попытки создать венгерскую православную епископию, ибо это означало бы, рано или поздно, объединение всех православных Венгрии в церковной организации, которая поддерживала бы политические требования Венгрии.

Вплоть до конца 1940-х гг. сербская партия рассматривала как единственную весомую альтернативу предложение, сделанное в 1932 г. епископом Георгием Зубковичем, о создании автономного округа для греко-влашских общин под властью Будимского епископа без всякого особого венгерского характера, т. е. без венгерского языка в качестве богослужебного, как было в Сентеше, и с богослужением по григорианскому календарю.

В 1938 г. митрополит Парижский Евлогий (улица Дарю) послал иеромонаха Сергия Мусина-Пушкина для окормления русских эмигрантов в Будапеште и назначил его главой русских организаций Венгрии. О. Сергий оставался в Венгрии в течение войны, но избегал вопросов о венгерских православных. В 1940 г. венгерское правительство направило в Константинопольский патриархат нового греческого архимандрита Свято-Успенского храма в Будапеште о. Иллариона Васдекаса для переговоров о соглашении. Однако о. Илларион вернулся ни с чем. Согласно его докладу, патриарх Константинопольский предлагал общинам греческого происхождения употребление греческого языка или, по крайней мере, двуязычие, даже в церковной администрации. Он одобрял принятие в Церковь иностранцев, например, греков, в греческие церковные общины Венгрии, чтобы усилить их греческий характер. Фактически, Константинополь был того мнения, что известная статья IX закона от 1868 г. должна была защищать эти общины только в том случае, если они останутся греческими и если закон подчинит венгров сербскому епископу.

Православные Церкви Венгрии во время II Мировой войны

Согласно I и II Венскому арбитражу 1938 и 1940 гг., после венгерского вторжения в подкарпатский регион в 1939 г. и на север Югославии (Бачка) в 1941 г., Венгрии были переданы немалые территории с православным населением. Тогда организация автономной Венгерской Православной Церкви стала для правительства неотложным вопросом. Венгрия не признавала юрисдикции ни сербской Мукачевско-Прешовской епископии, ни новообразованных Орадской, Клужской и Мараморошской епископий. В 1941 г. два сербских епископа Венгрии, Георгий Будимский и Ириней Бачковский старались поддерживать канонический порядок в своих епархиях, хотя им мешали связи с их патриархатом в Белграде. Они занимались также каноническими порядками подкарпатского региона, заменив изгнанного епископа Владимира. В то же время, в основном, на севере Трансильвании, венгерские оккупационные силы начали преследовать священников: три румынских епископа и более половины священников были изгнаны, румын-мирян принуждали менять веру, захватывалась и передавалась Венгерской Православной Церкви церковная собственность.

В конце концов, в апреле 1941 г. автономная Венгерская Православная Церковь была узаконена указом правителя Миклоша Хорти, поставившего ее администратором Михаила Попова, бывшего капеллана царской армии и преподавателя Дебреценского университета. Михаил Попов, уже запрещенный в служении синодом Русской Православной Церкви Заграницей, был рукоположен архиепископом Пражским Константинопольской юрисдикции Савватием. Однако, из-за жесткого противодействия и усиленной дипломатической деятельности Белграда и Бухареста, ни один канонический православный патриарх не признал эту церковную организацию и не пожелал рукоположить епископа для Венгерской Православной Церкви. Что до рукоположения священников, после того как Константинополь убедил Савватия не прислушиваться к другим требованиям, новая Венгерская Церковь оказалась в подчинении митрополита Загребского Гермогена, главы так называемой «Хорватской Православной Церкви», а в дальнейшем – в подчинении митрополита Берлинского Русской Православной Церкви Заграницей Серафима Ляде.

В то же время общины греческого происхождения резко протестовали против включения их в эту «лжецерковь» и стремились к новому соглашению между Венгрией и Константинопольским патриархатом. В 1941 г. венгерское правительство заключило архимандрита Иллариона Васдекаса, настоятеля Свято-Успенского храма в Будапеште, в старый монастырь Марианостра, превращенный в тюрьму. Этот акт насилия должен был усмирить греческую общину Будапешта.

Гораздо легче было принудить к объединению с организовывавшейся в 1940 г. Венгерской Православной Церковью уже ослабевший остаток румынских общин в Венгрии, заключив в тюрьму 5 священников и значительное число верующих. Последовало создание или восстановление нескольких храмов и постоянная пропаганда на территориях, вновь занятых Венгерской Православной Церковью, среди православных, которые были или считались венграми, направленная на их присоединение к этой Церкви, хотя в некоторых случаях румыны успешно сопротивлялись и изгоняли венгерских священников, как было, например, в Сфенту-Георге. Однако в Бачковской епархии епископу Иринею удалось справиться с этими затруднениями. В 1942 г. венгерским министром культов была основана богословская семинария для Венгерской Православной Церкви, куда принимались, в основном, венгры и русины, чтобы как можно скорее поставить их священниками в недавно занятые храмы. Ни одна каноническая Православная Церковь не признала эту семинарию. Деканом ее был Штефан Попович, румын по происхождению, а истинным организатором – Фериз Берки, профессор канонического права, в то время мирянин, который, получив диплом факультета православного богословия Афинского университета, поступил на службу в министерство культов на должность ответственного по делам православных и позднее сыграл первостепенную роль в Венгерской Православной Церкви как священник. Румыны и сербы резко критиковали создание этой семинарии, прежде всего, как средство укрепления венгерской националистической экспансии, тогда как венгерские нацистские круги обличали это учреждение как пророссийское. В 1944 г., когда в Прикарпатье один из учащихся этой семинарии вступил в вооруженную борьбу с немцами, семинарию закрыли. Члены преподавательского корпуса Берки и Попович были заключены в Сопронкохидскую тюрьму. Попович,

незадолго до того уже арестованный, исчез. Перед самым арестом, когда венгерское правительство уже понимало, что среди местного духовенства существует оппозиция назначенному администратору, он пытался найти компромисс. В феврале 1944 г. венгерский министр культов дополнительно назначил двух администраторов, по русинским делам и по румынско-венгерским делам, оставив Попова на его посту вплоть до мая 1944 г.

Новый администратор по русинским делам о. Теофан Сабо был, фактически, *locum tenens* (местоблюстителем) епископа Владимира из Сербской Православной Церкви, изгнанного со своей кафедры. Благодаря поддержке двух оставшихся сербских епископов о. Теофан непосредственно восстанавливал канонический порядок в подчиненных ему общинах. Другой *locum tenens*, Янош Олах, уже в 1934 г. избранный деканом румынских общин Венгрии, был отстранен от церковного служения епископом Орадским за то, что принял эту административную должность. Даже когда, с 1943 г., некоторые румынские общины стали покидать Венгерскую Православную Церковь, позиция Олаха вплоть до 1947 г. имела официальную поддержку.

Во время немецкой оккупации, в конце 1944 г., Венгрия превратилась в огромное поле битвы. В этот критический период община храма св. Иоанна Златоуста в Будапеште спасла многих евреев, выдав им свидетельства о крещении. Как уже говорилось, община эта была основана о. Яношем Руско, а после его кончины в 1943 г. окормлялась о. Яношем Варью. В то же время архиепископ Берлинский Серафим Ляде возложил на русских священников задачу окормления бачковских русин и номинального управления православными в Венгрии, так как, по соглашению между Русской Православной Церковью Заграницей и нацистской Германией, немецкие власти признали его главой всех православных на оккупированных территориях. Однако в Венгрии эти священники не играли никакой роли. Перед осадой Будапешта советскими войсками в конце 1944–начале 1945 гг. о. Сергий Мусин-Пушкин вернулся в Париж, где в 1945 г. стал священником Свято-Сергиевского прихода, а затем его настоятелем. После его отъезда часовня в Будапеште закрылась. Попов же после своего «визита» в Советский Союз обратился в католицизм и не играл более никакой роли в венгерском православии.

Православие в Венгрии после II Мировой войны

Поскольку крупные венгерские города, в частности, Будапешт, подверглись сильным разрушениям от немецких и советских бомбардировок, многие храмы серьезно пострадали, в том числе сербский собор в Буде (Табанский округ) и греческий храм в Пеште. Если сербский собор вместе с епископским дворцом были совершенно разрушены, то на восстановление греческого Свято-Успенского храма о. Янош Варью получил средства прямо от коммунистического вождя Матяша Ракоши, так как министерством восстановления руководили коммунисты. Фактически, венгерское правительство предлагало восстановить в Венгрии Церковь по вероисповедному признаку. Хотя о. Олах официально оставался главой Венгерской Православной Церкви и православных румын, румыны в 1946 покинули эту Церковь, чтобы создать Румынский викариат, после чего о. Олах лишился власти. Консультации о каноническом положении Венгерской Православной Церкви с епископом Пражским Савватием, сербским епископом Георгием Зубковичем и даже Чикагско-Миннеаполисским карпато-русско-венгерским архиепископом Леонтием предпринял о. Варью. Однако он либо встречал отказ, как в случае с сербами, либо неблагоприятное политическое положение не позволяло найти согласие даже с наиболее расположенными к переговорам Савватием и Леонтием.

Вскоре, в 1946 г., о. Янош Варью был представлен архиепископу Московского патриархата Нестору, который посетил Венгрию с предложением принять под юрисдикцию Московского патриархата храмы, лишенные канонической власти. Между тем, в августе 1946 г. греческая община направила в Лондон архимандрита Иллариона для собирания средств на восстановление и для консультаций с Германом Фиатирским (1922–1951), экзархом Вселенского патриархата в Лондоне. Тогда же венгерское правительство, все еще стремясь к соглашению с Константинопольским патриархатом, предложило избрать Иллариона епископом Венгерской Православной Церкви.

Архимандрит Илларион вернулся без особых результатов, и неудовлетворенная община стала подумывать об унии с Римом. После новых разногласий с общиной архимандрит Илларион сложил с себя обязанности и в 1947 г. покинул Венгрию. Тогда община, выдвигая на первый план свою принадлежность к Константинопольскому патриархату, предложила служить в Свято-Успенском

храме о. Варью. Впоследствии Свято-Успенский храм официально служил приютом венгерской общине св. Иоанна Златоуста, не смешивая, однако, свою общину с этой. В документах, относящихся к проекту унии, о. Янош Варью фигурировал как священник Московского патриархата и даже позднее всегда упоминался как находившийся под юрисдикцией епископа Пражского Савватия и предложивший перейти под юрисдикцию Москвы, что не было одобрено Константинополем. Совет Церкви рассматривал также возможность принятия юрисдикции (*in spiritualibus et dogmaticis*) будущего епископа венгерского, какого бы он ни был патриархата, подтверждая свою полную автономию и признавая в качестве богослужебных лишь греческий и венгерский языки.

Как рассказывает сам о. Янош Варью, в сентябре 1947 г. он был приглашен в Москву, где митрополит Крутицкий и Коломенский Николай настаивал, чтобы он подал ходатайство от лица греческой общины Будапешта о принятии ее под юрисдикцию Московского патриархата. Не имея на то права, о. Янош Варью отказался, и после его возвращения, в отместку, были заморожены работы по восстановлению Свято-Успенского храма. Русская сторона, однако, восприняла этот визит как просьбу принять под свою юрисдикцию греческую и венгерскую общины. В то же время священник Мишкольцского прихода в 1947 г. вернулся под послушание епископа Георгия Зубковича, а совет прихода прекратил свое существование. В апреле 1948 г. в Будапеште собрался «синод» и избрал православным епископом Венгрии о. Яноша Варью, однако это решение не готовы были принять ни патриархаты, ни венгерское правительство. Казалось, во время московской встречи русского, сербского и румынского патриархов в июне 1948 г. договорились о том, чтобы Православные Церкви Венгрии находились под юрисдикцией Будимского епископа и румынского викариата города Дьюла, и, таким образом, неопределившиеся общины переходили под юрисдикцию Москвы. Предложение епископа Георгия Зубковича состояло в том, чтобы вернуться к положению 1920-х гг. и создать 3 отдельных округа в подчинении епископа Будимского: сербский, румынский и третий, «ни сербский, ни румынский», с употреблением соответственно церковно-славянского, румынского и греческого языков с допущением венгерского. Это предложение не было одобрено ни греко-венгерскими, ни румынскими общинами. Но государство, поддерживаемое такими лицами, как выдающийся

историк и венгерский посол в Москве Дьюла Секфю, друг Варью, сделало решительный шаг в направлении Москвы. После этого Москва и Венгрия хотели, чтобы на Сербский патриархат оказал давление Тито, заставив патриархат отказаться от своей позиции. В июне 1948 г. венгерское министерство иностранных дел постановило порвать с венгерско-римскими униатами и создать Венгерскую Православную Церковь, подчиненную Московскому патриархату. Эта идея так никогда и не осуществилась.

15 ноября 1949 г. по решению Московского патриархата, принимавшего в свое ведение Церкви «без юрисдикции», возникло новое церковное образование под названием «Высшее временное управление венгерскими православными приходами в Венгрии» с административным уставом. В этом документе речь шла о 8 общинах, не названных, однако, конкретно. Не рассматривалось также право употребления венгерского языка в качестве богослужебного и григорианского календаря. В Венгрию был направлен новый благочинный-администратор, русин по происхождению, Иоанн Кополович. В 1950 г. открылась также новая русская часовня во имя св. Сергия Радонежского под юрисдикцией «Высшего временного управления». Ее настоятелем стал замечательный священник из Югославии Михаил Толмачев, ставший позднее одним из основателей англоязычных православных общин в Австралии. В июле 1950 г. община Свято-Успенского храма была объявлена вне юрисдикции и присоединилась к Московскому патриархату. В октябре 1951 г. эта община была распущена указом Государственного бюро по церковным делам, а ее имущество передано «Высшему временному управлению». В 1953 г. община Мишкольца и ее филиалы в Карцаге и Дьендьеше были включены в ту же Церковь, после того как их имущество конфисковало коммунистическое государство. Наконец, в 1956 г. их судьбу разделила община Сентеша. В этот же период, в послании от 23 июня 1950 г., патриарх Константинопольский Афинагор заявил резкий протест против решения греческой общины Будапешта принять в свою Церковь венгерский православный приход св. Иоанна Златоуста и, таким образом, изменить греческий характер Свято-Успенского храма. Он отрицал каноничность этих односторонних действий, предпринятых без консультаций с патриархом Константинопольским. В своем ответе в ноябре 1950 г. община объявляла себя частью Московского патриархата, признавшего ее венгерский характер. Так как в это

время Москва уже заключила соглашение с коммунистическим правительством Венгрии, Константинопольский патриархат уже не фигурировал среди Церквей, признанных венгерским правительством.

С 1952 г. и доныне Высшее Управление, ставшее «Православным Управлением Венгрии» (*Magyar Orthodox Adminisztratúra*) издает журнал «Церковная летопись» («Egyházi Krónika»). В 1954 г. патриарх Алексий I рукоположил Фериза Берки во священники для нового церковного органа в Венгрии. В 1955 г. о. Securityолович сложил свои полномочия, и о. Берки сменил его. В том же году община св. Иоанна Златоуста была окончательно включена в будапештский Свято-Успенский приход, уже лишенный своего первоначального статуса и своей автономии, причем о. Янош Варью был отстранен от служения и лишен духовного сана. В последующие десятилетия многие верующие также были вынуждены отойти от Церкви. Новое церковное объединение не было признано ни Константинопольским, ни Сербским патриархатом и, кроме того, не выполнило обещаний, данных им присоединенным церковным общинам, которые мирились со *statu quo* лишь из-за политических условий и неблагоприятных обстоятельств того времени. Следует, однако, согласиться с тем, что некоторые из этих общин, как-то: Сегедская и Ньиредьхазская, будучи поглощены Московским патриархатом, впервые стали каноническими.

В 1955–1972 гг. о. Фериз Барки издал в 6 томах богослужебные тексты в венгерском, по большей части, его собственном, переводе. Управление находилось под прямой юрисдикцией Отдела внешних церковных сношений Московского патриархата, без постоянного епископа, но с постоянным администратором – о. Феризом Берки.

Поскольку богослужения совершались теперь по-венгерски, открылся и новый путь для православной миссии: пошел поток новообращенных, для которых родным языком был венгерский. В Ленинграде (Санкт-Петербурге) и в Москве стационарно или заочно получило образование некоторое число новых священников. Этим священникам, поставляемым, в основном, но не только, в сельские приходы, пришлось служить в крайне неблагоприятных условиях. Им почти не платили, они вынуждены были жить в нищете, и если они искренне проповедовали учение Церкви, то подвергались постоянным неприятностям. Иные из них взбунтовались, другие ушли из Церкви, но некоторые героически выстояли в этих

условиях, обеспечив таким образом преемственность духовного просвещения верующих – почти сплошь неофитов.

В конце 1980-х гг. Ньиредьхазский приход, где служил покойный о. Иштван Ус, стал центром миссии св. Лазаря Венгерского и организовал помощь трансильванским беженцам и албанским лишенцам.

Поток неофитов – в основном, молодых – в Свято-Успенскую Церковь Пешта стал источником постоянного напряжения. Неофитов принуждали покинуть Церковь или по большей части буквально изгоняли; последняя волна неофитов-энтузиастов вместе с их семьями была изгнана в 1997 г. после многолетней кампании. Поскольку в этот период, в отличие от того, что делалось при коммунистах, государство не оказывало никакого давления на Церковь, а чувство национальной принадлежности православных ослабевало, изгнанные члены общин неформально принимались в другие приходы, сербские, русские или греческие.

Во время своего визита в Венгрию в 1994 г. патриарх Алексий II просил прощения в парламенте за беззакония Советской армии во время восстания 1956 г.

В 1990-х гг. Управление было временно подчинено епископу Берлинскому, принадлежавшему к Московскому патриархату. В апреле 2000 г. была создана православная венгерская епархия для Австрии и Венгрии под управлением Московского патриархата с общей епископской кафедрой в Вене, что вызвало попытки отменить остатки автономии приходов. За этим движением последовало создание отдельной русской общины в составе старой греческой Церкви Будапешта, в которой богослужения совершались попеременно на венгерском и церковно-славянском языках с использованием также двух календарей – григорианского и юлианского.

Первым иерархом епархии был архиепископ Павел Пономарев, которого сменил Илларион Алфеев, поставленный в 2003 г., а затем заново в 2008 г. С 2000 г. Свято-Успенский храм получил статус собора, но во время визита президента Путина в 2006 г. в прессе на него навесили ярлык «русской церкви».

В настоящее время венгерская православная епархия насчитывает 6 храмов, включая храм св. Сергия Радонежского, где богослужения совершаются на церковно-славянском языке и по юлианскому календарю. В 1999 г. три бывших греческих храма в городах Сентеш, Карцаг и Кешкемет отделились от Венгерского православного

управления, т. е. от Московского патриархата, и присоединились к Константинопольскому патриархату. Статус этих храмов ныне спорен. Кроме того, теперь по инициативе русских и венгерских верующих создаются новые общины в таких городах, как Дебрецен и Капошвар.

Поскольку по законам о Церкви, действовавшим в коммунистическом Венгерском государстве, ни один иностранный епископ, под чьей юрисдикцией находились венгерские приходы, не мог иметь резиденцию в Венгрии, сербская епархия оставалась без епископа в течение долгих десятилетий после кончины епископа Георгия в 1951 г. Епархией управлял викарий епископа Душан Вуйичич, не имея контакта с патриархом Белградским. После того как в 1961 г. Венгрию посетил патриарх Сербской Церкви Герман, положение Будимской епархии несколько улучшилось, и ее священники получили разрешение учиться на Белградском богословском факультете. Будимские епископы по-прежнему рукополагались в Белграде, не имея разрешения посещать свою епархию. И только в 1990 г. Сербская Православная Церковь смогла назначить в Буду епископа – Данилу Кристича, иерарха с глубоким богословским мышлением, духовной харизмой и остроумием. Он возглавлял кафедру в Сентендре до своей кончины в 2002 г. Его преемником стал Лукиан Пантелич, епископ Славонии с 1985 г., переживший крушение своей епархии во время войны в бывшей Югославии. Он же исполнял обязанности администратора сербских общин Румынии при Тимишоарской епископии. Будимская епархия, имеющая широкую автономию внутри Сербской Церкви, разделена теперь на 3 округа (Буда, Сегед и Мохач), включая 2 монастыря (Грабоц и Рацкеве) и 35 храмов. Много также храмов, где не совершается богослужений. Они находятся в ведении местных муниципалитетов. Будимская епископия обладает богатым церковным музеем и архивами в Сентендре напротив епископской резиденции, а также большим зданием в центре Будапешта под названием Текелианум. Она издает журнал «Будимская епархия» на сербском и венгерском языках.

Румыны же с 1946 г. объявили о своем отделении от Венгерской Православной Церкви, провозглашенной в 1940 г., и создали румынскую православную епархию, викариат города Дьюла, основанный еще по законам 1848 г., с консисторией как административой единицей. Эта епархия, разделенная на 3 округа (Дьюла, Мехкерек и Кетедьхаза), включает 18 храмов. В 1999 г. этот викариат был

преобразован в епископию Дьюла под юрисдикцией Румынского патриархата, но с широкой автономией, например, в вопросе избрания епископа. Первым епископом Дьюлы был Софроние Дринцец, а в 2007 г. его преемником стал Силуан Мэнуилэ.

У болгар сейчас есть храм в Будапеште и часовня в городе Печ во имя св. Иоанна Рильского под юрисдикцией Румынского патриархата. В 1980–1996 гг. храм свв. Кирилла и Мефодия в Будапеште был кафедрой митрополита болгарского экзархата Западной Европы Симеона. В отличие от сербского епископа Будимского, чье пребывание в Венгрии запрещено, присутствие болгарского митрополита было узаконено венгерскими властями в силу того факта, что его юрисдикция находилась вне страны, а стало быть, здесь был неприменим закон, запрещающий пребывание в Венгрии иностранных епископов.

После падения в 1989 г. железного занавеса Вселенский патриарх, при посредничестве митрополита Австрийского Михаила, оспорил каноничность создания Венгерского православного управления в 1949 г. и вмешательство Московского патриархата в венгерские церковные дела. В 1995 г. патриархат создал Венгерский экзархат, первым экзархом которого стал митрополит Михаил, открывший приход в Белояннисе, деревне, населенной греками-коммунистами, бежавшими туда во время гражданской войны в Греции. Храм в Белояннисе был построен в 1996 г. При посредничестве бывшего священника Московского патриархата Вселенский Константинопольский патриархат принял под свою юрисдикцию три греческих храма – в Сентеше, в Карцаге и в Кечкемете, – принадлежавших прежде Венгерскому православному управлению. Во время торжеств по поводу тысячелетия Венгрии в 2000–2001 гг. страну посетил патриарх Константинопольский Варфоломей I. Напомнив о недавней канонизации первого короля Венгрии Иштвана и первого венгерского епископа Иерофея, пришедшего из Константинополя в середине X века, патриарх привлек внимание широкой венгерской общественности к тому факту, хорошо известному историкам, что в этой стране византийская миссия предшествовала латинской. Во время своего второго визита в апреле 2001 г. он освятил в Будапеште часовню во имя недавно канонизированных святых. В этой часовне собирается смешанная греко-венгерская община, а богослужение совершается также по-грузински. Кроме того, экзархат претендует на Свято-Успенский храм в Пеште.

Согласно переписи 2001 г., в Венгрии насчитывается 15928 чел., причисляющих себя к православному вероисповеданию, среди которых 508 болгар, 2473 грека, 5598 румын, 3502 русских, 1914 сербов и еще 1303 чел., в основном, венгров. К этому следует прибавить значительное число иностранцев, точным цифрой которых мы не располагаем. Православные Церкви считают, что число их прихожан приблизительно вдвое превышает приведенные официальные данные. Это небольшое число православных распределено между 5-ю юрисдикциями.

Согласно той же переписи 2001 г., в Венгрии насчитывается 5289521 католиков, 268935 греко-католиков (униатов), 1622796 кальвинистов, 304705 лютеран, 12871 иудей. О мусульманах доступных данных нет.

Для ожидаемого возрождения православия в Венгрии, для того чтобы заживить раны прошлого, построить Православную Церковь, более открытую проблемам различных национальностей, утолить духовную жажду православных венгров, крещеных в детстве или обращенных в зрелом возрасте, необходимо тесное сотрудничество всех Православных Церквей, о которых шла речь. Несмотря на бурную историю различных православных юрисдикций, кипевшие и поныне кипящие вокруг них страсти среди священников и мирян, возрастает стремление к единению.

Не будет преувеличением сказать, что православие в Венгрии движется к обновлению. Возникла новая организация молодых православных MORISZ, существует популярный сайт Интернета для православных мирян всех юрисдикций (www.szimandron.hu), а также официальные сайты Интернета – сайт Венгерского экзархата Вселенского патриархата, сайт Венгерской православной епархии (http://magyarorthodoxia.org/).

Хотя православные и немногочисленны, они играют ощутимую роль в интеллектуальной жизни Венгрии. При серьезных финансовых трудностях, издательство «Одигитрия», основанное на средства Будимской сербской общины в 2001 г., но руководимое межъюрисдикционным издательским комитетом, продолжает публиковать высококачественные произведения православной литературы на венгерском языке. Сербы могут гордиться своей древней традицией церковного пения, сохраненной именно в Венгрии, а в Сербии замененной другими традициями. С другой стороны, благодаря трудам Андреа Атланти, венгерского музыковеда, живу-

щего во Франции, в Венгрии развивается новая музыкальная традиция византийского стиля.

В стране и за ее пределами понемногу оживает монашество – венгерские монахи и монахини живут также в Румынии, Словакии, Франции и на Афоне. Остается надеяться на то, что это пробуждение окажется прочным и приведет к жизни в обновленной общине на основании вековых традиций Православной Церкви. В настоящее время православные общины в Венгрии весьма невелики, но они проявляют жизнестойкость и стремление к чистым духовным источникам православной традиции.

БИБЛИОГРАФИЯ

Berényi, Mária, «Román ortodox egyház a két világháború közötti Magyarországon» («Румынская Православная Церковь в Венгрии между двумя мировыми войнами»), в: *Annales* 1996, Gyula, Békéscsaba, 1996, с. 7–47 (Institului de Cercetări al Românilor din Ungaria) (на венгер. языке).

Berki, Feriz, *He en Ouggaria Orthodoxos Ekklesia* (*Православная Церковь в Венгрии*), Салоники, 1964 (на греч. языке).

Mayer, Maria, The Rusyns of Hungary: Political and Social Developments, 1860–1910, New York, 1997.

Misaroş, Teodor, *Din istoria comunităţilor bisericeşti ortodoxe române din Ungaria* (*К истории румынских православных общин в Венгрии и Румынии*), Gyula, 1990 (2-е изд., испр., 2002).

Сава, епископ Шумадийский, *Pokušaj stvaranja mađarske pravoslavne crkve u toku drugog svetskog rata* (*Попытка создания Венгерской Православной Церкви в течение Второй Мировой войны*, Белград, Godišnjak i kalendar Srpske pravoslavnepatrijaršije, 1991, с. 89–104) (на сербск. языке).

Seide Gernot, «Венгерская Православная Церковь», в: *Ungarn Jahrbuch* 4, 1972, с. 101–114.

Staikov, Michael Th., *Germanos Karavangeles Metropolites Amaseias kai Exarchos Kentroas Europes* (*Герман Каравангелис, митрополит Амасейский и Центральной Европы*), т. 1. Салоники, 1998 (на греч. языке).

Статья М. В. Шкаровского (2008) об истории православия в Венгрии в течение II Мировой войны, «Orthodox Church in Hungary in the Years 1939–1945», опубликована на русском языке в Интернете (http://orthodoxia.org/hungary/p/1/4/11.aspx).

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ И СЛОВАКИИ В XX СТОЛЕТИИ

Кристоф ПУЛЕЦ и Георгий СТРАНСКИЙ

Корни православия

История православного христианства в странах, называемых ныне Чешской Республикой и Словакией, прослеживается с середины IX века, в 863 г., когда свв. равноапостольные Кирилл и Мефодий пришли из Константинополя в Моравию. Время для их миссии было неблагоприятное. Великоморавское княжество считалось уже христианским, но в нем не было организованной церковной структуры. Оно страдало от конфликтов между германскими баварскими епископами. Эти конфликты были одновременно внутренними и внешними, светского и церковного порядка. В то же время княжество боролось за свою независимость с Людвигом Немецким. Свв. Кирилл и Мефодий уже три года как совершили свою миссию. Они перевели на славянский язык Писание и часть богослужебных книг. Моравия была одним из краев, где среди славянских племен распространилось православие. Тогда же зародились национальные идентичность и культура.

Результаты этой миссии были сведены на нет после смерти Мефодия в 885 г., когда по требованию папы Римского Стефана, плохо осведомленного в вопросе, всех учеников святых братьев, в том числе епископа Горазда, преемника св. Мефодия, изгнали из страны. На территории нынешней Словакии православие выжило благодаря соседству и влиянию Киевской Руси и держалось вплоть до церковной унии с Римом, введенной в XVII веке Венским двором.

Однако изгнанные ученики свв. Кирилла и Мефодия продолжали свою миссию среди южных и восточных славян. Образ

православных проповедников остался жить в памяти великоморавских христиан. Даже под гнетом латинской Церкви в их вере сохранялись остатки православия. Гнет продолжался после раскола 1054 г. между Католической и Православной Церквами, принесшего много страданий народу этой земли. При настоятеле Сазавского монастыря близ Праги св. Прокопии монахами-бенедиктинцами славянского обряда переписывались славянские и латинские рукописи. Преемники Прокопия поддерживали отношения с Киево-Печерской Лаврой.

Гуситы и Реформация

Документы свидетельствуют о том, что на чешской территории оставались некоторые представители православной мысли. Может быть, это объясняет, почему в XIV в. Карл IV, король Богемии и император Германии, основал в Праге Эммаусский монастырь, где богослужебным языком был церковно-славянский. Задачей этого монастыря было приведение «восточных схизматиков» в лоно Римско-Католической Церкви. При Карле IV начался период «очищения Церкви», которое стало непосредственным фактором зарождения протестантизма.

Одним из ярчайших проявлений этих новых тенденций стало движение священника-реформиста Яна Гуса († 1415), боровшегося за отмену индульгенций, за то, чтобы богослужения совершались и проповеди произносились на понятном для народа языке, за перевод богослужебных текстов и книг и за то, чтобы Церковь умерила свое вмешательство в мирские дела.

Дело гуситов (членов народного церковно-мирянского движения на основе учения Гуса) потерпело поражение. Поэтому часть гуситов просила у православного Константинопольского патриархата поставления священников и желала объединения с ним. В 1451 г. Константинопольский патриархат признал эту «Христианскую Церковь» православной и обещал прислать для нее епископа. Этому помешало падение Константинополя в 1453 г. В дальнейшем на территории нынешней Республики Чехия теряется всякий след православия.

Положение в Словакии

Население Восточной Словакии, входившей тогда в состав Венгрии, было этнически смешанным, и вместе со словаками там проживали значительные группы закарпатских русин. Со времен Великоморавского княжества и Киевской Руси до XVII века на этой территории имелись православные приходы, подчиненные Мукачевской епархии, которая сама пребывала под юрисдикцией Константинопольского патриархата. Под давлением некоторых венгерских аристократов и при поддержке Венского императорского двора часть православного духовенства Мукачевской епархии в 1646 г. (по другим источникам, в 1649 г.) присоединилась к Римской Церкви, после чего началась постепенная латинизация. Из-за влияния униатского духовенства и политико-экономического гнета верность Православной Церкви сохранило очень немного христиан.

Однако, несмотря на поддержку Венской монархией церковного союза с Римом, православие выжило. В Акте 1780 г. о религиозной терпимости, признававшем существование некатолических Церквей, Православная Церковь упомянута как «греки вне единства».

Положение на чешских территориях

Позднее, в XIX веке, в лоно Православной Церкви вошли некоторые выдающиеся чешские деятели, известные славянофильскими настроениями, такие как Ригер, Грегор, Сладковский и Браунер.

С 1874 г. в пражском Старом Граде регулярно совершал богослужения русский православный священник Николай Рыжков. Венские власти усматривали в этом возрождении православия опасность панславизма, поэтому пражская православная община не была официально признана и зарегистрирована как самостоятельный приход.

Место православия в Чехословакии (XX век)

После создания в 1918 г. государства Чехословакия наиболее многочисленной оставалась Католическая Церковь. Но в 1920 г. значительное число священников и мирян отошло от католицизма и создало реформированную Церковь под названием «Чехословацкая Православная Церковь». Такое название официально использовалось этим церковным объединением без деноминации в международных отношениях с целью представить свою структуру как национальную и либеральную. Следует уточнить, что даже основные начала религиозного учения этой Церкви не были ясно определены.

Первые симпатии к православно-реформистскому движению имели следствием тот факт, что Сербская Православная Церковь рукоположила епископа Чехословацкой Православной Церкви. Бывший католический священник Матей Павлик (1879–1942) постригся в монахи в Сербии, после чего был рукоположен во епископа в Белграде в 1921 г. под именем Горазда.

Однако из-за внутренних конфликтов по основным вопросам вероучения Чехословацкая Православная Церковь в 1924 г. разделилась на две части. Большинство верующих составило Чехословацкую Православную Церковь крайне либерального и модернистского направления, добавив к своему названию слово «гуситская», а другая часть вошла в Чешскую православную епархию под юрисдикцией Сербской Православной Церкви и во главе с епископом Гораздом. Последний перевел на чешский язык некоторые богослужебные книги, однако значительно упростил традиционную форму богослужения. В трудных условиях межвоенного периода епископу Горазду удалось заложить основы Православной Церкви в Богемии, Моравии, а отчасти и в Словакии. Благодаря пожертвованиям верующих в это время было построено некоторое число новых храмов.

Порою этой группе было непросто сосуществовать с упомянутой выше небольшой православной общиной Праги, получившей в 1923 г. статус автономной Чехословацкой архиепископской епархии под юрисдикцией Константинополя. Возглавлял эту епархию чех по национальности архиепископ Савватий (Врабец) (1880–1959). Он сыграл значительную роль в утверждении православия в Словакии и Закарпатье. К сожалению, соперничество между двумя

юрисдикциями – Константинопольской и Сербской – в этом регионе закончилось расколом.

Кроме того, в Чехословакии, особенно в Праге, имелась немалая община русских эмигрантов, организованная, говоря церковно, в группу приходов, руководимых святым человеком, бывшим епископом Бельским (ныне Польша) Сергием (Королевым) (1881–1952). Став епископом в 1920 г., он жил в Праге в 1922–1946 гг., входя в то время в юрисдикцию митрополита Евлогия (Париж, улица Дарю, русский экзархат Константинопольского патриархата). Скончался он в СССР в сане архиепископа Казанского и Чистопольского. Перед II Мировой войной Прага стала временным пристанищем для многих деятелей русской культуры, среди которых были философ Николай Лосский, о. Сергий Булгаков, Петр Савицкий, историки литературы Альфред Бем и Евгений Ляцкой и многие другие.

После I Мировой войны многие эмигранты вернулись из США и вдохнули новую жизнь в Православную Церковь на словацкой территории новообразованного государства Чехословакию. Они находились под влиянием св. Алексия Тота, «отца американской России» (1853–1909), бывшего греко-католического священника, возглавившего обращение в православие своих соотечественников в Америке.

В то время Словакия находилась под юрисдикцией Сербской Православной Церкви. В 1921 г. легатом в Чехословакию был послан сербский епископ Досифей (Васич)[1]. Он был избран на Карпаторусскую епископскую кафедру в Мукачево (ныне Украина). Эта епархия исторически включала также земли Восточной Словакии. В конце того же года около 100000 чел. перешло из униатства в православие. Преемственность сербского епископата в Мукачево не прерывалась до конца II Мировой войны в 1945 г., когда Подкарпатская Русь стала советской территорией.

Для учреждения монашеского братства во имя св. Иова Почаевского в Ладомировой близ города Свидник митрополит Русской Православной Церкви за границей Антоний (Храповицкий) направил в Словакию архимандрита Виталия (Максименко), эмигранта из Советского Союза. Там стали издаваться труды православных мыслителей, теперь известные во всем мире, особенно среди русских эмигрантов. До 1944 г. это был крупнейший православный центр

[1] Недавно канонизирован.

Словакии. Позднее эта издательская деятельность продолжилась в Джорданвилле (США), куда, подальше от коммунистических гонений, перебралось монашеское братство св. Иова Почаевского. Митрополит Лавр (Шкурла), возглавлявший Русскую Православную Церковь Заграницей († 2008), сам уроженец Словакии, был одним из последних членов первой общины Ладомировского монастыря.

II Мировая война

В 1939 г. уже разделенная Чехословакия перестала существовать. Богемия и Моравия (ныне Республика Чехия) стали немецким протекторатом, Словакия превратилась в сателлита Германии с нацистским правительством, а Закарпатье было аннексировано Венгрией.

Чешская православная епархия епископа Горазда была поневоле включена в Русскую Православную Церковь за границей с кафедрой в Берлине и митрополитом Серафимом (Ляде) во главе. Епископ Горазд поддерживал движение антинацистского сопротивления. В 1942 г. епископ Горазд дал приют в пражском православном храме свв. Кирилла и Мефодия группе парашютистов, убивших «рейхспротектора» Рейнгарда Гейдриха. Но парашютисты были выданы нашедшимся среди них предателем и покончили с собой прямо в убежище. Епископ Горазд и его ближайшие помощники (священники Владимир Петрек и Вацлав Чикль, а также председатель совета старейшин Ян Зонненванд) были преданы суду «за государственную измену» и расстреляны нацистами 4 сентября 1942 г. Многие другие священники и миряне были отправлены в Германию на принудительные работы.

Православная Церковь была объявлена вне закона, а ее имущество конфисковано. Церковь была тогда разделена на две группы: под Сербской и под Константинопольской юрисдикцией. Вторую группу возглавлял тогда митрополит Савватий, обвиненный в выдаче фальшивых свидетельств о крещении евреям и заключенным. Однако многие православные последовали примеру христиан первых веков и создали катакомбную Церковь. Например, будущий архимандрит Андрей (Коломацкий) (1896–1980), опытный архитектор, построивший многие храмы в Моравии, Словакии и Закарпатье, человек, приближенный к епископу Горазду, служил Литургию в частных квартирах.

Однако жизнь Церкви после этого жестокого удара в конце войны не могла наладиться. Все пришлось заново организовывать позже.

Епископ Горазд канонизирован в 1997 г. в Оломоуце.

Православие в коммунистический период после II Мировой войны

Организация Церкви завершилась после освобождения Чехословакии в мае 1945 г. Сербская Православная Церковь понесла огромные утраты, и ее стремлению восстановить епархии на чешских и словацких землях мешало общее политическое положение. Выборы 1946 г. выиграли коммунисты, после чего все более очевидным становилось сближение с СССР.

Вследствие этого, а может быть, и под влиянием всеобщей эйфории, представители поместной Православной Церкви обратились к Московскому патриархату с просьбой принять ее под свою юрисдикцию. Патриарх Московский Алексий I (Симанский) изучил состояние Церкви, прежде всего, ее богослужебную практику, а затем дал свое согласие. Наконец, в 1946 г. различные группы православных на чешской территории объединились в автономный экзархат Московского патриархата.

В образовании поместной Чехословацкой Православной Церкви сыграли роль многочисленные национальные и церковные традиции. Хоть процесс объединения был труден, однако он также стал доказательством и многообразия, и единства православия, и его открытости всем особенностям церковной жизни на отдельной территории.

В это время Коммунистическая партия Чехословакии взяла власть, совершив государственный переворот 25 февраля 1948 г. Оценивая коммунистический период в истории Чехословакии между 1948 и 1989 гг., следует сказать, что возможности развития церковной жизни были в это время крайне ограниченны. Все без исключения Церкви находились под строжайшим контролем государства.

В 1951 г. Московский патриархат признал автокефалию Чехословацкой Православной Церкви, во главе которой стоял митрополит Елевферий (Воронцов), русский и советский человек.

В 1998 г., при митрополите Дорофее, автокефалия была утверждена также Томосом Константинопольского патриархата.

Создание новых епархий

В декабре 1949 г. собрание чешских православных епископов приняло решение создать новую епархию городов Оломоуц и Брно (Оломоуцко-Брненская). Епископом был избран Честмир Крачмар, соратник епископа Горазда. В 1954–1959 гг. его преемником был бывший словацкий униат Клемент (Келли). Коммунистические власти принудили обоих этих епископов подать в отставку и в дальнейшем, в течение двух десятилетий, не позволяли избрать нового епископа. Епископ Никанор (Юхимюк, советский гражданин, украинец), вначале ставший епископом города Михаловце, занял свою кафедру только в 1983 г. В 1988 г. его преемником стал епископ Христофор (Пулец), позднее, в 2000 г., избранный архиепископом Пражским, а в 2006 – предстоятелем Церкви. В настоящее время епархией управляет епископ Симеон (Яковлевич), чех с сербскими корнями, в прошлом викарий митрополита Дорофея.

Пражская православная епархия была основана в январе 1950 г., и с 1950 по 1955 гг. ею управлял митрополит Елевферий (Воронцов), уроженец Советского Союза. До 2000 г. Пражская епархия также была кафедрой предстоятелей автокефальной Чехословацкой Православной Церкви. В дальнейшем предстоятелями были митрополит Иоанн (Кухтин) (1955–1964), русский, бывший викарий митрополита Елевферия и митрополит Дорофей (Филип) (1964–1999), бывший епископ Прешовский.

Прешовская православная епархия была основана в 1929 г. Тогда она была частью Мукачевско-Прешовской епархии. В апреле 1947 г. в Прешове состоялось собрание клириков и мирян Словакии, на котором было утверждено создание Прешовской епархии для русин и украинцев. Первым главой этой епархии в 1947–1949 гг. был архиепископ Елевферий (Воронцов), будущий митрополит Пражский. Его преемниками были: в 1950–1955 гг. епископ Алексий (Дехтерев), русский, в 1955–1964 гг. епископ Дорофей (Филип), подкарпатский русин, будущий митрополит Пражский, а с 1964 по 2006 гг. – Николай (Коцвар), словацкий русин, ставший также первым архиепископом Прешовским, а в 2006 г. – первым предсто-

ятелем Православной Церкви Чешских земель и Словакии с кафедрой в Словакии.

В июле 1950 г. состоялось особое собрание Прешовской епархии для учреждения новой православной епархии города Михаловце для словаков и венгров. Ее первым епископом был избран о. Виктор (Михалич), бывший униатский священник, под именем Александр (1950–1954). Его преемником в 1954–1960 гг. был также бывший униат о. Мефодий (Милли), а преемниками того – два епископа, уроженцы Украины: в 1965–1979 гг. епископ Кирилл (Мучичка), а в 1980–1982 гг. епископ Никанор (Юхимюк), впоследствии епископ Оломоуцко-Брненский. Епископом Михаловецким в 1983–2006 гг. был словак Ян Холонич, после чего стал архиепископом Прешовским. Его преемником в 2007 г. стал Георгий Странский, чех.

Отношения с Греко-Католической (униатской) Церковью

28 мая 1950 г. Прешовский синод, созванный несколькими представителями Словацкой Греко-Католической (униатской) Церкви, принял решение о возвращении в лоно Православной Церкви. Однако в этом решении сыграло роль сильное давление коммунистического государства. В 1948 г. произошел коммунистический государственный переворот. Однако в 1968 г. некоторые члены распущенной униатской Церкви, несогласные с решением Прешовского синода и не присоединившиеся к Православной Церкви, вместе с частью клириков и мирян восстановили в Словакии Католическую Церковь византийского обряда, и это тоже получило мощную поддержку коммунистических властей. К сожалению, это вызвало серьезные проблемы, например, относительно церковного имущества, отчего пострадали обе стороны, так как разделение зачастую проходило через семью.

В заключение скажем, что точное и неискаженное исследование отношений между православными и униатами в Словакии второй половины XX века еще впереди.

Чешская Православная Церковь во время демократических преобразований 1989 г.

С 1989 г., после распада коммунистического режима в Чехословакии, началась новая эра развития страны. Церкви, наконец, было позволено иметь все необходимые институции, прежде запрещенные: монастыри, приходские школы, благотворительные организации, объединения православной молодежи и др.

11 и 12 декабря 1992 г. в Прешове состоялся поместный собор, принявший следующую резолюцию: несмотря на разделение Чехословакии 1 января 1993 г. на два независимых государства, Чешскую республику и Словакию, административное, каноническое и евхаристическое единство поместной Церкви должно быть сохранено. Поместный собор принял новую хартию Церкви, которая предусматривала существование двух отдельных митрополичьих советов по церковным делам в двух новообразованных независимых государствах. Кроме того, было принято новое название: «Православная Церковь Чешских земель и Словакии».

Одним из важнейших решений собора стала канонизация в 1994 г. моравского князя Ростислава († 870), принявшего свв. Кирилла и Мефодия.

Для 90-х гг. характерна передача всего имущества Церкви – храмов, зданий, учебных помещений – униатской греко-католической Церкви. Архиепископ Прешовский Николай приложил немалые усилия для нормализации положения в лоне Православной Церкви. Было построено более 80 новых храмов, епархиальные здания Прешова. Были восстановлены Прешовский митрополичий совет, православные богословский факультет и богословская семинария.

То же происходило и в Михаловецкой епархии, где епископ Иоанн из-за нерешенных проблем, касавшихся церковной собственности, уступил униатам даже свой собор. Однако в 2008 г. было построено 24 новых храма, в том числе новый Михаловецкий собор, освященный патриархом Московским Алексием II.

Структура и организация Церкви в настоящее время

В 1951 г. Чехословацкая Православная Церковь была разделена на 4 епархии, а в 1993 г., после мирного разделения Чехословакии на 2 независимых государства, установилась следующая организация:

1) Пражская архиепископская епархия, возглавляемая в 2008 г. архиепископом и митрополитом Христофором (Пулецем), формальным представителем и главой Православной Церкви Чешской республики;

2) Прешовская архиепископская епархия, в 2008 г. управляемая архиепископом Иоанном (Холоничем), формальным представителем Православной Церкви в Словакии, и викарным епископом Комарнским Тихоном (Холосси);

3) Оломоуцко-Брненская епархия в Чешской республике, возглавляемая в 2008 г. титулярным архиепископом Симеоном (Яковлевичем);

4) Михаловецкая епархия в Словакии, возглавляемая в 2008 г. епископом Георгием (Странским).

Священный синод епископов – высшая церковная организация, занимающаяся вопросами каноники, дисциплины, образования, катехизации, миссии и управления. В 1951–1993 гг. Священный синод Чехословацкой Православной Церкви включал 4 иерархов (как правило, 4 епархиальных епископов) и возглавлялся митрополитом Пражским и всея Чехословакии. После разделения Чехословакии архиепископы Пражский и Прешовский смогли быть избранными предстоятелями Церкви.

Следует отметить, что, согласно константинопольскому Томосу от 1998 г., все епархиальные иерархи носят титул митрополита, а предстоятель – титул архиепископа.

Главным законодательным органом является поместный собор, включающий епархиальных иерархов, а также многочисленных выборных представителей духовенства и мирян. Помимо прочего, собор избирает предстоятеля Церкви.

Исполнительный орган Церкви состоит из двух митрополичьих палат, в Чешской республике и в Словакии, которые включают иерархов и выборных представителей духовенства и мирян. Он управляется соответственно архиепископами Пражским и Прешовским.

Митрополичий совет занимается экономическими вопросами (управлением церковным имуществом), образованием духовенства

(организацией семинаров и конференций), выпуском периодических изданий, а также координацией миссионерской деятельности.

Каждая епархия созывает епархиальное собрание духовенства и мирян во главе с епархиальным иерархом. Это епархиальное собрание ответственно за все церковные, юридические и административные дела епархии.

Соответственно, совет прихода занимается теми же вопросами, только на местном уровне. Окружные приходы составляют приходской округ, управляемый протопресвитером.

IX поместный собор (1999 г.)

15–17 октября 1999 г. в Свято-Успенском монастыре в Вилемове состоялся IX поместный собор Православной Церкви Чешских земель и Словакии. Был подведен итог деятельности Церкви за последние 10 лет. Была исправлена Хартия Церкви и введены новые правила, касающиеся ее жизни и деятельности.

30 декабря 1999 г. скончался митрополит Дорофей. Несмотря на новогодний праздник и дурную погоду, на его погребении присутствовало множество людей, среди которых были не только православные, так как он заслужил всеобщее уважение.

После смерти митрополита Дорофея X поместный собор избрал новым предстоятелем архиепископа Прешовского Николая.

Состояние Церкви в настоящее время

В 2001 г. статистика вероисповеданий была следующей: из 10230060 жителей Чешской республики, 3288088, т. е. 32,1% заявили себя верующими. Среди них 2740780 назвало себя католиками, 230335 – протестантами различных деноминаций, 22968 – православными. Насчитывается также около 3000 иудеев и 3700 мусульман.

Из 5379455 жителей Словакии практикуют религию, по их заявлению, 4521549, т. е. 84,1%. Среди них 3927951 назвались католиками, 514001 – протестантами различных деноминаций, 50363 – православными и около 2310 – иудеями. Статистика мусульман отсутствует.

Согласно последней переписи населения в 2001 г., в Чешской республике было, таким образом, 22968 православных, а в Словакии – 50363. Однако следует отметить, что эта статистика не показывает действительного числа православных в обеих странах. По ее собственным подсчетам Православная Церковь насчитывает более 150000 верующих, многие из которых – иммигранты, прибывшие на заработки из стран СНГ, в основном, России и Украины. Есть также чехи и словаки, ставшие членами Православной Церкви.

Церковь имеет 98 приходов в Словацкой республике и 67 в Чешской, не считая многочисленных примыкающих приходов в обеих странах. Во всей Церкви служат около 200 священников и диаконов. Это одна из тех Православных Церквей, в которых постоянно растет количество прихожан. Происходит это по причине миграции из соседних стран СНГ и благодаря миссионерской активности.

Из-за нерешенных вопросов о церковной собственности и, соответственно, напряженных отношений с униатской Греко-Католической Церковью православные с 1990-х гг. возвели множество новых храмов и приходских зданий.

Благодаря усилиям митрополитов Дорофея и Христофора были построены новые монастыри. В 2008 г. было построено 8 монастырей в Чешской республике: 4 женских (Дубска Гора близ Карловых Вар, Пстружи, Вилемов и Брно-Гусовице) и 3 мужских (Мост, Хабаржовице, Груба Врбка) и 1 монастырь в Словакии (Комарно). Их монахини и монахи принадлежат к разным национальностям и происходят из разных стран (России, Украины, Румынии, Венгрии и др.).

Благотворительная, миссионерская и издательская деятельность

По благословению Священного синода в обеих странах были основаны благотворительные организации: в 1992 г. хоспис в Брно для людей, лишенных социальной защиты, который предоставляет кров, пищу и морально-психологическую помощь; хоспис «Филантропия-ДОМ» в Прешове и приют в Гуменне. Каждая епархия помогает людям, живущим в трудных условиях. Чешская и Словацкая Православная Церковь также предоставляет помощь жертвам различных злоупотреблений и беженцам.

Две независимые ассоциации православной молодежи обеих стран участвуют в деятельности Всемирного союза православной молодежи «Синдесмос». Местные члены «Синдесмоса» каждый год организуют молодежные лагеря, встречи и паломничества. Словацкая православная молодежь издает журнал «Истина».

В 1998 г. молодыми богословами и добровольцами в Михаловце была основана Православная академия – некоммерческий информационно-образовательный, культурный и социально-вспомогательный центр.

С 1950 г. издательский отдел митрополичьего совета Словакии выпускает ежемесячный журнал на словацком и русинском языках – «Наследие свв. Кирилла и Мефодия (*Odkaz sv. Cyrila a Metoda*)». С 1945 г. чешский митрополичий совет издает на чешском языке журнал «Голос Православия (*Hlas pravoslaví*)».

Богословское образование

В 1950 г. в Праге был основан православный богословский факультет. В 1951 г. он был переведен в Прешов. 1 января 1997 г. факультет был включен в состав Прешовского университета.

Сейчас этот факультет дает два уровня образования: лиценциат и магистратуру. Там готовят специалистов по православному богословию, по религии, по этическому воспитанию и по социальной работе. Получив дипломы, выпускники работают в школах, в хосписах, в гериатрических центрах, в тюрьмах, в больницах и в других организациях и учреждениях. Окончив курс богословия, они могут стать священниками.

Богословский факультет включает также богословскую семинарию для подготовки священников. Факультет имеет филиал в Оломоуце.

С 1950 г. в Прешове выходит ежегодник «Собрание православного богословия», где печатаются труды местных и иностранных богословов.

Богословский факультет участвует в различных международных научных и культурных проектах, организует международные конференции и обмен студентами (с Украиной, Россией, Белоруссией, Румынией, Польшей, Грецией и т. д.) и преподавателями с иностранными университетами и институтами.

В настоящее время на магистратуре факультета насчитывается более 500 студентов. Образование, позволяющее получить диплом магистра православного богословия предлагается также факультетом гуситского богословия Карлова университета в Праге (Husitská Teologická Fakulta Karlovy University).

БИБЛИОГРАФИЯ

Aleš Pavel, *Pravoslavná církev u nás – přehled dejinné cesty* (*Наша поместная Православная Церковь – краткий исторический обзор*), Olomouc, Světlo světa, 1996 (на чешск. языке).

Cyril, archimandrite, *Počátky křesťanství v Československu* (*Начало христианства в Чехословакии*), Hrubá Vrbka, 1992 (на чешск. языке).

Gorazd (епископ), *Pamětní spis o právním postaveni cirkve pravoslavné v Republice Československé* (*Записка о правовом положении Православной Церкви в Чехословацкой Республике*), Praha, 1932 (на чешск. языке).

Grigorič, Vladimír, *Pravoslavná Církev ve státé Československém* (*Православная Церковь в Чехословацком государстве*), 2 oprav. vyd. , Praha, 1928.

Ivan, Róbert, *Obnova Pravoslávia na území Slovenska v 20. storočí* (*Возрождение Православия в Словакии в XX столетии*), 1 vyd., Prešov, 2007 (на словацк. языке).

Kryštof (архиепископ), *Vím, komu jsem uveřil'* (*Я знаю, в Кого уверовал*), Pravoslavná akademie, 2003 (на чешск. языке).

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ПОЛЬШЕ В XX СТОЛЕТИИ

Антоний МИРОНОВИЧ

Несколько исторических замечаний о Православной Церкви в Польше

Православная Церковь на польской земле насчитывает 11 веков существования. Ее основание совпадает с началом Польского государства в IX веке. Покорение земель привислянских племен Великоморавией имело следствием христианизацию Малой Польши с конца IX века. Таким образом, обряд св. Мефодия (со славянским языком в качестве богослужебного) был распространен на польских землях задолго до принятия христианства князем Мешко I в 966 г. Есть предположение, что с X века в Кракове и Вислице имелись епископии этого обряда. Православная Церковь в Польше продолжала традицию св. Мефодия. В качестве богослужебного языка она употребляла язык славян, старославянский, который тогда был общепонятным. В ней были приняты христианские обряды и ценности, которым научили славян свв. Кирилл и Мефодий.

В последующие столетия православные, находившиеся под юрисдикцией Константинопольского патриархата, составляли большинство населения восточной части страны. Червенские города входили в государство Мешко I (960–992). После захвата этой территории Болеславом Храбрым православие постоянно присутствовало в пределах Польского государства. Во время распада в XII–XIII веках Польского государства на княжества православные учреждения продолжали развиваться. Этот процесс

усилила деятельность новообразованных православных епископий, в том числе Галицкой (1147–1155).

Особый вклад в развитие Православной Церкви на восточных территориях Польши внесли галицко-волынские князья. После перенесения в 1303 г. митрополичьей кафедры из Киева во Владимир-на-Клязьме Галицкий князь Георгий I получил позволение Константинопольского патриархата, под юрисдикцией которого находилась Православная Церковь на русинских землях, создать отдельную митрополию. В 1370 г. смерть польского короля Казимира Великого повлекла за собой отмену проекта установления независимой структуры Православной Церкви в Польше.

В начале XV в. закончился раздел Православной Церкви на русинских землях. С 1458 г. и до Брест-Литовской унии в 1596 г. Православная Церковь на русинских землях Польско-Литовского государства имела отдельную структуру, Киевско-Галицкую митрополию, иерархически подчиненную Константинопольскому патриархату. С 1480 г. по приказу короля синод епископов ввел обыкновение избирать митрополитов при участии мирян. Короли и магнаты-миряне не всегда считались с канонами, преданием и нуждами Православной Церкви. Династии Пястов и Ягеллонов относились к православным как к своим гражданам.

В начале XVI г. века организационная структура Православной Церкви на польских территориях окончательно сформировалась. Киевская митрополия управляла 10 епархиями, из которых 7 находились в Великом Княжестве Литовском (Киевская, Полоцко-Витебская, Смоленско-Северская, Черниговско-Брянская, Турово-Пинская, Луцко-Острожская и Владимирско-Брестская) и 3 в Королевстве Польском (Холмско-Бельская, Пшемышльско-Самборская и Галицкая). В 1539 г. епископия Православной Церкви была перенесена из Галича во Львов. В конце XVI века в Польско-Литовском государстве было 8 православных епархий. Большинство приходов находилось в епархиальных и окружных центрах. Однако больше было регионов с одним или двумя приходами. Развертывание сети православных приходов тормозилось и успехом начавшейся протестантской Реформации, и католицизмом. Влиял и тот фактор, что русинская шляхта зачастую отрекалась от своей веры.

Брестский собор 1596 г. разделил восточную Церковь на православных и униатов. Указ польского короля Сигизмунда III

Вазы (1587–1632) закрепил за униатами все права и привилегии, принадлежавшие прежде Православной Церкви. Православная вера, которой в большинстве оставались верны и клирики, и миряне, не признавалась теперь правительством. Между 1596 и 1632 гг. православные христиане стремились вернуть свои права и церковное имущество. В местных и в государственном сейме шляхта и казаки требовали восстановления прав и льгот православных. В 1607 и 1609 гг. православные с помощью протестантов заставили сейм собраться, чтобы утвердить права своей Церкви в Речи Посполитой. Началась ожесточенная борьба за монастыри, храмы и имущество. Несмотря на долговременные усилия, лишь в 1620 г. иерархия Православной Церкви вновь стала действительной, и игумен Свято-Михайловского монастыря Иов (Борецкий) стал митрополитом Киевским. Этот факт, однако, не был признан правительством. Православная Церковь со своей иерархией оставалась вне закона вплоть до 1632 г., когда королем был избран Владислав IV (1633–1647). Митрополитом Киевским стал Петр Могила, архимандрит Киево-Печерской Лавры. Православие было господствующим вероисповеданием в центре и на юго-востоке той части Руси, которая принадлежала Польскому королевству, а униатство – на юго-западе и в Великом княжестве Литовском.

Значительные для православных и униатов изменения произошли после Переяславской Рады 1654 г., которой закончилось казацкое восстание 1648 г.: Левобережная Украина перешла тогда под власть России. Присоединение казацких земель русскими царями означало войну с Речью Посполитой. В 1654–1658 гг. войска Московского царства заняли территорию Великого княжества Литовского, а также значительную часть русских территорий, принадлежавших польской короне. Во время этой войны, в 1656 г., на польско-московских переговорах в Немезах царя Алексея Михайловича (1645–1676) избрали польским королем, подтвердили права Православной и Католической Церквей, призвав создать для них единый синод, который утвердил бы договор об отношениях между ними. Гадячское соглашение 1658 г. отменило Брестскую унию на территориях княжества Русского, и все имущество, отнятое униатами, было возвращено Православной Церкви. Православные епископы получили даже места в сейме.

Папство, нунций Пьетро Видони (1652–1660) и униаты составили оппозицию утверждению Гадячского соглашения (1658). Им

удалось добиться того, что из его версии, утвержденной в 1659 г., были удалены статьи об отмене унии. В то же время православные противились новому проекту униатов, включавшему признание папской власти без признания католического богословия. Этот проект оказался неприемлемым для обеих сторон. В сентябре 1659 г. новым гетманом стал Юрий Хмельницкий. Он отменил Гадячское соглашение, подтвердил свою верность России в Переяславских статьях, подписанных в 1659 г.

В последние годы правления польского короля Яна Казимира (1648–1668) наблюдался рост влияния униатства в областях, где господствовало православие. Это, помимо прочего, объясняется обращением в унию большинства православной шляхты и утратой влияния казаков из-за их внутреннего разделения. Сейм применил положение конституции 1676 г., запрещавшее православным сношения с Константинопольским патриархатом. На основании договора от 3 мая 1686 г. между Москвой и Польшей митрополит Киевский, который проживал на территории, принадлежавшей царю, получал право юрисдикции над всеми православными приходами Польши. Во второй половине XVIII века в Польско-Литовском государстве православные имели уже только одного епископа в Могилеве (ныне Белоруссия) и 52 монастыря на востоке Польши. Православные не имели права устанавливать отношения с заграничными центрами, строить новые храмы, а также им были запрещено занимать многие должности.

Сейм (1788–1792) постановил создать православную структуру, независимую от Москвы. Пинская конгрегация 1791 г., на которой собрались представители духовенства и мирян православных общин, учредил высший орган церковной власти – Главную консисторию греческого восточного обряда в королевстве Польском и Великом княжестве Литовском. Принимая во внимание пинские решения, сейм своим постановлением от 21 мая 1792 г. восстановил иерархическое главенство Константинопольского патриархата над Польской Православной Церковью.

Крах Польско-Литовского союзного государства положил конец надежде создать на этих землях независимую церковно-православную структуру. Польша один за другим пережила 3 раздела между Пруссией, Австрией и Россией: в 1772, 1793 и 1795 гг. В 1815 г. Царство Польское было присоединено к России. Православные приходы в той части страны, которая была захва-

чена Россией, оказались под юрисдикцией русских епископов и включены в Русскую Православную Церковь.

Российские власти ввели в Православной Церкви синодально-консисторскую систему и, в конце концов, отменили ее законную и административную автономию. Православная Церковь на польских землях утратила свой соборный характер. В конце XVIII–начале XIX века было закрыто 11 монастырей, затем, после присоединения к России в 1807 г. Белостока, еще 3. Русские епископы закрывали старые монастыри, одновременно создавая новые. В 1825 г. на землях Царства Польского был учрежден Комитет духовных дел и народного образования, который занимался немногочисленными там православными.

В 1820-х гг. начался процесс обращения униатских приходов в православие. Была изменена организационная структура, были введены православные богослужебные книги, переоборудованы на православный лад храмовые помещения. 25 марта 1839 г. на соборе в Полоцке униаты были включены в Русскую Православную Церковь. В 1872 г., когда царь Александр II учредил Особый комитет по делам Холмской епархии, один из членов которого, Марцелий Попель, был также администратором Холмской епископии, усилилось давление на униатов с целью обратить их в православие. Окончательное поглощение униатов Холмской епархии Православной Церковью произошло 11 мая 1875 г. постановлением Святейшего синода Русской Православной Церкви. Верующие Холмской епископии стали паствой Варшавско-Холмской епархии.

Наконец, между 1863 и 1915 гг. в Русскую Православную Церковь была введена целая сеть православных приходов. Указ царя Николая II от 1905 г. о веротерпимости дает возможность отметить некоторые изменения в межрелигиозных отношениях. Некоторые из бывших униатов, особенно в епархиях городов Седльце и Люблина, оставили тогда Православную Церковь и присоединились к католицизму.

Во время I Мировой войны (1914–1918) в православной общине наступил развал. Большинство верующих Православной Церкви, живших на востоке Польши, было эвакуировано в отдаленные области России. Приходская жизнь православной общины, пришедшая в упадок в 1915–1918 гг., теперь совсем остановилась. В краю оставались только 2 епископа: епископ Виленский Тихон (Белавин) и епископ Кременецкий Дионисий (Валединский). Первый

в 1917 г. стал патриархом Московским, второй, в 1923 г., митрополитом Варшавским. Лишь немногие из православных вернулись в 1919–1923 гг. в свои приходы.

Вторая Речь Посполитая (1918–1939)

В 1918 г. была провозглашена независимость Республики Польша. В 1920–1921 гг., после польско-советской войны, восточная граница Польши проходила на 200 км восточнее линии Керзона, почти совпадавшей с будущей польско-советской границей, установленной в 1945 г. При Второй Речи Посполитой (1918–1939) Православная Церковь в Польше была лишена официальной иерархии и рассматривалась как религия русских захватчиков, вчерашних оккупантов.

Изъятие имущества Православной Церкви было частью правительственной политики, имевшей целью воссоздание польского государства в его национальном единстве, основанном на католицизме. Эта политика означала сокращение числа православных приходов и монастырей, конфискацию или передачу Католической Церкви имущества Православной Церкви, закрытие православных храмов и, в конечном итоге, обращение православных в католицизм.

Первые акции по передаче имущества имели место в 1918–1924 гг. В первые годы после I Мировой войны у Православной Церкви отняли около 400 храмов. Некоторые из них были переданы униатам, а большинство досталось римо-католикам.

Общественно-политические перемены в Советской России ослабили позицию Русского патриархата, который предоставил автономию Польской Православной Церкви и поручил управление ее территорией собранию епископов во главе с экзархом в сане митрополита.

В 1921 г. экзархом стал епископ Минско-Туровский Георгий (Ярошевский). Между 1918 и 1923 гг. Православная Церковь в пределах Республики Польша насчитывала более 4 млн. верующих и была разделена на 7 епархий. С одной стороны, польские власти пытались создать независимую от Москвы структуру Православной Церкви, с другой – ограничивали число православных приходов.

Первым митрополитом Варшавским был Георгий Ярошевский (1921–1923), затем, после его трагической гибели – Дионисий Валединский (1923–1947), вначале архиепископ. Митрополит стремился к автокефалии Польской Православной Церкви. По соглашению с государственными властями он получил от Константинопольского патриархата позволение провозгласить автокефалию 13 ноября 1924 г. В межвоенный период эта автокефалия была признана всеми патриархатами и всеми автономными Православными Церквами, кроме Русской.

Передача имущества продолжилась в 1929 г. Формальная причина, которую, начиная этот процесс, приводил католический епископат, состояла в отмене решения Верховного суда, признававшего законным требование имущества, потерянного при разделах Польши.

Несколько позднее было возбуждено 32 дела против государства и 109 – против других учреждений и частных лиц. Римско-католические епископы требовали возвращения храмов, приходских зданий и всего имущества, принадлежавшего некогда Католической Церкви. Они требовали также возвращения таких православных монастырей, как Почаевский, Виленский, Жировицкий, Дерманский, Зимненский, Корецкий, Кременецкий и Мелецкий, а также Луцкого, Кременецкого и Пинского соборов. Католики требовали почти треть всего имущества Православной Церкви. В целом это было более 100 православных храмов, построенных после 1839 г. и никогда не находившихся под юрисдикцией католических епископов. Несмотря на требования Католической Церкви, польские власти передали ей только несколько храмов, оставив прочие в руках православных.

Согласно статистике за 1931, в Польше было 20,6 млн. римокатоликов (64,8%), 3,8 млн. православных (11,8%), 3,3 млн. грекокатоликов, или униатов (10,4%), 3,1 млн. иудеев (9,8%), 875000 протестантов (2,6%) и 197000 представителей иных религий (0,6%). Большинство православного населения проживало в Полесском воеводстве, или провинции, и составляло там около 77,4% всех жителей. На Волыни православных было 69,8%, в Новогрудке – 51,3%, в Вильне (Вильнюсе) – 25,4%, в Белостоке – 18,5% и в Люблине – 8,5%. Во всех остальных воеводствах православных было менее 1% населения. Эта статистика показывает, что, по меньшей мере, в 3 воеводствах православные составляли большинство. Принадлежали

они, главным образом, к национальным меньшинствам: 1,5 млн. украинцев, 900000 белорусов и 700000 т. н. «тутэйших (местных)», национальность которых было затруднительно определить, а также 600000 поляков и 125000 русских. Православные в Новогрудковском, Полесском, Виленском и Белостокском воеводствах были, в основном, белорусами; в Волынском и Люблинском – украинцами.

В 1938–1939 гг. Православная Церковь не имела законного статуса. Только после того как храмы и имущество православных были переданы государству и Римско-Католической Церкви, президент Игнаций Мосцицкий подписал указ от 18 ноября 1938 г. «Об отношении к Автокефальной Православной Церкви». На основании этого указа позиция высших властей, занимавшихся вопросами Православной Церкви, была изложена собору, состоявшему из епископов, а также представителей духовенства и мирян. Исполнительный корпус Церкви состоял из синода во главе с митрополитом, епископа, окормлявшего армию, и двух епархиальных епископов.

Указ от 1938 г. был первым документом в истории Автокефальной Православной Церкви при Второй Речи Посполитой, который устанавливал отношения между польским государством и Православной Церковью. Им отменялись решения переходного периода, критикуемые духовенством и верующими. В силу этого указа Православная Церковь попадала в слишком сильную зависимость от государства и его политики. Три недели спустя после появления этого указа вышел правительственный указ от 10 декабря 1938 г., включавший «Внутренний устав Автокефальной Православной Церкви». Он подробно излагал компетенцию православного митрополита, собора, совета епископов и синода епископов.

Труднейшим периодом при Второй Речи Посполитой для Православной Церкви стал 1938 г., когда по решению властей было разрушено более 127 храмов в Холмском воеводстве и в Подлясье. Третий этап проходил в 1937–1939 гг., когда разрушили большинство православных храмов. Следует отметить, что при Второй Речи Посполитой (1918–1939) православные храмы разрушались постоянно. Их считали символами царизма. Было разрушено около 30 храмов, в том числе собор на площади Сакса в Варшаве, собор свв. Кирилла и Мефодия в Холме и Воскресенский собор в Белостоке. Разрушение православных храмов, символов российского господства, было стихийным и зачастую иррациональным. Но это никогда

не практиковалось в таком масштабе; именно в 1938 г. была пущена в ход программа систематического уничтожения православных храмов, в чем проявилась направленная полонизация. Эта программа была начата самим правительством под тем предлогом, что эти храмы либо бесполезны, ветхи, либо построены в прошлом ради русификации страны. Настоящая же цель состояла в том, чтобы, закрыв действующие приходы и храмы, ослабить движение белорусского и украинского национальных меньшинств. «Замирение» приходов в 1937 г. началось в районе Люблина. Прежде всего, местные польские власти изобрели что-то вроде общественного движения «за пропаганду польских ценностей и традиций». Затем преследовать православных с целью обращения их в католицизм принялись армия и полиция. Разрушение православных храмов происходило со второй половины мая до середины июля. Эти действия направлялись местной администрацией и комитетами содействия с помощью армии и полиции во враждебной и антиправославной атмосфере. Для достижения своих целей правительство использовало молодежь, солдат, рабочие бригады и даже заключенных. Для давления на православных принимались административные и материальные меры, применялся шантаж, в ход шли угрозы, а тем временем рушились храмы, некоторые из которых окормляли многие тысячи верующих. В большинстве случаев православные общины не пытались активно сопротивляться этим разрушениям. Верующие молились и протестовали, но они были не в силах противостоять такой акции, организованной на государственном уровне.

Отъем и разрушение имущества Церкви, разумеется, ослабили ее позиции, так как эта кампания ограничивала деятельность священников и создавала условия для их перемещения, что и было главной целью государственной политики. Многие православные верующие, лишившись своего прихода, стали молиться в римско-католических храмах. Однако все эти угрозы сплачивали мирян, духовенство и иерархию Православной Церкви. В православной общине созревали антиправительственные и антипольские настроения. Это затем сказалось в Холмщине (районе Холма), в Подлясье и на Волыни во время II Мировой войны.

Несмотря на разрушение множества православных храмов и часовен – в том числе и в других регионах Польши, – Православная Церковь продолжала жить. Согласно официальной статистике, к концу 1938 г. Православная Церковь имела митрополию

в Варшаве, 5 епархий (Варшавско-Холмскую, Волынскую, Полесскую, Гродненскую и Виленскую), 2 богословские семинарии (в Вильне и Кременце), с 202 студентами, отделение православного богословия в Варшавском университете, а также 1160 приходов и 1792 клирика. Православная община была второй по величине религиозной группой в Польше. По официальной статистике на 1 января 1939 г. в Польше проживало 4195000 православных. В стране насчитывалось 14 мужских монастырей с 231 монахом и 14 женских с 288 монахинями. Сохранились архивные документы о деятельности этих монастырей в Яблочине, Кременце, Загайцах, Дермане, Дубно, Белове, Турковичах, Корце, Зимном, Обыхе, Мельнике, Жировичах. Были также 2 монастыря в Гродно и 1 в Вильне. Особое место занимала Почаевская Лавра под омофором митрополита Дионисия и духовным водительством архимандрита Пантелеимона Рудыка.

1 сентября 1939 г. на Польшу напала нацистская Германия, а через 2 недели – советские войска. II Мировая война принесла новые изменения в положение и организацию Православной Церкви. При немецкой оккупации на территории собственно Польши существовали 3 епархии: Варшавская, Холмская (Хелмская) и Краковская. Территории, входившие между войнами в состав Польши и аннексированные *de facto* Советским Союзом, были включены в Минскую епархию. В восточных области Польши, вошедших в Белорусскую и Украинскую ССР после 17 сентября 1939 г., продолжались религиозные гонения, но осуществляла их теперь Советская власть.

При немецкой оккупации (1941–1944) наблюдались новые перемены в религиозной жизни. Фашистские власти, целью которых была ликвидация коммунистической идеологии, не возражали против восстановления многочисленных белорусских и украинских приходов Православной Церкви. Вследствие этого под немецкой оккупацией были созданы церковно-православные структуры, но они не были признаны другими Православными Церквами.

После II Мировой войны (1945–1980)

В конце II Мировой войны Польская Православная Церковь оказалась в новом общественно-политическом положении. Из

5 епархий, существовавших до войны, оставались только Варшавская и часть Гродненской. Количество приходов упало от 1579 до 169, а число клириков – от 1725 до 190. Число диаконов упало от 206 до 25, а число певчих – от 1593 до 169. Из 1947 православных храмов оставалось 223, а из 1965 кладбищ – 234. Монашеская жизнь почти исчезла. Внутри новых польских границ оставался только Яблочинский монастырь. Было уничтожено множество православных учреждений: две действовавшие во время войны семинарии в Холме и Варшаве, военное благотворительное заведение и отделение православного богословия Варшавского университета, издательства митрополии и монастырские мастерские. В 1944 г. существовавший с 1927 г. пенсионный фонд для православных священников был уничтожен, а его активы конфискованы. Из-за разрушений, причиненных войной, и изменения границ Православная Церковь потеряла около 90% своего имущества (приходы, храмы, кладбища и земли).

После II Мировой войны в Польше значительно снизилось число верующих. Около 4 млн. верующих, принадлежавших к Варшавской митрополии, оказались по ту сторону восточной границы Польши. Уменьшилось число верующих также из-за переселения национальных меньшинств из Польши в Советский Союз. На основании польско-советского соглашения от 9 сентября 1944 г. было переселено в Советский Союз 47000 белорусов и около 482000 украинцев.

Другим жестоким ударом по православным структурам на юге Польши стала операция «Висла», проведенная между 26 апреля и 16 октября 1947 г. Украинцы и лемки были согнаны со своих родных земель и переселены на север и запад Польши. Вследствие этого на лемковских землях исчезли все православные центры, а переселенцы остались без пастырей.

Положение православных в таких регионах, как Люблин и Подлясье, по-прежнему, было неблагоприятным. В первые послевоенные годы было упразднено более 170 приходов в епархии Холм-Подлясье. Антиправославные и нетерпимые настроения в польском населении только возрастали. Было много актов вандализма, направленных против православных храмов и погостов. Власти не обращали внимания на просьбы люблинских православных восстановить действовавшие во время войны пастырские центры и отказывались открывать новые. Государ-

ственная администрация препятствовала духовенству в его служении. Таким образом, православные лишились пастырского попечения. Эта политика сопровождалась конфискацией собственности Православной Церкви католическим духовенством, государственными учреждениями и частными лицами.

Сначала государственные власти в своих решениях рассматривали Православную Церковь как автокефальную и считались с законодательными постановлениями, принятыми во время войны. Затем позиция польских властей изменилась, и они попытались определить законный и канонический статус Православной Церкви в Польше. Когда, в 1948 г., власти удалили митрополита Дионисия с его поста, Церковь была поручена Временной правящей коллегии Польской Православной Церкви во главе с епископом Тимофеем (Шреттером).

Польская Православная Церковь получила полную автокефалию на основании постановления Священного синода Московского патриархата от 22 июня 1948 г. Первым предстоятелем Автокефальной Польской Православной Церкви был архиепископ Тимофей (Шреттер), а его преемником стал в 1951 г. митрополит Макарий (Оксиюк). В 1952 г. были созданы 4 епархии: Варшавско-Бельская, Белостокско-Гданьская, Лодзинско-Познанская и Вроцлавско-Щецинская, а также новые приходы на севере, в центре и на западе Польши.

Указ 1953 г. разрешал государственной власти вмешиваться в политику назначения епископов и учреждения приходов. Пастырской работе препятствовали конфликты с католическим духовенством и репрессии коммунистической власти. Некоторые попытки миссионерской деятельности привели к конфликту с греко-католиками по поводу храмов и церковного имущества. Опасаясь возрождения украинского национализма, власти часто угрожали местному православному населению. Это затрудняло религиозную жизнь во многих приходах.

После смерти митрополита Макария (Оксиюка) в 1961 г. власти снова поддержали назначение архиепископа Тимофея (Шреттера), преемником которого, в свою очередь, стал в 1965 г. архиепископ Стефан (Рудык). В 1960-е гг. изменились отношения между Православной Церковью и другими религиозными организациями в Польше и за границей. В 1962 г. представители Православной Церкви вошли в Польский экуменический совет. Это решение было

принято после того, как и Московский патриархат стал членом Всемирного Совета Церквей (ВСЦ).

Членство Польской Православной Церкви в Совете позволило ей выйти из своей изоляции и завязать контакты с другими Церквами. Представители Польской Православной Церкви участвовали в экуменических встречах и молитвах, в научных и миротворческих конференциях в Польше и за ее пределами. Польские православные иерархи приглашалась также на гражданские официальные церемонии. Участие в них позволило изменить недружественное отношение со стороны многих общественных кругов в Польше. В 1960-е гг. продолжалась работа по установлению законного статуса Православной Церкви по отношению к государству (1965–1970).

В 1970 г. насчитывалось 176 православных приходов с 43 филиалами (примыкающими к ним храмами и часовнями). Большинство этих приходов принадлежало к Варшавско-Бельской и Белостокско-Гданьской епархиям. По утверждению церковного руководства, к концу 1960-х гг. число православных верующих достигло 460000, а действующих клириков – 191.

Когда Варшавскую митрополию возглавил архиепископ Василий Дорошкевич (1970–1998), это стабилизировало положение Православной Церкви в Польше. Митрополит сумел завершить разработку Внутреннего Устава Церкви, который был утвержден синодом епископов 26 февраля 1970 г. Синод принял Внутренний Устав Церкви, а затем Устав приходов, чем урегулировал многие церковные проблемы. На основании этих двух Уставов были начаты реформы во многих областях церковной жизни. Это дало возможность принять ряд новых законодательных постановлений, соответствующих как политическому положению, так и требованиям жизни Церкви. В 1970 г. была реорганизована область церковного образования. Священники получали образование в Варшавской и Яблочинской православных семинариях. В начале 1970-х гг. в подготовке новых православных священников возросла роль Варшавской христианской богословской академии, где преподавателями и студентами были протестанты и православные.

В 1970-х гг. большая часть православной молодежи посещала курсы катехизации, а государственная финансовая поддержка дала возможность организовать приходские курсы в центре, на западе и на севере страны.

Улучшилась также система информации Православной Церкви. В 1970 г. начал выходить журнал «Известия Польской Автокефальной Православной Церкви» («Wiadomości Polskiego Autokefalicznego Kościoła Prawosławnego»), который должен был информировать духовенство и мирян о событиях в Польской и других Православных Церквах. С 1951 г. издавался русскоязычный ежемесячник «Церковный вестник». С 1970 по 1980 гг. было еще немало конфликтов с Католической Церковью из-за церковного имущества.

К 1980 г. значительно изменилось внутреннее состояние Православной Церкви. Возрождение духовности в Польше объясняется также другими изменениями в стране: растущей общественной деятельностью, переоценкой официальной идеологии и радикализацией социальных требований, связанной с возникновением движения «Солидарность». Все эти изменения привели к расширению общественной свободы и свободы вообще, что было благоприятно и для православных общин. Приходило новое поколение православных иерархов и священников. Возрастала активность интеллектуалов и молодежи. В 1979 г. были рукоположены 2 молодых епископа, оказавших большое влияние на новую церковную жизнь: архимандрит Савва (Грыцуняк) и игумен Симон (Романчук). В 1979 г. епископ Савва (Грыцуняк) стал управляющим Лодзинско-Познанской епархией, а епископ Люблинский Симон (Романчук) – викарием митрополита.

В 1980 г. Православная Церковь насчитывала 4 епархии: Варшавско-Бельскую, Белостокско-Гданьскую, Вроцлавско-Щецинскую и Лодзьско-Познаньскую. Имелось 2 монастыря: Яблочинский Свято-Онуфриевский, с 11 монахами и 8 послушниками, и Свято-Марфо-Мариинский на святой горе Гарбарка, с 11 монахинями и 3 послушницами. В Варшаве имелся дом для клириков на покое и их семейств. Число приходов и филиалов возросло до 233, а число действующих клириков – до 295. Православная Церковь насчитывала 480850 верующих, из которых 332500 проживало в районе Белостока. По данным канцелярии митрополии, более 100000 православных состояли в браке с инославными христианами.

Последний период

В 1989–1990 гг. началось подлинное возрождение деятельности всех православных приходов.

Социально-политические перемены способствовали участию Церкви в общественных делах. В начале 1983 г. были рукоположены 2 новых епископа: Александр Дубец (епископ Адам) и профессор Ян Анхимюк (епископ Иеремия). Последний возглавил Вроцлавско-Щецинскую епархию, а первый – новую Пшемышльско-Новысончскую епархию. Значительно расширилось строительство новых церковных зданий. При участии общественности обновлялись старые здания. В Белостоке и Гайновке были построены 2 новых собора. В Гайновке с 1981 г. проходят международные фестивали православной музыки с участием хоров из разных стран. В 1989 г. создана Холмско-Люблинская епархия. Управление этой восстановленной епархией было поручено епископу Авелю (Поплавскому), настоятелю Яблочинского Свято-Онуфриевского монастыря.

Кроме создания новых епархий (Перемышльско-Новосондетской и Люблинско-Холмской), этот период, согласно церковной статистике, отмечен ростом числа округов и приходов. Если в 1980 г. имелось 233 прихода, то в 1989 г. их число достигло 250. В конце 1980-х гг. административная структура Православной Церкви включала 6 епархий: Варшавско-Бельскую (архиепископ Василий Дорошкевич, 58 приходов), Белостокско-Гданьскую (архиепископ Савва Грыцуняк, 55 приходов), Лодзинско-Познаньскую (епископ Симон Романчук, 12 приходов), Вроцлавско-Щецинскую (архиепископ Иеремия Анхимюк, 39 приходов), Перемышльско-Новосондетскую (епископ Адам Дубец, 17 приходов) и Люблинско-Холмскую (епископ Авель Поплавский, 23 прихода).

Перемены в общественно-политической системе Польши в 1989 г. оказали влияние на положение всех Церквей и религиозных групп. Эти перемены дали православным возможность более широкого участия в общественных делах. Признаком значительного обновления отношения к религии стал Указ от 17 мая 1989 г., гарантировавший свободу совести и вероисповедания. Этот Указ отвечал чаяниям Польской Автокефальной Православной Церкви. Он гарантировал Церкви свободу религиозной деятельности и организационную независимость. Он дал возможность внести поправки

в постановления, обязывавшие Церковь осуществлять внутренние изменения (названий и границ епархий, приходов и т. д.) только с согласия государства. Указ расширил права Церкви в ее религиозной, культурной, просветительской и благотворительной деятельности.

4 июля 1991 г. сейм утвердил новый закон об отношениях между польским государством и Польской Автокефальной Православной Церковью. Закон установил автономию и реальное самоуправление Церкви, ее право самостоятельно решать свои внутренние дела, свободу Церкви избирать своих служителей, ее право духовного суда, право на религиозную и общественную деятельность, на использование церковно-славянского языка и местных языков (польского, украинского, белорусского) во внутренней деятельности Церкви. Закон утвердил автокефалию Церкви, ясно оговорив, что Польская автокефальная Православная Церковь не подчиняется никакой внешней власти, религиозной или светской. Закон от 4 июля 1991 г. предоставлял Православной Церкви равные права с другими Церквами и религиозными группами.

Закон от 4 июля 1991 г., упорядочивший отношения между польским государством и Польской Автокефальной Православной Церковью, предусматривал также существование православного викариата в армии, созданного министром обороны 1 января 1994 г.

Тогда же Церковь развернула широкую благотворительную деятельность. Она помогала беженцам из бывшей Югославии, оказывала материальную и финансовую поддержку жертвам наводнения в Украине, спасала детей Чернобыля. Церковные братства организовали материальную помощь монастырям соседних стран: в Почаеве, Гродно, Минске, Киеве, Жировицах, Вильнюсе и Санкт-Петербурге.

Произошли духовные события огромной важности: перенесение мощей св. мч. младенца Гавриила из Гродно (Белоруссия) в Белосток, канонизация православных новомучеников в Польше. В 1994 г. Польская Автокефальная Православная Церковь канонизировала Максима Сандовича, затем, в 2003 г., православных мучеников за веру Павла Швайко и его супругу Иоанну, Сергия Захарчука, Николая Голеца, Льва Коробчука, Петра Огрызко, Василия Мартыша и монаха Игнатия из Яблочинского Свято-Онуфриевского монастыря.

Среди других крупных событий следует отметить визит патриарха Константинопольского Варфоломея I в октябре 1998 г.

В 1995–1998 гг. архиепископ Савва начал строительство Православного культурного центра в Белостоке, который сыграл выдающуюся роль в духовной жизни Белостокско-Гданьской епархии, и привлек к нему церковные братства и другие организации Церкви. Он также основал кафедру православного богословия в Белостокском университете, где проводились конференции. В 1990-х гг. наблюдается значительное возрастание числа православных паломничеств. Основным местом паломничеств остается святая гора Грабарка с ее монастырем. В праздник Преображения там собираются десятки тысяч верующих.

Юрисдикция Польской Православной Церкви простирается за пределы Польши. В 1991 г. в Лиссабоне была создана православная митрополия как автономное объединение под юрисдикцией Польской Православной Церкви. Эта митрополия имеет 4 епархии в Португалии, а также одну в Ресифе и Рио-де-Жанейро (Бразилия). Митрополии подчиняется также несколько православных приходов в Испании. В 1998 г. в Италии была создана Аквилейская епархия. После кончины в 1995 г. ее епископа Бруно (Ветторацццо) епархия стала округом. В 2003 г. Свято-Варваринская епархия в Альджеро (Сардиния) приняла решение вступить под омофор православного митрополита Варшавского.

В течение трех последних десятилетий Польская Православная Церковь расширила международные связи. В 1980-е и 1990-е гг. Польская Православная Церковь принимала у себя многих православных иерархов из Константинополя, Иерусалима, Антиохии, Александрии, России, Сербии, Болгарии, Румынии, Албании, Финляндии, Греции, Америки и др. С 1962 г. Польская Православная Церковь является членом Всемирного Совета Церквей (ВСЦ) и участвует в экуменическом диалоге с Католической Церковью в Польше и за ее пределами.

В 2006 г. Польская Автокефальная Православная Церковь имела 6 епархий, 250 приходов, 410 храмов и 20 часовен. К ней принадлежали 8 епископов, 280 клириков и около 600000 верующих. Имелась также автономная епархия в армии, насчитывающая 6 приходов. Варшавско-Бельскую епархию возглавлял митрополит Савва (Грыцуняк), Лодзинско-Познаньскую – архиепископ Симон (Романчук), Перемышльско-Новосондетскую – архиепископ

Адам (Дубец), Вроцлавско-Щецинскую – архиепископ Иеремия (Анхимюк), Люблинско-Холмскую – епископ Авель (Поплавский), а Белостокско-Гданьскую – епископ Яков (Костючук). Во главе армейской епархии стоял епископ Гайновский Мирон (Ходаковский). Епископ Бельский Григорий Харкевич и епископ Семятычский Георгий Панковский были викариями Варшавской митрополии. Епископ Пётрковский Паисий Мартынюк был викарием Лодзинско-Познаньской епархии. С 1998 г. во главе Польской Православной Церкви стоит митрополит Савва (Грыцуняк).

В 2006 г. имелось 6 монастырей, 4 мужских (Яблочинский Свято-Онуфриевский, Супрасльский Благовещенский, Уйковицкий Кирилло-Мефодиевский и Сакский Свято-Димитриевский) и 3 женских (Марфо-Мариинский на Грабарке, Дойлидский Рождества Богородицы и Войновский Покровский. Кроме этого есть мужская монашеская обитель во имя св. Серафима Саровского в Костомлотах.

Из 600000 польских православных наибольшую группу составляют белорусы. Далее идут поляки, украинцы и лемки. Среди чад Польской Православной Церкви есть также русские, сербы, румыны, армяне, ассирийцы, цыгане и др.

Большая часть населения Польши – католики, либо римо-католики (96% в 2006 г.), либо греко-католики, или униаты (0,5% в 2006 г.), далее – православные (1,5%), протестанты (0,5%) и другие (1,5%). Большинство православных проживает на северо-востоке Польши, в Белостоке и Белостокском районе. Имеется в Польше также около 10000 иудеев и около 200 караимов. В Польше постоянно проживает около 200 мусульман, а также около 500 студентов, уроженцев арабских стран.

Заключение

Православие было постоянным фактором в религиозной структуре нашей страны, а на ее востоке было даже господствующим вероисповеданием. Восточно-христианская традиция укоренилась во всех областях жизни местных белорусов и украинцев. В истории нашей нации православие было первоначальной религией, основанием нашей культуры и идентичности. Влияние других Церквей

и религий было вторичным. Невозможно забыть тот факт, что в новейшей истории польского государства Православной Церкви удалось добиться независимости, которую подтверждает ее статус автокефальной Церкви, признанный другими Православными Церквами. После многих веков, в течение которых у Церкви и польского государства были периоды согласия и несогласия, в наши дни православие рассматривается уже не как чужая, но как местная религия. И этому новому отношению к Православной Церкви мы обязаны мультирелигиозной традиции старой польской Речи Посполитой.

БИБЛИОГРАФИЯ

Ammann, A., *Abriss der ostslawischen Kirchengeschichte*, Vienne, 1950.

Bieńkowski, L., «Organizacja Kościoła wschodniego w Polsce XVI–XVIII w.» (Организация восточной Церкви в Польше), в: *Kościół w Polsce*, J. Kłoczowski (ed.), cz. 2, Kraków, 1969.

Blazejowskyj, D., *Hierarchy of the Kyivan Church (861–1990)*, Rome, 1990.

Charkiewicz, J., *Męczennicy XX wieku. Martyrologia Prawosławia w Polsce w biografiach świętych* (*Мученики XX века. Мартиролог Православия в Польше в биографиях святых*) , Warszawa, 2004.

Chodynicki, K., *Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska* (*Православная Церковь и Польская Республика*), 1370–1632, Warszawa, 1934.

Gudziak, B., *Crisis and Reform. The Kyivan Metropolitanate, the Patriarchate of Constantinople, and the Genesis of the Union of Brest*, Cambridge (Mass.), 1998.

Halecki, O., *From Florence to Brest (1439–1596)*, Rome, 1958.

Jobert, A., *De Luther à Mohila, la Pologne dans la crise de la Chrétienté 1517–1648*, Paris, 1974.

Kasjak, I., *Z historyi Prawasłaúnaj Tsarkvy Belaruskaha narodu* (*Из истории Православной Церкви белорусского народа*), New York, 1956.

Łaszkiewicz, H., *Churches and Confessions in East Central Europe*, Lublin, 1999.

Мартос, А., *Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни*, Буэнос-Айрес, 1966.

Mironowicz, A., *Bractwa cerkiewne w Rzeczypospolitej* (*Церковные братства в Речи Посполитой*), Białystok, 2001.

–, *The Orthodox Church and Byelorussian People*, Białystok, 2001.

–, *Charitable Work of the Orthodox Church in the Polish-Lithuanian Commonwealth (16th–18th cc.)*, *Acta Poloniae Historica*, vol. LXXXVII, 2003.

–, *Kościół prawosławny w dziejach dawnej Rzeczypospolitej* (*Православная Церковь в истории старой Республики*), Białystok, 2001.

–, *Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagellonów* (*Православная Церковь в государстве Пястов и Ягеллонов*), Białystok, 2003.

–, *Kościół prawosławny na ziemiach polskich w XIX i XX wieku* (*Православная Церковь на польских землях в XIX и XX веках*), Białystok, 2005.

–, *The Orthodox Church in Poland*, Supraśl, 2005.

–, *Kościół prawosławny w Polsce* (*Православная Церковь в Польше*), Białystok, 2006.

Poppe, A., *Państwo i Kościół na Rusi w XI wieku* (*Государство и Церковь на Руси в XI веке*), Warszawa, 1968.

Radziukiewicz, A., *Orthodox Christianity in Poland*, Białystok, 2001.

–, *Light from the East*, Białystok, 2005.

Свитич, А., *Православная Церковь в Польше и ее автокефалия*, Буэнос-Айрес, 1959.

Urban, K., *Kościół prawosławny w Polsce 1945–1970* (*Православная Церковь в Польше в 1945–1970*) , Kraków, 1996.

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В XX СТОЛЕТИИ В БАЛТИЙСКИХ СТРАНАХ: ЭСТОНИИ, ЛАТВИИ И ЛИТВЕ

Александр ГАВРИЛИН и Байба ПАЗАНЕ

Введение

В балтийских странах православие утвердилось благодаря торговым и политическим связям с Древней Русью. Исторические источники сообщают нам, что православие в этом регионе было распространено уже в XI веке, придя с юга (Полоцк, Витебск, Смоленск) и с северо-востока (Новгород и Псков). Археологические находки – например, крестики, древнейшие из которых относятся к XI и XII векам, а также погребальные обычаи (тела повернуты к востоку, руки скрещены на груди) бесспорно, подтверждают присутствие православия на территории нынешних балтийских государств.

Когда в XII–начале XIII века Балтика была завоевана Тевтонским орденом, православие устояло только в крупных торговых центрах (Рига, Тарту) как религия русских торговцев и ремесленников.

Когда в XVIII веке эстонские и латышские земли были включены в Российскую империю, делались попытки установить в недавно завоеванных странах «веру императора». Таким образом, можно говорить об «утверждении» православия в балтийских странах к концу XVIII века. С 1845 по 1848 гг. в православие обратилось около 110000 (17%) крестьян Ливонии (центр и север нынешней Латвии и юг Эстонии, включая остров Сааремаа).

Во главе отдельной Рижской епархии, учрежденной Московским патриархатом (МП) 14 июля 1850 г., был поставлен архиепископ Платон (Городецкий, 1803–1891). В это время Рижская

епархия (с территориями Латвии и Эстонии) насчитывала около 146000 православных, 109 храмов и 2 монастыря.

С 1832 г. епископы Полоцкие были также епископами Ковенскими и Виленскими. В 1840 г. Московским патриархатом была создана отдельная Литовская епархия (Виленская, Ковенская и Гродненская губернии) во главе с архиепископом Иосифом (Семашко).

С 1473 г. в Балтике, в Эстонии, существовал Свято-Успенский Печорский монастырь. В 1920–1940 гг. он находился на территории Эстонии, после II Мировой войны перешел к России. В 1891 г. в Эстонии, в Куремяэ близ Пюхтицы, был основан русский женский монастырь.

В 1939 г. Эстонская Православная Церковь насчитывала 4 монастыря: мужской Псково-Печорский и 3 женских – Нарвский, Пюхтицкий и подчиненный ему Таллиннский.

В Литве в XVIII веке был основан Виленский Свято-Духов монастырь. В 1797 г. там обитало 13 монахов. В 1922–1939 гг. монастырь находился на польской территории и вернулся на литовскую в 1939 г., когда Вильнюс был передан Литве.

С помощью губернатора Эстляндии (Эстонии) князя Сергея Шаховского архиепископ Рижский и Елгавский Арсений (Брянцев, 1839–1914) основал в 1891 г. женский Пюхтицкий Свято-Успенский монастырь, расположенный на эстонской территории.

Женский Рижский Троице-Сергиев монастырь основали в декабре 1901 г. сестры Мансуровы – Екатерина (игуменья Сергия) и Наталия (монахиня Иоанна), учредившие перед этим приют для детей и стариков. В 1893 г. был освящен храм, и сестры вдвоем управляли монастырем. Во время I Мировой войны большинство монахинь и игуменьи Сергия и Иоанна эвакуировались в Россию. Некоторые монахини вернулись в монастырь лишь в 1920-х гг.

В 1899 г. в Валгунде, уединенном месте под Елгавой, был основан Свято-Преображенский женский монастырь, связанный с Рижским Троице-Сергиевым.

В октябре 1897 г. в Рижскую епархию был назначен епископ Агафангел (Преображенский, 1854–1928; мученик, канонизирован в 2000 г.). Благодаря ему было построено несколько храмов, в том числе Александро-Невский в Таллине (освящен в 1900 г.), Успенский при Пюхтицком Свято-Успенском монастыре (освящен в 1910 г.) и др.

После революции 1905–1906 гг. архиепископ основал комитет «По оказанию помощи православным семьям, пострадавшим от беспорядков в Прибалтийском крае». Его помощь спасла жизнь многих эстонских и латышских крестьян.

В отличие от Латвии и Эстонии, где большинство православных были местными крестьянами, в Литве большую часть православных составляли белорусские и русские крестьяне, переселенные туда царскими властями во второй половине XIX века.

Говоря о проблемах и социальном положении православных в Литве, нельзя умолчать об атмосфере постоянного конфликта между католиками и православными в царскую эпоху. Как подданные Российской империи до 1914 г., литовцы-католики были не только лишены независимости, но и подвергались дискриминации в качестве иноверцев.

Таким образом, вся структура Православной Церкви в Литве сложилась при Российской империи, и этот процесс сопровождался закрытием католических храмов и монастырей и экспроприацией их имущества.

В 1914 г. православная епархия Литвы была разделена на 20 округов, насчитывавших 48 храмов, 3 монастыря, 18 гарнизонных храмов и 41 храм при школах, больницах, тюрьмах и кладбищах. Всего насчитывалось 110 храмов и 444374 прихожанина. В начале XX века Литовскую епархию возглавляли архиепископ Ювеналий (Половцев, 1898–1904), архиепископ Никандр (Молчанов,1904–1910), архиепископ Агафангел (Преображенский, 1910–1913) и архиепископ Тихон (Белавин, 1913–1917), ставший впоследствии патриархом Московским и всея Руси (1917–1925) и канонизированный в 2000 г.

1914–1940

В 1914 г. в Рижской епархии начитывалось 267 храмов, 71 молитвенный дом, 210 приходов и 273023 верующих. Имелись также 453 православные школы. В 1910–1917 гг. Рижской епархией управлял епископ Иоанн (Смирнов).

Во время I Мировой войны Православная Церковь в балтийских странах понесла большой ущерб. Самое ценное из имущества храмов было эвакуировано в Россию при отступлении русской

армии в 1915 г. Латвийская Православная Церковь (ЛПЦ) лишилась прекрасных церковных колоколов. Увезены были также предметы богослужебной утвари и архивы.

31 декабря 1917 г. по решению патриарха Тихона в Таллиннском Александро-Невском соборе был рукоположен во епископа эстонец по национальности протоиерей Платон (Кульбуш, 1869–1919; канонизирован в 2000 г.). Он стал епископом Ревельским (Таллинским) и викарием Рижской епархии. В конце 1918 г. коммунисты арестовали епископа Платона в Тарту, где он и был расстрелян вместе с протоиереями Николаем Бежаницким и Михаилом Блейве в ночь с 14 на 15 января во время отступления Красной Армии. После гибели епископа Платона Рижская кафедра вдовствовала в течение двух лет.

После обретения независимости Латвией (1918) и Эстонией (1920) Рижская епархия по благословению Московского патриархата разделилась на две, и каждая часть имела собственную организацию. В марте 1919 г. первый собор Эстонской Православной Церкви (ЭПЦ) единодушно высказался за полную независимость Эстонской Церкви.

10 мая 1920 г. на собрании, организованном Священным синодом и администрацией Русской Церкви, было решено предоставить Эстонской Православной Церкви определенную автономию под юрисдикцией Московского патриархата. В декабре 1920 г. на соборе Эстонской Православной Церкви архиепископом Эстонским был избран Александр (Паулюс, 1872–1953).

22 сентября 1922 г. синод Эстонской Апостольской Православной Церкви (ЭАПЦ) решил обратиться к патриарху Константинопольскому Мелетию IV с ходатайством об автономии, которое было удовлетворено в 1923 г. Архиепископ Александр был объявлен митрополитом Эстонской Апостольской Православной Церкви.

7 июля 1923 г. патриарх Константинопольский Мелетий IV и его Священный синод издали Томос, в котором оговаривалось, что Эстонская Апостольская Православная Церковь отныне автономна и возглавляется митрополитом Александром (Паулюсом). Эстония была разделена на 3 епархии: Нарвскую, Тартускую и Таллиннскую. Последняя управлялась митрополитом Александром (Паулюсом). Нарвской епархией с 1923 по 1929 гг. управлял бывший архиепископ Псковский Евсевий (Гроздов), с 1929 по 1937 гг. – епископ Иоанн (Булин), а с 1937 по 1946 гг. – архиепис-

коп Павел (Дмитровский). Двое последних, согласно русским источникам, поддерживали идею о возвращении под юрисдикцию Москвы.

В 1933 г. была основана семинария в Пецери (Печорах). В этой семинарии, а позднее на богословском факультете Тартуского университета получало образование духовенство Эстонской Православной Церкви до 1940 г.

С 1936 г. Эстонская Православная Церковь выпускала печатный орган «Elutode», выходила и другая богословская периодика.

После оккупации Эстонии 18 октября 1940 г. в Печорах по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде был арестован епископ Иоанн (Булин). Он был расстрелян в Ленинграде (Санкт-Петербурге) 30 июля 1941 г.

В 1923 г. в Эстонии, в Таллиннской епархии было 158 православных приходов и около 212000 верующих. В Нарвской епархии было 29 русских приходов и 129 других – либо эстонских, либо смешанных.

18 ноября 1918 г. независимой республикой была объявлена Латвия. Общественность и правительство нового государства смотрели на Православную Церковь с известным недоверием. Она воспринималась как некий пережиток царского времени. Считали лучшим избавиться от прошлого и сделать Православную Церковь национальной.

Организация Латвийской Православной Церкви началась в 1919 г. с собраний представителей православных приходов в Берзауне в 1919 г., затем в Марциене в 1920 г. Было решено созвать собор всех приходов Латвии, чтобы избрать центральную администрацию. Этот собор состоялся в Риге 25–27 февраля 1920 г. и провозгласил независимость Латвийской Православной Церкви, а также избрал синод. Архиепископом Рижским и всея Латвии был избран архиепископ Пензенский Иоанн (Янис Поммерс, 1876–1934; канонизирован в 2001 г.). Он прибыл в Латвию 24 июля 1921 г.

В 1920 г. в Латвии было 138803 православных, а в 1923 – 130 зарегистрированных православных приходов. В 1925 г. общее число православных приходов возросло, а процент православных граждан Латвии снизился: среди них было 53396 латышей (31,87%) и 103838 русских (61,98%). В 1930 г. православных было всего 169620, а в 1935 – 174389. Таким образом, вскоре латвийское правительство признало православных страны.

До того как Церковь была юридически признана, православные храмы жили за счет сборов и пожертвований, так как правительство и местные власти не выделяли для нее субсидий. В 1918–1925 гг. около 19% православных храмов на территории Латвии было повреждено из-за войны и невнимания властей.

Вопрос о повреждениях, причиненных войной, был самым острым для всего населения балтийских стран, в том числе и для Православной Церкви.

25–26 мая 1920 г. на съезде представителей Латвийской Православной Церкви были высказаны различные мнения о настоящем положении и будущем развитии Церкви. Некоторые предлагали последовать примеру Эстонии и Польши, отделившись от Московского патриархата. По другому проекту, православные Финляндии, Эстонии, Польши и Латвии (а возможно, и Литвы) должны были создать единую Церковь, независимую как от Константинопольского, так и от Московского патриархата.

Против этой идеи выступил архиепископ Латвийской Православной Церкви Иоанн (Поммерс). Патриарх Московский и всея Руси Тихон (Белавин) дал ему мандат на широчайшую автономию Латвийской Православной Церкви. Патриарх высказал это решение в письме к Управлению финансов и образования от 6 июля. Не было, однако, решено, останется ли Латвийская Православная Церковь под юрисдикцией Московского патриархата.

После выступления архиепископа Иоанна (Поммерса), 8 октября 1926 г., с целью урегулирования отношений между Церковью и государством, правительство Латвии приняло закон о Латвийской Православной Церкви. Согласно этому закону, Латвийская Православная Церковь, ее учреждения и организации получали юридические и институциональные права, например, Православная Церковь имела право открывать религиозные школы для подготовки священников и основывать объединения. Было постановлено, что храмы, а также часовни и кладбища, принадлежащие Латвийской Православной Церкви, оставались в ее распоряжении и не могли быть экспроприированы, конфискованы или использованы не по назначению. Во исполнение этого закона, 1 декабря 1926 г. возобновила свою деятельность после перерыва с 1915 г., вызванного I Мировой войной, богословская семинария Латвийской Православной Церкви, созданная в 1850 г. в Риге. Ректором семинарии был назначен протоиерей Иоанн (Янис). В 1925 г. правительство

проголосовало за годовой бюджет реконструкции и реставрации храмов.

После государственного переворота 15 мая 1934 г. в Латвии, организованного Карлисом Улманисом, религия была признана опорой государства. 12 июля 1934 г. катехизис в начальных школах был законодательно признан обязательным предметом. 7 июня 1935 г. Латвийской Православной Церковью как структурой Латвийского синода под юрисдикцией Московского патриархата был назначен представитель при правительстве Петерис Элкснитис, что имело влияние на деятельность Церкви.

1934 год был поворотным в развитии Латвийской Православной Церкви. В ночь с 11 на 12 октября 1934 г. из-за политических интриг был убит архиепископ Иоанн (Поммерс). После его кончины высший орган церковной администрации – синод – не сумел выбрать ему преемника. Главная проблема состояла в том, что право назначения нового предстоятеля имел только Московский патриархат. Согласно канонам, епископ мог быть избран только собранием епископов, но на уровне Латвийской Православной Церкви это было невозможно, так как в ней не было других епископов. Вновь выдвинулся на первый план вопрос об отделении от Московского патриархата. Архиепископ Иоанн (Поммерс) при жизни мог этому помешать. После его трагической гибели положение коренным образом изменилось, и Православная Церковь приняла националистическую идею режима Карлиса Улманиса. Было решено последовать примеру соседних Православных Церквей – Эстонской, Финляндской и Польской, установив связь с наиболее авторитетным в православном мире патриархом Константинопольским. Выполнение формальностей затянулось из-за кончины патриарха Константинопольского Фотия II (29 декабря 1935 г.) и выборами нового патриарха. 6 февраля 1936 г. новый патриарх Константинопольский Вениамин (1936–1946) предоставил автономию Латвийской Православной Церкви, ставшей теперь Латвийской православной митрополией.

10 марта 1936 г. митрополитом Латвийской Православной Церкви стал протоиерей Августин (Августинс Петерсонс) и были утверждены новые церковные уставы. В своей речи митрополит Августин подчеркивал тот факт, что Латвийской Православной Церкви и правительству «следует иметь общие цели», чтобы «всегда быть в единстве».

14 июля 1936 г. был созван второй собор Латвийской Православной Церкви, чтобы доработать и принять устав. Был избран новый синод. Новым викарным епископом Елгавским был избран протоиерей Кокнезский Якоб Карпс (1865–1943). В 1938 г. викарным епископом Ерсики (а с 1939 – Мадоны) был назначен Адамс Витолс (Александр, 1867–1942). Таким образом, в Латвийской Православной Церкви было 3 епископа: митрополит и 2 викарных епископа. Вскоре после своего избрания Августин (Петерсонс) установил дружеские отношения с Православными Церквами в Эстонии и в Финляндии. Три православных предстоятеля часто встречались. В 1937 г. в министерстве иностранных дел был образован Отдел Церквей и вероисповеданий, который должен был организовывать и контролировать их на территории Латвийской Республики. Эта новая институция сыграла важную роль в организации и развитии внутренней жизни Латвийской Православной Церкви: отдел занимался жизнью приходов независимо от синода, назначал и увольнял священников, регистрировал приходские новости, надзирал за кладбищами и прочей церковной собственностью. Но в 1939 г. синодом было принято новое законодательство о Церквах, освобождавшее религиозные организации от муниципальных и государственных налогов. Остро стоял вопрос о содержании духовенства, так как в межвоенный период православные священники бедствовали.

Синод пытался также реорганизовать образование клира. 1 декабря 1926 г. вновь открылась Рижская семинария; в 1936 г. она была преобразована в богословский институт, который был закрыт 17 марта 1937 г. Затем Латвийская Православная Церковь с разрешения правительства открыла православное отделение на богословском факультете Латвийского университета.

Согласно российским источникам, в 1937 г. в Латвии было 45 православных священников-латышей и 79 русских.

В середине 1930-х гг. были большие споры о старом и новом календарях. Реакция на них была неоднозначной. Часть латвийских приходов одобряла переход на новый календарь. В некоторых районах русские приходы переходили на новый календарь или придерживались обоих сразу. Это привело к неразберихе, которая вынудила священников каждого прихода выбрать один календарь. Однако в 1938 г. большинство приходов высказались за старый календарь. Новый был принят лишь в нескольких районах страны, в небольших приходах.

В 2007 г. Православная Церковь во всех балтийских странах совершала богослужения по старому календарю. Исключение составляли эстонцы, находившиеся в юрисдикции Константинопольского патриархата.

Поднимался также вопрос о распространении православия. В 1923–1931, а затем в 1934–1940 гг. выходил журнал «Вера и жизнь». В 1937 г. появился новый латышский перевод Нового Завета. С 1937 г. ежегодно издавался «Православный календарь». В продаже имелись пластинки с записями православных песнопений, а также новые книги об истории Православной Церкви. Все это делалось приходами, принадлежавшими к Константинопольскому патриархату.

В отличие от Латвии и Эстонии епархия Литвы развивалась в 1920–1930-х гг. 29 июня 1917 г. архиепископ Литовский и Виленский Тихон (Белавин) был избран митрополитом Московским, а затем, 5 ноября 1917 г., патриархом. 28 июня 1917 г. Литовская епархия была отдана в управление епископу (с 28 июня 1928 г. архиепископу) Ковенскому (Каунасскому) Елевферию (Богоявленскому).

После I Мировой войны в 1918 г. образовалась Литовская Республика, которая включала и Каунасскую область с городом Каунас как временной столицей, между тем как Вильнюс и его регион – Срединная Литва – были оккупированы Польшей.

В 1919 г. в Литве было 10 православных приходов. В 1921–1924 гг. было восстановлено 14 приходов. В середине 1930-х гг. имелся 31 приход, из которых 11 входили в Каунасский, 10 в Шяуляйский и 10 – в Паневежисский округ. Однако приходы были малы, и часто у священника было не более дюжины прихожан. В 1920 г. насчитывалось не более 23000 верующих. В 1923 г. в Литве было 22925 православных, из которых 78,6% (18020) составляли русские, 7,62% (1747) – литовцы и 7,09% (1625) – белорусы.

В начале 1920-х гг. в Литовской епархии существенно недоставало священников. В 1918 г. эвакуированные во время войны священники начали возвращаться в Литву, но многие из них погибли в войну и революцию. В 1918 г. оставалось только 10 священников прежней епархии.

Хотя Литовская епархия была разделена между Литвой и Польшей, на всю Литву приходился один епископ. Епархиальная кафедра, где он жил, находилась в Виленском Свято-Духовом монастыре –

в Срединной Литве, т. е. в Польше. Такое положение длилось до 8 февраля 1922 г., когда территория Срединной Литвы была официально включена в состав Польши.

С 1921 г. положение Литовской Православной Церкви улучшилось. 11 июля 1921 г. епископ Елевферий (Богоявленский) стал архиепископом Виленским и всея Литвы. 29 марта 1922 г. Совет министров Литвы постановил признать архиепископа Елевферия (Богоявленского) главой его Церкви в Литве. Но Конституция Литовской Республики, принятая 1 августа 1922 г., провозглашала, что все религиозные организации, в том числе Православная Церковь, имеют право организовываться по своим канонам, вольны проявлять себя и совершать религиозные служения, строить храмы и школы, собирать пожертвования, располагать недвижимостью и т. д. Литовская Православная Церковь получила от государства законный статус.

С 20 мая 1923 г. были урегулированы юридические отношения между литовским государством и Православной Церковью. Церковь имела законное право вести деятельность в согласии со своими канонами. Она поддерживала намерения правительства по воссоединению с Виленским округом.

В Литве, как и в других балтийских государствах, политические власти вмешивались во внутренние дела Церкви. В 1926 г. левые силы, победив на выборах, поспешили провести ряд начинаний и реформ, сильно сокращающих права религиозных конфессий. Была, например, приостановлена выдача субсидий Православной Церкви. 17 декабря 1926 г. произошла смена правительства, организованная Антанасом Сметаной. Если христианские демократы стремились к отделению Литовской Православной Церкви от Московского патриархата, то новое правительство практически не ограничивало связей между Литовской Православной Церковью и Московским патриархатом. После 1926 г. улучшилось экономическое положение православных: Церкви окончательно вернули ее имущество, были построены новые храмы и отстроены старые. Можно сказать, что с 1926 г. Литовская Православная Церковь начала постепенно возрождаться.

28 ноября 1928 г. синод Литовской Православной Церкви получил от Московского патриархата право на автономию. В 1936 г. архиепископ Елевферий (Богоявленский) стал митрополитом Литовской епархии.

Период II Мировой войны

Летом 1940 г. балтийские страны были оккупированы Советской армией. В это время в Эстонской Апостольской Православной Церкви имелось 156 приходов и около 210000 верующих. В Латвии было 164 прихода и 240000 верующих. Эстонская апостольская Православная Церковь (с 1923 г.) и Латвийская Православная Церковь (с 1936 г.) были автономными Церквами под юрисдикцией Константинопольского патриархата. Литовская Православная Церковь (Литовская епархия) находилась под управлением архиепископа Елевферия (Богоявленского), который при советском режиме был сторонником Московского патриархата и оставался экзархом всей Балтики до своей кончины в декабре 1940 г. Вслед за ним экзархом трех балтийских республик стал митрополит Вильнюсский и Литовский (с марта 1941 г.) Сергий (Воскресенский), кафедра которого находилась в Риге.

После аннексии территорий Латвии и Эстонии в 1940 г. Православные Церкви обеих стран попросили возобновления отношений с Московским патриархатом. 28 марта 1941 г. предстоятель Латвийской Православной Церкви митрополит Августин (Петерсонс), а 30 марта 1941 г. митрополит Александр (Паулюс), согласно российским источникам, принесли покаяние за отпадение от Московского патриархата. По другим источникам (например, Константинопольского патриархата), к этому покаянию их принудили. Так или иначе, обе эти Церкви воссоединились с Московским патриархатом. Митрополит Августин (Петерсонс) стал епископом Рижским, а митрополит Александр (Паулюс) – епископом Таллиннским. Оба оказались в подчинении у экзарха Сергия (Воскресенского).

Когда, в 1941 г., началась немецко-нацистская оккупация, которая продлилась до 1945 г., митрополит Августин (Петерсонс) 20 июля 1941 г. вновь объявил о возвращении в лоно Константинопольского патриархата. Экзарх Сергий (Воскресенский) осудил поведение митрополита Августина (Петерсонса) и обвинил его в попытке разделения Церкви. Митрополит Августин (Петерсонс) не подчинился предписаниям экзарха Сергия (Воскресенского), после чего совет Прибалтийского экзархата (Московского патриархата) отказал митрополиту Августину (Петерсонсу) в служении.

Немецко-нацистские власти некоторое время допускали сосуществование в Эстонии двух патриархатов – Московского и Константинопольского. Но 3 сентября 1941 г. митрополит Александр (Паулюс) объявил себя главой Эстонской Апостольской Православной Церкви под юрисдикцией Константинопольского патриархата и, таким образом, восстановил связь с этим патриархатом. Экзарх Сергий (Воскресенский) настоял на осуждении митрополита Александра (Паулюса) церковным судом Московского патриархата. 5 ноября 1941 г. Московский патриархат запретил митрополита Александра (Паулюса) в служении. В отличие от митрополита Августина (Петерсонса), которого поддержали только 5 священников, митрополит Александр (Паулюс) был поддержан в своем начинании всеми эстонскими приходами.

Епископ Нарвский Павел (Дмитровский) остался в подчинении экзарха Сергия (т. е. Московского патриархата). В 1945 г. он был назначен епископом Таллиннской епархии, учрежденной 9 апреля Московским патриархатом.

В течение II Мировой войны в Латвии и Эстонии сильно недоставало священников. Такое же положение было в Литве. Но гораздо худшим было положение в Псковском и Новгородском округах, где священников не было вовсе, так как при советском режиме все храмы были закрыты. Там срочно требовалось налаживать приходскую жизнь. Поэтому в сентябре 1941 г. было решено направить туда священников: латвийскую миссию для Пскова. Это было сделано с дозволения нацистских властей. До декабря 1941 г. эту миссию возглавлял протоиерей Сергий (Ефимов), а с 1 декабря 1941 г. – протоиерей (с 1943 протопресвитер) Кирилл Заиц. Миссионеры не получали никакого жалованья и жили исключительно на пожертвования. В конце августа 1942 г. они восстановили 200 приходов в Псковском, Гдовском, Новгородском, Гатчинском, Старорусском, Новоржевском и Опочкинском округах, где теперь было 77 служащих священников. В 1944 г. в северо-западной части России было вновь открыто 320 храмов, в которых служили 175 священников. Стараниями этой миссии было крещено около 50000 человек, открывались новые школы, совершались богослужения. Например, в Псковском Свято-Троицком соборе богослужения совершались не менее двух раз в сутки, утром и вечером, а в других храмах города – не менее трех раз в неделю. Мы считаем эту миссионерскую деятельность во время II Мировой войны явлением исключительным.

28 февраля 1943 г. в Рижском Рождественском соборе митрополит Сергий (Воскресенский), епископ Елгавский Иаков (Карпс) и епископ Каунасский Даниил (Юзвюк) рукоположили целибатного священника Иоанна (Янис Гарклавас, 1898–1983) во епископа Рижского. Теперь Латвийская епархия вновь имела собственную администрацию под юрисдикцией Московского патриархата.

8 сентября 1943 г. собор Московского патриархата назначил митрополита Сергия (Страгородского) патриархом Московским и всея Руси. Нацистская администрация не признала этого назначения и вынудила экзарха Прибалтики митрополита Вильнюсского и Литовского Сергия (Воскресенского) объявить избрание патриарха незаконным. Это стоило митрополиту Сергию (Воскресенскому) жизни: 18 апреля 1944 г. он был убит.

В августе 1944 г. митрополит Августин (Петерсонс), епископ Иоанн (Гарклавс) и митрополит Александр (Паулюс) отправились в изгнание в Западную Германию. Митрополит Августин и епископ Иоанн организовали там Латвийскую Православную Церковь в изгнании. Митрополит Августин (Петерсонс) скончался в Германии 5 октября 1955 г. Епископ Рижский Иоанн (Гарклавс) в 1948 г. уехал в США, где присоединился к Американской Православной Церкви – в то время под юрисдикцией Московского патриархата – и стал епископом Кливлендским.

В 1947 г. митрополит Александр (Паулюс) покинул Германию и отправился в Стокгольм, где продолжил работу по организации Эстонской Апостольской Православной Церкви в изгнании с собственным синодом. Было основано 12 приходов этой Церкви. Митрополит Александр скончался 18 октября 1953 г. В 1956–1961 гг. Эстонской Апостольской Православной Церковью в изгнании управлял епископ Равеннский Георгий-Юрий (Вьяльбе), находившийся под юрисдикцией Константинопольского патриархата. Затем на его место пришли финляндские епископы. В начале 1990-х гг. к Эстонской Апостольской Православной Церкви в изгнании принадлежало около 8000 православных.

При советском режиме (1945–1991)

После II Мировой войны вследствие завоевания балтийских стран Советской армией и массового заселения их русскими

православные приходы в Латвии и Эстонии попали под управление епископов Московского патриархата с титулом «епископ Рижский и Латвийский». Во главе Рижской епархии между 1945 и 1990-ми гг. стояли: архиепископ Вильнюсский и Литовский Корнилий (Попов, 1945–1947), митрополит Вениамин (Федченков, 1947–1951), архиепископ Филарет (Лебедев, 1951–1958), архиепископ Иоанн (Алексеев), управлявший также всеми епархиями балтийских стран: в 1955 г. Таллинской и Эстонской, в 1958–1961 гг. Рижской и Латвийской, а 20 апреля – 21 мая 1959 г. также Вильнюсской и Литовской. В 1961–1991 гг. Таллинской и Эстонской епархией, а в 1961–1962 гг. также (временно) Рижской и Латвийской, управлял епископ Алексий (Ридигер). С 4 февраля 1962 г. епархия Рижская и Латвийская временно находились под управлением епископа Лужского Филарета (Денисенко), затем, в 1963–1966 гг., архиепископа Никона (Фомичева), в 1966 – архиепископа Алексия (Конапылова), а в 1966–1990 – митрополита Леонида (Полякова). В 1990 г. епископом Рижским и Латвийским стал Александр (Кудряшов), который с 1990 г. стал архиепископом, а с 2002 г. митрополитом.

После II Мировой войны во главе Таллиннской и Эстонской епархии стояли: в 1945–1946 гг. архиепископ Павел (Дмитровский), в 1947–1949 гг. епископ Исидор (Богоявленский), в 1950–1955 гг. архиепископ Роман (Танг), в 1955–1961 гг. епископ Иоанн (Алексеев), в 1961–1991 гг. епископ (с 1964 архиепископ, с 1968 митрополит) Алексий (Ридигер), а затем епископ (с 1995 архиепископ, с 2000 митрополит) Корнилий (Якобс).

В советский период православные подвергались гонениям. Многие священники погибли в концентрационных лагерях. Только в Рижской епархии в 1940–1950 гг. каждый третий священник был репрессирован. Под особым надзором находились митрополит Рижский и Латвийский Вениамин (Федченков), епископ Таллиннский и Эстонский с 1961 г. Алексий (Ридигер, с 1990 патриарх Московский и всея Руси, † 2008), а также митрополит Рижский и Латвийский Леонид (Поляков), управлявший Рижской епархией в течение 24 лет – необычно долгий срок для советского периода, когда епископов сменяли довольно часто. Митрополии Вениамин (Федченков) был слишком популярен: до прибытия в Ригу он служил в Православной Церкви Америки (ПЦА), был известным автором религиозной литературы, но его деятельность строго контролировалась. Маленькой победой митрополита Вениамина над совет-

ским режимом стало издание им религиозного бюллетеня «Вести Рижской епархии». При Сталине такой литературы было не найти. В 1948–1950 гг. вышли 4 книжки, после чего издание запретили.

Епископ Таллиннский и Эстонский Алексий (Ридигер) сумел воспрепятствовать закрытию Таллиннского Свято-Александро-Невского собора, а также Пюхтицкого женского Свято-Успенского монастыря и других храмов. Он много способствовал восстановительным работам.

При советском режиме Латвийская епархия часто меняла предстоятеля: в 1945 г. им был архиепископ Вильнюсский и Литовский Корнилий (Попов), в 1948–1951 гг. архиепископ Фотий (Топиро), в 1952–1954 гг. архиепископ Филарет (Лебедев), в 1955–1959 гг. архиепископ Алексий (Дехтерев), в 1959–1963 гг. архиепископ Роман (Танг), в 1963–1971 гг. архиепископ Антоний (Варжанский), в 1971–1972 гг. епископ Гермоген (Орехов), в 1972–1974 гг. епископ Анатолий (Кузнецов), в 1974–1978 гг. епископ Герман (Тимофеев), в 1978–1989 гг. архиепископ Виктор (Беляев), в 1989–1990 гг. епископ Антоний (Черемисов). С 1990 г. епархию возглавил архиепископ (с 2000 митрополит) Хризостом (Мартишкин).

В 1940 г., после образования Латвийской, Литовской и Эстонской ССР, в каждой республике были созданы Советы по делам религий, подчиненные Совету по делам религий при Совете Народных Комиссаров СССР. Их основная задача состояла в том, чтобы поддерживать связь между правительством СССР и руководством религиозных организаций, информировать ЦК Коммунистической партии и органы государственной безопасности о деятельности религиозных организаций, применять законодательство о культах, принимать решения по жалобам на служителей культа и религиозные организации, регистрировать или запрещать их, а также открывать новые храмы или закрывать старые.

При коммунистическом режиме собственность религиозных организаций, имущество Церкви конфисковывались, храмы были объявлены собственностью государства, а приходы должны были вносить арендную плату. Церковь не считалась юридическим лицом, однако с нее взимались налоги. Многие храмы были превращены в склады и т. п. Храмы разрушались, часто сносились колокольни, чтобы не напоминать о прежнем назначении храмов.

Установленные при Сталине правила стали тяжелым испытанием для Православных Церквей Балтики. До 1953 г. на территории

Латвии были заключены в тюрьмы 64 священника. Церковь подверглась преследованию при Хрущеве в 1958–1964 гг. Тогда были введены экономические санкции, возросли налоги, уплачиваемые храмами и клириками, во много раз увеличилась цена страховки. Все это делалось для того, чтобы уменьшить количество приходов и действующих храмов. Например, если в 1955 г. в Латвии было 123 православных прихода (59 русских, 32 латышских и 32 смешанных), то в 1964 г. приходов оставалось только 97 (59 русских, 13 латышских и 29 смешанных). Экономические санкции были особенно тяжелы для латышских приходов, в основном, деревенских и гораздо менее независимых материально, чем городские. На распространение православия в Балтике влияла также массовая миграция, вызванная широко развертываемым в этом регионе строительством. Миграция нарушала демографическое равновесие в регионе. Среди приезжих, в большинстве русских, многие были православными.

Власти делали все, чтобы устранить священников, запретить религиозное воспитание детей и не допустить обогащения Церкви. Все эти меры правительства Никиты Хрущева (1953–1964) принесли свои плоды в Латвии, Эстонии и Литве.

В Литве советская антирелигиозная кампания была умереннее, чем в двух других балтийских республиках. Здесь не применялись меры, лишающие священника возможности служить, а перед крещением или венчанием не записывались номера паспортов. Хотя ликвидация небольших приходов не составляла труда, советские власти не шли на это, потому что таким образом могла возрасти популярность Католической Церкви, а это для советского режима было неприемлемо. Стремление советских властей снизить популярность и влияние Католической Церкви создавало благоприятные в сравнении с другими регионами СССР условия для православных. В 1962 г. в Литве насчитывалось 52 храма, 33 священника и около 7045 верующих, которые посещали богослужения. Однако в 1960-х гг. большинство храмов было закрыто. Например, в 1962 г. был закрыт Свято-Успенский храм в Каунасе, а в 1963 – Свято-Тихоновский храм-часовня в Вильнюсе.

При советском режиме в Литве уменьшилось число практикующих православных. С 1940 по 1990 гг. было закрыто 19 храмов. Православная Церковь стала приходить в упадок. Приходы были

слишком малы, и не хватало священников. Большинство священников должны были окормлять каждый от 2 до 6 приходов.

Коммунистический режим не считал верующих полноценными гражданами. Их мнение не принималось во внимание. Например, в 1961 г. прошел слух о скором закрытии храма Рождества Христова в Риге, и община направила в Верховный Совет СССР письмо с протестом, подписанное 350 верующими. Несмотря на запрет собирать подписи, рижские православные продолжали посылать протестующие письма во все советские учреждения. Почти все подписи под этими письмами были зафиксированы КГБ, и все эти имена занесены в черные списки. 4 марта 1961 г. Рижский собор был закрыт. Однако власти задержали решение о закрытии женского Свято-Троицкого монастыря, опасаясь новых кампаний протеста. Женский Преображенский монастырь в Валгунде, расположенный в глубинке, выстоял до конца давления со стороны безбожной власти. Он стал религиозным центром православных в балтийских республиках и в Советском Союзе, особенно при архимандрите Косме (Смирнове), возглавлявшем монастырь в 1954–1968 гг., и при архимандрите Таврионе (Батозском), возглавлявшем его в 1968–1978 гг.

В 1970–1980-х гг. давление на Церковь, экономическое в том числе, ослабело. Однако религиозная деятельность за пределами храма была по-прежнему запрещена: нельзя было читать религиозную литературу, недоставало священников, так же, как в 1947 г., и была закрыта Вильнюсская православная богословская семинария – единственный на всю Балтику центр подготовки священников. Церковь не считалась ни официальной, ни общественной организацией. Права духовенства были строго ограничены. «Декрет об учреждении положения религиозных организаций в Латвийской Советской Социалистической Республике» от 28 октября 1976 года, запрещал все религиозные обряды в государственных и общественных организациях, а также в учреждениях и кооперативах. Религиозным объединениям было запрещено проводить встречи священников с детьми, молодежью и женщинами, а также религиозное обучение во время общественных мероприятий и паломничеств. Запрещено было также предоставлять деньги религиозным организациям.

Однако именно в этот период начались первые церковные кампании протеста. Например, в 1972 г. верующие Литвы направили послание тогдашнему Генеральному секретарю ООН Курту

Вальдхайму с просьбой защитить религиозные права литовского народа.

Перемены в положении Православной Церкви стали ощутимы только в 1986–1987 гг. Чтобы завоевать доверие западного общества, надо было доказать, что во внутренней политике Советского Союза в самом деле происходят процессы демократизации, в том числе и в отношении терпимости к религии. С 1987 г. атеизм более не угрожал верующим; священникам было разрешено выступать в печати с материалами на темы нравственности; появилась возможность организовывать исторические конференции на темы, имеющие отношение к Церкви, и, наконец, в 1989 г. дозволено было отметить тысячелетие крещения Руси. Началось восстановление храмов. Например, в 1987 Церкви был возвращен Вильнюсский Свято-Тихоновский храм, а 19 мая 1989 г. Совет Министров Литовской ССР отменил свой указ о закрытии женского монастыря св. Марии Магдалины. 14 февраля 1990 г. Верховный Совет Литовской ССР принял закон о восстановлении зданий и имущества всех Церквей страны. Были восстановлены также Александро-Невский храм, храм св. Параскевы в Вильнюсе и Воскресенский храм в Каунасе.

1991–2000

После распада Советского Союза в 1991 г. Латвия, Эстония и Литва вновь обрели независимость. Эти перемены означали для балтийских государств не только безопасность на международно-политическом уровне, но и преобразования во внутренней политике.

Сегодня многоконфессиональная структура общества стала важным фактором, влияющим на деятельность Православной Церкви в Балтийском регионе.

В Латвии Православная Церковь занимает третье место по числу верующих: в 2002 в стране насчитывалось 298000 православных при 500000 католиков и 400300 протестантах.

В Эстонии более 31% взрослого населения практикует религию: 15% принадлежат к Эстонской евангелическо-лютеранской Церкви, 14% – к Православной Церкви, а 0,5% – католики и баптисты. Здесь православные на втором месте.

В 2007 г. в Литве 79% были католиками. Среди религиозных меньшинств были православные (около 4,9% населения), мусульмане и иудеи, в том числе караимы, чья община издавна обосновалась в Тракае, – всего 1,6% населения. В этих условиях Православная Церковь во всех балтийских странах должна была поддерживать добрые отношения не только с государством, но и с другими вероисповеданиями, следуя принципу невмешательства.

В начале 1990-х гг. во всех балтийских странах государство вернуло отнятое имущество всем Церквам, кроме Эстонской Православной Церкви (Московского и Константинопольского патриархатов).

В Латвии большинство православных (70%) принадлежат к Московскому патриархату. Православная Церковь там не имеет автономного статуса, все территории принадлежат к Вильнюсской и Литовской епархии (Московский патриархат), возглавляемой митрополитом Хризостомом (Мартишкиным). Православные там в меньшинстве: согласно статистике, их в Литве 141000 с 50 приходами и 49 священниками, в основном, русскими по национальности (почти 90%). В период восстановления государственной независимости иерархия Церкви поддержала и одобрила независимость Литвы. Из тех же соображений Литовская Православная Церковь объявила о том, что она находится в добрых отношениях с Католической Церковью. Следует отметить, что в Литве, в отличие от Латвии и Эстонии, отсутствует дискриминация русскоязычного (а значит, и православного) населения, не говорящего по-литовски. Литовская Конституция, принятая 25 октября 1992 г., признает свободу совести и вероисповедания, а также основные принципы отношений между государством и Церковью (пункт 43), устанавливающие независимость Церкви и сотрудничество с нею по вопросам, касающимся образования, социальной сферы, культуры и т. д. Государство допускает деятельность в Латвии религиозных организаций, в том числе Православной Церкви. Оно предоставляет Церкви самоуправление по ее собственным канонам и уставам. После принятия закона от 18 июля 2000 г. религиозные организации были признаны общественными организациями.

В 2007 г. в Литве действовал Вильнюсский Свято-Духов монастырь, который в 1922–1939 гг. находился на территории Польши, а с 1945 г. – в Вильнюсской епархии. В 2000 г. в монастыре было 14 монахов. С 1990 г. монастырь возглавляет митрополит

Вильнюсский и Литовский Хризостом (Мартишкин). В 2000 г. в монастыре св. Марии Магдалины, которым управляла мать Архелая, было 10 монахинь. С 2005 г. там издается ежегодник «Встреча».

11 августа 1992 г. Синод Московского патриархата принял решение о восстановлении и независимости Латвийской Православной Церкви. Своим Томосом от 22 декабря 1992 г. патриарх Московский и всея Руси Алексий II (Ридигер) подтвердил решение патриарха Тихона об автономии Латвийской Православной Церкви, сохраняющей лишь каноническую связь с Московским патриархатом. Томос от 1992 г. предоставляет Латвийской Православной Церкви независимость в административной, общественной и образовательной областях, а также в отношениях с латвийским государством. Несколько позже в Риге был проведен собор Латвийской Православной Церкви, на котором был избран синод для организации управления Церковью под руководством председателя синода. Предстоятелем новой Латвийской Православной Церкви стал епископ (с 1995 г. архиепископ, с 2002 митрополит) Александр (Кудряшов).

29 декабря 1992 г. синод Латвийской Православной Церкви принял уставы, утвержденные на следующий день министерством юстиции. В 2007 г. Латвийская Православная Церковь приняла участие в работе консультативного совета по религиозным вопросам при министерстве юстиции. В совете были также представлены 6 других важнейших конфессий Латвии.

Согласно закону о возвращении собственности религиозных организаций, принятому 12 мая 1992 г., Латвийской Православной Церкви было возвращено все имущество, принадлежавшее ее до 1940 г. 26 сентября 1995 г. был принят также закон «О религиозных организациях». Теперь в Латвии существует свобода выбора религии, узаконены смешанные браки между представителями традиционных христианских конфессий, имеется церковная организация в армии, Православная Церковь имеет право открывать школы, издавать и распространять религиозную литературу, преподавать религию в школах и т. д.

При советском режиме в течение полувека была закрыта Рижская православная богословская семинария. Несмотря на все трудности (недостаток места, преподавателей и учебников), в марте 1994 г. семинария возобновила свою деятельность.

В 1980–2000 гг. возросло число приходов. В 1980 г. имелось лишь 88 православных приходов, но в 1990-х гг. их число увеличилось с 89 до 102, а в 1999 – до 112. В недавний период многие люди, особенно молодежь, стали посещать церковь.

В 2000 г. в Латвии насчитывалось около 350000 православных (около 120000 из них – активные прихожане), 118 приходов (из них 15 латышских) и 75 священников.

В Латвии имеется 2 монастыря: женский Свято-Троице-Сергиев в Риге (70 монахинь), возглавляемый вместе с филиалом в Валгунде матерью Магдалиной (Полын), и мужской Свято-Духов монастырь в Екабпилсе с 10 монахами и настоятелем о. Серафимом (Скуратовым).

С 1998 г. выходит ежемесячник «Лоза». С 2001 Латвийская Православная Церковь ежегодно проводит конференции по теме «Церковь, семья и школа».

В Эстонии в настоящее время отмечаются случаи государственного вмешательства в дела Церкви, как в советское время.

Постановлением синода Московского патриархата от 11 августа 1992 Эстонской Православной Церкви предоставлялась независимость в управлении, в общественной деятельности и в образовании, а также в отношениях с государством (Томос был подписан 26 апреля 1993 г.). Таким образом, викарий патриарха Алексия II в Эстонии епископ Корнилий (Якобс) стал в 1992 г. независимым епископом (в 1996 – архиепископом, в 2001 – митрополитом). До 1991 г. Таллинской и Эстонской епархией управлял будущий патриарх Алексий II (Ридигер). Но в августе 1993 г., когда Церковь готовила документы для регистрации, два эстонских православных клирика, протоиерей Еммануил Кирсс и диакон Александр (Айфал) Сарапик подали в Отдел по делам религий Эстонии заявление о регистрации Эстонской Апостольской Православной Церкви, подчиненной синоду в Стокгольме (под юрисдикцией Константинопольского патриархата). Оба они окормляли только 6 из 79 приходов в Эстонии, а следовательно, по мнению Московского патриархата и его сторонников, не имели права выступать от имени всей Эстонской Православной Церкви. 11 августа 1993 г. Отдел по делам религий зарегистрировал Эстонскую Апостольскую Православную Церковь, подчиненную синоду в Стокгольме. Однако епископ Корнилий (Якобс) и его приходы отказались признать эту регистрацию, ссылаясь на тот факт, что церковная организация под

названием «Эстонская Православная Церковь» уже существовала и была зарегистрирована. Отдел по делам религий предложил епископу Корнилию (Якобсу) организовать новую Церковь под другим названием. Таким образом, государственные органы не признали преемственности Эстонской Православной Церкви под юрисдикцией Московского патриархата, а также ее прав на имущество, принадлежавшее Церкви до 1940 г. В 1993 г. эти права были переданы Эстонской Апостольской Православной Церкви под юрисдикцией Константинопольского патриархата, но это решение до сих пор не исполнено. Вопрос о церковном имуществе в Эстонии очень запутан: и в 2008 г. оно продолжает находиться в распоряжении государства, а Церкви (и Московского, и Константинопольского патриархата) должны платить государству за аренду православных храмов.

17 ноября 1993 г. в Таллине состоялся поместный собор, на котором присутствовало 76 делегатов от 79 приходов Эстонии. Он обратился к министерству внутренних дел с просьбой считать незаконной регистрацию Православной Церкви, подчиненной синоду в Стокгольме и зарегистрировать единую Эстонскую Православную Церковь во главе с епископом Корнилием (Якобсом). Но Отдел по делам религий не спешил откликнуться и, в конце концов, отказал. Этот конфликт следует рассматривать с национальной точки зрения: большинство русских православных приходов выступало за канонические связи с Московским патриархатом, тогда как большинство эстонских православных приходов желали поддерживать связь со Стокгольмским синодом, т. е. с Константинопольским патриархатом. Напрасны были все усилия Церкви, руководимой епископом Корнилием (Якобсом). В августе 1994 г. эстонские власти на всех уровнях признали регистрацию 11 августа 1993 г. и начали передачу церковного имущества Эстонской Апостольской Православной Церкви. В 1999 г. Константинопольским патриархатом во главе Эстонской Апостольской Православной Церкви был поставлен митрополит Стефан (Хараламбидис).

Чтобы урегулировать эту проблему, синоды обоих патриархатов 14 мая 1996 г. постановили, что все приходы должны быть зарегистрированы и вправе сами избирать юрисдикцию. Это должно было делаться по соглашению с каждым приходом. Но постановление не разрешило проблему окончательно. Во многих приходах имелись сторонники как епископа Корнилия (Якобса),

так и противоположного лагеря. Положение еще более осложнилось осенью 1996 г., когда Константинопольский патриархат принял в свое лоно приходы, подчиненные Стокгольму. Московский патриархат в ответ разорвал отношения с Константинопольским патриархатом.

Спор продолжался до апреля 2002 г. Эстонское правительство подчеркивало, что большинство прихожан епископа Корнилия (Якобса) поселились в Эстонии при советской оккупации и не могут утверждать, что принадлежали к Эстонской Православной Церкви до 1940 г. Согласно российским источникам, говорить так значило забывать о том, что Православная Церковь на территории Эстонии получила свое имущество в 1917 г., будучи под юрисдикцией Московского патриархата.

Осенью 2000 г. эстонское правительство вновь отказалось регистрировать православные приходы, подчиненные Московскому патриархату.

17 апреля 2002 г. министерство внутренних дел зарегистрировало уставные документы Православной Церкви Московского патриархата. Но Московский патриархат не мог доказать своих прав на церковное имущество. По закону, эстонское правительство приобрело храмы, принадлежавшие Эстонской Апостольской Православной Церкви, и с 2002 г. эта последняя должна платить государству за помещение. Так же и приходам Московского патриархата государство предоставило право использовать храмы за номинальную плату.

В 2000 г. к Московскому патриархату в Эстонии принадлежало 34 прихода, 170000 верующих и 53 священника, а к Константинопольскому патриархату – 59 приходов и 21 священник, но во многих приходах верующих было не больше десятка, а всего, согласно официальной статистике, все эти приходы посещало около 25000 прихожан.

В Эстонии находится Пюхтицкий Свято-Успенский женский монастырь, подчиненный Московскому патриархату. В 2000 г. в нем было 165 монахинь во главе с игуменьей Варварой (Трофимовой).

В Эстонской Апостольской Православной Церкви есть намерение создать монастыри в Сааремаа и Хиюмаа.

Эстонская Апостольская Православная Церковь издает газету «Митрополия» («Metropoolia») и журнал «Вера и жизнь» («Usk ja Elu»).

В 2001 г. в Таллине открылась Свято-Платоновская семинария (Эстонская Апостольская Православная Церковь).

С 2000 г. Эстонская Православная Церковь (Московского патриархата) издает ежемесячник «Православный мир».

В 2007 г. оба патриархата, Московский и Константинопольский, по-прежнему стремились разрешить накопившиеся проблемы. 12 октября 2008 г. состоялось отрадное событие – встреча глав обеих Церквей на Фанаре в Стамбуле. Патриарх Московский Алексий († 5 декабря 2008 г.) и митрополит Таллиннский Стефан (Эстонская Апостольская Православная Церковь) вместе совершили Божественную Литургию.

В январе 2009 г. были рукоположены 2 эстонских епископа – для Тарту и Пярну-Сарема (www.orthodoxie.com, 30.1.09).

БИБЛИОГРАФИЯ

Alexander Cherney, A. (Protopresbytre), *The Latvian Orthodox Church*, Stylite Publishing, 1985.

Гаврилин, А. В., *Историческое описание Рижской епархии в XIX веке*, Рига, «Филокалия», 1999.

Kala, M., *L'Église orthodoxe en Estonie: approche canonique et du droit civil ecclésiastique européen (1923–2005)*, thèse de doctorat en droit à Paris-XI, faculté Jean-Monnet, Centre Droit et Sociétés religieuses, juin 2007.

Laukaityté, R., *Stačiatinių Bažničia Lietuvoje XX Amžiuje*, Vilnius, 2003 (текст на лит. языке, послесовие на англ.).

«Le plaidoyer de l'Église orthodoxe d'Estonie pour la défense de son autonomie face au Patriarcat de Moscou», в: *Istina*, t. XLIX, n° 1 (2004), p. 3–105.

Православные в Латвии: историческое описание. Сб. статей, изданных А. В. Гаврилиным. Рига, «Филокалия», изд. 1–6, 1993, 1997, 2001, 2004, 2006, 2007.

Nathaniel, D., *A Long Walk to Church: A Contemporary History of Russian Orthodoxy*, Oxford, Western Press, 2003.

Новинский, В., *Очерк истории православия в Литве*, Вильнюс, Православное Братство Литвы, 2005.

Papathomas, G., *L'Église autonome d'Estonie. Approche historique et nomocanonique*, Athènes, 2002.

Pospielovsky, D., *The Russian Church under the Soviet Regime. 1917–1982*, Creestwood (New York), St. Vladimir's Seminary Press, 1984.

Прекуп, И., *Православные в Эстонии: Краткий исторический очерк*, 1998.

Remmel, M., *The Role of Christian Ethics in Postmarxist and Postmodern Estonia: Culture and Science*, Bonn, 2002.

Rimestad, S., «Orthodox Christianity in Estonia», thèse MA, faculté de philosophie d'Erfurt (2007). Thèse en préparation: «The Challenges of Modernity to the Orthodox Churches in the Baltic Region».

Сахаров, С. П., *Рижские православные архипастыри за 100 лет*, Даугавпилс, 1937.

The Estonian Orthodox Church in Exile 1944–1960, опубликовано Культурным фондом Эстонской Православной Церкви. Стокгольм, 1961 (на англ. языке).

Three Orthodox Christian Priests From Latvia, 2 ed., Petaluma, (California), 2006 (брошюра на англ. языке).

БЕЛОРУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ХХ СТОЛЕТИИ

Федор КРИВОНОС

Хмурым днем вошел ХХ век в историю Православной Церкви в Белоруссии.

Первая мировая война (1914–1918) и революционная смута 1917 года; разделение территории Белоруссии между Польшей и Советской Россией (1921) и дискриминация православия в Польше в довоенный период; массовые репрессии в БССР в 30-е годы ХХ века и Вторая мировая война (1939–1945); хрущевские гонения на Церковь (1958–1964) и атеистическая пропаганда «застойного» периода (до 1988); все эти события запечатлелись в недавнем историческом прошлом Белой Руси.

Начало ХХ века

В начале ХХ века Белоруссия входила в состав Российской империи. В ней насчитывалось пять епархий: Минская, Полоцко-Витебская, Литовско-Виленская, Могилевская и Гродненская. По сведениям на 1914 год, в границах вышеназванных епархий действовало 3552 церкви, 470 часовен и 35 монастырских обителей, функционировало четыре духовных семинарии, имелись церковно-приходские школы.

С 1899 по 1912 год *Минскую епархию* окормлял архиепископ Михаил (Темнорусов). Особое внимание он уделял организации православных братств, при городских и сельских храмах. В 1908 году в Минске прошел первый съезд представителей

западнорусских братств, деятельность которых в значительной степени была направлена против прозелитизма римо-католиков.

В 1908 году был открыт Минский церковный историко-археологический комитет и при нем музей.

В 1912 году в Минской епархии была открыта Слуцкая викарная кафедра, которую на непродолжительное время занял епископ Иоанн (Поммер).

После неожиданной кончины Михаила (Темнорусова) (1912) во главе Минской епархии встал епископ Митрофан (Краснопольский). При нем в ознаменование 300-летия династии Романовых в Минске был построен и освящен Юбилейный дом, в котором разместился недавно учрежденный церковный историко-археологический комитет с музеем.

По его же инициативе особо торжественно стала почитаться главная святыня епархии – Минская чудотворная икона Божьей Матери.

Заботами владыки Митрофана в 1913 году в Ивенце был основан женский монастырь в честь Преподобной Ефросинии.

Также при его участии в апреле 1914 года в Слуцке был совершен акт канонизации святого мученика младенца Гавриила Белостокского.

Видным иерархом, занимавшим в начале XX века *Полоцко-Витебскую епархию*, являлся епископ Серафим (Мещеряков) (1902–1911).

В 1913 году в Полоцкой епархии в городе Двинске (Даугавпилсе) была учреждена викарная кафедра, которую занял епископ Пантелеимон (Рожновский).

В ряду архиереев, оставивших памятный след в истории *Литовско-Виленской епархии*, нельзя не упомянуть архиепископа Ювеналия (Половцева) (1898–1904).

В Вильно начала XX века действовала духовная семинария. Там же продолжала свою работу Виленская археографическая комиссия. Ее трудами был издан свод документов по истории Белоруссии (49 томов).

В 1904 году Ювеналия сменил архиепископ Никанор (Молчанов). При нем в августе 1909 года в Вильно собрался второй съезд представителей православных братств Северо-Западного края.

С 1910 по 1913 год Виленскую епархию окормлял архиепископ Агафангел (Преображенский).

Из состава Литовско-Виленской в 1900 году была выделена *Гродненская епархия*.

Первым ее кафедру занял епископ Иоаким (Левитский) (1900–1903). По его благословению в епархии был открыт Красностокский монастырь Рождества Пресвятой Богородицы. В 1921 г. владыка пал жертвою неизвестных бандитов в Севастополе.

В 1903–1905 годах на Гродненской кафедре пребывал архиепископ Никанор (Каменский). По его инициативе и достаточно деятельном участии в Гродно был образован церковно-археологический комитет с соответствующим музеем.

В 1905–1915 годах Гродненскую епархию возглавлял епископ Михаил (Ермаков). Его попечением в 1907 году в Гродно было завершено возведение Свято-Покровского полкового храма.

По его настоянию в 1907 году в Белостоке была учреждена викарная кафедра, на которую в епископы возвели Владимира (Тихоницкого), позднее митрополита Западно-Европейского юрисдикции Константинопольского Патриархата.

Среди учебных заведений Гродненской епархии нельзя не упомянуть Жировицкое духовное училище.

Самой значительной по количеству действовавших приходских храмов и монастырей в Белоруссии начала XX века являлась *Могилевская епархия*. Около 800 церквей и 12 монастырских обителей украшали ее живописные просторы.

В 1896–1904 годах местную кафедру занимал епископ Мисаил (Крылов).

После него окормление Могилевской епархии принял на себя епископ Стефан (Архангельский) (1904–1911).

Благодаря заботам этого архиерея в 1907 году в Гомеле была учреждена викарная кафедра.

От начала Первой мировой войны до 1921 г.

Огромное разорение в церковную жизнь Белоруссии внесла Первая мировая война, начавшаяся 1 августа 1914 года.

Немецкое наступление вызвало огромную волну эвакуации местного населения. По сведениям на май 1918 года, в России проживало около 1300000 беженцев из Западной Белоруссии.

С лета 1916 года свободную от немцев часть Минской епархии возглавил епископ Георгий (Ярошевский).

Соседнюю Литовско-Виленскую кафедру с 1914-го до лета 1917 года занимал Тихон (Белавин), будущий Патриарх.

Положение Православной Церкви в Восточной Белоруссии усугубил февральский переворот 1917 года, в результате которого к власти в России пришло Временное правительство.

В марте того же года в Слуцке по указке новых властей преследованиям подвергся настоятель Свято-Троицкого монастыря архимандрит Афанасий (Вечерко). Его выслали из Слуцка за то, что он смел хранить в обители 5000 экземпляров «Жития» Святого мученика младенца Гавриила Белостокского, которое квалифицировали как погромную литературу.

Весной и летом в Белоруссии состоялись епархиальные съезды духовенства и мирян, на которых избрали делегатов для участия в заседаниях Поместного Собора Русской Православной Церкви, открывшегося в Москве 28 августа 1917 года. Всего от пяти белорусских епархий в работе Собора участвовало 32 делегата.

В октябре 1917 года под властью большевиков оказалась Могилевская, большая часть Минской и Полоцко-Витебской, а также незначительная часть Литовско-Виленской епархий. На этой территории насчитывалось около 1500 православных храмов.

Могилевскую епархию окормлял архиепископ Константин (Булычев), Минскую – владыка Георгий (Ярошевский), Полоцкую – викарный епископ Пантелеимон (Рожновский).

Духовенство этих епархий подверглось гонениям сразу же после установления советской власти. В первые же недели революции была изъята наиболее ценная недвижимость: здания архиерейских подворий, консисторий, семинарий, духовных училищ и школ, отдельных монастырей.

Немецкие войска в феврале 1918 года перешли в очередное наступление на восточном фронте. 3-го марта между Советской Россией и Германией был подписан Брестский мирный договор, по условиям которого преобладающая часть территории Белоруссии осталась под немецкой оккупацией. Лишь в ноябре 1918 года немцы под натиском красных оставили Белоруссию. Вместе с ними, опасаясь преследований со стороны большевиков, выехали владыки Георгий (Ярошевский) и Пантелеимон (Рожновский).

Летом 1919 года территория Белоруссии была оккупирована польскими войсками. Поляки стали проводить политику отторжения у православных тех храмов, которые, по их мнению, некогда являлись униатскими либо латинскими.

В это время Минскую кафедру занимал Преосвященный Мелхиседек (Паевский), прибывший в Белоруссию весной 1919 года. Первоначально он именовался епископом Слуцким, так как предполагалось, что его предшественник владыка Георгий вскоре может возвратиться в Минск.

На Полоцко-Витебскую кафедру в июле 1918 года был назначен епископ Иннокентий (Ястребов). Могилевскую по прежнему возглавлял владыка Константин (Булычев).

В марте 1921 года, по условиям Рижского договора, Белоруссия подверглась разделу между Польшей и Советской Россией. Ее западная часть вошла в состав II Речи Посполитой, а восточная оказалась в пределах СССР.

Православная Церковь в Восточной Белоруссии (1921–1939)

Самой широкомасштабной акцией советской власти против верующих в Восточной Белоруссии в начале 20-х годов явилась кампания по изъятию церковных ценностей, проводившаяся весной 1920 года под надуманным предлогом оказания помощи голодающим Поволжья. В результате в Советской Белоруссии было ограблено 1445 православных храмов.

За сопротивление изъятию церковных ценностей власти арестовали архиепископа Полоцкого и Витебского Иннокентия (Ястребова).

После того как в мае 1922 года власти арестовали Патриарха Тихона, в Могилевской и Полоцко-Витебской епархиях широкое распространение получили обновленцы. Среди них оказался и владыка Константин (Булычев). В дальнейшем он принес покаяние, но в декабре 1925 года вновь присоединился к раскольникам, на этот раз последовав за приверженцами архиепископа Екатеринбургского Григория (Яцковского).

В Минской епархии дело обстояло иначе: обновленчество не получило в ней широкого распространения. В июле 1922 года ее

духовенство во главе с епископом Мелхиседеком (Паевским) в стремлении не допустить захвата обновленцами местных храмов провозгласило автономию Белорусской Православной Церкви (по существу в границах Минской епархии). Тогда же владыка Мелхиседек был возведен в сан митрополита.

В марте 1923 года владыка Мелхиседек, в сослужении епископов Венедикта (Алентова) из Вяземска и Феофана (Березкина) из Гжатска, чтобы укрепить свои позиции в борьбе с обновленцами, хиротонисал себе в помощь трех викариев, на Борисовскую кафедру поставив епископа Феодосия (Раменского), на Слуцкую – владыку Николая (Шеметилло), на Мозырскую – епископа Иоанна (Пашина).

17–19 мая в Могилеве обновленцы провели так называемый «Первый Белорусский Областной Церковный Собор», на котором попытались объединить свои силы в борьбе с духовенством, сохранившим верность Патриарху.

Все большая часть духовенства стала оставлять обновленчество. В Могилевской епархии этому процессу способствовали викарные епископы Гомельские: Варлаам (Ряшенцев) и сменивший его в 1925 году Тихон (Шарапов).

За сопротивление обновленчеству в мае 1925 года епископ Тихон (Шарапов) был арестован и выслан из Белоруссии. В декабре 1925 года та же участь постигла и митрополита Мелхиседека (Паевского). Весной 1926 года из г. Петрикова, где он проживал, власти удалили владыку Иоанна (Пашина), вскоре приговорив его к трехлетней ссылке в Зырянский край.

В первой половине 1927 года при поддержке ОГПУ обновленцы активизировали свою деятельность в Минской епархии. С 1925 по 1935 год Минск вместо Могилева сделался их организационным центром. В нем проживал обновленческий митрополит Даниил (Громовенко).

После выхода в свет «Декларации» 1927 года митрополита Сергия (Страгородского) духовенство Минской епархии 9–10 августа 1927 года под председательством епископа Филарета (Раменского) провело епархиальный съезд, на котором заявило о провозглашении автокефалии Белорусской Православной Церкви.

Целью этого акта явилось стремление духовенства Минской епархии хотя бы временно обособиться от той смуты, которая поразила в этот период Русскую Православную Церковь.

Однако эта инициатива не встретила поддержки в Полоцко-Витебской и Могилевской епархиях.

Приезжавший в Витебск весной 1928 года Филарет (Раменский) не смог привлечь на свою сторону местное духовенство, так как не удовлетворил их пожелание о примирении с митрополитом Сергием (Страгородским), который запретил владыку Филарета в служении.

Твердым противником автокефалии выступил епископ Феодосий (Ващинский), в апреле 1929 года возглавивший кафедру в Могилеве.

После объявления автокефалии, в 1927–1935 годах, в Минской епархии одновременно существовали две православные иерархии: одну представляли епископы-автокефалисты Филарет (Раменский) и Николай (Шеметилло), другую, подчинявшуюся митрополиту Сергию (Страгородскому), поочередно возглавляли епископы: Арсений (Смоленец) (1927), Павел (Вильковский) (1927–1930) и архиепископ Феофан (Семеняко) (1931–1935).

Накануне коллективизации в мае 1929 года в Восточной Белоруссии действовало 1123 храма. Из них 424 церкви пребывали в юрисдикции митрополита Сергия и в основном размещались в Полоцко-Витебской и Могилевской епархиях; 386 церквей держались автокефалии и находились преимущественно в Минской епархии; 313 оставались в обновленчестве.

С весны 1929 года широчайший размах получила антирелигиозная пропаганда. По инициативе профессора С. Вольфсона и при поддержке первого секретаря ЦК КП(б) Б. К. Гея был создан Белорусский Антирелигиозный Университет. 9 июня 1929 года в Минске прошел «Первый Всебелорусский съезд безбожников».

Началась кампания массовых арестов духовенства и мирян, сопровождавшаяся закрытием православных храмов. В ходе этой кампании к началу 1932 года в Восточной Белоруссии из общего количества ранее действовавших храмов сохранилось около 500 церквей (включая обновленческие).

Весной 1932 года власти арестовали архиепископа Полоцкого и Витебского Николая (Покровского). Вместе с ним пострадала большая часть духовенства епархии.

С началом 1933 года последовала очередная волна гонений. На этот раз были арестованы: Могилевский епископ Феодосий (Ващинский) и Слуцкий владыка Николай (Шеметилло), а также

обновленцы: Витебский архиепископ Михаил (Постников), Мстиславский архиепископ Досифей (Степанов) и Слуцкий епископ Савватий (Засимович). Сотни священников и тысячи мирян в 1929–1933 годах были приговорены к различным срокам заключения (а часто и расстрелам).

После 1933 года количество действовавших в Восточной Белоруссии православных храмов исчислялось уже несколькими десятками.

В 1935 году власти арестовали группу духовенства, объединявшуюся вокруг архиепископа Минского Феофана (Семеняко). В том же году в результате тайных переговоров, состоявшихся между архиепископом Могилевским Павлином (Крошечкиным) и епископом Филаретом (Раменским), была упразднена автокефалия, провозглашенная в 1927 году.

Вскоре репрессиям подвергся обновленческий митрополит Даниил (Громовенко). Вместо него в Минск был назначен митрополит-обновленец Петр (Блинов).

Последний всплеск гонений дал знать о себе в 1937–1938 годах. Тогда погибли: Могилевский архиепископ Павлин (Крошечкин) и сменивший его на этой кафедре епископ Александр (Раевский). В ноябре 1937 года расстреляли епископа Филарета (Раменского). В мае 1938 года к высшей мере наказания приговорили Петра (Блинова).

Летом 1939 года в Восточной Белоруссии власти закрыли последний из официально действовавших православный храм, находившийся в Бобруйске. За исключением двух катакомбных церквей (в Могилеве и Гомеле) в Советской Белоруссии с лета 1939 до лета 1941 года богослужения по чину Православной Церкви не совершались больше нигде.

Православная Церковь в Западной Белоруссии (1921–1939)

Оказавшись в составе Польши, православное население Западной Белоруссии распределилось по трем епархиям. Виленскую возглавлял архиепископ Елевферий (Богоявленский), Гродненскую – Владимир (Тихоницкий), Пинскую и Полесскую – Пантелеимон (Рожновский). В Яблочинском Свято-Онуфриевском монастыре

проживал епископ Сергий (Королев), не получивший от польского правительства разрешения на занятие какой-либо кафедры.

В 1922 году по приглашению польских властей в Варшаву приехал архиепископ Георгий (Ярошевский), возглавивший православных жителей Польши. Вместе с епископом Кременецким Дионисием (Валединским), потворствуя домоганиям поляков, он взял курс на провозглашение автокефалии местной Православной Церкви.

Этот курс регламентировался т. н. «Временными Правилами», 30 января 1922 года изданными министерством исповеданий Польши.

На противников автокефалии польские власти воздвигли гонения. Владыка Елевферий был заключен на четыре месяца в католическом монастыре, а затем выслан в Каунас. Епископа Владимира (Тихоницкого) поселили в Дерманском католическом монастыре, а затем выслали из Польши в Чехию. Епископа Сергия (Королева) насильственно вывезли в Чехию. Епископа Пантелеимона (Рожновского) заточили в полуразрушенный Мелецкий монастырь на Волыни, а позднее перевели в Жировицы.

Противостояние между сторонниками и противниками автокефалии привело к трагедии: 8 февраля 1923 года архимандрит Смарагд (Латышенков) застрелил из револьвера, ставшего к тому времени митрополитом, Георгия (Ярошевского).

Вместо Георгия кафедру Варшавской митрополии занял его последователь архиепископ Дионисий (Валединский). На кафедру в Вильно им был назначен бывший Смоленский епископ Феодосий (Феодосьев). Пинскую епархию он поручил епископу Александру (Иноземцеву), Гродненскую – епископу Алексию (Громадскому).

Одним из первых совместных деяний нового епископата явилась попытка введения нового календаря.

На почве неприятия реформы люди перестали посещать храмы в те дни, когда в них совершалось богослужение по новому стилю. В августе 1924 года верующие получили право праздновать великие и местночтимые праздники по старому стилю.

Осенью 1924 года Константинопольский Патриарх Григорий VII издал Томос о даровании Православной Церкви в Польше автокефалии. 15 апреля 1925 года Синод Православной Церкви в Польше объявил местную Церковь автокефальной.

Дальнейшая политика властей Второй Речи Посполитой была направлена на всемерное ослабление позиций Православия.

С целью отторжения от Православной Церкви значительной части верующих римо-католиками была осуществлена попытка возрождения унии в форме восточного обряда.

В 1924 году в Альбертине, недалеко от Слонима, открыли униатский монастырь. По замыслу иезуитов римско-католическое духовенство должно было служить в этих храмах попеременно: то по латинскому обряду, то по греко-восточному.

Однако попытки распространить униатство в Западной Белоруссии закончились неудачно.

По сведениям на 1932 год, на территории Варшавской митрополии, включавшей пять епархий, действовал 31 униатский приход при 5668 человек, уклонившихся в унию.

Враждебное отношение к Православной Церкви власти Второй Речи Посполитой проявили, проводя политику т. н. ревиндикации. Так за первый год существования независимой Польши православные лишились около 400 церквей.

Невиданный шаг был предпринят католической иерархией Польши летом 1929 года. Она предъявила в Окружных судах 724 иска с требованием изъять у православных и передать римо-католикам сотни храмов.

После четрехлетнего рассмотрения исков Верховный Суд Польши в ноябре 1933 года отказал в их удовлетворении.

В 30-е годы Православная Церковь в Западной Белоруссии стала подвергаться интенсивной полонизации, а ее противники – суровым репрессиям. Власти потребовали от духовенства начать преподавание Закона Божьего по-польски. То же самое касалось проповедей и церковного делопроизводства.

Особую ретивость в этом отношении стал проявлять епископ Люблинский Савва (Советов). В 1934 году его назначили председателем Комиссии по переводу на польский язык церковнославянских богослужебных текстов. В 1936 году на польском были изданы последования Божественной Литургии св. Иоанна Златоустого, благодарственного молебна и панихиды. После этого митрополит Дионисий (Валединский) дал согласие служить по-польски в православных храмах в дни государственных праздников.

Видная роль в полонизации православных верующих Виленской епархии отводилась посвященному в 1938 году в викарные епископы Матфею (Семашко).

Для несогласных с проводившейся политикой в 1934 году в Березе-Картузской был создан один из первых в Восточной Европе концентрационых лагерей, куда направляли священнослужителей, высказывавших недовольство.

Эксперимент по распространению унии восточного обряда, процессы связанные с ревиндикацией православных храмов и полонизацией белорусского населения, завершились в 1938–1939 годах кампанией разрушения церквей. От этой акции пострадала прежде всего Холмщина, где среди бела дня было уничтожено около 150 православных храмов. В Гродно полному разрушению подвергся храм Святого Александра Невского. Эта кампания оборвалась только с началом Второй мировой войны.

Начало войны (1939–1941)

В результате вторжения 1 сентября 1939 года немецких войск Речь Посполитая прекратила свое существование. К 25 сентября Западная Белоруссия была занята перешедшей в свою очередь в наступление Красной Армией. Гродненский епископ Савва (Советов) и викарий Виленской епархии Матфей (Семашко), опасаясь преследований со стороны новых властей, бежали на запад. На своих кафедрах остались архиепископы: Виленский Феодосий (Феодосьев) и Пинский Александр (Иноземцев).

Население Западной Белоруссии, первоначально встретившее советские войска с нескрываемой радостью, спустя всего лишь несколько недель разуверилось в «освободителях», так как репрессии со стороны коммунистов по отношению к инакомыслящим не заставли себя долго ждать.

Тогда мученически пострадали: протоиерей Андрей Куц (убитый вместе с матушкой), священник Николай Недзведский, священник Киприан Климуц и многие другие.

Духовенство Западной Белоруссии было поставлено в жесткие условия выживания. Государство экспроприировало всю церковную землю, включая приусадебные участки священно- и церковнослужителей. Прихожане, пытавшиеся оказать помощь духовенству, подвергались незамедлительным преследованиям.

В отличие от Восточной Белоруссии, где церковная жизнь была совершенно разрушена, в западной ее части она находилась

в достаточно организованном состоянии. В пределах Виленской, Гродненской и Пинской епархий действовало около 800 храмов и пять монастырей. Вскоре после изгнания из Западной Белоруссии поляков в права Гродненского епархиального архиерея вступил архиепископ Пантелеимон (Рожновский).

Указом митрополита Сергия (Страгородского) от 17 октября 1939 года владыка Пантелеимон был назначен Экзархом Московской Патриархии над всеми новоприсоединенными тогда территориями и утвержден в качестве архиепископа Пинского и Новогрудского, но вскоре освобожден от обязанностей Экзарха (июль 1940 г.) и назначен правящим архиереем новообразованной Гродненско-Вилейской епархии, насчитывавшей 307 приходов.

Новым Экзархом для Западной Белоруссии и Западной Украины, вместо владыки Пантелеимона, был утвержден архиепископ Волынский и Луцкий Николай (Ярушевич). Из белорусских в состав Экзархата вошли две епархии: Гродненско-Вилейская и Пинско-Полесская.

После падения Польши значительная часть Виленской епархии оказалась в пределах Литовской республики. Воспользовавшись этим обстоятельством, в Вильно из Каунаса прибыл митрополит Елевферий (Богоявленский).

В конце 1940 года владыка Елевферий скоропостижно умер и на его место был назначен прибывший из Москвы Сергий (Воскресенский) с титулом «митрополит Виленский и Литовский, Экзарх Прибалтики».

Все это время советские власти готовились к репрессиям против неблагонадежного населения. По всей Западной Белоруссии ими были подготовлены железнодорожные составы для перевозки в Сибирь этой части граждан, среди которых было немало православных верующих. И тут вновь началась война. 22 июня 1941 года немецко-фашистские войска вторглись в пределы СССР.

Белорусская Церковь с 1941 по 1944 гг.

На седьмой день войны (28 июня) немецкие войска захватили Минск. К началу сентября 1941 года ими была оккупирована вся территория Белоруссии.

Война пробудила церковную жизнь в Восточной Белоруссии. Немецкие оккупационные власти не препятствовали открытию православных храмов, рассчитывая заручиться поддержкой местного населения.

Владыке Пантелеимону (Рожновскому) удалось договориться с немецкими властями о признании его главой Православной Церкви в Белоруссии при том условии, что он примет курс на объявление автокефалии местной Церкви. Как показало развитие событий в дальнейшем, он остался приверженцем единства с Московским Патриархатом и дал согласие на провозглашение автокефалии только в случае признания ее со стороны митрополита Сергия (Страгородского), а также других Предстоятелей Поместных Церквей.

Знаменательным событием в жизни Белорусской Православной Церкви явился Собор епископов, проходивший в Минске 3 и 9 марта 1942 года под председательством митрополита Пантелеимона. В нем участвовали епископы Венедикт и Филофей. С совещательным голосом на Соборе присутствовал архимандрит Афанасий (Мартос).

В связи с вхождением Гродненщины в пределы Восточной Пруссии, Собор принял решение о создании автономной Гродненской епархии.

Кроме того, решением Собора в Белоруссии были открыты епархии с центрами: в Минске, Могилеве, Новогрудке, Смоленске и Витебске.

Собор принял статут Православной Белорусской Церкви, в согласии с которым его участники избрали Священный Синод. Заседание Синода началось сразу же после окончания Собора. На нем был создан Учебный Комитет. В виду острой нехватки кадров духовенства предполагалось открыть краткосрочные пастырские курсы в Минске, Гродно и Жировицах. В конце заседаний Синода митрополит Пантелеимон объявил присутствующим, что под давлением немцев он вынужден передать управление Минской епархией владыке Филофею, а сам будет заниматься общими делами митрополии.

В условиях оккупации Белоруссия была разделена на несколько зон. Центральная часть страны (Минщина) входила в состав Генерального Комиссариата «Беларусь». Гродненщина был подчинена Пруссии. Витебщина и Могилевщина находились в прифронтовой полосе. Полесье и Брестчина были включены немцами в состав

рейхскомиссариата «Украина». Это разделение территории Белоруссии создавало трудности для церковной жизни.

В Новогрудке епископ Афанасий (Мартос) открыл пастырские курсы.

По имеющимся на сегодня сведениям, за годы войны советскими партизанами в Белоруссии было убито 42 православных священника.

Несмотря на угрозу, исходившую со стороны этих партизан, владыка Афанасий не соглашался и на сотрудничество с немцами. Рискуя жизнью, он категорически отказался от предложения возносить за богослужением имя Гитлера и раздавать в храмах листовки с призывом к патртизанам о сдаче в плен.

Большую опасность для православного духовенства Западной Белоруссии, наряду с советскими партизанами, представляли также польские формирования «Армии Краевой».

К 1943 году примерно 60% территории Белоруссии контролировали советские партизаны. Многие представители духовенства, проживавшие в сельской местности, оказывали им поддержку. Уничтожая партизан, немецкие каратели жестоко расправлялись также с местным населением и духовенством. В общей сложности за годы оккупации немецкими фашистами в Белоруссии был уничтожен 21 православный храм.

В обстановке поистине адских преследований, обрушившихся на духовенство Белоруссии с самых разных сторон, ему предстояло самоотверженно исполнять свой пастырский долг и меньше всего заботиться об объявлении пресловутой автокефалии, к которой настойчиво подталкивали местных епископов немцы и крайние белорусские националисты.

За сопротивление им 2 июня 1942 года митрополит Пантелеимон был арестован и заключен сотрудниками СД в Ляданском Благовещенском монастыре под Минском, а позже под присмотром агентов тайной полиции перевезен в Вилейку. Управление Церковью принял на себя архиепископ Филофей (Нарко).

30 августа 1942 года в Минске открылся так называемый «Всебелорусский Православный Собор». В его заседаниях приняли участие делегаты только от двух епархий: Минской и Новогрудской, всего 109 человек. От Гродненской, Витебской, и Могилевской епархий никто не прибыл, поэтому называть Собор «Всебелорусским» можно лишь условно.

Собор утвердил новый статут для Белорусской Православной Автокефальной Церкви, 113 параграф которого гласил, что: «каноническое объявление автокефалии последует после признания ее всеми автокефальными Православными Церквами». На Соборе был принят текст соответствующих писем на имя Предстоятелей Поместных Церквей, однако в условиях военного времени они, скорее всего, так и не дошли до адресатов и таким образом эта акция потерпела фиаско.

В 1944 году территория Полесья была присоединена к Генеральному комиссариату «Беларусь». На Полесье находились две епархии: Пинская и Брест-Литовская.

В середине мая 1944 года в Минске, по требованию немцев, чтобы местные иерархи высказались против возведения в Патриархи митрополита Сергия (Страгородского), прошел Собор епископов, на который прибыли все архиереи, служившие в Белоруссии. В то же время Собор осудил вмешательство в дела Церкви «Беларуской Центральной Рады» и поставил под сомнение легитимность автокефалии, формально объявленной в августе 1942 года.

Летом 1944 года вся территория Белоруссии была освобождена от фашистских захватчиков. Опасаясь преследований со стороны большевиков, в Германию выехали все белорусские епископы во главе с митрополитом Пантелеимоном. В дальнейшем, за исключением митрополита Александра (Иноземцева), они вошли в юрисдикцию Русской Православной Заграничной Церкви.

Несмотря на наисложнейшую обстановку военного времени за четыре года (1941–1944) в Восточной Белоруссии возобновили свою деятельность 306 православных храмов и сан священника приняли 213 человек.

Ко времени новых массовых гонений на Православную Церковь, инициированных в конце 50-х годов Хрущевым, эти восстановленные храмы помогли священникам и пастве перенести эти труднейшие испытания.

Церковь в конце войны и в послевоенный период (1945–1958)

В 1945 году в Белоруссии, вновь оказавшейся в пределах СССР, насчитывалось 1044 действующих православных храма.

После изгнания немцев на ее территории сохранилось четыре епископских кафедры: в Минске, Бресте, Гродно и Пинске. В административном отношении Вильнюс (Вильно) окончательно вошел в состав Литвы.

Хотя широкомасштабных репрессий со стороны властей против духовенства и не последовало, но отдельные случаи все же наблюдались. Среди арестованных оказались и те священнослужители, которые активно помогали советским партизанам в их борьбе с немецкими оккупантами.

В сентябре 1944 года Минскую кафедру занял, прибывший с Красной Армией, архиепископ Василий (Ратмиров). До войны он пребывал в обновленчестве. В 1939 году отрекся от сана и устроился на работу бухгалтером. В июле 1941 года, скрыв свое отречение, был принят митрополитом Сергием (Страгородским). В начальные годы войны занимая Калининскую кафедру, он активно сотрудничал с НКВД, под видом священнослужителей внедряя в среду духовенства на оккупированной немцами территории чекистов. В 1945 году Василий (Ратмиров) получил от советских властей согласие на открытие Пастырско-богословских курсов, начавших действовать в Жировицах. В декабре 1946 года Василий подал прошение об уходе на покой и вскоре был запрещен в священнослужении.

К 1952 году по требованию властей в Гродно, Бресте и Пинске епископские кафедры были упразднены. Действующей в Белоруссии осталась только одна – Минская епархия, правящим архиереем которой с начала 1947 года стал архиепископ Питирим (Свиридов).

Стараниями нового владыки Пастырско-богословские курсы в Жировицах 10 сентября 1947 года преобразовали в Минскую Духовную Семинарию (с четырехлетним сроком обучения).

Кратковременное существование епископских кафедр в Гродно, Бресте и Пинске (и более длительное функционирование ее в Минске) имело немаловажное значение для местной Церкви, так как благодаря этому в 1945–1953 годах при содействии пастырских курсов, действовавших в Жировицах, Гродно, Пинске, в иерейский сан было рукоположено 255 человек.

Взаимоотношения между атеистическим государством и Православной Церковью носили тогда крайне противоречивый характер. Предоставив Церкви определенные права, зафиксированные в

«Положении об управлении Русской Православной Церковью», принятом 31 января на Поместном Соборе 1945 года, государство сохраняло не только жесткий контроль над всеми проявлениями церковной жизнедеятельности, но исподволь неуклонно стремилось к тому, чтобы парализовать внутренний рост Церкви.

В 1950–1951 годах карательные органы осуществили серию арестов наиболее активных священнослужителей Белоруссии. Тогда пострадал не только архиепископ Даниил. К 25 годам исправительно-трудовых лагерей были приговорены иерей Стефан Вериго, протоиерей Матфей Крицук, протоиерей Евстафий Баслык. Тогда же арестовали иерея Корнилия Трашутина, протоиерея Серафима Баторевича, протоиерей Платона протоиерея Павла Кирика и других.

К 1953 году количество действовавших православных церквей в Белоруссии сократилось до 957. В них проходили служение 724 священника и 58 диаконов.

Своеобразным оазисом относительного оживления церковной жизни тех лет, если так можно выразиться, была Минская Духовная Семинария. Среди преподователей присутствовали выпускники дореволюционных Духовных Академий, богословского факультета Варшавского университета и те, кто получил духовное образование уже в стенах возрожденных в послевоенные годы духовных учебных заведений.

Условия жизни в семинарии, особенно в начальные годы ее существования, были непростыми. Будучи стеснены в жилищных условиях, учащиеся испытывали недостаток в продовольственном обеспечении. Они находились постоянно под наблюдением спецорганов.

Весьма благотворное влияние на церковную жизнь в Белоруссии 50-х годов оказывали три монастыря, находившиеся на ее территории: Жировицкий Успения Божией Матери (мужской), Полоцкий Преподобной Евфросинии и Гродненский Рождества Пресвятой Богородицы (женские).

Годы правления Хрущева (1958–1964)

Относительная нормализация отношений между государством и Православной Церковью завершилась в конце 50-х годов, когда

был принят ряд постановлений, имевших крайне негативные последствия для развития церковной жизни.

Постановлением Совета Министров СССР от 16 октября 1958 года «О монастырях в СССР» было дано указание не только сокращать размер земли, находившейся в их пользовании, но также начать процесс ликвидации действовавших монастырей.

Постановлением «О налоговом обложении доходов епархиальных управлений...» (от 16 октября 1958 г.) свечным мастерским предписывалось отпускать епархиям и приходам свечи по 200 рублей за килограмм и одновременно запрещалось повышать цены на свечи в храмах, что создавало ситуацию при которой приходские церкви вынуждены были приобретать свечи себе в убыток.

Постановлением ЦК КПСС от 13 января 1960 года «О ликвидации нарушения духовенством законодательства о культах» указывалось на необходимость начать массовое изъятие у православных общин причтовых домов и транспортных средств.

В Белоруссии местная советская номенклатура принялась исполнять их с особым рвением, ее представители обратились в вышестоящие органы с предложением о превращении Белоруссии в первую «безбожную» республику СССР.

В 1960 году в Белоруссии прекратили свою деятельность две обители: Полоцкая и Гродненская. Часть их насельниц переехали на жительство в Жировицкий монастырь, другие расселились по частным квартирам.

За один 1960 год в Белоруссии власти насильственным путем закрыли 219 православных храмов. Священники сопротивлявшиеся этому, изгонялись и отстранялись от служения.

Во многих случаях верующие старались защитить свои святыни от поругания, воспрепятствовать закрытию храмов. Так, в Воложине Минской области, несколько сотен жителей препятствовали разрушению Свято-Вознесенского храма. Людей таскали за руки и ноги по земле, награждая самыми жестокими пинками. В деревне Глазовка Гомельской области, при закрытии храма, между жителями деревни и милицией завязался рукопашный бой. Существует еще множество примеров.

Самой массовой формой протеста верующих в это время явились тысячи писем, которые направлялись ими в адрес советского руководства.

В июле 1961 года под давлением властей в Москве на Архиерейском Соборе было внесено очень важное изменение в «Положение об управлении Русской Православной Церковью», принятом в 1945 году. Оно касалось порядка управления приходской жизнью. Отныне заведование финансово-хозяйственной деятельностью православных общин всецело передавалось в ведение приходских исполнительных органов во главе с церковными старостами, среди которых нередко встречались агенты властей. Духовенство же полностью устранялось от заведывания подобного рода деятельностью.

Свою политику разрушения церковной жизни государство осуществляло через деятельность Уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви, которые имелись в каждой республике, каждой области.

В конце 50-х годов из официального органа-посредника (так сказать регистратора духовенства) этот Совет превратился в орган неофициального управления Московской Патриархией. Храмы и монастыри закрывались властями посредством устных распоряжений, которые отдавались Уполномоченными Совета местным архиереям или отцам благочинным, и таким образом государство в глазах общественности как-бы дистанцировалось, самоустранялось от творившегося беззакония.

Вопиющим нарушением советского законадательства о религии являлась незаконная регистрация Уполномоченными духовенства, сопровождавшаяся выдачей (или, наоборот, изъятием) так называемых справок, регистрационных карточек, позволявших священнику служить на приходе (либо лишавших его этой возможности).

Работа по регистрации угодных властям лиц проводилась Уполномоченными и среди членов приходских исполнительных органов и ревизионных комиссий.

С целью внесения еще большей дезорганизации в местную Церковь вплоть до середины 60-х годов власти широко практиковали частое перемещение священников с одного прихода на другой.

Та же практика частых перемещений с одной кафедры на другую, на этот раз в пределах огромной страны (СССР), затронула и архиереев. С1959 до мая 1965 года Минскую епархию поочередно окормляли шесть архипастырей!

В мае 1959 года в Минскую епархию был назначен митрополит Гурий (Егоров). В Минске владыка Гурий прослужил чуть более года.

К прискорбию следует отметить, что в издевательствах над седовласым архиереем, кроме властей, принимали участие также некоторые горе-священнослужители и отдельные прихожане Казанского храма.

По ночам к митрополиту захаживали чекисты, предварительно распорядившись, чтобы дома никого не было. Они пытались «уговорить» закрыть Казанский храм, но не смогли. Тогда в сентябре 1960 года владыку перевели на Ленинградскую кафедру.

В марте 1961 года в Минскую епархию прибыл новый митрополит Антоний (Кротевич). Он дал согласие и все документы подписал. Приходу объявили: церковь – на снос.

Митрополит Антоний (Кротевич) занимал Минскую кафедру неполных четыре месяца. Свое отношение к закрытию монастырей и храмов он однажды выразил в следующей, брошенной на ходу фразе: «Никаких мне монастырей не надо, мне хватит несколько церквей в Белоруссии». 5 июля 1961 года его отправили на покой.

Не лучшим кандидатом на занятие Минской кафедры после А. Кротевича оказался и сменивший его архиепископ Варлаам (Борисевич). Подавленный происходившим вокруг, он очень мало служил, зато регулярно занимался рыбалкой в то время, когда храмы в Белоруссии закрывались один за другим.

С целью парализовать занятия в единственном духовном учебном заведении Белоруссии с 1 января 1959 года Слонимский горпищеторг прекратил продажу хлеба и других продуктов Семинарии. На приходских священников, которые выдавали желающим поступить в семинарию соответствующие рекомендации, стало оказываться давление. «Разъяснительная» работа проводилась также с абитуриентами. В результате подобного рода действий властей с 1957 года наметился резкий спад прошений о зачислении.

Власти создали условия, в которых семинария не смогла существовать и была постепенно ликвидирована. В 1963 году состоялся последний (пятнадцатый) ее выпуск. Из стен осиротевшей школы вышло пять человек. На новый 1963/64 учебный год набор учащихся осуществить не удалось.

С 5 августа по 9 октября 1963 года (т. е. всего два месяца и пять дней) Минскую епархию возглавлял митрополит Никодим (Ротов).

В Белоруссию он приезжал только два раза. Оба его визита носили кратковременный характер.

В октябре 1963 года в права правящего архиерея Минской епархии вступил архиепископ Сергий (Петров). При нем практика перемещения духовенства с одного прихода на другой приобрела особенно частый и безжалостный характер.

Если приходские храмы в то тяжелое безвременье чаще всего закрывались и в них размещали различного рода учреждения (клубы, музеи, амбары и т. п.), то приписные (в том числе кладбищенские) церкви нередко разрушали до основания.

Так, например, была сожжена Свято-Варваринская кладбищенская церковь в Слуцке, тракторами разрушен Свято-Крестовоздвиженский приписной храм под Раковым, разломана церковь в урочище «Проща», недалеко от Осипович, и многие другие.

В ходе широкомасштабных гонений, которые испытала Православная Церковь в Белоруссии в 1958–1964 годах, на ее территории было закрыто около 500 храмов. Согласно сведениям на 1 января 1965 года, в пределах республики действующими оставались 420 храмов. Большинство из них (312) размещались в западных областях Белоруссии. В восточных областях после атеистического погрома уцелело 108 церквей. Количество священнослужителей в этот период сократилось с 742 до 431 человека.

Таков был печальный итог войны, которую государство вело с Церковью и собственными гражданами в годы пребывания у власти Хрущева.

Терпение и возрождение: Белоруссая Церковь с 1964 по 2000 г.

После снятия с поста 1 секретаря ЦК КПСС Хрущева (октябрь 1964) массовое закрытие православных храмов в Белоруссии прекратилось, однако время от времени под различными надуманными предлогами некоторые церкви властями все же ликвидировались. К 1970 году в БССР сохранилось 380 действующих храмов. К 1975 году их число сократилось до 373-х. Иногда наблюдались рецидивы разрушения церквей. В 1970 году по указанию местного сельсовета тракторами была до основания уничтожена древняя Свято-Ильинская церковь в с. Достоево на Пинщине.

В мае 1965 года Минскую кафедру занял епископ Антоний (Мельников). Основная проблема в этого время заключалась в острой нехватке кадров. Более чем тридцать приходов не имели своих постоянных священников.

В этот период в Минске действовало всего лишь два православных храма: Свято-Духов кафедральный собор и Свято-Александро-Невская кладбищенская церковь. В 1968 году власти решили закрыть храм на кладбище.

Добившись значительного сокращения количества действовавших в Белоруссии православных храмов, власти стремились как можно жестче оградить Церковь от влияния на общество. Но эти запреты вызывали обратную, крайне нежелательную для властей реакцию. Многие по-прежнему старались хоть изредка, но посещать храмы, особенно в дни важнейших христианских праздников и, прежде всего, на Святую Пасху. Накануне празднования Пасхи с целью отвлечь молодежь от посещения храмов в Домах культуры и школах регулярно из года в год устраивались шумные гулянья и зрелищные концерты. Тем не менее, тяга к Церкви в обществе не только сохранялась, но все более возрастала.

10 октября 1978 года Священный Синод Русской Православной Церкви назначил на Минскую кафедру митрополита Филарета (Вахромеева).

Прибытие в Белоруссию владыки Филарета стало предвестием грядущих перемен в местной церковной жизни. Он сумел настоять на открытии в 1980 году викарной кафедры в Пинске. По инициативе владыки митрополита в апреле 1984 года было установлено празднование Собору Белорусских святых. В 1985 году в Минске завершено строительство епархиального управления.

Многим памятное возрождение церковной жизни в Белоруссии началось после торжественного празднования 1000-летия Крещения Руси, к этому времени в пределах БССР действующими оставалось всего лишь 369 храмов.

В Белоруссии началось восстановление епископских кафедр. В Полоцке, Пинске и Могилеве это произошло в октябре 1989 года; в Гомеле и Бресте – в январе 1990 года; в Новогрудке и Гродно – в октябре 1991 года; в Турове и Витебске – в мае 1992 года. В 1989 году был учрежден Белорусский Экзархат, под духовным руководством владыки Филарета (назначенного Патриаршим Экзархом всея Беларуси), объединивший все епархии в единую

церковно-административную структуру. В том же году Церкви были возвращены Полоцкий Свято-Евфросиньевский и Гродненский Рождества Богородицы монастыри; с 1 сентября 1989 года возобновились занятия в Минской Духовной Семинарии, расположенной в Жировицах.

Знаменательной вехой в жизни местной Церкви явилось празднование в 1992 году еще одного юбилея: 1000-летия со времени основания древнейшей в Белоруссии Полоцкой епископской кафедры.

Отрадным событием в жизни верующих Белоруссии стал ряд канонизаций, совершенных в это время. В 1993 году к лику святых причислили архиепископа Могилевского Георгия (Конисского); в 1997 году – настоятеля Свято-Покровского храма деревни Корма Гомельской епархии протоиерея Иоанна Гашкевича; в 1999 году в Минской епархии были прославлены 23 священнослужителя-новомученика; в 2006 году канонизации сподобилась матушка Валентина (Сулковская); в 2007-м – схимонахиня Манефа (Скопичева).

В 1993 году в Жировицах была открыта Минская Духовная Академия. В Витебске (1998) и Слониме (2000) начали действовать духовные училища. При Белорусском Государственном Университете функционирует факультет теологии, с 1993 по 2004 год входивший в структуру Европейского гуманитарного университета. Проходят занятия в минской школе катехизаторов (1996) и регентской школе при Минском Духовном Училище (1998). В 2000 году начала действовать первая в белорусской истории школа церковных звонарей. При многих приходах имеются воскресные школы.

По сведениям на начало 2005 года, на территории республики действовало 1220 храмов (1325 приходских общин). К настоящему времени в ее пределах насчитывается 23 монастыря.

В Белорусском Экзархате конца XX–начала XXI века плодотворно развивается издательская деятельность. Во всех епархиальных центрах выходят свои периодические издания.

Возрождение церковной жизни в Белоруссии на рубеже XX–XXI столетий стало возможным благодаря крушению той социально-политической системы, основу идеологии которой составлял беспрецедентно воинствующий атеизм.

Это возрождение совершается в условиях формирования нового либерально-демократического общества, мировоззрение которого хотя и не является антирелигиозным, однако представляет собой

форму такого самосознания, которое все более секуляризируется и совершенно иначе в сравнении с религиозным мировосприятием оценивает призвание человека в мире.

Этот опыт ясно показывает, что даже самые жестокие преследования, вызванные богоборческими силами, не способны сокрушить в человеке животворящее стремление к познанию Того, Кто даровал ему жизнь на земле. А потому сохранение этого опыта, его изучение и, конечно, следование тем, кто олицетворяет его в нашей истории, не может не служить святым ориентиром в дальнейшем развитии церковной жизни на Белой Руси.

БИБЛИОГРАФИЯ

На английском языке

Bird Thomas E., *Orthodoxy in Byelorussia: 1917–1980*, Zapisy, vol. 17 (Byelorussian Institute of Arts and Sciences), New York, 1983.

На русском языке

Священник Кривонос, Ф., *Белорусская Православная Церковь в XX столетии*, Минск, Врата, 2008.

Священник Шиленок, Д., *Из истории Православной Церкви в Белоруссии (1922–1939)*, Москва, 2006.

Священник Свидерский, Е., *Православная Церковь в Белоруссии в период с 1978 по 2006*, Жировицы, 2004.

На белорусском языке

Белорусские религиозные деятели в XX веке: биографии, мартирологи, воспоминания, Гарбинский, Ю., (ред.), Минск-Мюнхен, 1999.

Архиепископ Афанасий (Мартос), *Материалы к истории Белорусской православной Церкви*, Жировицы, 2004.

Конфессии в Белоруссии (конец XVIII–XX вв.), авт. сост. Григорьева, В.В., Завальнюк, В. М., Новицкий, В. И., Филатова, А. М., научн. ред. Новицкий, В. И., Минск, 1998.

Касяк, И., *История Православной Церкви белорусского народа*, Нью-Йорк, 1956.

УКРАИНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В XX СТОЛЕТИИ

София СЕНИК

Революционные движения вне и внутри Церкви

В начале XX века Украинская Православная Церковь была лишь частью Православной Церкви Российской империи. Она насчитывала 9 епархий, не объединенных в общий округ. Как и во всей империи, жизнь Церкви внешне казалась цветущей. В такие важные ее центры, как Киево-Печерская Лавра или Почаевская Лавра с чудотворной иконой, потоком шли паломники.

Внимательные пастыри, однако, сознавали, что эта внешняя сторона церковной жизни и яркие проявления религиозных чувств таят существенные пробелы. Масса народа имела слишком слабое религиозное образование, и вера большинства была не настолько глубокой, чтобы компенсировать этот недостаток. Люди легко поддавались влиянию разного рода демагогов, будь то монархисты или социалисты, сектанты или, позднее, националисты. Богословские семинарии были заполнены учащимися, но многие из них, поповичи, вовсе не желали становиться священниками, а учились там лишь потому, что обучение в семинариях было для них бесплатным. Многие из них были носителями радикальных и подрывных настроений.

Конечно, в эту же эпоху наблюдались признаки подъема церковной жизни. В начале XX века Киевская Духовная академия достигла высокого уровня подготовки. Ее профессора ощущали необходимость открытия церковной культуры для мирян-интеллигентов и для общества в целом.

23 января 1908 г. ряд преподавателей Киевской Духовной академии вместе с университетскими преподавателями основали Религиозно-философское общество при Киевском университете. Его первым председателем был П. П. Кудрявцев, преподававший философию в духовной академии. Однако в 1912 г. Святейший Синод запретил церковным учебным заведениям участие в работе этого общества. Несмотря на это, в 1917 г. Киевское Религиозно-философское общество насчитывало около сотни членов, богословов, философов и других специалистов, для которых православие было не просто родной религиозной традицией, но традиций живой, могущей повести за собою всю общественность. В. И. Экземплярский, бывший профессор нравственного богословия в Киевской Духовной академии, ставший председателем Общества в 1912 г., издавал в 1916–1917 гг. ежемесячник «Христианская мысль», где публиковались доклады, прочитанные в Обществе, а также статьи его членов и членов религиозных обществ Петрограда и Москвы. Религиозно-философское общество действовало в Киеве до 1918 г.

До начала I Мировой войны митрополитами Киевскими были Феогност (Лебедев, 1900–1903) и Флавиан (Городецкий, 1903–1915). После кончины последнего 4 ноября 1915 г. митрополитом Киевским 23 ноября[1] 1915 гг. был поставлен Владимир (Богоявленский). В 1898–1912 гг. он был митрополитом Московским, затем Санкт-Петербургским, и, таким образом, первенствующим членом Святейшего Синода. Будучи монархистом и консерватором, он, однако, открыто критиковал распутинщину и поэтому был удален из столицы империи. Так как за ним сохранился пост первенствующего члена Святейшего Синода, до 1917 г. митрополит Владимир проводил большую часть своего времени в Санкт-Петербурге.

Среди других иерархов Украины наиболее выдающимся был Антоний Храповицкий, епископ, затем архиепископ Волынский (1902–1914), а с 1914 гг. митрополит Харьковский. Он был одним из самых образованных и прямых епископов Русской Православной Церкви, сторонником восстановления патриаршества и пламенным монархистом.

[1] До февраля 1918 даты указываются по юлианскому календарю, далее – по григорианскому.

Православная Церковь при трех украинских правительствах

После отречения царя Николая II была образована Украинская Центральная Рада во главе со знаменитым историком Михаилом Грушевским. В июне Рада провозгласила автономию Украины и сформировала правительство, руководимое социал-демократом В. Винниченко. Это решение было одобрено не всеми, и во время большевистской Октябрьской революции в Петрограде за власть в Украине спорили 3 группы: сторонники Временного правительства, сторонники Центральной Рады и сторонники большевиков. 19 ноября 1917 г. Рада провозгласила независимость Украины от России. Правительство Рады состояло, главным образом, из социалистов, которые считали религию частным делом и выступали за отделение Церкви от государства.

Общее недовольство синодальной бюрократией и революционная атмосфера побудили некоторых священников как в Украине, так и в России, предложить коренные перемены внутри Церкви. Февральская революция привела не только к политическим переменам, но и дала возможность группам священников действовать независимо от своих епископов, а часто и в оппозиции к ним. После принятия Святейшим Синодом указов о некоторых незамедлительных реформах в епархиях и приходах, как в Украине, так и в России, в апреле и мае проходили епархиальные собрания. Одной из целей этих собраний было избрание епископов. В Чернигове духовенство разделилось на сторонников отставки архиепископа Василия (Богоявленского) и тех, кто желал, чтобы он остался. В 1917 г. он был сначала выслан из Чернигова в Петроград местными властями, а затем низложен Святейшим Синодом.

Программа российского радикального духовенства, которая несколько позднее вылилась в движения «обновленцев» и «Живой Церкви», дополнялась на Украине голосами за отделение Украинской Церкви от Москвы. В начале 1917 г. группа радикально настроенных священников сформировала на Украине церковный комитет. В апреле 1917 г. епархиальное собрание одобрило предложенные комитетом меры борьбы за независимую (автокефальную) Украинскую Церковь и сформировало церковный совет (раду). Хотя собрание проходило по благословению митрополита

Владимира, его позиция была прямо противоположна требованиям собрания и церковной рады.

Епархиальное собрание в Киеве высказалось также за созыв всеукраинского церковного собора. Для подготовки собора был создан комитет. Его председателем стал епископ Уманский Димитрий (Вербицкий), один из помощников митрополита Киевского. После того как Святейший Синод в июне 1917 г. отказал в созыве всеукраинского собора, епископ Димитрий подал в отставку с поста председателя.

В октябре 1917 г. украинский Войсковой съезд поставил вопрос о созыве всеукраинского церковного собора и избрал комиссию в составе 30 человек – армейских священников и офицеров – для его подготовки. В ноябре эта комиссия и члены предыдущей сформировали Временную Раду Украинской Церкви. Рада провозгласила себя правящим органом Православной Церкви. Словно по иронии, иерархом, поддержавшим эту Раду, и ее почетным председателем стал архиепископ Владимирский и Суздальский Алексий (Дородницын), русский по национальности и назначенец Святейшего синода. В 1917 г. он был низложен за связи с Распутиным и вынужден был уехать в Украину. Поскольку позиция Рады становилась все более радикальной, архиепископ Алексий хотел вернуться в Москву, но Рада запретила ему это.

Временная церковная Рада, состоявшая из клириков и мирян «украинцев по происхождению и обязательно благожелательно настроенных по отношению к украинству», открыто противостояла епископату Украины. Она постановила послать во все консистории Украины комиссаров, – в основном, боевых офицеров.

Между тем, в августе, в Москве начался церковный собор всея Руси, и митрополит Владимир покинул Киев для участия в его работе. Церковная Рада была против возвращения Владимира в Киев.

На Московском соборе 1917–1918 гг. подробно обсуждался статус Украинской Церкви. Украинский вопрос был немедленно поднят, как только зашла речь о восстановлении патриаршества. Обсуждалось, усилит или остановит восстановление патриаршества тенденцию к автономии в Украинской Церкви. Многие участники собора считали одной из целей патриархата сохранение единства российской территории, неделимой России. Другие, будучи в оппозиции к патриархату, говорили о неверном будущем России: если дать патриарху титул «всея Руси», то через несколь-

ко месяцев этот титул может оказаться не соответствующим действительности. 5 ноября патриархом был избран Тихон. 30 ноября на особом собрании делегатов Московского собора встал вопрос о проведении отдельного собора Украинской Церкви, и было единогласно решено провести такой собор. Российский собор одобрил это решение, а также предложение послать делегацию в Киев, чтобы огласить это решение и обсудить с Центральной Радой и с местными церковными организациями возможность созыва Украинского собора.

Между тем Рада Украинской Церкви, по собственной инициативе, и не спрашивая мнения иерархии, уже назначила такой собор на 28 декабря 1917 г. В декларации церковной Рады о созыве собора были уже обозначены вопросы, которые надлежало на нем обсудить. Декларация Рады была откровенно враждебна патриархату, видя в нем «самодержца духовного», готового «бросить и наш украинский народ в новое духовное рабство», и выступала за автокефалию, требуя, чтобы все делегаты собора имели мандаты от избирателей и письменное заверение в том, что они являются «украинцами по происхождению и обязательно благожелательно настроенными по отношению к украинству». Делегаты Московского собора, особенно делегаты от Украины, надеялись, что их одобрение Украинского собора и присоединение к требованию его созыва позволит им удержать этот собор в канонических рамках и избежать самопровозглашенной украинской автокефалии. Патриарх Тихон требовал от всех епископов, имеющих кафедру в Украине, вернуться туда во время святочного перерыва в работе Всероссийского собора для участия в работе Всеукраинского собора. Он назначил митрополита Одесского Платона (Рождественского) своим представителем на этом соборе. Из-за опоздания многих делегатов собор открылся, фактически, 7 января 1918 г. и продолжался до 18 января. Вторично он собрался летом и в третий раз, срочно, в октябре. Этот собор был организован по той же схеме, что и российский. В его работе участвовали все епископы Украины, а также духовенство и миряне, представители округов, епархиальных городов, монастырей и духовных семинарий, делегаты от армии. Почетным председателем собора был митрополит Владимир.

Был поднят вопрос об автокефалии, но большинство делегатов предпочли сохранить связь с Московским патриархатом. Собор образовал комиссию по переводу богослужебных текстов на

украинский язык, но не принял формальных постановлений, будучи, в сущности, вынужденным поспешно отложить свою работу из-за наступления большевиков на Киев.

Собор Украинской Церкви продолжил работу 20 июня–11 июля 1918 г. 250 голосами против 80 собор высказался за автономный статус Украинской Церкви при сохранении связи с Московским патриархатом.

Между тем в декабре 1917 г. большевики создали альтернативное правительство в Харькове, и вспыхнула гражданская война. В январе 1918 г. войска Центральной Рады начали отступать к Киеву под натиском большевиков. В то время, как на улицах Киева шли бои за город, вечером 25 января 1918 г. митрополит Владимир был арестован в своих покоях в Киево-Печерской Лавре людьми в военной форме, выведен на прилегающую улицу и убит. Он стал первомучеником начинающегося гонения.

Центральная Рада пыталась сопротивляться, но 29 апреля 1918 г. путем переворота и с помощью немецких войск власть взял Павел Скоропадский, бывший офицер царской армии. Он утвердил автокефалию Украинской Православной Церкви (УПЦ), и вскоре его правительство стало сильно вмешиваться в церковную политику при помощи министерства вероисповеданий, которое стремилось навязать Церкви свою программу.

Во многих регионах Российской империи радикально настроенные священники и руководимые ими миряне вступили в конфликт со своими епископами. В Украине этот конфликт осложнился национальным фактором. Крупнейшие культурные и политические деятели, интеллигенция, были в большинстве чужды Церкви и религии. Они, в частности, полагали, что Православная Церковь в Украине русифицирована, и, видя в Церкви только орудие для достижения независимости Украины от России, они всячески поддерживали священников, провозглашавших независимость от Русской Церкви. Одним из самых горячих был Александр Лотоцкий, надрывно описывавший русификацию всей иерархии в Украине и призывавший к автокефалии.

Таким образом, внутри Украинской Церкви проявилось движение, для которого был характерен обостренный национализм, радикализм на уровне церковных реформ и. отчасти, фундаменталистское рвение. В этом движении не стоит искать богословских принципов и канонических норм. Все религиозное было запутано

призывами к реформам – безо всякого внимания к православному богословскому и каноническому преданию – и националистическими лозунгами. Автокефалистское движение так же мало интересовалось возрождением Церкви, как обновленческое; единственной его целью было «украинизированное» богослужение.

Согласно постановлению Всероссийского церковного собора о выборах епископов, епархиальное собрание в мае 1918 г. избрало митрополита Харьковского Антония митрополитом Киевским. Избрание Антония было отрицательно воспринято политическими группами, так как он был противником независимости Украины и автокефалии Украинской Церкви.

Осенью 1918 г. Александр Лотоцкий, став новым министром вероисповеданий, объявил, что правительство намерено добиться церковной автокефалии, что вызвало бы еще более острый конфликт между государством и Церковью, если бы Скоропадский 15 ноября не провозгласил федерацию Украины с Россией, вступив в союз с русским белым движением, сформировавшимся на юге страны. В этой перспективе Скоропадскому пришлось изменить свою программу в том, что касалось Церкви. Однако правительство Скоропадского, против которого были и националисты, и большевики, скоро пало; 14 декабря 1918 г. Скоропадский подал в отставку. Новое правительство, взявшее власть в Киеве в декабре 1918 г., – Директория, возглавляемая Симоном Петлюрой, – 2 января 1919 г. провозгласило автокефалию Украинской Православной Церкви. Эта декларация не имела практических последствий, хотя правительство Петлюры арестовало в декабре митрополита Киевского Антония (Храповицкого), его помощника епископа Никодима (Кроткова), а также архиепископа Волынского Евлогия (Георгиевского) и передало их полякам.

Петлюровская Директория была таким же непрочным правительством, как два предыдущих, хотя формально она исчезла только в мае 1920 г. Армия Петлюры была скоро разбита коммунистами. 18 декабря 1918 г. была провозглашена Украинская Советская Социалистическая Республика. В феврале Киев был взят большевиками, а 14 февраля Советская Украина провозгласила федерацию с рабоче-крестьянской Российской Республикой. В августе–декабре 1919 г. Киев был в руках белых, с которыми туда вернулся митрополит Антоний. Он отлучил священников, выступавших за автокефалию, но разрешил богослужение на украинском языке в своей

домовой церкви при митрополичьем доме в ограде Софийского собора. Когда в декабре 1919 г. в Киев вернулись большевики, вновь усилилось движение за автокефалию. Коммунистический режим, как и в России, готов был поддерживать всякое движение, раскалывающее изнутри Православную Церковь, поэтому он сначала поддержал и автокефалов, подрывавших основы Церкви.

Самопровозглашенная и самосвятская автокефалия

Многие иерархи в Украине поддерживали белых и, когда те отступили, последовали за ними. Уехали митрополит Антоний (Храповицкий), митрополит Одесский Платон (Рождественский), архиепископ Волынский Евлогий (Георгиевский), архиепископ Полтавский Феофан (Быстров).

Поскольку Украинская Православная Церковь, согласно постановлению Московского собора, была автономной, то в случае кончины своего предстоятеля, она имела право избирать его преемника. Однако митрополит Антоний (Храповицкий) не скончался и не отрекся, хотя и находился за пределами страны, а стало быть, новый митрополит не мог быть избран. Таким образом, патриарх Тихон назначил экзархом Украины архиепископа Гродненского Михаила (Ермакова). До его назначения Киевской Церковью управлял викарный епископ Назарий (Блинов). Назарий был мало знаком с положением на Украине, и его отношения со сторонниками автокефалии постоянно ухудшались.

Другими вдовствующими епархиями также управляли викарные епископы. С 1917 г., вскоре после создания Центральной Рады, протоиерей Василий Липковский начал в Киеве работу по организации Украинской Православной Церкви, выводя на первый план ее «украинство». Эта Церковь должна была опираться на три принципа: 1) она должна была быть свободной и автокефальной, 2) управление Церковью должно было осуществляться всеми ее членами (т. е. Церковь должна была быть «соборноправной»), 3) она должна была быть живой и творческой, и жизнь Церкви, основанная на православной вере, должна была иметь национальные черты, «чтобы заменить мертвый консерватизм живым творчеством». Одним из основных требований было использование украинского языка в богослужении.

В Украине насчитывалось 9000 православных приходских священников. Очень немногие из них сочувствовали националистическому движению, и их невозможно было втянуть в дело автокефалии на основе политических лозунгов. Однако, как и в России, здесь созревали семена церковного раздора, так как многие священники, особенно образованные монахи, были настроены против иерархии. Вспыхнувшее движение за автокефалию обещало улучшить условия жизни духовенства и обеспечить священникам защиту от самовластья епископов. Сначала это движение получило значительную поддержку среди духовенства.

Вместо того, чтобы искать канонические пути к автокефалии, движение, возглавляемое Липковским, предпочло конфронтацию с иерархией. Сторонники автокефалии критиковали Русскую Православную Церковь за ее тесные связи с царизмом, однако сами охотно обращались к политическим силам за поддержкой своей программы и стремились опереться на сменявшие друг друга правительства Украины. Центральная Рада не интересовалась церковными делами и вмешалась в них уже под конец своего существования. Скоропадский словно бы и сочувствовал автокефалии, но был слишком зависим от российских консервативных сил, чтобы оказать ей полную поддержку. Активно поддерживала автокефалию только Директория, но она продержалась недолго.

Вопрос об автокефалии возникал вновь и вновь в течение всего XX века. Сама по себе автокефалия – законная и нормальная ступень в развитии Православной Церкви, но, к несчастью, в Украине этот вопрос постоянно ставился в связи с политической и идеологической борьбой, причем ставился зачастую людьми, имеющими к Церкви лишь косвенное отношение, а то и вовсе внецерковными. Эти люди стремились использовать национальные чувства верующих в политических или личных целях. Так было после революции, затем в 1920-х, 1940-х и, наконец, 1990-х гг.

Когда рассеялись надежды на создание автокефальной Церкви по воле правительства, перед сторонниками автокефалии встал выбор: либо добиться своей цели постепенно, каноническим путем, либо провозгласить ее, порвав с Московским патриархатом и опираясь на чувства толпы. Они выбрали второе, но просчитались.

Когда – в 1919 г. ненадолго, а в 1920 надолго – к власти пришли большевики, церковные раздоры приняли иной оборот. Советский режим был откровенно безбожным, враждебным всякой религии,

но новое законодательство и стремление новых властей ослабить Православную Церковь оказались благоприятным для создания автокефальной Церкви «рывком».

Согласно тогдашнему закону, 20 (позднее 15) человек имели право создать религиозную общину и могли требовать разрешения использовать национализированное церковное здание. Власти тем более легко давали такое разрешение, что это наносило прямой удар по Православной Церкви. В апреле 1919 г. Всеукраинская церковная рада зарегистрировала по советским законам «украинские приходы».

Регистрируя эти приходы с их уставами, Рада совершенно не считалась с иерархией и вела переговоры непосредственно с правительством. Ее действия лишь усугубили внутрицерковный раздор. Патриарх Тихон призвал обе стороны к сдержанности и терпению. Однако летом 1919 г. в Киеве появились 3 новых прихода, одним из которых был Софийский собор. Захват Софийского собора сторонниками автокефалии стал роковым ударом для епископа Назария, тогдашнего Киевского местоблюстителя. Он отстранил от служения всех священников, связанных с Радой, и запретил богослужение на украинском языке. Возможно, он полагал, что эта мера отрезвит духовенство и вернет его к повиновению иерархии. Но сторонники автокефалии ответили на это открытым расколом. Епископ Полтавский Парфений попробовал вмешаться и просил епископа Назария разрешить богослужение на украинском языке. Узнав об этих событиях, патриарх Тихон принял решение создать в Киеве специальную комиссию для перевода богослужебных текстов на украинский язык.

5 мая 1920 г., накануне занятия Киева украинско-польской армией, удержавшейся там лишь до июня, Всеукраинская церковная рада провозгласила автокефалию Украинской Православной Церкви. Она порвала всякую связь с Русской Православной Церковью и оповестила об этом население в длинном «Первом послании». В послании Рада объявляла, что с этого дня не имеет больше епископов и что верующие должны слушаться только ее указаний.

Сначала автокефальное движение имело большой успех, во всех крупных городах и во многих селах открылись его приходы. Когда людей без особых объяснений спрашивали: «Хотите русскую Церковь или украинскую?», они отвечали: «Хотим украинскую». Та же тактика использовалась раскольниками и позднее, в 1940-х, а затем

и в 1990-х гг. Однако большинство священников осталось верным Православной Церкви Московского патриархата. Поскольку у автокефалов не было епископов, которые рукополагали бы им священников, у них скоро возник острый недостаток в духовенстве.

Осенью 1920 г. Рада направила своего председателя М. Мороза и протоиерея Василия Липковского к архиепископу Полтавскому Парфению (Левицкому) с просьбой возглавить автокефальную Церковь. Стараясь не допустить окончательного раскола, епископ Парфений согласился «заняться» автокефальными приходами и рукоположить для них священников. 21 августа Парфений дал Раде и ее приходам свое благословение «для работы над созданием соборноправной и независимой Украинской Церкви, где использовался бы родной язык украинцев, их обычаи и обряды». Он рукоположил 30 священников, но с 1920 г. прекратил рукоположение и всякую связь с автокефалами.

Затем Рада принялась активно искать епископа, который возглавил бы ее движение или, по крайней мере, рукоположил бы для этого епископов, однако не нашла такого.

В феврале 1921 г. на заседании синода Украинская Православная Церковь запретила в служении всех священников, принадлежавших к автокефалистскому движению, и отлучила поддерживавших его мирян. В ответ 27–29 апреля 1921 г. было организовано «предсоборное подготовительное собрание» представителей автокефалистских приходов Киева. На нем был принят ряд решений, положивших основание автокефальной Церкви. Все члены Церкви получали право участвовать во всех ее делах, с прежним епископатом порывались отношения, и было принято обращение к епископу Парфению с просьбой рукоположить новых епископов. В Киеве был создан комитет по переводу богослужебных книг на украинский язык во главе с экзархом Михаилом, но его подвергли бойкоту. Приходской совет совершал разводы по согласованию со Всеукраинской церковной Радой; женатый человек мог стать епископом; в вопросах брака и развода духовенство было уравнено с мирянами, т. е. рукоположенные священники могли жениться вторично.

В мае Рада приняла решение о принятии Советской власти, выражая ей благодарность за гарантию свободы Церкви и объявляла епископов низложенными. Однако автокефалистское движение оставалось без руководителя: ни один епископ не соглашался его возглавить.

Церковная Рада созвала Всеукраинский собор, который состоялся 14–30 октября 1921 г. В его работе участвовали представители духовенства и мирян. Заседания собора проходили в Софийском соборе.

Собор исповедал веру семи Вселенских соборов, объявив, что его новые каноны «не отменяют прежних, но являются их органическим развитием». Отменялся «епископско-самовластный» способ управления Церковью, порабощенной, по мнению собора, монархической формой правления. Синоды, в которых представлены лишь епископы, «не позволяют Церкви жить полной жизнью», и должны быть заменены синодами, представляющими весь народ. Следовательно, периодически должны быть созываемы синоды всеукраинской Церкви, состоящие из епископов и представителей приходов. Если отбросить риторику, в этом не было ничего столь уж революционного, однако другими своими решениями собор поставил себя вне православного общения.

Собор избрал митрополита и 12 епископов, а также постановил избирать епископа через специально придуманный «александрийский» обряд. 21 октября были рукоположены два протоиерея, Василий Липковский и Нестор Шараевский, – первый в «митрополита Киевского»: все присутствовавшие выстроились в цепь, каждый возложил руки на того, кто стоял перед ним. Цепь кончалась 12 диаконами и 30 священниками, возлагавшими руки на двух кандидатов. Последние затем «рукополагали» других епископов. Это антиканоническое и совершенно не православное рукоположение, равно как другие деяния собора, коренным образом противоречившие православному преданию, привели к тому, что даже давние сторонники автокефалии покинули собор и вышли из движения.

Собор принял уставы т. н. Украинской Автокефальной Православной Церкви (УАПЦ), столь же радикальные, как рукоположение. Они были составлены в духе апрельского собрания. Вопреки православному преданию они допускали брак епископов и второй брак священников. Иеромонахи, желающие стать епископами, должны были оставить монастырь и жениться. Отсюда видно, как далеко отошла эта «самосвятская» группа от православного предания (не говоря уже о ее «рукоположении»). От монахов требовалось активное участие в пастырской и общественной жизни, что обличает совершенное непонимание монашества и попросту отрицает его.

В течение 10 месяцев после создания УАПЦ Липковский рукоположил 20 епископов и около 1000 священников. УАПЦ насчитывала 2000–3000 приходов. Теперь возникли внутренние проблемы, вызванные огромным количеством новых «священников» без богословского образования и понимания того, что такое Церковь. Идеология УАПЦ была построена на националистических лозунгах. Если призывы к церковной независимости и богослужению на родном языке привлекли к движению за автокефалию многих людей, воспламененных революционными лозунгами, то антиканонические действия автокефалов, схожие с действиями российских и украинских обновленцев, привели к тому, что православные верующие скоро отвернулись от этого движения.

Кроме того, в середине 1920-х гг. многие из наскоро рукоположенных священников оставили свои обязанности, вновь стали мирянами и публично заявили о том, что в Бога не веруют, а рукоположение приняли только затем, чтобы заработать на жизнь.

Советскому режиму очень скоро стало ясно, что он не нуждается более в автокефалах, которые выполнили свою задачу, внеся разброд в Православную Церковь, после чего утратили влияние.

Кроме того, в Украине имелись и обновленцы. С середины 1920-х гг. они объединились в автокефальную синодальную церковь и могли быть использованы для создания разделений и смут среди православных. И кстати, в отличие от автокефалов, обновленцев нельзя было обвинить в контрреволюции.

Секретный протокол заседания Комиссии по проведению отделения Церкви от государства от 31 октября 1922 г. отмечает, что комиссия рекомендует не поддерживать автокефалию национальной Церкви. К концу марта 1923 г. Липковский и другие автокефальные иерархи были несколько раз арестованы и освобождены.

В течение 1928 г. УАПЦ в какой-то мере поддерживалась. В 1927 г. по указанию советской власти Липковский был отстранен от руководства УАПЦ.

В период наибольшего своего успеха обновленцы контролировали до 3000 приходов. Но эта статистика не дает достоверной информации о присоединении народа к этому движению (то же касается и автокефалов). Чтобы создать приход одной из этих юрисдикций, требовалось не более 20 человек. Движение, основанное на политических или идеологических началах и противоречащее православным канонам, не могло долго пользоваться поддержкой

православного населения. К середине 1920-х гг. обновленческие общины стали возвращаться в лоно Православной Церкви.

В 1927 г., когда советская власть признала законной Русскую Православную Церковь, большая часть верующих в Украине, как и в России, вернулась в «патриаршую» Церковь, а в 1936–1937 гг. синодальная обновленческая Церковь была разогнана.

Гонение и мученичество

Православная Церковь в Украине рассчитывала созвать в 1924 г. всеукраинский собор для поиска средств преодоления автокефалистских и обновленческих расколов, но этого не допустила власть.

Экзарх Украины Михаил (Ермаков) то находился под арестом, то был лишен возможности осуществлять управление. Режим видел в нем препятствие для распространения обновленчества, иначе говоря, главного противника разъединения Православной Церкви. 30 марта 1929 г. экзарх Михаил скончался.

В 1920-х гг. и до 1937 г. в Киеве вокруг многих священников формировались общины верующих. До 1930 г. эти общины, созданные на основе бывших приходов, могли действовать не только на религиозном, но и на общественном уровне, оказывая помощь заключенным и неимущим.

С 1930 г. гонения усилились. Советское правительство сделало Харьков столицей Украины, и, таким образом, после кончины экзарха Михаила, исполнявшего обязанности местоблюстителя патриаршего престола, митрополит Сергий (Страгородский) 12 ноября 1927 г. назначил экзархом Украины архиепископа Харьковского и Ахтырского Константина (Дьякова). Когда, в 1934 г., правительство Советской Украины перенесло столицу в Киев, экзарх Константин (Дьяков), в 1935 г., также перебрался туда. Собор и большинство храмов были закрыты, а некоторые разрушены, и собором служил маленький храм у вокзала. 31 октября 1937 г. 73-летний митрополит был арестован по обвинению в том, что стоял во главе «антисоветской фашистской контрреволюционной организации церковников-тихоновцев», развернувшей широкую деятельность на Украине. Он умер во время допроса в ночь с 9 на 10 ноября 1937 г. 21 октября были арестованы два неотрекшихся священни-

ка, живших еще в Киеве: бывший профессор Киевской Духовной академии Александр Глаголев, вскоре скончавшийся в тюрьме при невыясненных поныне обстоятельствах, и 78-летний Михаил Едлинский, расстрелянный 17 ноября 1937 г. Оба священника были известны милосердием и неустанной пастырской работой при усиливавшихся утеснениях.

Во всех епархиях епископов и клириков преследовали, арестовывали, бросали в тюрьмы и ссылали в лагеря.

В 1928 г. на Одесскую кафедру был назначен архиепископ Анатолий (Грисюк), ориенталист, специалист по сирийскому монашеству, бывший архиепископ Саратовский, уже прошедший через тюрьму, пытки и 7 лет Соловков. Человек глубокой духовности, закаленный в гонениях, хотя и подорванный физически, он окормлял свою паству во все более трудных условиях. Когда он служил, в храм приходили толпы верующих. Отказавшись прервать богослужение по приказу местного руководителя, он был арестован 27 июля 1936 г. Приговоренный к заключению в лагере, он был вынужден, несмотря на инвалидность, пройти пешком весь путь к месту наказания. В лагере он скоро попал в санчасть и умер, когда с него пытались снять нательный крест. Умирая, он из последних сил сжал в руках этот символ победы над смертью.

Епископы, остававшиеся на свободе, были все арестованы в 1937 г. В 1937–1938 гг. были арестованы почти все священники. В большинстве они были приговорены к смертной казни и расстреляны. В 1939 г. в Украине не оставалось ни одного епископа и было только 100 священников. В Киевской епархии оставались открытыми только 2 храма, в которых служили 3 священника и 1 диакон, между тем как в 1917 г. храмов было 1710, священников 1435, а диаконов 277.

Монашество подверглось атаке со стороны революционеров уже в 1917 г. Голодные, возбужденные революционными лозунгами крестьяне во многих районах не довольствовались разделом помещичьей земли, а требовали и монастырской, и приходской. В сентябре 1917 г. многие монастыри Киевской епархии – Выдубицкий, Китаевский – были разграблены, а монахи подверглись издевательствам. Тогда же от распропагандированных солдат понесла ущерб Почаевская Лавра. Еще более жесткий удар был нанесен автокефалами и обновленцами, не понимавшими внутренней ценности монашеской жизни. Наконец, большевики принялись просто

закрывать монастыри. Как и в России, некоторым монастырям удалось выстоять в течение нескольких лет, реорганизовавшись в кооперативы.

Немецкая оккупация и Православная Церковь

После начала II Мировой войны Западная Украина, а в сентябре 1941 г. Киев и Восточная Украина были оккупированы немцами. Используя недовольство населения советской антирелигиозной политикой, они предоставили Церкви и религиозным организациям некоторую свободу. В целях пронацистской пропаганды в первые месяцы немецкой оккупации были открыты тысячи храмов.

Украинский рейхскомиссариат, созданный немцами в 1941 г., включал почти всю украинскую территорию, на которой православие было господствующей религией.

Западная Волынь в межвоенный период была частью второй Речи Посполитой, а остальную часть рейхскомиссариата составляла Советская Украина. В 1941 г. на территории рейхскомиссариата было 7 православных епископов. 18 августа 1941 г. в Почаевской Лавре состоялся поместный церковный собор под председательством архиепископа Волынского Алексия (Громадского). Большинство епископов искали канонического решения, приемлемого для их Церквей – Польской Православной Церкви и Московского патриархата. Несмотря на невозможность сохранить контакт с патриархатом, большинство епископов желало поддерживать канонические связи и избрало Алексия митрополитом. Созданная таким образом Церковь была известна как Автономная Украинская Православная Церковь Московского патриархата, согласно постановлению собора 1917–1918 гг. об автономном статусе Украинской Церкви.

Епископ Житомирский Поликарп (Сикорский) и епископ Пинский Александр (Иноземцев) отказались участвовать в этом соборе. Поликарп, в частности, хотел восстановить УАПЦ 1920-х гг. Автокефалов поддерживал митрополит Варшавский Дионисий (Валединский), русский по национальности, а также немецкие власти, которые, как и советские, проводили политику ослабления и разделения Православной Церкви.

24 декабря 1941 г. Дионисий назначил Поликарпа «администратором» Украинской Православной Церкви на оккупированных

(«освобожденных») немцами территориях. В феврале 1942 г. оба епископа рукоположили еще трех. В момент своего высшего подъема автокефальная Церковь насчитывала 15 иерархов, среди которых был Стефан Скрыпник, племянник Симона Петлюры.

Он был депутатом польского сейма, затем, в 1941 г., стал представителем рейхсминистерства на территориях, оккупированных группой армий «Юг» и на всей оккупированной Украине. С ним консультировались по вопросам организации гражданской администрации. Став монахом, он принял имя Мстислав, а затем, 14 мая 1942 г., был поспешно рукоположен во епископа Переяславского. О нем еще будет речь.

Собор этой автокефальной Церкви постановил набирать неканоническим путем священников из бывшей УАПЦ, т. н. «самосвятов» или «липковцев», не рукополагая их заново. Новая автокефальная Церковь унаследовала идеологию от своей предшественницы и действовала столь же независимо от церковных канонов, рукополагая во епископы женатых. Неудивительно, что монахи во многих возродившихся монастырях, чьей заботой всегда было сохранение церковного предания, не имели с этой Церковью ничего общего.

При немецкой оккупации, как и в СССР, поддержка, оказываемая раскольникам со стороны власти, не могла привлечь на их сторону большинство православного народа. К тому же, эта вторая автокефалия никогда не возникла бы без помощи немецкой администрации.

Осенью 1941 г. немцы полагали, что 55% православных находятся на стороне автономной Церкви, а около 40% поддерживают автокефалию. Скоро стало ясно, что процент сторонников автономной Церкви выше. Большинство верующих имели церковные понятия и не принимали священников-«самосвятов». Кроме того, большинство верующих, к удивлению интеллигентов, считавших единственной целью Церкви удовлетворение национальных требований, предпочитали в качестве богослужебного славянский язык украинскому и были против других нововведений автокефалов. Так как для последних украинский язык был одним из главных принципов, между тем как автономная Церковь предоставляла выбор языка каждой общине, верующие предпочитали автономную Церковь.

В мае 1943 г. митрополит автономной Церкви Алексий (Громадский) был убит воинами Украинской Повстанческой Армии. Украинские партизаны-националисты совершали нападения на

приходы автономной Церкви на Волыни. В июне-июле 1943 г. были убиты многие священники. Многие приходы, запуганные угрозами, перешли тогда в автокефальную Церковь.

В апреле 1944 г. большинство епископов-автокефалов на тайном собрании избрало митрополита Варшавского Дионисия патриархом Украины. Они рассчитывали на победу англичан и американцев, которые освободили бы Украину от нацистов и коммунистов и предоставили бы ей независимость. Мстислав Скрипник даже тогда оставался лоялен к немецкому режиму и сообщил немецким властям о тайных выборах. Надежды автокефалов оказались тщетными, и при наступлении советских войск все они бежали с Украины на Запад.

Поглощение Украинской Греко-Католической Церкви Московским патриархатом

В Украинской Греко-Католической Церкви (УГКЦ) движение за возвращение в православие началось во второй половине XIX века. Сталин решил использовать это тяготение к православию для расправы с УГКЦ, особо ненавистной ему за национализм и связь с Ватиканом.

Согласно историку, использование Русской Православной Церкви в качестве орудия безбожного режима было ее бедой, а не виной.

Приблизительно с марта 1945 г., и во всяком случае, еще до конца войны Г. Г. Карпов, возглавлявший Совет по делам религий при советском правительстве, стал предлагать Сталину план по созданию внутри УГКЦ инициативной группы, которая провозгласила бы разрыв с Ватиканом и призвала священников переходить в Православную Церковь. После ареста в апреле 1945 г. всей иерархии УГКЦ (митрополита Львовского Иосифа Слипого и 4 епископов) священник и богослов Гавриил Костельник, высказывавшийся за православие еще до войны, начал вербовку сторонников православия. Он возглавил инициативную группу и повел агитацию среди греко-католического духовенства.

997 из 1270 священников, служивших тогда в Западной Украине, добровольно или вынужденно подписали прошение об объединении с Православной Церковью. 8–10 марта 1946 г. во Львове состоял-

ся собор, принявший решение о воссоединении. Возглавляли собор члены инициативной группы Г. Костельник, М. Мельник и А. Пельвецкий, участвовали в нем 216 священников, многие из которых не знали, зачем их вызвали во Львов, и 19 мирян. Незадолго до того М. Мельник и А. Пельвецкий были рукоположены в Москве во православных епископов, но объявили об этом только после принятия резолюции, отменявшей Брестскую унию. Собор завершил свою работу, единогласно утвердив упразднение Греко-Католической Церкви и присоединение к Православной Церкви. Выполнение этого решения контролировалось Н. С. Хрущевым, в то время первым секретарем Центрального Комитета Коммунистической Партии Украины.

В Закарпатье около 20% населения еще до войны перешли из унии в православие. В ноябре 1944 г. представители Мукачевско-Прешовской православной епархии подали ходатайство о принятии их под юрисдикцию Московского патриархата. 8 декабря делегация нанесла визит патриарху Московскому Алексию (Симанскому). Несмотря на растущие утеснения и гонения, Украинская Греко-Католическая Церковь продолжала существовать в Закарпатье до августа 1949 г., когда, присоединившись к Русской Православной Церкви, она объявила о своем упразднении.

После войны

Хотя сразу после II Мировой войны советская власть еще предоставляла Православной Церкви относительно широкое поле деятельности, она вскоре дала понять, что основная позиция советского государства по отношению к Церкви осталась неизменной. Еще перед концом войны, когда были освобождены оккупированные территории, стали закрываться открытые при немецкой оккупации храмы.

При Хрущеве, с 1958 г., гонения усилились.

Перед войной в Украине действовали 4 духовные семинарии – Киевская, Львовская, Одесская и Луцкая; теперь все они, кроме Одесской, были закрыты. Вновь открывшиеся во время войны монастыри закрывались. В 1961 г. были закрыты даже такие значительные религиозные центры, как Глинская пустынь и Киево-Печерская Лавра. Этот крупный религиозный центр Восточной

Украины был закрыт в 1922 г. и вновь открыт в 1942. Он продолжал действовать почти 20 лет, до 1961 г., среди его монахов были старцы, оказывавшие духовную помощь верующим. После закрытия монастыря эти старцы, жившие теперь в частных домах, продолжали свою пастырскую и духовную работу.

До последних лет советского режима власти пытались закрыть Почаевскую Лавру, духовный центр для верующих всей Украины и других регионов Советского Союза, но об этих попытках широко информировала западная пресса, и власти вынуждены были отказаться от них. Были закрыты многие приходы.

Однако, несмотря на все преследования, в 1940-х–1950-х гг. были монахи, священники и епископы, которые прошли сквозь гонения, тюрьмы и ссылки и явили высокие примеры духовной жизни. В Одессе жил иеромонах Кукша (Величко, † 1964), в Чернигове архимандрит Лаврентий (Проскура, † 1950). Оба канонизированы Украинской Православной Церковью после перестройки.

Особо должен быть назван архиепископ Симферопольский Лука (Войно-Ясенецкий, † 1961), который, несколько раз побывав в тюрьме и ссылке в Сибири и Средней Азии, остался тверд в вере. Он также причислен к лику святых.

Даже когда не было открытых гонений, власти препятствовали Церкви исполнять ее миссию – вести людей к спасению. Помехи нормальной деятельности Церкви вынудили епископа Полтавского Феодосия (Дикуна) 26 октября 1977 г. обратиться с 200-страничным письмом к Л. И. Брежневу. Рискуя быть подвергнутым репрессиям, епископ, опираясь на конкретные факты и случаи из жизни Полтавской епархии, описал бесправие и несвободу Церкви. Он осудил поведение уполномоченных по делам религий, которые препятствовали всякой деятельности епископов и священников, настаивали на закрытии храмов, оказывали давление на епископов с целью уменьшить число рукоположений и добиться их помощи в обвинении людей, критиковавших режим. В следующем году патриарх назначил Феодосия архиепископом, но в 1979 г. даже он не сумел помешать удалению архиепископа Феодосия (Дикуна) из Полтавы. Феодосий вернулся на свою кафедру в 1992 г., в 1996 стал архиепископом и скончался в 2001.

Независимость и новые разделения

Когда, в связи с 1000-летием крещения Руси, утеснения ослабели, смогла выйти из подполья Украинская Греко-Католическая Церковь.

Уже тогда, а особенно после провозглашения в 1991 г. независимости Украины, между греко-католиками и православными возникли многочисленные конфликты из-за владения храмами, часто перераставшие в акты насилия. Греко-католики стремились отобрать у православных церковные здания. Во многих случаях верующие из формально православных общин продолжали считать себя греко-католиками и, наконец, получали возможность заявить об этом открыто. Другие общины состояли из убежденных православных, но греко-католические активисты и иерархи требовали от них вернуть храмы, ранее принадлежавшие греко-католикам.

После падения Коммунистической партии и Советского государства вновь возродилось автокефалистское движение, на этот раз в бывших греко-католических приходах Западной Украины. Оно стало соперничать с официально признанной теперь Греко-Католической Церковью и значительно задержало ее распространение.

19 августа 1989 г., в праздник Преображения по юлианскому календарю, архиепископ Львовский Владимир Ярема объявил, что он и его паства выходят из-под юрисдикции Русской Православной Церкви. Он желал получить благословение и антиминс от патриарха Константинопольского Димитрия. Это заявление вовлекло в раскол других священников, отчего и возникла т. н. Украинская Автокефальная Православная Церковь, столь же неканоническая, как ее предшественницы, не подержанная и не признанная ни одной Православной Церковью.

Чтобы иметь церковную структуру автокефалы нуждались в епископе. В октябре к движению присоединился епископ Житомирский Иоанн (Боднарчук), совершив во Львове, вне своей епархии, рукоположение диакона. В рукоположении других епископов участвовал самозванный «епископ Тульский» Викентий (Виктор Чекалин), который был только диаконом и отбыл наказание за развратные действия в отношении несовершеннолетних. 14 ноября Боднарчук был низложен Священным синодом Русской Православной Церкви и уже в звании мирянина основал

раскол. В августе 1992 г. Боднарчук обратился к патриарху Алексию с покаянным письмом.

30–31 января в Москве Архиерейский собор Русской Православной Церкви обсудил положение в Церкви в Украине. Синод послал телеграмму Председателю Верховного Совета СССР М. Горбачеву с просьбой «приостановить нарастание конфликта, могущего обернуться непредсказуемыми последствиями..., способствовать немедленному прекращению актов насилия и беззакония со стороны униатских экстремистов в Западной Украине». В октябре 1990г. Архиерейский собор Русской Православной Церкви расширил автономию Православной Церкви в Украине. Название «Украинский экзархат» сменилось названием «Украинская Православная Церковь», а ее предстоятель получил титул «Блаженнейший митрополит Киевский и всея Украины». Украинская Православная Церковь имела теперь собственный синод с такими же функциями, что и Священный синод Русской Православной Церкви. Таким образом, Украинская Православная Церковь стала вполне автономной, оставаясь в лоне Русской Православной Церкви, а ее предстоятеля поминали теперь за всеми богослужениями во всех храмах.

Эту меру следовало бы принять раньше во избежание усиления раскольнических течений, но до сих пор экзарх Филарет (Денисенко) запрещал всякое движение к автономии.

Филарет возглавлял Украинскую Православную Церковь с 14 мая 1966 г., когда он был назначен экзархом Украины, архиепископом Киевским и Галицким, причем этот пост делал его первенствующим членом Священного синода Русской Православной Церкви. Он тесно сотрудничал с КГБ и деспотически обращался с духовенством, особенно со священниками, отказывавшимися подчиняться его приказам о закрытии православных храмов во исполнение политики партии. Рассчитывая на свои связи с КГБ, Филарет надеялся стать после смерти патриарха Пимена патриархом Московским. К его удивлению, выборы 1990 г. закончились иначе, что было признаком скорого падения советского режима.

В более свободных общественно-политических обстоятельствах, наступивших в последние дни СССР, в средствах массовой информации пошел открытый разговор о неподобающей личной жизни Филарета и о его связях с КГБ. Православные Украины порицали также его деспотизм, ставший причиной ухода многих верующих в

Украинскую Греко-Католичскую Церковь или в автокефалистские группы. Тогда Филарет ловко сменил линию: будучи прежде врагом всего украинского, он предстал теперь ярым националистом, борцом за независимость Украинской Церкви от Москвы, хотя не умел даже правильно разговаривать по-украински.

Архиерейский собор 31 марта–5 апреля 1992 г. в Москве обсудил вопрос об автокефалии Украинской Православной Церкви. На соборе Филарета строго критиковали за использование автономии УПЦ не для блага Церкви, а для укрепления собственной позиции. Пошла речь о его уходе. Филарет, присутствовавший на соборе, торжественно пообещал обратиться к Архиерейскому собору УПЦ с просьбой об отставке. Однако, вернувшись в Киев и посоветовавшись с президентом Украины Леонидом Кравчуком, он заявил, что отречения не подпишет, и, имея в своем распоряжении архивы и денежные средства УПЦ, приступил к созданию нового раскола.

Тогда митрополит Харьковский Никодим (Руснак) временно взял в свои руки управление УПЦ и 27 мая 1992 г. созвал в Харькове Архиерейский собор. Филарет был приглашен для участи в нем, но отказался прибыть, после чего был низложен собором.

Избрание митрополита Владимира

Взамен Филарета собор избрал митрополитом Киевским и всея Украины митрополита Ростовского и Новочеркасского Владимира (Сабодана), участвовавшего в это время в богословской конференции в Хельсинки. Новый предстоятель УПЦ, уроженец Центральной Украины, был рукоположен во епископа 9 июля 1966 г. и в дальнейшем приобрел огромный опыт как епархиальный епископ, как ректор Московской Духовной академии, как глава Русской православной миссии в Святой Земле и как патриарший экзарх Западной Европы. Он также представлял Русскую Православную Церковь в международных и экуменических организациях.

11 июня 1992 г. в Москве состоялся Архиерейский собор Русской Православной Церкви. Согласно канонам, митрополит Филарет (Денисенко) трижды вызывался на него. Филарет не явился, и тогда собор, принимая во внимание выдвинутые против него обвинения, а также тот факт, что, будучи низложен, он продолжал

исполнять обязанности епископа и создавал раскол в Церкви, лишил Филарета епископского сана и всех степеней священства. Собор низложил также епископа Почаевского Иакова (Панчука) за участие в антиканонической деятельности Филарета.

Митрополит Владимир прибыл в Киев 20 июня 1992 г., в очень напряженное время. Националистические экстремисты не давали ему войти во Владимирский собор и в митрополичью резиденцию, а тысячи верующих радостно приветствовали предстоятеля своей Церкви. Митрополит Владимир просил православных не отвечать насилием на насилие. Он призывал их к этому и в дальнейшем.

25 июня 1992 г. Филарет объявил о создании Украинской автокефальной Православеой Церкви, представив себя как украинского патриота, преследуемого Москвой. Более года Филарет играл роль «экзарха» Украины при митрополите Мстиславе (Скрипнике), главе Украинской Автокефальной Православной Церкви в США, которого автокефалы в Украине избрали «патриархом». После смерти Мстислава в 1993 г. автокефалы и филаретовцы разошлись. Группа Филарета избрала «патриархом» бывшего диссидента Василия Романюка, назвавшегося Владимиром, и стала называться «Украинской Православной Церковью Киевского патриархата». Владимир (Романюк) умер в июле 1995 г. при загадочных обстоятельствах. В октябре «патриархом Украинской Православной Церкви Киевского патриархата» был избран Филарет.

23 февраля 1997 г. Архиерейский собор Русской Православной Церкви отлучил Филарета (Михаила Денисенко) от Церкви за упорство в расколе, за принятие лиц и групп, вступивших в раскол с другими Православными Церквами, за то, что он продолжал служить, будучи низложен, наконец, за клевету на Украинскую и Русскую Православную Церковь.

Правительство президента Кравчука, открыто поддерживавшее Филарета, позволяло его сторонникам силой захватывать храмы Украинской Православной Церкви. Тогда же в средствах массовой информации началась кампания по дискредитации Украинской Православной Церкви. Избрание в 1994 г. президентом Л. Д. Кучмы ненамного улучшило положение УПЦ, продолжавшей страдать от нападений этих церковных групп. При Кравчуке были предприняты официальные попытки добиться признания «Украинской Православной Церкви» Константинопольским патриархатом.

Несмотря на поддержку первого президента Украины Л. М. Кравчука и его преемников, попытки Филарета силой овладеть православными храмами и соборами, всем имуществом Православной Церкви в Украине и опереться на СМИ остались напрасными, так как его не признавало большинство верующих Украины, не говоря уж о других Православных Церквах.

20 января 1992 г. группа депутатов украинского парламента выступило с критикой Филарета за сотрудничество с КГБ и КПСС, за его политический зигзаг, единственной целью которого было спасение собственной карьеры, и потребовала его ухода. Однако когда Филарет был низложен Русской Православной Церковью, те же самые депутаты стали его пламенными защитниками. С этого времени другие группы депутатов распространяли заявления, полные клеветы на Украинскую Православную Церковь, и пытались принудить ее к «воссоединению» с Филаретом.

Несмотря на то, что на Украине Церковь отделена от государства, представители исполнительной и законодательной власти пытались управлять делами Православной Церкви, прямо поддерживая Филарета, который выставлял свою организацию независимой национальной украинской Церковью. Под его влиянием украинские СМИ продолжали кампанию по дискредитации УПЦ, называя ее антиукраинской.

С самого начала и низложенный Филарет, и автокефалы, так же как их предшественники в 1920-х и 1940-х гг., говорили об Украинской Православной Церкви как о «московской», противопоставляя ее «украинским» церквам. Они подчеркивали ее принадлежность к Московскому патриархату, хотя ее связь с ним ограничивалась поминанием патриарха за богослужением и участием митрополита Киевского в заседаниях Священного синода Русской Православной Церкви как его первенствующего члена. Верующие и епископат Украинской Православной Церкви не считалось «украинскими» в отличие от двух раскольнических групп.

В своем интервью газете «Регион» от 7 июня 1997 г. митрополит Владимир (Сабодан) заявил: «Как можно обвинять большинство населения Украины в том, что оно играет отрицательную роль в построении украинского государства?.. С недавних пор политики всех уровней по разным причинам стали активно заниматься церковными делами, втягивая таким образом Церковь в политику,

чтобы свести ее к собственному уровню и заставить служить своим интересам и амбициям».

Различные правительства и общественно-политические объединения, весьма далекие от Церкви, призывали создать в Украине поместную Церковь. В течение 1990-х гг. и позднее в украинских СМИ появлялись открытые письма и заявления, подписанные лицами разных вероисповеданий и даже вовсе без вероисповеданий, с обвинениями в адрес Украинской Православной Церкви в том, что она препятствует созданию поместной Украинской Церкви. Замысел навязать извне Украинской Православной Церкви объединение с раскольническими группами, разумеется, безнадежен. Украинская Православная Церковь, как не раз объясняли ее иерархи, не может пойти на объединение с раскольниками, а может только принять их в свое лоно, если они покаются.

Митрополит Владимир и другие епископы часто разъясняли, что преодоление церковного раскола и решение вопроса об автокефалии – это внутреннее дело Церкви, и это решение возможно только в ее лоне и в согласии с ее канонами, а вмешательство политиков может лишь осложнить проблему. Они разъясняли также, почему не могут участвовать в молениях, организуемых правительством, на которые приглашаются все Церкви и религиозные организации, в том числе отлученные Православной Церковью.

Несмотря на все препятствия, Украинская Православная Церковь растет, развивается и, несомненно, является крупнейшей Церковью в Украине. В начале 1994 г. она насчитывала 5598, а в 1998 – 7357 приходов, в 3 с лишним раза больше, чем «Киевский патриархат» и «УАПЦ» вместе взятые.

ПРИМЕЧАНИЕ КРИСТИН ШАЙО

Согласно сведениям, размещенным на сайте Московского патриархата в Интернете (13 октября 2008 г.), Украинская Православная Церковь (Московского патриархата) в 2008 г. насчитывала 11000 приходов, 43 епархии, 55 епископов (из них 43 епархиальных), 9000 клириков, 20 учебных заведений (1 академия, 7 семинарий и 12 училищ), а также 200 монастырей и 5000 монахов и монахинь.

Согласно Пресс-службе УПЦ МП (nº 331, сентябрь–октябрь 2008 г., стр. 8), Украинская Православная Церковь является крупнейшей

и насчитывает более 10000 приходов, Украинская Православная Церковь Киевского патриархата («патриарх» Филарет) – около 3000 приходов, и Украинская Автокефальная Православная Церковь (митрополит Мефодий Кудряков) – около 1000 приходов.

Дальнейшая информация взята из International Religious Freedom Report 2005 г. *(*http://www.state./gov/drl/rls/irf/2005/51588.htm*). Украинская Греко-Католическая Церковь насчитывала около 4 млн. – большинство верующих Западной Украины, а Римско-Католическая Церковь, исторически «закрепленная» за поляками, проживающими на западе и в центре Украины, – около 1 млн. верующих. Согласно тому же источнику, в годы после провозглашения независимости стало быстро расти число протестантов. Крупнейшую группу представляет собой Союз евангельских христиан-баптистов Украины (около 500000 чел.). Из других процветающих и растущих групп назовем англикан, кальвинистов, свидетелей Иеговы, лютеран, методистов, мормонов, пятидесятников и адвентистов седьмого дня.*

Иудейская община страны имеет долгую историю. Сведения об этой общине не отличаются точностью. По сведениям Государственного комитета статистики за 2001 г., в стране проживает около 103600 иудеев, однако, по некоторым авторитетным иудейским источникам, их число достигает 300000.

Некоторые исследователи насчитывают на Украине 2 млн. мусульман, но большинство полагает, что их число не превышает 500000. Официально зарегистрировано 457 мусульманских общин, из них 320 – в Крыму. По словам шейха Ахмеда Тамима, муфтия Украины, в Киеве проживает около 50000 мусульман, в основном, иностранных граждан. Большинство мусульман в Украине – крымские татары (около 300000), выселенные при Сталине, в 1944 г., из Крыма в Узбекистан и получившие возможность вернуться в 1989 г. Около 267000 из них проживает в Крыму.

БИБЛИОГРАФИЯ

Herbigny, M., *Dossier américain de l'orthodoxie ukrainienne*, trad. Pierre Volkonsky, Orientalia Christiana 4, Rome, 1923.

Heyer, F., *Kirchengeschichte der Ukraine im 20*. Jahrhundert, Göttingen, 2003.

Merlo, S., *All'ombra delle cupole d'ora*, Milan, 2005.

Senyk, S., *Women's Monasteries in Ukraine and Byelorussia to the Period of Suppressions*, Orientalia Christiana Analecta 222, 1983.

–, *A History of the Church in Ukraine*, vol.I, *To the end of the thirteenth century*, Orientalia Christiana Analecta 243, 1993.

–, «Scools for priests: Orthodox education in eighteenth-century Ukraine», *Orientalia Christiana Periodica 70/2*, 2004, p. 289–312.

–, «Religious conflict in Dnepr Ukraine in the 18th century», *Orientalia Christiana Periodica*, vol. 73/1, 2007, p. 5–59.

Shkarovsky, M., «Die Kirchenpolitik des Dritten Reiches gegenüber den orthodoxen Kirchen in Osteuropa (1939–1945)», *Forum Orthodoxe Theologie* 4, Münster, 2004.

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В XX СТОЛЕТИИ

Михаил ШКАРОВСКИЙ

К началу XX века Русская Православная Церковь находилась в состоянии глубокого внутреннего кризиса, который постепенно нарастал на протяжении двух последних столетий. Отмена в начале XVIII века императором Петром I патриаршества, введение синодальной системы с подчинением Церкви бюрократическому аппарату лишили ее самостоятельного голоса в обществе, уподобили приходского священника полицейскому чиновнику, который присягал служить властям, сообщал о политических настроениях своей паствы. Это способствовало бюрократизации духовенства, роняло его авторитет. Ложность положения Церкви была и в том, что формально она являлась государственной, а потому противники легко могли возлагать на нее долю ответственности за репрессивную политику самодержавия и все социальные несправедливости, творимые государственным аппаратом.

В результате кризиса Русской Церкви, с конца XIX века в российском обществе, прежде всего в среде интеллигенции наступает заметное охлаждение к ценностям православной веры и к значимости церковной организации среди других общественных институтов. Антиклерикальные настроения начинали проникать и в широкие народные массы, уже в революцию 1905–1907 гг. происходили случаи изгнания священников, погромы домов и даже убийства.

В этих условиях необходимость давно назревших реформ в Церкви стали сознавать многие священнослужители. Русская Церковь не была замкнутой в себе реликвией культурного прошлого. В ней также созрела своеобразная «революционная ситуация». С 1905 г. основная часть духовенства проявляла недовольство политикой Святейшего Синода. Годы Первой русской революции стали для

духовенства временем надежды на возрождение православия, что подразумевало, прежде всего, обретение независимости при решении внутрицерковных дел: созыва Всероссийского Поместного Собора, реформы церковного управления.

Недовольство существующей системой охватило и большинство архиереев. Даже члены Синода вопреки позиции обер–прокурора в марте 1905 г. единогласно высказались за проведение преобразований, для чего считали необходимым скорейший созыв Поместного Собора. Летом того же года епархиальным архиереям были разосланы вопросы относительно насущности церковной реформы. И почти все архиереи, за исключением двух, заявили, что существующее церковное управление требует кардинальных изменений, и реформы необходимы[1].

Уступая давлению православного духовенства, по просьбе Синода император Николай II 14 января 1906 г. разрешил созвать Предсоборное Присутствие для предварительного обсуждения вопросов, намеченных к соборному рассмотрению. Присутствие заседало до 15 декабря 1906 г., его протоколы и сводный доклад представили Николаю II. Была проделана огромная конструктивная работа, подготовлены темы для разработки будущим Собором, включавшие в себя полное переустройство Церкви на принципах соборности. Эти надежды оказались перечеркнуты резолюцией императора от 25 апреля 1907 г.: «Собор пока не созывать»[2].

Правивший в 1894–1917 гг. император Николай II (канонизированный Московским патриархатом в 2000 г.) отличался личным благочестием. В его царствование было причислено к лику святых больше подвижников, чем за предшествующие 200 лет. Однако император не поддержал неоднократно поступавшие ему проекты созыва Поместного Собора и восстановления патриаршества[3].

[1] Каннингем, Д., С надеждой на Собор. Русское религиозное пробуждение начала века, Лондон, 1990, с. 104–106; Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе, С.–Петербург, 1906.
[2] Флоровский, Г., Пути русского богословия, Вильнюс, 1991, с. 483; Поспеловский, Д. В., Русская Православная Церковь в XX веке, Москва, 1995, с. 35.
[3] См.: Витте, С. Ю., Воспоминания: Царствование Николая II, т. 1, Берлин, 1922; Фирсов, С. Л., Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России, С.–Петербург, 2002.

Укрепление власти после революционных потрясений 1905–1906 гг. обернулось исчезновением реальных возможностей реформы высшего церковного управления. Николай II и его окружение полагали, что в существовавших условиях независимость Православной Церкви приведет к антагонизму между духовной и светской властью. Поместный Собор рассматривался как одна из возможностей «подхлестнуть смуту», породить серьезный разлад в российском обществе и поставить на политическую повестку дня вопрос о свободе совести.

Лишь очень немногие государственные деятели, например бывший премьер–министр Сергей Витте, понимали, что императорской власти, в конечном счете, могло быть выгодно отделение Православной Церкви (она всегда играла стабилизирующую, консолидирующую нацию роль в обществе, и эта роль была тем значительнее, чем более независимой и авторитетной являлась Церковь). В результате государство выбрало при решении вопроса «победоносцевский« метод – ничего не трогать вообще. Реформа духовного ведомства в императорской России оказалось слишком тесно связанной с дальнейшей кардинальной реформой государственных институтов власти.

Другой причиной того, что в годы Первой русской революции не было проведено никаких серьезных преобразований в церковной сфере, стала незаинтересованность в них радикальной левой интеллигенции, которую вполне устраивала синодально–бюрократическая система в качестве объекта нападок на государственную власть. Да и светское общество в целом оставалось далеким от Церкви и ее интересов. Духовенству и церковной общественности, в свою очередь, были недоступны методы борьбы, заставлявшие правительство идти на уступки другим социальным слоям: ультиматумы, забастовки, бойкоты, не говоря уже о терроре.

Начавшаяся в июле 1914 г. Первая мировая война изменила всю жизнь русского общества, в том числе и православного духовенства, призванного духовно окормлять воевавшую армию, служить в госпиталях и помогать военнопленным. Большинство проблем, связанных с духовной работой в войсках, решали священники ведомства протопресвитера русской армии и флота, численность которых в 1914–1917 гг. превышала 5 тыс. человек.

Возглавлял их талантливый администратор протопресвитер Георгий Шавельский, которому в июле 1914 г. удалось организовать

и провести в Петербурге первый в дореволюционной России съезд военного и морского духовенства. На нем священники смогли открыто обсудить проблемы своего ведомства. Съезд разработал и принял инструкцию, в которой подробно перечислялись обязанности прибывших на театр военных действий клириков[4]. Проведенная реорганизация позволила протопресвитеру четко и слаженно управлять находившимися в его подчинении священнослужителями, чья самоотверженная деятельность не раз вызывала благодарность Верховного главнокомандующего.

Синод откликнулся на начало войны специальным посланием, в котором заявлялось, что Россия «неожиданно вовлечена на брань с врагами«, и теперь предстоит защищать не только «братий по вере«, но и славу царя и честь России. И с первых же дней войны Русская Церковь приняла активное участие в деле организации помощи армии и флоту. 20 июля 1914 г. Синод призвал монастыри, храмы и паству делать пожертвования на раненых, подготавливать места для госпиталей. В тот же день было принято определение «Об организации во всех православных приходах помощи семьям лиц, находящихся в войсках». Согласно этому документу, в каждом приходе должен был образоваться особый попечительный совет[5]. В июле–августе 1914 г. были созданы первые военные лазареты на средства Синода, духовных учебных заведений и монастырей.

Основная нагрузка по обеспечению религиозно–нравственных нужд православных воинов легла на плечи военных священников, число которых с середины 1914 г. выросло в пять раз. Они показали себя с самой лучшей стороны, постоянно бывали на передовой и даже участвовали в боевых действиях. Всего за время боевых действий 1072 священника были награждены орденами. 30 представителей военного духовенства погибли, более 400 оказались ранены, свыше 100 попали в плен, но и там они продолжали свое служение. В январе 1916 г. Синод учредил специальную комиссию по удовлетворению религиозно–нравственных нужд русских военнопленных [6].

[4] Шавельский, Г. И., *Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота*, т. 2, Нью–Йорк, 1954, с. 79.

[5] *Церковные ведомости*, 1914, № 30, с. 347–350.

[6] Шавельский, Г. И., *Указ. соч*., с. 104, 106; *Вестник Военного и Морского духовенства*, 1916, № 9, с. 262.

Несмотря на все усилия военного ведомства морально–нравственная обстановка в войсках к 1917 сильно ухудшилась. Сказывались усталость от войны, подрыв в связи с поражениями авторитета командования, пропаганда социалистов. Падало и влияние Православной Церкви. В декабре 1916 отец Георгий Шавельский составил специальную докладную записку, в которой доказывал необходимость принятия экстраординарных мер для духовного воспитания и укрепления армии, в особенности запасных ее частей. В начале 1917 протопресвитер решил также организовать для усиления работы военного духовенства съезды православных священников. Но до Февральской революции успел состояться лишь съезд духовенства Северного фронта, на котором отца Георгия заверили, что «дух войск хороший»[7].

Произошедшие вскоре события полностью опровергли эти утверждения. Согласно отчетам армейского духовенства, уже после революции, с освобождением Временным правительством солдат от обязательных церковных обрядов и таинств, процент записанных православными и соблюдавших таинство причастия сократился с почти 100 в 1916 г. до менее 10 в 1917 г.[8]

Несмотря на рост антиклерикальных настроений в стране в целом, отсутствие давно назревших реформ, нельзя говорить лишь о кризисе и упаднических явлениях в Русской Церкви 1907–1916 гг. Появились первые признаки грядущего обновления. Создавались разнообразные религиозно–нравственные кружки и общества; стали выходить многочисленные православные журналы, сборники на религиозно–общественные темы; возрождалось церковное проповедничество; активно развивалось храмостроительство. Подъем переживали многие известные обители, число монастырей в начала XX века росло гораздо быстрее, чем в предшествующие десятилетия, возродился институт старчества.

Значительно расширилась миссионерская деятельность, причем она с успехом проводилась в зарубежных странах – Японии, Корее, Китае, Иране, США. При приходах создавались десятки братств, занимавшихся благотворительностью и религиозно–нравственным просвещением. В майском 1914 г.

---

[7] Шавельский, Г. И., *Указ. соч.*, с. 284, 287.

[8] Поспеловский, Д. В., *Указ. соч.*, с. 34.

послании Синода в связи с пятидесятилетием существования религиозных братств отмечалось, что их число достигло 700, они обладают значительными средствами, которые употребляют на дело духовного просвещения, миссионерства, издают книги и журналы, содержат миссионерские школы, благотворительные заведения, певческие школы[9].

Отчетливо проявлялась тяга к религии среди некоторой части интеллигенции, что привело ряд ее известных представителей к принятию сана священника: экономиста Сергея Булгакова, журналиста Валентина Свентицкого, князя Андрея Ухтомского. Процесс приобщения к служению Церкви представителей интеллигенции и дворянства особенно усилился с 1912 . Происходил невиданный расцвет русской религиозной философии. В итоге «в последнее предреволюционное 20–летие вопреки совместным стараниям правительства, царя, синодальной бюрократии и атеистической интеллигенции Церковь, наконец, вырвалась за пределы своего гетто. А приток в нее интеллигенции с ее связями в либеральной печати сделал невозможным дальнейшее затыкание рта Церкви правительством. Но это все, так сказать, "атмосферные" перемены, не институционные»[10].

К 1917 г. Русской Церкви так и не удалось обрести желательную самостоятельность. Стоявшие перед ней важнейшие проблемы не были решены: Поместный Собор из–за противодействия правительства не созван, патриарх не избран, реформы прихода, Духовной школы и многие другие не проведены. Более того, засилье в годы Первой мировой войны в руководстве Русской Церкви ставленников Григория Распутина способствовало дальнейшему значительному росту антиклерикальных настроений в стране[11].

Проявивший себя в годы Первой русской революции активным сторонником преобразования Синод в дальнейшем в этом плане фактически бездействовал, парализованный разобщенностью иерархов и позицией «распутинцев» митрополита Петроградского Питирима (Окнова) и митрополита Московского Макария

---

[9] *Русское православие: вехи истории*, Москва, 1989, с. 454.
[10] Поспеловский, Д. В., «Русская православная церковь: испытания начала XX века», в: *Вопросы истории*, 1993, № 1, с. 46.
[11] Каннингем, Д., Указ. соч., с. 7, 307–308; Титлинов, Б. В., *Новая церковь*, Москва–Петроград, 1923, с. 38.

(Невского). Одним из показателей кризиса «симфонии властей» являлось и то, что нереформированная Церковь была вынуждена существовать в условиях функционирования многоконфессиональной Государственной Думы, от которой зависело утверждение ее бюджета. При этом в Думе происходило порой унизительное для Православной Церкви обсуждение вопросов ее внутренней жизни.

Трагическим для русского православия было то, что его внутренние «нестроения» совпали с процессом десакрализации самодержавной власти, развенчания ее мистического ореола, принявшим значительные масштабы. Дискредитация членов императорской фамилии напрямую затрагивала и Церковь, при совершении богослужений постоянно напоминавшую своей пастве о религиозной основе самодержавия. Поэтому развенчание царя после отречения Николая II от престола в глазах многих означало и развенчание Церкви.

Историк Дмитрий Поспеловский не без оснований писал: «Войди Церковь в революцию самостоятельной единицей, с большим нравственным авторитетом и опытом независимости существования, духовно и административно спаянной, роль ее была бы вполне сравнимой с ролью Католической Церкви в Польше 1947–1988 годов»[12]. История распорядилась иначе. Внутренний кризис Русской Церкви, ее зависимость от государства, подрыв духовного авторитета в глазах части народа явились одним из факторов, не позволившим встать нравственным барьером на пути экстремистских методов политической борьбы, самоистребления нации.

К началу революционных потрясений 1917 г. Русская Православная Церковь внешне представляла внушительную силу. В империи было около 115 млн. православных верующих (70% населения), 78 тыс. храмов и часовен, около 120 тыс. священников, диаконов и псаломщиков, 130 архиереев, 1253 монастыря и скита с 95 тыс. монашествующих и послушников, 57 Духовных семинарий и 4 Духовные академии[13]. Однако авторитет и влияние этой мощной организации оказались в значительной степени подорванными.

---

[12] Поспеловский, Д. В., *Русская Православная Церковь в XX веке*, с. 47.
[13] *Верноподданнейший отчет Обер–прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1914 г.*, Петроград, 1916; Поспеловский, Д. В., Русская Православная Церковь в XX веке, с. 35.

Февральская революция 1917 г. сопровождалась рядом антицерковных акций, вплоть до арестов архиереев по указанию местных советов. И в то же время она фактически стала и «религиозной революцией», уникальной в истории православия. В марте–апреле 1917 г. по стране прокатилась волна чрезвычайных епархиальных съездов духовенства и мирян. В соответствии с их решениями, с кафедр были смещены свыше 10 скомпрометированных архиереев, избранные епархиальные советы значительно ограничивали епископскую власть. Вводился выборный порядок замещения всех духовных должностей, коллегиально–представительное начало церковного управления, демократизировалась приходская жизнь. Все эти изменения стихийно шли в одном направлении, намеченном проектами церковных реформ 1905–1907 гг.

Кризис самодержавия пробудил надежды на изменение отношений Церкви и государства и у епископата. Поэтому даже члены Синода отказались 26 февраля обратиться с воззванием к народу поддержать монархию. Более того, 6 марта Синод опубликовал послание, в котором призвал поддержать Временное правительство. Новым «революционным» обер–прокурором правительство назначило активного борца с распутинщиной в Государственной Думе, давнего сторонника реформ в Церкви Владимира Львова. Вскоре старый состав Синода на фоне развертывавшихся преобразований стал выглядеть анахронизмом. В середине апреля 1917 г. по инициативе Львова правительство распустило Синод. Были назначены новые, в основном либеральные по своим взглядам, члены органа высшей церковной власти[14].

К июлю обновленный Синод утвердил право епархиальных съездов выбирать себе епископов, наделил приход статусом самоуправляющейся основной демократической единицы Русской Церкви с широкой активизацией мирян, учредил Предсоборный совет по подготовке Поместного Собора. В ряде епархий впервые в истории русского православия прошли свободные выборы архиереев, в том числе митрополитов Московского и Петроградского.

Православное духовенство не было однородно, к 1917 г. оно уже характеризовалось значительным социальным расслоением. Соответственно расходились и политические симпатии различных

[14] Титлинов, Б. В., *Церковь во время революции*, Петроград, 1924, с. 55.

групп. Не все одобрительно встретили революцию, в некоторых храмах продолжали поминать императора Николая II. С другой стороны, ряд священников состояли в социалистических партиях. Наиболее активно из левых группировок действовал основанный 7 марта 1917 г. в Петрограде «Всероссийский союз демократического православного духовенства и мирян». При содействии В. Львова эта организация взяла в свои руки официальное издание Синода «Церковно–Общественный Вестник»[15].

Среди руководителей союза особенно выделялись блестящий проповедник священник Александр Введенский и смелый новатор, убежденный сторонник ориентации Церкви на рабочий класс священник Александр Боярский. Крупной фигурой был также протоиерей Иоанн Егоров, умерший от сыпного тифа в 1920 г., но успевший основать особую церковную группу «Религия в сочетании с жизнью«, просуществовавшую до 1927 г.

«Всероссийский союз демократического православного духовенства и мирян» пользовался поддержкой Временного правительства вплоть до его падения 25 октября 1917 г. и издавал на синодальные субсидии газету «Голос Христа», а к осени организовал издательство «Соборный разум«, выпускавшее одноименный журнал. Наряду с требованиями широких внутрицерковных реформ, выступая под лозунгом «Христианство на стороне труда, а не на стороне насилия и эксплуатации», Союз сближался и с социалистическими идеями[16].

Но подобные радикальные группировки являлись лишь небольшими крайними течениями. Основная масса духовенства была в целом аполитична и, выступая за демократические преобразования в структуре Церкви, не разделяла программные требования социалистических партий об отделении ее от государства. Эти настроения ярко проявились уже на Всероссийском съезде духовенства и мирян, проходившем 1–10 июня 1917 г. в Москве. На нем были сформулированы требования и предложения по основным пунктам реформы для будущего Собора. Съезд в специальной декларации приветствовал революцию, однако, отверг

[15] Левитин, А., Шавров, В., *Очерки по истории русской церковной смуты*, т. 1, Кюснахт, 1998, с. 153–154.
[16] Шишкин, А. А., *Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола Русской православной церкви*, Казань, 1970, с. 121.

идею отделения Церкви от государства. Он высказал пожелание, чтобы религиозные организации по–прежнему получали правовую и материальную поддержку, Закон Божий был обязателен для изучения, и Церкви остались руководимые ею народные школы.

В результате вскоре произошел конфликт с правительством. Синод выразил протест по поводу закона от 20 июня о передаче церковно–приходских школ Министерству народного просвещения. Столкновение произошло и относительно подготовки проекта об исключении Закона Божия из числа обязательных предметов. Религиозная политика Временного правительства отличалась своеобразием. Своими постановлениями «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» (20 марта) и «О свободе совести» (14 июля) оно много сделало для утверждения свободы вероисповеданий, и в то же время признавало за религией колоссальную роль в духовно–нравственной сфере жизни людей.

Хотя в программах всех партий, представленных в правительстве, присутствовало положение о постепенном отделении Церкви от государства, решительных шагов в этом направлении сделано не было. Приобретя определенную самостоятельность, юридической свободы Церковь не получила. Временное правительство не отказалось от прерогатив верховной власти. Первоначально в его состав входил обер–прокурор Синода, а 5 августа его сменил министр исповеданий Алексей Карташев с прежними правами и обязанностями. Перед самым открытием Поместного Собора было принято постановление о том, что выработанный на нем законопроект о новом порядке самоуправления Церкви подлежит обязательному утверждению правительством[17].

Открывшийся 15 августа в Москве Всероссийский Поместный Собор стал заметным явлением общехристианской истории. Ряд его решений и постановка самих вопросов во многом опережали весь христианский мир. Выборы членов Собора были свободными и тайными, впервые на уровне приходов в них участвовали женщины. Из 564 депутатов больше половины – 299 составляли миряне. 30 октября подавляющим большинством голосов Собор принял

[17] Карташев, А. В., «Революция и Собор 1917–1918 гг. (Наброски для истории Русской Церкви наших дней), в: *Богословская мысль*, Париж, 1942, с. 76–77.

решение восстановить патриаршество, а 5 ноября патриархом был избран митрополит Московский Тихон (Беллавин).

Согласно уставу, при патриархе учреждались Священный Синод из архиереев и Высший Церковный Совет с выборным представительством белого духовенства и мирян. Учитывая неопределенность тогдашнего положения и неизвестность будущего, Собор также принял 25 января 1918 г. постановление, сыгравшее важнейшую роль в дальнейшей истории Русской Церкви, о предложении патриарху самому избрать нескольких Блюстителей патриаршего престола на случай его болезни и смерти, чем обеспечивалось сохранение их имен в тайне[18].

Всего с августа 1917 по сентябрь 1918 г. состоялось три сессии Собора, затем он был вынужден прекратить работу, не завершив ее. Среди принятых постановлений следует отметить определения об активизации женщин в церковной жизни, о братствах ученых монахов, о проповедничестве. Успел Собор и выпустить уставы новой соборной структуры всей Церкви, основанной на началах широкой инициативы и выборности – от патриарха до самоуправляющихся приходов, окончательно узаконив большую часть преобразований «церковной революции» 1917 г.[19] Без этого обновления русскому православию было бы значительно сложнее пережить агрессию атеистического государства.

С первых дней Октябрьской революции стал завязываться трагический конфликт Русской Церкви с новой властью. Само избрание патриарха проходило в период ожесточенных боев за Московский Кремль, в ходе которых серьезно пострадали его храмы. Основная доля ответственности за ухудшение отношений с патриархией лежит на вновь образованном Совете Народных Комиссаров (Совнаркоме). Его мероприятия основывались на двух предпосылках: мировоззренческой несовместимости учения марксизма с религиозной верой и отношением к Церкви как союзнице царизма, а после свержения самодержавия – эксплуататорского строя. Поэтому к сотрудничеству религиозные организации не звали, их начали усиленно вытеснять из политической, экономической, культурной жизни страны.

[18] *Церковные Ведомости*, 1918, № 11–12, с. 66–68.
[19] *Священный Собор Православной Российской Церкви: Собрание определений и постановлений*, вып. 1, Москва, 1918, с. 17–33.

С другой стороны, большая часть иерархов и клира без энтузиазма или враждебно встретила приход вооруженным путем к руководству страны большевиков. И все же, несмотря на прочные связи Церкви с дореволюционной Россией, она не стала вести политическую борьбу за ее возвращение, не перешла открыто на сторону какой–либо из противоборствующих сил. Усилия патриархии были направлены на прекращение партийных и социальных раздоров, разгоравшейся братоубийственной войны. 2 ноября 1917 г., в период боев в Москве, Поместный Собор обратился к сражающимся сторонам с призывом остановить кровопролитие, не допустить расправы с побежденными. 11 ноября он принял решение об отпевании всех погибших, а также обращение к победителям в гражданской войне, призывая не осквернять себя пролитием братской крови[20]. Этой линии Церковь в основном придерживалась и в дальнейшем.

Уже первые постановления советской власти непосредственно затронули большинство сфер жизнедеятельности Церкви. Так, декрет о земле II съезда советов касался и наделов храмов, монастырей. Национализация частных банков повлекла утрату хранившихся там вкладов духовенства. В декабре были приняты декреты о передаче всего дела образования в ведение Народного комиссариата просвещения, регистрации актов рождения, брака и смерти в ведение государственных организаций. Первоначально эти законы в основном игнорировались. 2 декабря 1917 г. Поместный Собор, еще не теряя надежды на урегулирование церковно–государственных отношений в желательном смысле, принял «Определение о правовом положении Православной Российской Церкви». В нем хотя и предусматривалась «независимость Церкви от государственной власти», но сохранялось за православием «первенствующее среди других исповеданий» положение, перечислялись многие прежние права и привилегии[21]. Однако это определение было невыполнимо.

В январе 1918 г. по стране прокатилась серия антирелигиозных акций, явно предвосхищавшая готовившийся закон об отделении церкви от государства. Были закрыты дворцовые и некоторые

---

[20] Левитин, А., Шавров, В., *Указ. соч.*, с. 101; Регельсон, Л., *Трагедия Русской Церкви 1917–1945*, Париж, 1977, с. 217.
[21] *Священный Собор Православной Российской Церкви: Собрание определений и постановлений*, вып. 2, Москва, 1918, с. 6.

домовые храмы, изъята синодальная типография, предпринята попытка силой осуществить реквизицию жилых помещений Александро–Невской Лавры в Петрограде. В результате 19 января на территории Лавры произошло столкновение красногвардейцев с верующими. Были жертвы, но монастырь удалось отстоять. А 21 января по распоряжению митрополита Петроградского Вениамина (Казанского) состоялся общегородской крестный ход в защиту Церкви, в котором участвовало до 500 тысяч человек[22].

Антицерковные акции не остались без ответа патриарха Тихона. Они, а также все более кровавая гражданская война, явились причиной появления его воззвания от 19 января 1918 г. В нем патриарх заклеймил врагов Истины Христовой, которые кровопролитием, братской междоусобицей по всей стране выполняли «дело сатаны» и предал их анафеме[23]. Большевики в послании не упоминались, но оно оказалось воспринято как выражение контрреволюционного настроения.

20 января был принят и 23 января опубликован декрет Совета Народных Комиссаров, вошедший в историю под названием «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Он заложил основы будущего бесправного положения Церкви, хотя содержал и ряд демократических положений, в том числе о свободном исповедании любой религии. Однако в декрете провозглашалось запрещение религиозным обществам владеть собственностью, лишение их прав юридического лица и национализация церковного имущества. Эти ограничения были вызваны, прежде всего, политическими и идеологическими соображениями, именно они наиболее отягощали практический смысл декрета для Церкви.

Духовенство и миряне, болезненно воспринимавшие антирелигиозную ориентацию советской власти, отрицательно встретили и указанный декрет. 27 января Собор утвердил воззвание «К православному народу», призывая мирян объединиться под церковными знаменами для защиты святынь. В различных городах страны прошли многолюдные крестные ходы, причем некоторые

[22] *Церковные Ведомости (Прибавления)*, 1918, № 1, с. 23–27, № 2, с. 82–83; Центральный государственный архив Санкт–Петербурга (ЦГА СПб), ф. 143, оп. 1, д. 84, л. 31.

[23] Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 796, оп. 445, д. 792, л. 9.

из них были расстреляны, в общественных местах устраивались богослужения в поддержку патриархии, в адрес правительства отправлялись коллективные петиции. В России наметился массовый религиозный подъем. В 1918 г. к Православной Церкви, гонимой, а не господствующей, как ранее, пришли тысячи новообращенных, в том числе видные представители интеллигенции. Распространению религиозности способствовали и бедствия гражданской войны. В Петрограде, а затем по всей стране создаются массовые организации: союзы, братства, мирянские комитеты[24].

Массовое создание церковных братств и другие события зимы–весны 1918 г. оказались неожиданными для Совнаркома, рассчитывавшего на быстрое и безболезненное осуществление декрета об отделении Церкви от государства. Однако этому помешало, прежде всего, недовольство многомиллионного крестьянства. Оно в целом поддерживало меры экспроприации церковно-монастырской собственности, но в отношении введения гражданской метрикации, лишения приходов имущественных прав, устранения из школ Закона Божия отреагировало негативно. Крестьянство выступало против «обмирщения» традиционного уклада жизни, ломки «незыблемых устоев» «жизни по вере» в российской деревне. Мешали проведению декрета и отсутствие подготовленных работников, непоследовательность местных властей, различное понимание норм закона.

Весь период гражданской войны действовали созданные Поместным Собором органы Высшего церковного управления: состоящий из архиереев Священный Синод и Высший Церковный Совет, включавший кроме патриарха и трех членов Синода представителей приходского духовенства, монашествующих и мирян. Патриарх Тихон всеми доступными ему средствами боролся за соборность Церкви, неоднократно предпринимая попытки добиться созыва нового Поместного Собора. Деятельность Синода и Высшего Церковного Совета продолжалась до апреля 1922 г., даже неоднократные аресты патриарха не привели к отмене их заседаний[25].

---

[24] *Церковные Ведомости (Прибавления)*, 1918, № 3–4, с. 20–22; ЦГА СПб, ф. 143, оп. 3, д. 5, л. 48–53, 72–73.

[25] Кашеваров, А. Н., *Церковь и власть: Русская православная церковь в первые годы советской власти*, С.–Петербург, 1999, с. 103.

Несмотря на энергичные протесты против декрета «Об отделении церкви от государства» и призывы к верующим о защите православной веры и Церкви, Собор 1917–1918 гг. положил начало традиции поиска компромиссов с новой советской властью, уже в годы гражданской войны получившей развитие в деятельности патриарха Тихона. Правда, 18 марта 1918 г. патриарх написал свое единственное открыто политическое воззвание с осуждением Брестского мира с Германией. Но примерно в то же время отказался благословить начинавшееся белое движение.

В традиции соборного большинства патриарх Тихон 8 октября 1919 г. обратился с посланием, в котором призывал священнослужителей Русской Церкви отказаться от всяких политических выступлений. Это послание появилось во время успешного поначалу наступления белогвардейских войск генерала Антона Деникина на Москву, и ни о каком «приспособленчестве» в тех обстоятельствах речи быть не могло. Первосвятитель прозрел неизбежность большевизма и увидел спасение от него в духовности, а не в кровавой войне.

Существенную роль в сохранении части монастырей до начала 1930-х гг. сыграли перемены, произошедшие в жизни обителей в 1917–1918 гг. – введение в монастырскую жизнь выборного начала, ее оживление, превращение ряда обителей в нравственно–религиозные центры, развитие ученого монашества, старчества. В 1918 г. некоторые обители были преобразованы в сельскохозяйственные артели и коммуны и в таком виде просуществовали до начала «сплошной коллективизации».

После срыва продолжавшихся около месяца переговоров церковных и государственных органов власти, с мая–июня 1918 г. антицерковные мероприятия резко активизировались. Это происходило в контексте общего ужесточения внутренней политики РКП(б). 8 мая при Наркомате юстиции был создан VIII (позднее V) отдел по проведению в жизнь декрета об отделении Церкви от государства во главе с Петром Красиковым. Вскоре возникла система его местных органов при губернских советах. 10 июля V Всероссийский съезд советов принял Конституцию РСФСР, которая вводила ограничение политических прав в отношении служителей культа.

В ответ на определение Поместного Собора «О мероприятиях, вызываемых происходящим гонением на Православную Церковь», наметившее некоторые защитные действия, Совнарком 30 июля

принял постановление «О набатном звоне». Согласно ему за участие в созыве населения набатом виновные предавались суду трибунала. 24 августа 1918 г. появился документ, разъяснявший многие спорные аспекты положения Церкви, – инструкция Наркомата юстиции о порядке проведения в жизнь прежнего декрета, еще более ужесточившая требования властей. На реализацию ее статей отводился явно недостаточный двухмесячный срок[26]. На практике процесс осуществления декрета затянулся во многих губерниях России до 1921 г.

Обеспокоенные медленной реализацией своих директив, наметившимся совместным противостоянием им представителей различных конфессий, к концу лета власти решили использовать карательные меры. В это же время обострение политической ситуации в стране в целом вызвало появление постановления о «красном терроре». Он самым непосредственным образом затронул духовенство, погибли сотни священников и монахов. В сентябре 1918 г. были ликвидированы братства приходских советов, закрыто большинство церковных органов печати, из-за противодействия властей прекратил свою деятельность Поместный Собор[27].

Процесс подлинного обновления русского православия оказался прерван в самом начале. Продлись Собор в 1919 г., Русская Церковь, несомненно, продвигалась бы дальше по пути реформ, все больше приобретая черты живого динамичного организма. Октябрьский переворот, прекратив процесс возрождения Церкви, постепенно ликвидировав демократические преобразования ее жизни, и, дискредитировав саму идею реформаторства путем внедрения в 1920-е «обновленчества», по сути, стал своеобразной религиозной «контрреволюцией».

Кроме того, основной идеолог преобразований – либеральная церковная интеллигенция, не принимая Октябрь, и в целом занимала все более консервативные позиции. Ярко выраженная антире-

---

[26] *Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства РСФСР* (СУ), 1918, № 17, ст. 628, № 62, ст. 685; *Священный Собор Православной Российской Церкви: Собрание определений и постановлений*, вып. 3, Москва, 1918, с. 55–57.

[27] ЦГА СПб, ф. 143, оп. 1, д. 82, л. 60–61, д. 83, л. 7; Вострышев, М., *Божий избранник: Крестный путь Святителя Тихона, Патриарха Московского и всея России*, Москва, 1990, с. 88–89.

лигиозная направленность деятельности Совнаркома, тяжелейшие удары по Церкви, нанесенные уже в течение первого года после Октябрьской революции и серьезно поколебавшие многие ее устои, также стали одной из важнейших причин неудачи миротворческой функции патриархии. Антицерковные акции сильнейшим образом отразились на сознании всех основных социальных слоев России и явились существенным фактором ужесточения гражданской войны.

В ответ на гонения, в своем самом резком послании Совнаркому от 26 октября 1918 г. патриарх Тихон писал: «Вы разделили весь народ на враждующие между собой станы, ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство... И не предвидится конца порожденной вами войне, так как вы стремитесь руками рабочих и крестьян поставить торжество призраку мировой революции». Через месяц – 24 ноября патриарх был впервые арестован[28].

Дальнейшее разрастание гражданской войны сопровождалось в начале 1919 г. новым ужесточением антирелигиозной политики РКП(б). Расчет строился на полном и недолгом отмирании Церкви и религии. Считалось, что их может достаточно быстро преодолеть «целенаправленная система воспитания« и «революционного воздействия», в том числе насильственного. Позднее в советской литературе этот период борьбы с Церковью получил название «бури и натиска». Подобные взгляды получили отражение в принятой в марте 1919 г. на VIII съезде РКП(б) программе партии. По существу в ней ставилась задача тотального наступления на религию, говорилось о грядущем «полном отмирании религиозных предрассудков»[29].

Для реализации намеченной цели вводились все новые ограничения религиозной деятельности. 3 апреля 1919 г. Наркомат юстиции установил, что дозволенные добровольные денежные сборы верующих могут быть производимы «лишь на нужды определенного храма», хотя в тот период подобное требование являлось неосуществимым. Тяжелым ударом для Церкви стало запрещение в начале 1919 г. преподавание всех вероисповеданий детям до 18 лет.

---

[28] Алексеев, В. А., «Вначале был декрет», в: *Диалог*, 1991, № 4, с. 90.

[29] *КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК*, т. 2, Москва, 1983, с. 114.

Развернулось наступление на монастыри, хотя первоначально допускалось их существование при условии преобразования в трудовые артели и коммуны. С конца 1918 г. возобладала линия на закрытие обителей, до 1921 г. было национализировано более половины имевшихся в России монастырских комплексов – 722. Одним из самых сомнительных шагов органов советской власти в их религиозной политике стала широкомасштабная кампания по ликвидации святых мощей. Она никак не согласовывалась с принципами декрета об отделении и являлась грубым вмешательством во внутренние дела Церкви, попыткой регулировать каноны ее жизни и богослужебной практики. Первые подобные случаи относятся к лету 1918 г., а с весны 1919 г. они приобрели массовый характер. Эти акции были расценены как действенное средство антирелигиозной пропаганды и получили одобрение в Совнаркоме. 14 марта Наркомат юстиции принял постановление с указанием, что «вскрытие мощей... необходимо приветствовать»[30].

В то же время в руководстве РКП(б) не было единства в отношении религиозной политики. Группа «непримиримых» считала, что все духовенство реакционно, и необходимо неослабно бороться с Церковью до ее полного уничтожения. «Государственники» же полагали, что целесообразно произвести раскол в патриархате, выделить «прогрессивную» часть духовенства и, предоставив ей определенные льготы, использовать в своих целях. Свое видение содержания и способов «церковной политики« имели Наркомат внутренних дел и Всероссийская чрезвычайная комиссия, практически пытавшиеся развалить патриархат изнутри еще с 1918 г. В годы гражданской войны было осуществлено несколько таких попыток – создание «Исполнительного комитета духовенства» в Москве, деятельность «Народной церкви» в Пензе, «илиодоровщина» в Царицыне. Однако все они закончились неудачей, подавляющая часть духовенства и верующих осталась верна патриарху.

Политика же высшего церковного руководства в 1919–1920 гг. претерпела определенные изменения. По мере превращения большевистской партии из небольшой организации в мощную силу, фактически правившую страной, патриарх и его окружение начали использовать тактику сочетания признания новой власти с отстаи-

[30] ЦГА СПб, ф. 142, оп. 1, д. 5, л. 27, ф. 1000, оп. 79, д. 24, л. 14–17.

ванием самостоятельности Церкви, опираясь на провозглашенный принцип отделения ее от государства. В послании от 8 октября 1919 г. патриарх призвал духовенство «уклоняться от участия в политических партиях и выступлениях», подчиняться «велениям» советской власти[31]. Несмотря на все препятствия, Церкви в годы гражданской войны удавалось сохранять многие свои структуры. Продолжали функционировать тысячи домовых храмов, действовали богословские учебные заведения, осуществлялась религиозная благотворительность, устраивались общегородские крестные ходы.

Естественно, не все духовенство придерживалось нейтральной линии. Небольшое число священников служило бойцами в Красной армии. Правая же часть активно проявляла себя на территориях, занятых белогвардейскими формированиями. В ходе войны отторгнутые от патриархата епархии переходили на самоуправления, организуя местные центры. С ноября 1918 г. действовало Временное Высшее Духовное Управление в Сибири и Приуралье, такой же орган возник на юге России в мае 1919 г. Нередко они оказывались втянуты в политическую борьбу. В белых армиях служило военное духовенство – в войсках Колчака около 2тыс., у Деникина – более 1 тыс., Врангеля – более 500. Значительная часть из них впоследствии оказалась в эмиграции.

Подобные факты, несмотря на то, что руководство Московского патриархата старалось не провоцировать конфликтных ситуаций, служили питательной средой для новых антицерковных акций. В 1920 г. государственные органы в основном продолжали придерживаться тактики вытеснения религии из всех сторон жизни. В соответствии с циркуляром Наркомата юстиции от 18 мая в РСФСР была проведена ликвидация почти всех епархиальных советов. К лету по стране в целом произвели 58 вскрытий мощей, и правительство решило полностью завершить эту кампанию. 29 июля Совнарком утвердил предложения Наркомата юстиции «О ликвидации мощей во всероссийском масштабе». Однако сохранившийся значительный авторитет Церкви помешал полному осуществлению задуманного плана. Через 8 месяцев секретный циркуляр Наркомата юстиции от 1 апреля 1921 г. фактически признал поражение

[31] *Советская Россия*, 1991, 25 января.

в этом вопросе. К осени 1920 г. завершилась национализация церковного имущества. Согласно отчету VIII отдела Наркомата юстиции, к этому времени было изъято 7150 млн. руб., 828 тыс. десятин монастырской земли, 1112 доходных домов[32].

Но подрыв материальной базы и административные гонения не приблизили поставленных целей. Первый период антирелигиозного наступления не принес тех результатов, на которые рассчитывали некоторые теоретики большевизма (например, Николай Бухарин). Большинство населения страны, несмотря ни на какие варварские методы по отлучению людей от Церкви, продолжало оставаться верующим. Патриархат также вышел из гражданской войны в своей основе несокрушенным.

Постепенно руководство РКП(б) пришло к пониманию необходимости изменения тактики борьбы с Церковью, прекращения ее «военных приемов и методов». Акценты в этой борьбе начали смещаться в плоскость активизации пропагандистских усилий среди населения. Была проведена централизация соответствующей работы по партийной линии. С августа 1920 г. начал функционировать организованный отдел пропаганды и агитации ЦК РКП(б). 12 ноября Совнарком принял декрет о создании Главного политико-просветительного комитета республики во главе с Надеждой Крупской. При губернских комитетах партии появились антирелигиозные семинары для подготовки квалифицированных пропагандистов[33]. Вводившаяся в стране новая экономическая политика (НЭП) значительно скорректировала позицию руководителей государства по данному вопросу. НЭП требовал сделать более терпимым отношение к религиозным организациям, особенно в деревне, подавляющая часть населения которой оставалась верующей. «Кавалерийская атака» на Церковь не удалась.

Центральным стержнем советской религиозной политики в годы НЭПа были периодически повторяющиеся попытки подчинить Православную Церковь, поставить ее под полный контроль, сделать в конечном итоге придатком государственного аппарата. Для достижения этой цели применяли любые средства. Назревавшее

[32] Титлинов, Б. В., *Указ. соч*., с. 157; ЦГА СПб, ф. 1000, оп. 4, д. 73, л. 83–84.
[33] Воронцов, Г. В., *Ленинская пропаганда атеистического воспитания в действии (1917–1937 гг.)*, Ленинград, 1973, с. 30.

установление дипломатических отношений со странами Запада в перспективе требовало смягчения ситуации вокруг «религиозного вопроса». И в начале 1922 г. в результате дискуссий в ЦК РКП(б) и Совнаркоме пришли к выводу, чтобы руководство Православной Церковью в довольно сжатые сроки взяло бы в свои руки духовенство, абсолютно лояльное советской власти и правительству. А уже с этим духовенством и предполагалось на время нормализовать отношения.

В докладной записке Льва Троцкого от 30 марта, без возражений утвержденной Политбюро, была практически сформулирована вся тактическая и стратегическая программа деятельности партийного и государственного руководства по отношению к обновленческому (сменовеховскому) духовенству, проведению раскола в Русской Церкви: «Если бы медленно определяющееся буржуазно–соглашательское сменовеховское крыло церкви развилось и укрепилось, то оно стало бы для социалистической революции гораздо опаснее церкви в ее нынешнем виде... Поэтому сменовеховское духовенство надлежит рассматривать, как опаснейшего врага завтрашнего дня. Сегодня же надо повалить контрреволюционную часть церковников, в руках коих фактическое управление церковью. В этой борьбе мы должны опереться на сменовеховское духовенство»[34]. Таким образом, власти изначально планировали использовать обновленцев в своих целях, явно переоценивая их возможности, а затем «выбросить» как «отработанный материал».

Ситуация, значительно облегчившая наступление на Церковь, сложилась вследствие страшного голода в Поволжье. В Политбюро ЦК РКП(б) некоторое время шла борьба по вопросу отношения к духовенству. Рыков, Каменев, Калинин выступали против «решительных мер» к священнослужителям, на чем настаивал Троцкий (он был ответственным от Политбюро за проведение кампании по изъятию ценностей), Зиновьев, Бухарин и некоторые другие. Ленин первоначально колебался. Однако первые спровоцированные столкновения при конфискации ценностей дали повод перейти в наступление на «церковных мракобесов» и изменили расстановку сил, Ленин поддержал Троцкого и его сторонников.

[34] *Архив Президента Российской Федерации*, ф. 3, оп. 60, д. 63, л. 73–74.

В своем письме Молотову для членов Политбюро 19 марта 1922 г. Ленин писал: «...данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову... Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей... мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления». Ставилась и цель создания золотого запаса для нужд государства[35].

После первых сообщений о голоде в Поволжье Православная Церковь сразу же откликнулась на это событие. Еще в августе 1921 г. она создала епархиальные и Всецерковный комитеты для оказания помощи голодающим. Но такая помощь значительно поднимала авторитет Церкви в глазах народа. Это не соответствовало намечавшимся планам. Решением правительства Всецерковный комитет был закрыт, собранные средства реквизированы. Однако голод неудержимо рос. И 9 декабря Президиум Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) постановил разрешить сборы религиозным управлениям и общинам, поручив Государственному комитету помощи голодающим (Помгол) войти в сношение с ними о форме сбора пожертвований. Вскоре Помгол предложил Церкви добровольно сдавать ценности, не имеющие богослужебного канонического значения. Патриарх дал согласие и 19 февраля выпустил послание: «разрешить приходским советам жертвовать не богослужебные предметы»[36].

Декрет ВЦИК 23 февраля о немедленной конфискации местными советами всех драгоценных предметов, «изъятие которых не может существенно затронуть интересы самого культа», имевший явно антицерковную направленность, был полной неожиданностью для духовенства. Позднее, на допросах, находившийся уже под арестом патриарх подтвердил, что пока он вел переговоры с Помголом, «за его спиной» был выпущен декрет[37].

---

[35] «Новые документы В. И. Ленина (1920–1922 гг.)», в: *Известия ЦК КПСС*, 1990, № 4, с. 191.

[36] Регельсон, Л., *Указ. соч*., с. 278–279.

[37] *Красная газета*, 1922, 23 февраля.

На практике проводилась линия лишения Церкви наиболее почитаемых верующими святынь. В ответном послании патриарха от 28 февраля насильственное изъятие называлось святотатством, религиозным общинам возбранялась передача священных предметов, но при этом они призывались к милосердию и щедрости в сборе иных средств. Так вспыхнул новый трагический конфликт Церкви с государством. В результате в 1922–1923 гг. было физически уничтожено 8100 священников и монахов[38].

Подводя итоги кампании по изъятию церковных ценностей, следует отметить, что надежды ЦК РКП(б) на легкое обогащение не оправдались. Расчеты относительно сотен миллионов или даже миллиардов золотых рублей оказались мифом. Несмотря на непрерывное подстегивание местных властей Троцким, лично заинтересованным в этой акции, так как определенная часть добытых сумм должна была пойти на нужды возглавляемой им Красной армии, во многих регионах операции проводились неохотно. Всего к ноябрю 1922 г. оказалось собрано, помимо 964 антикварных вещей, церковных ценностей на 4651 тыс. золотых рублей[39], из которых на нужды голодающих пошла меньшая часть.

Но если первая цель антицерковной кампании в значительной мере достигнута не была, то вторая первоначально увенчалась большим успехом. В мае 1922 г. началась «церковная революция», породившая раскол и смуту среди духовенства и верующих. Возникшее обновленческое движение по своему составу было очень неоднородным. Некоторая часть духовенства желала проведения назревших реформ церковной жизни, и поэтому пошла за обновленцами, не зная, первоначально, каких сторон коснется это реформаторство. Большинство же рядовых участников движения оказалось включено в него логикой развития событий. После ареста патриарха Тихона и его вынужденного отказа 12 мая 1922 г. от руководства Церковью, обновленцы более года доминировали в церковной жизни страны[40].

Во многих районах, в том числе в Петрограде, они первоначально встретили решительное сопротивление. 28 мая митрополит

[38] Поспеловский, Д. В., *Указ. соч.*, с. 106.
[39] *Архив Президента Российской Федерации*, ф. 3, оп. 60, д. 63, л. 62, 76–77.
[40] См.: *Обновленческий» раскол (Материалы для церковно–исторической и канонической характеристики)*, составитель И. В. Соловьев. Москва, 2002.

Вениамин (Казанский) в своем послании к пастве отлучил петроградских обновленцев от Церкви. Именно это стало основной причиной его ареста. 10 июня–5 июля 1922 г. в Петрограде проходил судебный процесс над 86 священнослужителями и мирянами. Их обвиняли в организации сопротивления изъятию церковных ценностей. Надуманность процесса была очевидна и все же четверых обвиняемых, в том числе митрополита Вениамина, расстреляли в ночь на 13 августа[41].

Преобладающая часть прихожан была настроена к обновленцам враждебно, верующие оказывали всяческую поддержку тем священникам и архиереям, которые не подчинялись постановлениям обновленческого Высшего Церковного Управления. Занимавшие такую позицию иерархи переходили на самостоятельное «автокефальное» управление.

К концу 1922 г. при активной поддержке государства обновленцы все же смогли занять две трети из 30 тысяч действовавших в то время церквей. Пиком истории обновленцев стал их «II Поместный Собор», открывшийся 29 апреля 1923 г. 3 мая на нем было принято постановление, с негодованием воспринятое подавляющим большинством верующих, о лишении патриарха Тихона сана и монашества и ликвидации патриаршества в России. 8 мая делегация Собора была пропущена к находящемуся под домашним арестом Первосвятителю и передала приговор, но он ответил лишь, что не согласен ни по форме, ни по существу.

Обновленческий Собор узаконил равнозначность женатого и безбрачного епископата, второбрачие клириков, был введен новый григорианский календарь. Монастыри закрывались и превращались в трудовые коммуны и церковные приходы. В итоге проведенные Собором преобразования оказались относительно небольшими. Как видно из архивных документов, значительная часть делегатов сотрудничала с ГПУ, и это ведомство через них проводило желательные для него решения. А в каких-либо серьезных преобразованиях Церкви оно не было заинтересовано. Таким образом, обновленчество, по сути, являлось церковно-политическим движением.

---

[41] *«Дело» митрополита Вениамина (Петроград, 1922 г.)*, Москва, 1991, с. 8, 23; ЦГА СПб, ф. 1000, оп. 6, д. 41, л. 135, д. 108, л. 68, оп. 169, д. 1420, л. 44.

Уже вскоре после обновленческого Собора ситуация кардинально изменилась. Желая избежать судебного процесса, который неминуемо нанес бы сильный удар по православию в целом и, стремясь сохранить верную традициям Церковь, 16 июня 1923 г. патриарх Тихон подал заявление в Верховный Суд РСФСР с раскаянием в своей прежней «антисоветской деятельности» и с просьбой об освобождении из-под стражи. 19 июня комиссия при ЦК РКП(б) рассмотрела заявление и решила добиваться от него внесения в текст некоторых поправок. Под нажимом патриарх согласился внести часть из них, конкретизировав свою «вину».

27 июня Первосвятитель был освобожден. Существенную роль в этом сыграла широкая кампания в странах Западной Европы с требованием освободить патриарха. В тот период советское правительство было вынуждено считаться с ней. Уже в первом послании Первосвятителя к Церкви от 28 июня говорилось о неправомочности «Собора« 1923 г. и его решений. Вскоре число обновленческих приходов резко сократилось[42].

С начала 1924 г. патриарх стал добиваться приема у высших государственных руководителей, чтобы донести до них озабоченность состоянием отношений Церкви и государства. Несмотря на противодействие ряда лиц в ЦК РКП(б) и Совнаркоме, в марте он сумел пробиться на беседу к Михаилу Калинину и Алексею Рыкову. Особенно благожелательно к нуждам Церкви отнесся председатель Совнаркома Рыков. Он обещал помочь в уменьшении налогов с храмов и духовенства, освобождении из ссылок, заключения ряда иерархов, уменьшить давление на религиозные организации со стороны властей.

В то время не ставилась задача расправиться с религией. Более того, установился, хотя и не надолго, период сравнительно спокойных отношений властей с церковными организациями, своеобразный «религиозный НЭП». Это было вызвано необходимостью обеспечить экономическую и политическую стабильность в стране, укрепить «смычки» города с деревней, преимущественно религиозной, наладить внешнеполитические связи. Инициатором и проводником более мягкого курса являлась группа сторонников

[42] Алексеев, В. А., *Иллюзии и догмы*, Москва, 1991, с. 248–251; Регельсон, Л., Указ. соч., с. 342.

Бухарина, некоторое время доминировавшая в партийном руководстве. Она считала возможным идти по ряду вопросов на сотрудничество с церковными организациями[43].

21 марта ЦИК СССР принял специальное постановление о прекращении дела по обвинению в антисоветских преступлениях патриарха Тихона. Суд над ним так и не состоялся. 25 августа при Председателе ВЦИК для рассмотрения дел и жалоб по религиозным вопросам был организован Секретариат по делам культов.

Патриарх не оставлял усилий к поиску возможностей для созыва Собора, образования церковного управления, признанного гражданской властью. 28 февраля 1925 г. он официально обратился в НКВД с ходатайством о регистрации Временного Синода до созыва Поместного Собора. В этом же свете, возможно, следует рассматривать и послание патриарха к Церкви, подписанное в день его кончины 7 апреля и при опубликовании в газетах неправомерно получившее название «Завещание». В нем указывалось: «...не допуская никаких компромиссов или уступок в области веры, в гражданском отношении мы должны быть искренними по отношению к Советской власти и работе СССР на общее благо, сообразуя распорядок внешней церковной жизни и деятельности с новым государственным строем, осуждая сообщество с врагами Советской власти и явную или тайную агитацию против нее»[44].

Правда, подлинность этого документа многими представителями духовенства и верующих ставилась под сомнение. Смерть патриарха явилась большой и невосполнимой утратой для Православной Церкви. 12 апреля 1925 г. он был торжественно захоронен в московском Донском монастыре. В тот же день 59 иерархов, прибывших на погребение Тихона, ознакомившись с завещанием патриарха о Местоблюстителе, подписали заключение о вступлении в эту должность митрополита Крутицкого Петра (Полянского)[45].

Уже вскоре – 10 декабря 1925 г. он оказался арестован, и руководство Церковью перешло к заместителю патриаршего местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому). Последний также подвергался арестам, но 27 марта 1927 г. был окончательно осво-

---

[43] *Известия ВЦИК*, 1924, 3 июня.
[44] *Там же*, 1925, 15 апреля.
[45] *Русская Православная Церковь 988–1988*, вып. 2., Москва, 1988, с. 34.

божден. 10 мая Заместитель Местоблюстителя послал ходатайство в НКВД о разрешении ему на управление Церковью, а 18 мая созвал в Москве совещание епископов, на котором выступал с проектом организации Временного Патриаршего Священного Синода.

20 мая НКВД сообщил митр. Сергию, что «препятствий к деятельности этого органа впредь до утверждения его не встречается» (Синод был утвержден в августе). 25 мая 1927 г. состоялось официальное заседание Синода, в тот же день по епархиям было разослано постановление, в котором правящим архиереям предлагалось организовать при себе епархиальные советы и зарегистрировать их в местных органах власти. Так было положено начало работе по созданию на «законных основаниях» всей церковно–административной структуры патриархата[46]. Однако проведение Поместного Собора и выборы патриарха власти в то время так и не разрешили.

29 июля митрополит Сергием совместно с членами Синода выпустил «Послание к пастырям и пастве» («Декларация 1927 г.»), в которой, обращаясь ко всем верующим, заявлял: «Нам нужно не на словах, а на деле доказать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к Советской власти, могут быть не только равнодушные к Православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его... Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи»[47].

К весне 1927 г. политика ОГПУ по ликвидации единого центра Патриаршей Церкви была близка к успеху. Шантажируемый угрозой ареста всей православной иерархии, в обмен на «легализацию» патриархата, митрополит Сергий согласился выполнить основные требования властей и, прежде всего, допустить их вмешательство в кадровую политику: проведение епископских хиротоний с согласия ОГПУ, перемещение архиереев по политическим мотивам.

Митрополит Сергий при всей своей дальновидности и осмотрительности ошибся в расчете на то, что его уступки позволят свернуть репрессии священнослужителей. Однако в свете событий последующего десятилетия, когда встал вопрос уже не о подчинении, а

---

[46] Регельсон, Л., *Указ. соч.*, с. 414–417.
[47] *Известия*, 1927, 19 августа.

полном уничтожении православия в стране, компромиссная позиция Заместителя Местоблюстителя, позволившая хотя бы частично сохранить Церковь, представляется во многом оправданной. Но для значительной части духовенства и мирян она оказалась неприемлемой. В Церкви произошли новые разделения. Далеко не все верующие одобрили курс митрополита Сергия. В 1927–1928 гг. появилось довольно значительное течение так называемых «непоминающих» (за богослужением Заместителя Местоблюстителя и государственные власти).

Заканчивался период неопределенности, когда судьба русского православия еще находилась на распутье. С рубежа 1928–1929 гг. произошло существенное изменение всего курса политики по отношению к религиозным организациям в СССР. Период относительно спокойных контактов с ними сменился длительной полосой крайне воинственного отношения к Церкви. Это было связано с принятием общего курса руководящей группы ЦК ВКП(б) во главе с Иосифом Сталиным на свертывание НЭПа, насильственную коллективизацию, обострение классовых отношений в городе и деревне. В период ликвидации нэпманов, кулачества власти обрушились и на Церковь, усматривая в ней инструмент эксплуататорских классов, охранителя старого. Следует отметить, что хотя высшие государственные органы в 1930-е и не ставили задачу полного искоренения религии в стране, некоторые влиятельные общественные организации («Союз воинствующих безбожников» – СВБ) эту цель преследовали.

Первые крупные вехи нового курса пришлись на весну 1929 г., 8 апреля ВЦИК и Совнарком РСФСР приняли закон «О религиозных объединениях», по которому вся жизнь последних окончательно ставилась под контроль государства. В мае XIV Всероссийский съезд Советов изменил статью 4-ю Конституции РСФСР – вместо «свободы религиозной и антирелигиозной пропаганды» теперь дозволялась лишь «свобода религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды». В июне на II съезде СВБ прозвучал лозунг – «борьба с религией есть борьба за социализм», говорилось о необходимости объявления «безбожной пятилетки»[48].

[48] СУ, 1929, № 35, ст. 353.

Прежде всего, в связи с разжиганием классовой борьбы в деревне была предрешена участь монашеских коммун, артелей и монашества в целом, как «социальных институтов, чуждых социалистическому образу жизни». С 1928 г. в СССР начала осуществляться массовая ликвидация приходских церквей. Если в 1927 г. в России было закрыто 134 молитвенных здания, то в 1928 – 542, а в 1929 – 1000[49]. Осенью 1929 в инструкции местным органам НКВД и советским работникам указывалось на необходимость активизации борьбы на «религиозном фронте»[50].

К весне 1930 г. ситуация в религиозном вопросе стала критической. Гонения властей вызывали массовые выступления в деревнях, кое-где происходили вооруженные столкновения с верующими. Все это самым неблагоприятным образом сказывалось на создании колхозов. Неудачи в колхозном движении вызвали появление известной статьи Иосифа Сталина «Головокружение от успехов», критиковавшей некоторые прежние методы. 19 февраля 1930 г. митрополит Сергий в письме уполномоченному по вопросам культов при Президиуме ВЦИК Петру Смидовичу обратил внимание последнего на недопустимость начала создания колхозов «со снятия колоколов» и закрытия храмов. Письмо было рассмотрено и официально признано, что епископы и священники порой «сами выходили на поле вместе с ударными бригадами»[51].

По просьбе митрополита Сергия с начала 1931 г. стал выходить «Журнал Московской Патриархии». 14 марта ЦК ВКП(б) было принято постановление «О борьбе с искривлениями в колхозном движении», осуждавшее перегибы в отношении религии[52]. Важной причиной временного смягчения политики по отношению к религиозным организациям в СССР явилось послание Папы Римского Пия XI от 2 февраля 1930 г. с призывом к верующим

---

[49] *Ленинградский областной государственный архив в Выборге*, ф. 4727, оп. 3, д. 3, л. 95–104; Регельсон, Л., *Указ. соч.*, с. 476.
[50] Одинцов, М. И., *Государство и церковь (История взаимоотношений. 1917–1938 гг.)*, Москва, 1995, с. 45–46.
[51] Тальберг, Н., *К сорокалетию пагубного евлогианского раскола*, Джорданвиль, 1966, с. 79.
[52] *КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК*, т. 5, Москва, 1984, с. 104.

всего мира о молитве за гонимую Русскую Церковь, существенно подрывавшее международный авторитет советского правительства. Оно попыталось опровергнуть послание Папы и свернуло некоторые уже подготовленные антицерковные акции.

Отступление от «твердого курса» оказалось кратковременным. Уже с середины 1931 г. религиозная политика в СССР вновь резко ужесточилась. Начала расти новая волна ликвидации церквей, органы власти в ряде регионов страны впервые поставили задачу полного «искоренения» действующих храмов.

Несмотря на все усилия, к середине 1932 г. стало ясно, что I «безбожная пятилетка» провалилась. В июле рабочий президиум Центрального Совета СВБ рассмотрел вопрос о составлении II пятилетнего плана безбожников. Состоявшаяся в начале года XVII конференция ВКП(б) определила контуры II народнохозяйственной пятилетки, основной задачей которой ставилось построение «бесклассового социалистического общества». Возникла идея ликвидировать капиталистические (а значит, как считалось, и религиозные) пережитки в сознании людей. СВБ поставил утопическую цель – порвать с религией в бесклассовом обществе[53].

В 1933 г. усилия Комиссии по вопросам культов при ВЦИК оставаться в рамках законности слабели, и она все чаще отступала перед силами, открыто ставившими на административный диктат. Так в феврале Комиссия по настоянию ГПУ приняла постановление «О состоянии религиозных организаций» с призывом проводить решительную линию по сокращению возможного влияния служителей культов в массах трудящихся. В следующем месяце тяжелый удар по духовенству был нанесен при проведении паспортизации населения в крупных городах страны. В Ленинграде, например, из 600 православных священнослужителей примерно 200 было отказано в паспортах, и они оказались вынуждены покинуть город. Во второй половине 1933 г., вскоре после запрещения во многих населенных пунктах колокольного звона, началась широкомасштабная кампания по снятию и переплавке колоколов с действующих церквей. Проводилась она по всей стране в соответ-

[53] Алексеев, В. А., *«Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР*, Москва, 1992, с. 128–129.

ствии с директивами Совнаркома, тщательный учет бронзы шел по линии ОГПУ[54].

Достигнув к началу 1934 г. пика, гонения на Церковь затем постепенно ослабели. С весны вновь происходит определенное изменение отношения к религиозным организациям в СССР. В руководящих органах партии, в том числе в Политбюро ЦК ВКП(б) консолидируется умеренная группа во главе с Сергеем Кировым, недовольная многими левацкими перегибами в области внутренней политики. На отношение к Церкви повлияло не только некоторое общее смягчение внутренней политики, но и перемены на международной арене – установление дипломатических связей с США, приход в Германии к власти фашистов, а в более глобальном плане отказ по существу от концепции разжигания «мировой революции».

В этих условиях, видимо, начал вырабатываться план сотрудничества с Церковью в сфере внешней политики (осуществленный на практике только через 10 лет – в годы Великой Отечественной войны). Правда, предполагалось сохранить помимо Московского патриархата и обновленчество, еще более углубив их противостояние, так как староцерковная иерархия не внушала властям особого доверия. 27 апреля 1934 г. патриарший синод при участии других архиереев присвоил митрополиту Сергию титул «Блаженнейший митрополит Московский и Коломенский», т. е. с разрешения властей, возвел его на Патриаршую кафедру[55].

Вторая небольшая «оттепель» в отношениях Церкви и государства оказалась еще более кратковременной, чем в 1930–1931 гг. В декабре 1934 г. был убит 1-й секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) Сергей Киров. Его гибель использовали для нагнетания широкомасштабной кампании репрессий и террора. Она затронула все слои населения, однако особенно пострадали духовенство и верующие. Гонения на церковные организации в 1935–1938 гг. шли по нарастающей. Требовались все новые жертвы для обоснования концепции Сталина об обострении классовой борьбы в обществе по мере строительства социализма. И Церкви отводилось место только в лагере противников этого строительства. В 1937 г.

[54] ЦГА СПб, ф. 1000, оп. 51, д. 26, л. 30–35, 87, 99, ф. 7384, оп. 2, д. 20, л. 5–6, д. 39, л. 143, 156, оп. 33, д. 204, л. 145.

[55] *Журнал Московской Патриархии* (ЖМП), 1934, № 20–21, с. 3–4.

председатель Центрального Совета СВБ Емельян Ярославский заявлял, что «религиозные организации – единственные легальные реакционные вражеские организации»[56].

В конце 1930-х гг. общественное мнение уже обрабатывали таким образом, чтобы создать представление о подготовке в стране широкого заговора духовенства, руководимого зарубежными центрами и направленного на свержение советской власти. Для этого органами НКВД выстраивалась версия, что подобные шпионско–диверсионные организации действуют во многих областях СССР[57]. Фактически встал вопрос о самом существовании Церкви в стране.

Летом 1935 г. власти запретили «Журнал Московской Патриархии», прекратил существование Священный синод. В конце 1935 г. возобновились массовые аресты духовенства, активных мирян. Особенного размаха они достигли в 1937 г. Руководство антирелигиозной кампанией возглавлял лично нарком внутренних дел Николай Ежов. По стране прокатилась волна судебных процессов над священнослужителями по обвинению их в шпионаже и террористической деятельности. К 1938 г. церковная организация оказалась в основном разгромлена.

Только в 1937 г. было закрыто более 8 тысяч церквей, ликвидировано 70 епархий и викариатств, расстреляно около 60 архиереев. В ноябре 1995 г. председатель Комиссии при президенте по реабилитации жертв политических репрессий Анатолий Яковлев привел данные: за годы советской власти в СССР были уничтожены 200 тысяч священнослужителей, еще полмиллиона подверглись репрессиям[58]. Но эта информация явно неточна, хотя она касается представителей всех конфессий. В указанную цифру включены, вероятно, и православные церковнослужители: псаломщики, дьячки, сторожа храмов, а также миряне, проходившие по церковным делам. Наиболее точными представляются подсчеты Комиссии по реабилитации Московского Патриархата – 350 тыс. репрессированных за веру к 1941 г. (в том числе не менее 140 тыс. священнослужителей). Из них 150 тыс. было арестовано в 1937 г. (80 тыс. расстреляно). Последняя цифра почти совпала с данными, указанными Яковлевым –

[56] Алексеев, В. А., *Иллюзии и догмы*, с. 322–323.
[57] *Там же*.
[58] *Известия*, 1995, 29 ноября.

за 1937–1938 гг. репрессировано 165,2 тыс., в том числе 106,8 тыс. расстреляно[59].

К осени 1938 г. антирелигиозная политика государственных органов достигла пика своего развития. 7 октября Президиум Верховного Совета РСФСР постановил отменить положение о комиссиях по рассмотрению религиозных вопросов. Это означало уничтожение самой возможности контакта Церкви и государства. К тому времени в среде партийного и советского актива получило распространение мнение о необходимости полной ликвидации законодательства о культах и в частности постановления «О религиозных объединениях» 1929 г. С таким предложением к Иосифу Сталину обращался, в частности секретарь ЦК ВКП(б) Георгий Маленков. Выдвигалось и требование «покончить с органами управления церковников, с церковной иерархией»[60].

Однако разгром церковной организации не привел к желательным для советских властей результатам. С уничтожением большей части духовенства не исчезла потребность огромного количества людей в вере, она лишь принимала другие формы. Наглядно показали истинную ситуацию в стране результаты переписи 1937 г., включавшей вопрос о религии. Из 98412 тыс. опрошенных 55278 тыс. (56,17%) заявили о своей вере в Бога[61]. Неудача планов искоренения религии становилась все более очевидной. И уже в конце 1938 г. появились первые симптомы намечавшегося нового изменения курса государственной политики по отношению к религиозным организациям в СССР.

В 1939 г. закончился десятилетний период открытого наступления на Церковь. Причины этой перемены были как внутренними, так и международными: репрессивные акции не помогли снизить относительно высокую религиозность населения СССР: росло количество тайных богослужений, недовольство людей закрытием храмов; надвигавшаяся война требовала национального единства

[59] Емельянов, А., *Репрессии духовенства и мирян Русской Православной Церкви в 1917–1941 гг.: Конференция в Российском государственном историческом архиве*, С.–Петербург, 1995; Яковлев, А. Н., *По мощам и елей*, Москва, 1995, с. 94–95.
[60] Одинцов, М. И., *Государство и церковь в России. XX век*, Москва, 1994, с. 96; ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 33, д. 69, л. 21.
[61] *Всесоюзная перепись 1937 г. Краткие итоги*, Москва, 1991, с. 106–107.

вместо атмосферы внутригражданской борьбы, провоцируемой нападками на верующих; появилась заинтересованность в использовании Московского Патриархата для распространения советского влияния на православных жителей присоединенных к СССР в 1939–1940 гг. территорий (Бессарабия, Прибалтика, Западная Украина и Белоруссия). Положение Русской Церкви временно улучшилось, появилась возможность совершать архиерейские хиротонии, замешать пустующие кафедры на новых территориях страны.

К началу Великой Отечественной войны отношения между государством и религиозными организациями в СССР были далеки от нормальных. Множество запретов опутывало Русскую Церковь со всех сторон, сотни священников томились в тюрьмах и лагерях, отсутствовали монастыри, духовные учебные заведения. На всей основной территории Советского Союза (не учитывая присоединенных в 1939–1940 гг. республик) к этому времени имелось лишь около 350 православных храмов и два правящих архиерея: Патриарший Местоблюститель Сергий (Страгородский) и митрополит Ленинградский Алексий (Симанский).

Начавшаяся 22 июня 1941 г. война коренным образом изменила весь привычный уклад жизни в стране. Не могло не измениться и положение Церкви, отношение к ней советского государства. Уже первые слова обращения Сталина к народу 3 июля: «Дорогие соотечественники! Братья и сестры!» были подсказаны не марксистско–ленинской идеологией, а скорее церковной проповедью. Реальная действительность заставляла Сталина, руководство ВКП(б) начать пересмотр своей религиозной политики, перейти к диалогу во имя единства верующих и атеистов в борьбе с общим врагом России.

Впрочем, первоначально изменения были небольшие. Митрополитам Сергию, Алексию и экзарху Украины Николаю (Ярушевичу) не препятствовали распространять свои патриотические воззвания. Полностью прекратилась антирелигиозная пропаганда, была свернута деятельность «Союза воинствующих безбожников». К октябрю 1941 г. были закрыты все антирелигиозные периодические издания.

В первые месяцы войны еще проводились репрессии священнослужителей, но с середины 1942 г. аресты клириков Московского Патриархата почти прекратились. Более того, из лагерей освободили десятки священнослужителей, в том числе к сентябрю

1943 г. 11 архиереев. Постепенно начали возрождаться епископские кафедры. Появились первые случаи восстановления закрытых храмов. Религиозные центры СССР признали де–факто, им снова разрешили устанавливать связи с заграничными церковными организациями, в определенных рамках заниматься пропагандой и благотворительной деятельностью. В целом эти изменения соответствовали курсу, наметившемуся в 1939 г. в связи с отказом от массированного наступления на Церковь. Для него было характерно вынужденное допущение значительной активизации церковной деятельности без серьезных уступок, закрепленных законодательно.

Осень 1941 г. была очень тяжелым временем для страны. Фронт приблизился к Москве, и 7 октября, по указанию центральных властей Московский горисполком принял решение об эвакуации из столицы руководителей основных религиозных организаций СССР. Эту, по существу, принудительную эвакуацию провели 14 октября. По мнению некоторых историков, церковное руководство отправили в тыл с целью не допустить возможности захвата его германскими войсками в случае падения Москвы и использования фашистами в пропагандистских целях[62].

Эвакуация была проведена в Ульяновск, здесь с октября 1941 г. до конца лета 1943 г. проживал патриарший местоблюститель вместе с сотрудниками своей канцелярии. Был эвакуирован из Москвы и митрополит Николай (Ярушевич), но уже в ноябре 1941 г. ему разрешили вернуться в столицу. Экзарх Украины стал заместителем митрополита Сергия. Он сразу же начал активно сотрудничать с властями в организации пропаганды за границей, и вскоре был включен в качестве представителя Патриархата в различные государственные и международные организации.

В начале 1942 г. было разрешено в пропагандистских целях возобновить издательскую деятельность Русской Православной Церкви. 10 марта народный комиссар внутренних дел Лаврентий Берия предложил Сталину силами Московской Патриархии подготовить книгу-альбом, разоблачающую действия фашистов. Вскоре Политбюро ЦК ВКП(б) приняло секретное решение о публикации этого

[62] Алексеев, В., Ставру, Ф., «Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории», в: *Русское Возрождение*, 1981, № 13, с. 83.

издания. Предисловие к книге «Правда о религии в России» написал патриарший местоблюститель, уже летом она вышла из печати. Книга была издана тиражом 50 тыс. экземпляров, одновременно на нескольких языках и распространялась в США, Великобритании, Швеции, на Ближнем Востоке и за линией фронта[63].

Московский патриархат с самого начала войны занял ярко выраженную антифашистскую позицию, много сделал для укрепления патриотических чувств народных масс. Всего Русская Церковь внесла в фонд обороны более 300 млн. рублей, на ее средства были построены: танковая колонна «Димитрий Донской», эскадрилья «Александр Невский» и т. д. К лету 1942 г., когда стала очевидной политическая значимость церковного вопроса, сложилась система сбора информации о деятельности религиозных организаций на оккупированной территории и в пределах СССР. Основным информатором правительственных и партийных органов стал Наркомат внутренних дел[64].

5 января 1943 г. патриарший местоблюститель предпринял важный шаг на пути к фактической легализации Церкви, использовав сборы на оборону страны. Он послал Сталину телеграмму, прося его разрешения на открытие патриархией банковского счета, куда вносились бы все деньги, пожертвованные на нужды войны в храмах СССР. 5 февраля председатель Совнаркома дал свое письменное согласие и поблагодарил Русскую Церковь за ее труды. Получив разрешение открыть банковский счет, патриархия приобрела урезанный статус юридического лица[65].

В начале 1943 г. Сталин и его ближайшее окружение пришли к окончательному решению о необходимости приступить к нормализации государственно–церковных отношений. На него повлияла целая группа внутренних и внешнеполитических факторов. Одной из причин была активная патриотическая деятельность большинства духовенства и мирян. За полтора года войны Церковь показала свою силу в борьбе против фашизма, сумела во многом расширить и упрочить влияние в стране.

---

[63] ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 6, л. 18; Fletcher, W., *A Study in Survival*, New-York, 1965, p. 111–112.

[64] *Российский государственный архив социально–политической истории* (*РГАСПИ*), ф. 17, оп. 125, д. 93, л. 18, д. 188, л. 1, 4, 8–9, 18–19, д. 261, л. 34.

[65] Поспеловский, Д. В. *Указ. соч*., с. 187.

Определенное значение имело обращение в ходе войны к русским национальным патриотическим традициям. Идеологическая работа приобрела совершенно иные, чем прежде черты. Этот поворот осуществлялся во всех областях – от культурно-исторической до религиозной. В процессе завершения перехода от интернационального к национально–патриотическому курсу Русской Церкви отводилась роль катализатора и цементирующего компонента. В ней снова увидели опору государственности и патриотизма. Уже 7 ноября 1941 г. Сталин включил в свою речь во время военного парада на Красной площади наряду с именами Козьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова и Михаила Кутузова имена святых князей Александра Невского и Димитрия Донского. В кинохронике начали показывать немыслимые прежде кадры: в освобожденных городах жители с иконами встречают советских солдат, и некоторые из бойцов, осеняя себя крестным знамением, прикладываются к иконам; освящается танковая колонна, построенная на пожертвования верующих[66].

Помимо обращения к патриотическим традициям советское руководство стремилось нейтрализовать воздействие гитлеровской пропаганды, представлявшей Германию защитницей христианства в России. В конце 1942–начале 1943 г. были освобождены некоторые края и области на юге РСФСР, и Московский Патриархат понадобился для введения в контролируемое русло стихийно возродившейся церковной жизни на подвергшихся оккупации территориях. Уже вскоре на эти земли было направлено до 50% начавшего быстро расти епископата.

Существенным образом влияли и отношения с союзниками – США и Великобританией. Сталин действовал по заранее разработанному плану, в котором с стал уделять Церкви значительное внимание для придания собственному режиму власти видимости демократического, веротерпимого государства. В его расчетах Московскому Патриархату отводилась существенная роль в налаживании контактов с религиозными кругами на Балканах, Ближнем Востоке, в Северной Африке, установлении связей с влиятельными течениями в Англии, США, способными оказать воздействие на правительство. Шаги Сталина навстречу Церкви вызвали симпатию в этих странах.

[66] Сотников, Н. А., «Три встречи с Патриархом», в: *Родина*, 1999, № 10, с. 72.

Однако даже отношения с союзниками по антигитлеровской коалиции были не главными. Внешнеполитические планы «вождя народов» были более глобальными. С весны 1943 г., когда исход войны стал ясен, он начал размышлять о будущем послевоенном переделе мира, разрабатывать планы создания мировой державы. В этих имперских замыслах Церкви отводилась немаловажная роль. 5 июня 1943 г. Сталин подписал секретное постановление Государственного комитета обороны «Об утверждении мероприятий по улучшению работы разведывательных органов СССР», в котором религиозные организации впервые были отнесены к категории интересов советской разведки[67]. Изменение государственно–церковных отношений можно рассматривать как негласное признание «вождем народов» своей крупной политической ошибки. Но Сталин руководствовался, прежде всего, прагматическими расчетами, в свете которых все идеологические и т. п. аргументы отходили на задний план.

Весной–летом 1943 г. в руководстве страны обсуждался вопрос о том, какому органу поручить проведение новой религиозной политики. На первом этапе было решено оставить это право за созданным в апреле Наркоматом государственной безопасности (НКГБ). Но скоро стало ясно, что ему данное направление деятельности явно не удается (сказывались традиции 1930-х). И среди религиозных организаций он воспринимался как наследник их гонителей – ГПУ и НКВД. В результате возобладало мнение, что при Совнаркоме следует образовать специальный орган, который осуществлял бы связь правительства с Русской Церковью. Тогда же родилась идея встречи Сталина с ее иерархами[68].

Конкретный момент для намеченной встречи – первые числа сентября – был выбран неслучайно. В начале осени 1943 г. подготавливалась Тегеранская конференция, на которую возлагались большие надежды, связанные с открытием Второго фронта. Для оказания воздействия на союзников было решено использовать влияние Англиканской Церкви, руководство которой уже обращалось с

[67] Кнышевский, П. Н., «Истоки тотального шпионажа», в: *Государственная безопасность и демократия*, 1993, № 2, с. 45.
[68] Религиозные организации в СССР: накануне и в первые годы Великой Отечественной войны (1938–1943 гг.), публикация М. И. Одинцова, в: *Отечественные архивы*, 1995, № 2, с. 42.

просьбой разрешить визит своей делегации в Москву. Встреча делегации с русскими иерархами во главе с патриархом отвела бы многие обвинения СССР за религиозные преследования. Инициатива государства встретила ответную положительную реакцию Церкви. Окончательное «примирение» с властью далось церковной иерархии ценой компромиссов, болезненных для религиозного сознания. В частности, это касалось участия в кампании прославления Сталина, а также содействия осуществлению планов имперской внешней политики. Правда, в годы войны международная деятельность Московского патриархата в основном носила антифашистский характер.

В конце августа 1943 г. власти разрешили возвращение митрополита Сергия из эвакуации, о чем он уже неоднократно просил сам. Важнейшей вехой новой религиозной политики стало 4 сентября 1943 г. Днем на даче у Сталина прошло совещание на котором был обсужден новый курс государственной религиозной политики. Вечером же состоялся официальный прием в Кремле Иосифом Сталиным и Вячеславом Молотовым митрополитов Сергия (Страгородского), Алексия (Симанского) и Николая (Ярушевича). Во время встречи иерархам было сказано, что со стороны правительства нет возражений против желания Церкви избрать на Соборе епископов патриарха и создать синод, причем Сталин настоял на созыве Собора через три–четыре дня. Кроме того, было дано разрешение на открытие Духовных Академий и училищ, дополнительных приходов в епархиях, выпуск ежемесячного церковного журнала[69].

Вскоре после завершения встречи митрополит Сергий передал властям список на 26 священнослужителей, находившихся в заключении. Однако почти все из них к тому времени уже были расстреляны или погибли в лагерях ОГПУ–НКВД. В конечном итоге освобождена была очень небольшая часть томившихся в тюрьмах и лагерях священнослужителей.

Здесь, как и во многом другом, надежды Московского патриархата не оправдались, ряд обещаний выполнен не был. Для Сталина оказалось важным, прежде всего, создать видимость благополучия в религиозном вопросе, а за этой ширмой поставить Церковь

[69] ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 1, л. 1–10.

под жесткий контроль. Для осуществления контролирующей роли по постановлению Совнаркома от 14 сентября был создан специальный орган – Совет по делам Русской православной церкви при правительстве СССР во главе с полковником госбезопасности Григорием Карповым[70]. И вплоть до середины 1950-х этот Совет находился под опекой, прежде всего, всемогущих тогда органов госбезопасности.

Решение ключевых проблем государственной религиозной политики Сталин оставил за собой. Менее важными вопросами в правительстве занимались Молотов, а с 1946 г. Ворошилов, в ЦК ВКП(б) – поочередно Маленков и Жданов. Самостоятельная роль руководимого Карповым Совета на первых порах была не слишком значительной. В то же время надо отметить, что относительная внутренняя самостоятельность Церкви в годы войны и первое послевоенное десятилетие была гораздо большей, чем в последующие периоды. В данных осенью 1943 г. Сталиным устных указаниях Карпову говорилось: «...Совету не представлять собой бывшего обер–прокурора, не делать прямого вмешательства в административную, каноническую и догматическую жизнь церкви и своей деятельностью подчеркивать самостоятельность церкви»[71].

Конечно, самостоятельность патриархата была сильно ограниченной, но все же в тот период она касалась и комплектования кадров духовенства. Государственные органы еще не видели необходимости в проведении специальной кадровой политики, осуществлении отбора лояльных священнослужителей среднего и низшего звеньев. Служба госбезопасности и так могла без соблюдения какой–либо законности арестовать почти любого нежелательного священника или архиерея.

Глубокие изменения в жизни Русской Церкви начались сразу же после встречи в Кремле. Уже 8 сентября в Москве состоялся Собор епископов, на котором 19 иерархов единогласно избрали патриархом Московским и всея Руси владыку Сергия. Собор также обратился к христианам всего мира с призывом объединиться для окон-

[70] Васильева, О., Кнышевский, П. «Тайная вечеря», в: *Ленинградская панорама*, 1991, № 7, с. 27.
[71] РГАСПИ, ф. 5, оп. 16, д. 669, л. 4–5.

чательной победы над фашизмом. 12 сентября 1943 г. произошла интронизация патриарха. Через неделю патриарх Сергий приветствовал прибывшую из Великобритании делегацию Англиканской Церкви во главе с архиепископом Йоркским Кириллом Гарбеттом[72]. Правительство СССР также разрешило возобновление церковной издательской деятельности, духовного образования, открытие сотен храмов. Были внесены соответствующие изменения в законодательные акты.

После смерти патриарха Сергия (15 мая 1944 г.) 21–23 ноября 1944 г. в Москве состоялся Собор епископов, на котором был определен порядок избрания патриарха и выдвинут единственный кандидат – митрополит Ленинградский Алексий (Симанский). 31 января 1945 г. в Москве начал свою работу Поместный Собор Русской Церкви, на который были впервые приглашены православные патриархи и их представители из Румынии, Болгарии, Сербии, стран Ближнего Востока, зарубежные русские иерархи. Собор стал единственным, исключая военные, правительственные совещания, собранием такого масштаба в годы войны. Патриархом единогласно был избран митрополит Алексий (Симанский), интронизация которого состоялась 4 февраля 1945 г. В тяжелейших условиях Церковь сумела выстоять и вновь начала возрождаться во времена тяжелых для всего русского народа испытаний. К концу войны было восстановлено большинство архиерейских кафедр, воссозданы Епархиальные управления, функционировали богословские курсы, количество действующих храмов превышало 10200, в то время как в 1941 г. их насчитывалось 3732[73].

В этот же период прекратили существование болезненные для Русской Церкви обновленческий и григорианский расколы. Возросшие в годы войны авторитет, нравственная мощь, организационное укрепление Московского патриархата, а также изменение отношения государства к нему способствовали изживанию этих расколов «слева», во многом организованных в 1920-е самими властями. Остатки обновленчества прекратили существование в 1946 г. после смерти руководителя движения «митрополита» Александра Введенского.

---

[72] «Русская православная церковь стала на правильный путь», в: *Исторический архив*, 1994, № 3, с. 143.
[73] ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 4, л. 72–29; РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 313, л. 157–158.

В 1945–1948 гг. правительство сделало ряд существенных уступок в пользу Церкви, причем некоторые из них нарушали не отмененный закон 1929 г. о религиозных объединениях – предоставление последним юридического лица с ограниченными правами, значительное расширение прав настоятелей приходов, разрешение хозяйственной деятельности. Правда, и в указанное время религиозной политике государства недоставало последовательности. Изменения охватили не все существовавшие в СССР вероисповедания, по-разному проявлялись в союзных республиках.

Московский патриархат с окончанием войны всячески пытался упрочить свое положение. Всего за 1944–1947 в Совет по делам Русской Православной Церкви поступило 20689 коллективных заявлений об открытии 5998 церквей, из которых было открыто 1270. Начали функционировать 2 Духовные академии и 8 Духовных семинарий. Уступки властей в значительной степени объяснялись заинтересованностью государства в тех или иных международных акциях патриархата и зачастую предшествовали им.

Осенью 1948 г. произошел перелом, государственные органы избрали новую тактику: вместо жесткого контроля над допущенным расширением влияния Церкви – повсеместное вытеснение ее на периферию общественной жизни при сохранении внешне ровных отношений. С сентября 1948 до 1954 г. ни один новый храм открыт не был, более того, происходило массовое изъятие церковных зданий для переоборудования их под клубы. Здесь сказались не только внешнеполитические обстоятельства, но и начало курса на общее ужесточение репрессий против всякого инакомыслия. Большая часть партийно–советского актива сохраняла приверженность антирелигиозным стереотипам в идеологической работе: линия на потепление государственно–церковных отношений воспринималась ими как вредная для ВКП(б).

Середина 1950-х стала для Московского патриархата относительно благоприятным временем, хотя начало этого этапа предвещало для нее мало хорошего. В государственном и партийном аппарате началась переориентация в отношении к религиозному вопросу. Если для Иосифа Сталина (смерть которого в 1953 г. была отмечена тысячами панихид в храмах страны) и Вячеслава Молотова в церковной политике не требовалось санкции органов ВКП(б) и в контактах с патриархией они подчеркнуто выступали от имени советского государства, то с 1953 г. вопросы этой политики посте-

пенно перемещались в сферу партийного влияния и увязывались с целями и задачами атеистической работы.

В руководстве КПСС выявилось два подхода к проблемам Церкви – антирелигиозный и «государственный» (рассматривания патриархии как своеобразной части общей системы управления страной). Почти все 1950-е между сторонниками этих различных подходов шла борьба с переменным успехом. Правительство же все более дистанцировалось от проблем религиозной сферы, выражая готовность выполнять указания той части партийной элиты, которая одержит победу в споре о церковной политике. И все же 1955–1957 гг. стали наиболее благоприятными для Московского патриархата после 1947 г., он вновь заметно укрепила свои позиции.

Развернувшийся в это время процесс либерализации, развенчания сталинизма, расширения возможностей духовной жизни позитивно сказался и на положении Церкви. Были освобождены сотни находившихся в тюрьмах и лагерях священнослужителей, в 1955–1956 гг. было открыто 65 новых храмов, с 705 до 1680 человек увеличилось число учащихся Духовных школ, в 1956 г. впервые за всю историю СССР власти разрешили напечатать Библию и т. д.[74] Однако уже после июньского 1957 г. пленума ЦК КПСС расстановка политических сил в стране стала меняться не в пользу Церкви. Ведь «государственный» подход отстаивали в основном бывшие ближайшие соратники Сталина – Вячеслав Молотов, Георгий Маленков, Климент Ворошилов. Число сторонников жесткой линии в религиозном вопросе в руководстве коммунистической партии явно преобладало, и к 1958 г. они смогли одержать победу.

1958–1964 гг. стали одним из самых тяжелых периодов государственно–церковных отношений в СССР – временем последних попыток советского руководства радикально, в кратчайшие сроки решить «религиозную проблему» в стране. В партийных верхах зрели убеждения в возможности построения в скором будущем коммунистического общества. Считалось, что коммунистическая

[74] Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), ф. 5, оп. 16, д. 704, л. 174–175; ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 176, л. 4–5, д. 201, л. 74, д. 263, л. 30–52.

идеология жизнеспособна, еще далеко не исчерпала своих потенций и теперь, очистившись от сталинского наследия, проявит их. А раз она, несомненно, победит, то в каких–либо альтернативах, в том числе религиозной, необходимости нет.

Важным побудительным мотивом смены курса государственной религиозной политики явилась тревога в верхних эшелонах власти в связи с русским «религиозным возрождением». Этот процесс вновь начал разворачиваться в середине 1950-х. Связанное с критикой сталинизма частичное развенчание прежних идеалов, подрыв авторитета КПСС, идеологизация общества породили у части населения страны желание заняться поисками иной веры с ценностями, противоположными материализму. В начале нового наступления на Церковь в полной мере проявилось и давление окрепшего партийного аппарата, большей частью настроенного резко антирелигиозно. Если в 1943, 1948 и отчасти в 1953–1954 гг. основная роль в изменении характера государственно–церковных отношений принадлежала внешнеполитическим факторам, то в 1958 г. уже доминировали внутренние причины. С этого времени религиозная политика стала в значительной мере определяться пониманием роли и места атеизма в системе идеологической работы КПСС.

В конце 1950-х–начале 1960-х основными направлениями государственного давления на деятельность Церкви были: 1. резкое сокращение количества приходов и монастырей; 2. подрыв их материально–финансовой базы; 3. ликвидация духовных учебных заведений; 4. изменение положения об управлении Церковью, жесткий контроль над кадровой политикой патриархии; 5. давление на различные категории верующих, вплоть до полного запрещения некоторым из них (подростки, военнослужащие и т. д.) посещать храмы.

В СССР уже имелся опыт довоенных антирелигиозных кампаний. Он был учтен при переходе в очередное открытое наступление на религию, но уже на новой идеологической основе и в других политических условиях. Больше внимания стало уделяться пропагандистской, атеистической работе, причем в ней ярче проявлялось стремление к научному подходу. Кроме того, вводились элементы новой обрядности, к антирелигиозной агитации активно привлекали ренегатов – отрекшихся от сана священников (всего около 200), что почти отсутствовало в 1930-е. Однако с самого начала было

ясно, что достичь отмирания религии без государственного вмешательства в жизнедеятельность Церкви невозможно. По сравнению с 1930-ми гг. набор административно–репрессивных методов воздействия был гораздо более ограниченным. От администрирования не отказались, но теперь появилась новая политика разложения Церкви «изнутри», проведение ограничительных мероприятий по возможности самим Московским патриархатом. Впервые начала осуществляться целенаправленная кадровая селекция духовенства, происходило вмешательство в богослужебную практику, попрание канонических принципов церковной жизни. Контроль за церковной деятельностью достиг максимальных размеров. Это обеспечивалось существованием Совета по делам Русской Православной Церкви, во многом управлявшего Московской патриархией, через который можно было действовать под маской законности. Органы госбезопасности, всемогущие в 1930-е, предпочитали добиваться своих целей опосредованно.

На антицерковную политику сильное влияние оказывало и международное положение СССР. Советское государство возглавляло лагерь стран социализма, входило в ООН, и его руководство было вынуждено считаться с мировым общественным мнением. Поэтому большее значение придавалось идеологическому камуфляжу антирелигиозных акций. Завеса «хрущевской либерализации» долго позволяла держать в заблуждении мировую общественность. Но, в конце концов, к середине 1960-х голословно отрицать гонения на веру стало невозможно. Кроме того, международная ситуация в 1960-х складывалась так, что государство не могло обойтись без Русской Церкви в решении ряда внешнеполитических вопросов. И это также приходилось учитывать при планировании антирелигиозных кампаний.

В июле 1961 г. по инициативе советского руководства был проведен первый после долгого перерыва Архиерейский Собор. В условиях нараставших гонений патриарху Алексию пришлось пойти на изменения «Положения об управлении Русской Православной Церковью». Суть навязанной руководству Московского патриархата «церковной реформы» заключалась в отстранении священнослужителей от руководства приходами. Роль главы общины переходила от настоятеля к исполнительному органу – приходскому совету. «Реформа» во многом разрушила традиционное управление Церковью, ее организация юридически

расчленялась. 18 июля Собор утвердил навязанные ему изменения, а также принял решение о вступлении во Всемирный Совет Церквей и одобрил участие во Всемирном общехристианском конгрессе в защиту мира[75].

Важным этапом кампании гонений на Церковь стал состоявшийся в октябре 1961 г. XXII съезд партии. Он значительно расширил антирелигиозное наступление принятием Программы КПСС, провозгласившей построение коммунизма в основном за 20 лет. Во всех своих докладах и выступлениях на съезде 1-й секретарь ЦК КПСС Никита Хрущев актуализировал задачи борьбы с религией. В казавшееся таким близким коммунистическое общество Церковь никак не вписывалась. Фактически впервые в СССР ставилась цель полностью ликвидировать религиозные организации. Известно печально знаменитое обещание Хрущева как музейную редкость показать по телевидению «последнего советского попа»[76].

Своеобразный аспект антирелигиозной кампании обнаружился в феврале 1962 г. на Всесоюзной конференции по научно–атеистической пропаганде. На ней господствовало мнение, что «религиозные обычаи и традиции следует вытеснять новыми праздниками и ритуалами для удовлетворения эстетических и эмоциональных потребностей верующих». 25 августа 1962 г. соответствующее решение приняло бюро ЦК КПСС по РСФСР. Фактически это означало возрождение среди советских атеистов замаскированных идей богостроительства 1920-х. В печати начали появляться предложения о введении псевдорелигиозных ритуалов, которые бы при помощи определенных символов устанавливали мистическую связь людей с обещанным коммунистическим обществом будущего. Заявлялось, что будут построены специальные храмы с символическими украшениями, прославляющими коммунизм как высшее достижение человеческого ума. С конца 1950-х вводились торжественные ритуалы бракосочетания, регистрации рождения ребенка, вручения паспортов подросткам, «гражданские

[75] «Письма и диалоги времен “хрущевской оттепели” (Десять лет из жизни патриарха Алексия. 1955–1964 гг.), публикация М. И. Одинцова, в: *Отечественные архивы*, 1994, № 5, с. 65–73.
[76] Ильичев, Л. Ф., *Очередные задачи идеологической работы партии. Доклад на пленуме ЦК КПСС 18 июня 1963 г.*, Москва, 1963, с. 8, 9, 21–26, 46; *Вечерний Ленинград*, 1990, 5 сентября.

панихиды». Однако они быстро превратились в казенные, скучные мероприятия.

После временной «передышки», в 1964 г. начался, вероятно, самый ожесточенный этап наступления на Церковь в СССР. Намеченный срок построения коммунизма приближался, а заметного прогресса с преодолением «религиозных пережитков» не наблюдалось. В июне 1963 г. состоялся пленум ЦК КПСС, целиком посвященный задачам идеологической работы партии. С докладом выступил секретарь ЦК Леонид Ильичев, заявивший, что «религиозный опиум» – одна из крайних форм буржуазной идеологии, главный противник научного мировоззрения и необходимо нанести удар по «пережиткам прошлого». Пленум обязал все партийные и советские организации добиваться быстрейшего освобождения советских людей от них. Внутриполитическое положение в стране в тот период было сложным, и часть руководства КПСС решила переключить внимание партии и народа на борьбу с «враждебными элементами».

По указанию Хрущева, Идеологической комиссией при ЦК КПСС были приняты грандиозные «Мероприятия по усилению атеистического воспитания населения». Оформленные 2 января 1964 г. как постановление ЦК, эти мероприятия стали «государственным планом преодоления религиозного сознания масс». Документ имел характер тотального наступления на Церковь. В своей программной статье в январском номере журнала «Коммунист» Ильичев еще более усилил зловещий смысл постановления. Перед партийными организациями фактически ставилась утопическая задача через 12–17 лет в соответствии с Программой КПСС полностью освободить сознание людей от религиозных предрассудков.

Антирелигиозная истерия захлестнула страну. В вузах в качестве обязательного или факультативного курса были введены «Основы научного атеизма«, значительно усилилась антицерковная направленность школьных программ, появился Институт научного атеизма. Как обычно, в первых рядах безбожников шел комсомол, в июле 1964 г. ЦК ВЛКСМ предлагал партийному руководству запретить любую деятельность церковников по приобщению к религии детей и подростков, установив за нее уголовную ответственность. Во главе этой кампании стоял идеологический отдел ЦК КПСС, и у некоторых его работников появилась идея создать сектор по делам

атеизма и религии, то есть специальный партийный орган, который бы добивал Церковь.

Государственная церковная политика шла за линией КПСС в области идеологии, повторяя ее колебания. Указания ЦК и его отделов стали определяющими в работе Совета по делам Русской православной церкви, которому теперь отводилась роль инструмента для воплощения в жизнь идеологических установок партии. Правда, руководители Совета Григорий Карпов, а затем со временем и Владимир Куроедов, каждый в меру обстоятельств и личных качеств вели линию против тотального наступления на религию. Этап 1958–1964 гг. оказался очень тяжелым для Церкви: были закрыты 5540 храмов из 13414, ликвидированы 5 семинарий из 8, число монастырей сократилось с 56 до 16[77].

Однако Церковь доказала бесперспективность попыток уничтожить ее, продемонстрировала глубокие социальные корни в основных слоях населения СССР, привлекательность своей идеологии для широких народных масс и высокую жизнестойкость, способность своих структур выдерживать удары репрессивных органов. В РСФСР религиозная обрядность осталась примерно на прежнем уровне – 33% умерших отпевали и 30% новорожденных крестили. А в ряде регионов страны она даже выросла[78].

Ожесточенный «штурм небес» вызывал неодобрение даже в некоторых государственных организациях. Естественно, что новое небывалое наступление на Церковь вызвало массовое возмущение и сопротивление духовенства и мирян. Поэтому после смещения Хрущева с его поста 1-го секретаря ЦК КПСС в октябре 1964 г. массированная антирелигиозная кампания сразу же была прекращена. Результат подобных кампаний и в 1930–х и в 1960–х был общий – в конечном итоге их провал.

Осенью 1964 г. новое руководство СССР было вынуждено отказаться от прежней религиозной политики. В январе 1965 г. Президиум Верховного Совета СССР принял постановление «О некоторых фактах нарушения социалистической законности в отношении верующих», по которому из заключения были

[77] РГАНИ, ф. 5, оп. 33, д. 53, л. 21–28, 66, д. 91, л. 21; ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 486, л. 113–116, д. 528, л. 26, д. 529, л. 3–4.

[78] ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 529, л. 3–4, д. 567, л. 19; РГАНИ, ф. 5, оп. 33, д. 91, л. 21.

освобождены сотни узников совести. Властные структуры перешли к значительно более умеренной тактике постепенного вытеснения религиозных организаций из общественной жизни страны, одновременно активно используя Московский патриархат на международной арене.

Уже в 1941–1948 гг. патриархат играл важную роль во внешнеполитических планах советского руководства. Были учтены имевшиеся у нее значительные возможности для установления тесных контактов с влиятельными религиозно–клерикальными течениями в западных странах, способность влиять на антифашистскую борьбу в оккупированной Восточной Европе. В результате в 1942 г. патриархия выступила с рядом посланий к православным верующим европейских стран.

Но подобная деятельность являлась только началом. Уже весной 1943 г. начала формироваться заинтересованность Сталина в разделе сфер влияния в Европе. Он понимал, что преодолеть идеологический барьер с ее народами будет неизмеримо легче, если обеспечить передачу своих идей по церковным каналам. Прежде всего, предполагалось использовать Православные Церкви Восточной Европы. Кроме того, с Московским патриархатом были связаны и более глобальные планы утверждения ее первенства в православном мире, превращение в своего рода «Московский Ватикан».

Определенное значение имело и то, что во многих странах имелась паства Русской Церкви. Советскому руководству представлялось возможным таким образом распространять свое влияние на все эти государства. Международная деятельность Московского патриархата существенно активизировалась с сентября 1943 г. Конечно, нельзя ее оценивать исключительно с политических позиций. Русская Церковь имела традиционные вековые связи с различными конфессиями – англиканами, лютеранами, Восточным Православием, и поэтому было естественным, как только оказались сняты запреты, восстановление прежних связей.

Эти контакты касались и сугубо церковных вопросов. Однако внешние связи Московской патриархии являлись областью, в которой зависимость Церкви от государства ощущалась более всего. Некоторые иерархи были заинтересованы в восстановлении могущественной Русской Церкви с ее дореволюционным международным влиянием, сочувствовали они и идее «Великой Руси». Правда, активность руководящих деятелей патриархии в

выполнении чисто политических акций, тяготивших их, оказалась весьма далекой от расчетов властей.

Русская Православная Церковь недолго играла одну из центральных ролей в «большой политике» советского руководства – с осени 1943 по лето 1948 г. В этот период она являлась одним из важнейших инструментов реализации наступательной стратегии, осуществления попыток расширить влияние СССР в послевоенном мире. Причем ее использование нередко носило авантюрный характер. Основными направлениями международной деятельности Московского патриархата в указанные годы являлись: 1) перевод в свою юрисдикцию всех русских заграничных приходов; 2) обеспечение поддержки христианскими конфессиями в восточно–европейских странах режимов «народной демократии»; 3) борьба с Ватиканом; 4) утверждение своего первенства в православном и даже во всем христианском мире.

Только в 1945 г. были организованы выезды делегаций Московского патриархата в 15 стран. В результате с ним воссоединилось 20 русских архиереев и 285 приходов. Правда, Американскую и Финляндскую Православные Церкви, а также Западно–Европейский экзархат, несмотря на неоднократные попытки, воссоединить не удалось[79]. Наибольший успех был достигнут в Восточной Европе. Болгарская, Румынская, Сербская, Албанская, Польская и Чехословацкая Православные Церкви стали ориентироваться на Московский патриархат и поддерживать правительства «народной демократии».

В феврале 1947 г. руководство СССР разработало план создания в Москве мирового религиозного центра, его реализация могла фактически изменить всю тысячелетнюю традицию христианства. В октябре 1947 г. планировалось провести Вселенский Собор Православных Церквей «для решения вопроса о присвоении Московской патриархии титула Вселенской»[80]. Предполагалось, что затем Русская Церковь выступит инициатором создания международного межконфессионального христианского движения для борьбы с Ватиканом и организации исполнительного органа этого движения с местопребыванием в Москве[81]. Таким образом, через борьбу

[79] ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 130, л. 552; РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 407, л. 23.
[80] *Там же*, л. 34.
[81] *Там же*, д. 506, л. 13–16.

с Ватиканом Московская патриархия должна была возглавить всемирное христианство (и осуществить через него советское влияние на значительную часть человечества). Однако удалось провести в Москве только июльское 1948 г. совещание глав Православных Церквей. Далеко не все из поставленных задач были реализованы. Это объясняется их чрезмерной глобальностью, нереалистичным подходом властных структур, разрабатывавших данные планы.

Во второй половине 1948 г. произошло резкое падение заинтересованности руководства СССР во внешнеполитических акциях Русской Церкви. Потерпели неудачу все средиземноморские планы Сталина: в Греции, Турции, Израиле и, соответственно, не так нужны стали Восточные православные иерархи. Кроме того, 1 ноября 1948 г. новым Константинопольским патриархом был избран «американский ставленник» архиепископ Нью-Йоркский Афинагор, настроенный антикоммунистически. В основном завершилось выполнение Московским патриархатом своей «миссии» в восточно-европейских странах, там утверждались режимы «народной демократии». Явной неудачей закончились планы создания «Православного Ватикана» в Москве, да и основные цели борьбы с Ватиканом не были достигнуты. Всемирного христианского антипапского движения создать не удалось.

1948 г. стал во многом поворотным во внешней политике СССР. Разгоралась «холодная война». В этой связи советское руководство потеряло интерес к использованию Московской патриархии в мировой политике, стала очевидной ограниченность ее возможностей в новых условиях. Однако Церкви все же нашлась определенная роль – участие в движении за мир, призванном компенсировать невозможность для СССР в условиях «холодной войны» иными путями решать многие внешнеполитические задачи.

Появился новый фактор заинтересованности в международных акциях патриархата – его миротворческая деятельность. Новая роль Церкви оказалась неизмеримо скромнее прежней. В целом в конце 1940-х – начале 1950-х позиции Московского патриархата на международной арене значительно ослабли. Их новое укрепление началось с 1955 г. и происходило по мере того, как советское руководство опять стало проявлять все большую заинтересованность в использовании Церкви в своих внешнеполитических целях – расширении влияния на Ближнем Востоке, налаживании контактов с Югославией.

В конце 1950-х гг. руководство СССР стало все более явно выражать свое недовольство недостаточной активностью внешнеполитической деятельностью Московского патриархата. Прежде всего, власти были не удовлетворены его неэффективным проникновением на Ближний Восток. Кроме того, их не устраивала слабая, как им представлялось, роль патриархата во всемирном православии, недостаточность его миротворческих усилий. Слабость позиций Русской Церкви на международной арене стала одним из факторов, способствовавших возобновлению в 1958 г. ожесточенных гонений на нее внутри страны. В это время общее усиление СССР (успехи в экономике, изобретение водородной бомбы, запуск спутника) временно придало определенную самоуверенность его руководству, которое считало возможным занимать более жесткую позицию во внешней политике и в основном обходиться без таких организаций, как Церковь.

Правда, уже вскоре действительность заставила изменить подобные оценки. В начале 1960-х руководство СССР вновь решило обеспечить моральную поддержку со стороны верующих различных стран своей борьбе «за мир и разоружение», используя Московский патриархат. И Русская Церковь в 1961 г. вступила во Всемирный Совет Церквей (ВСЦ), в 1962 г. послала своих наблюдателей на II Ватиканский Собор, с 1961 г. стала участвовать во Всеправославных совещаниях на острове Родос, возглавила «Христианское движение в защиту мира».

Во второй половине 1960-х–1980-х гг. международная деятельность Московского патриархата развивалась в прежнем направлении. С одной стороны, он продолжал активно участвовать в «борьбе за мир». В то же время патриархат был вынужден оправдывать и военное вмешательство СССР в дела Чехословакии и ввод советских войск в Афганистан[82].

В 1960-е–1970-е гг. укреплялись и расширялись связи с различными Церквами, продолжался активный межконфессиональный диалог. Улучшение отношений с Римско–Католической Церковью привело к тому, что в 1969 г. Священный Синод даже принял определение о разрешении католикам обращаться в православные храмы за совершением святых таинств.

[82] *ЖМП*, 1968, № 10, с. 1–2; 1980, № 5, с. 3–6.

В 1970-е гг. несколько молодых русских богословов поехали на два года обучаться в католических семинариях Западной Европы. Правда, в июле 1986 г. после некоторого охлаждения отношений с Ватиканом указанное определение Священного Синода было отменено[83].

Делегации Русской Церкви участвовали в работе IV и V Ассамблей Всемирного Совета Церквей, причем митрополит Ленинградский Никодим (Ротов) с 1975 г. вплоть до своей смерти 5 сентября 1978 г. на приеме у папы Иоанна-Павла I являлся одним из президентов ВСЦ. В его рамках представители Московского патриархата участвовали в 1964, 1967 и 1970 гг. в консультациях с богословами нехалкидонских Церквей. В то же время в ВСЦ деятели Русской Церкви отстаивали православную точку зрения, категорически отказываясь от модернистских тенденций, распространенных на Западе, и защищали самобытность, самостоятельных отдельных конфессий. Они считали опасной иллюзией, что ВСЦ может достичь такой степени сближения Церквей, что превратится в будущем в некую экуменическую «сверхцерковь»[84].

Активизировались контакты с поместными Православными Церквами. В 1976 г. в Шамбези близ Женевы состоялось Первое Предсоборное Всеправославное совещание, где был уточнен каталог тем, которые предстояло обсудить на планируемом Всеправославном соборе. При этом выяснились различия в подходах ряда Церквей. Так, Московский патриархат предложил вместо массы параллельных епархий создать новые территориальные автокефальные Православные Церкви в Америке, Западной Европе и Австралии, с чем был не согласен Константинопольский патриархат. В рамках своего видения проблемы Русская Церковь еще в 1970 г., нормализовав отношения с Американским митрополичьим округом, даровала ему статус автокефальной Православной Церкви в Америке. В 1970 г. в состав Московского патриархата вошла на правах автономной Японская Православная Церковь.

К концу советского периода начали появляться первые признаки освобождения международной деятельности Русской Церкви от жесткого контроля государственных структур. В 1987 г. в состав

[83] *Там же*, 1970, № 1, с. 5; № 5, с. 25; ГАРФ, ф. 6991, оп. 6, д. 287, д. 288, л. 56–60.
[84] *ЖМП*, 1970, № 1, с. 6; 1976, № 4, с. 713.

советской делегации, сопровождавшей генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачева во время его поездки в США, были включены представители Церкви, и в послании, подписанном в ходе визита митрополитом Минским Филаретом и генеральным секретарем Национального Совета Церквей Христа в США впервые содержалась критика правительства СССР и делалась попытка размежевания политики и роли Церкви и государства. Так начиналась новая страница в деятельности Московского патриархата на международной арене.

После прекращения в конце 1964 г. ожесточенных антирелигиозных гонений положение патриархата стабилизировалось. Правда, закрытые в предыдущие семь лет храмы возвращены ей не были. Глубинных перемен в отношении руководства КПСС к религии не произошло. Антицерковная политика, по сути, была продолжена, изменились только ее формы и методы. За осуществлением курса атеистической работы следил ветеран борьбы с религией секретарь ЦК Михаил Суслов. Но при этом он предпочитал руководствоваться советами, данными ему в 1948 г. Сталиным – «не выпячивать» данный вопрос, осуществлять подрыв влияния Церкви «полуконспиративно», не обнародуя широко соответствующие решения ЦК КПСС, чтобы не провоцировать кампаний протеста[85]. Проводником этой политики стал Совет по делам религий – новый орган, образованный в декабре 1965 г. на базе Совета по делам Русской православной церкви и Совета по делам религиозных культов.

17 апреля 1970 г. скончался патриарх Алексий I, и 30 мая–20 июня 1971 г. состоялся Поместный Собор Московского патриархата. Его подготовка и проведение вызвали всплеск религиозного инакомыслия, но на Соборе Церкви снова было навязано желательное для советской власти решение, подтверждена правильность постановления Архиерейского Собора 1961 г. ограничить функции священника богослужением и проповедью, одобрена международная, в том числе экуменическая деятельность Московского патриархата и избран новый патриарх Пимен (Извеков)[86].

[85] ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 568, л. 9; ЦГА СПб, ф. 2017, оп. 1, д. 3, л. 62–64; Алексеев, В. А., *«Штурм небес» отменяется?*, с. 200, 202.

[86] *Поместный Собор Русской Православной Церкви 30 мая–2 июня 1971 г. Документы, материалы*, хроника, Москва, 1972.

Первая публикация «Положения о Совете по делам религий» в 1966 г. и изменений внесенных в 1975 г. указом Президиума Верховного Совета СССР в постановлении «О религиозных объединениях» показали, что давление на Церковь продолжается, но в более цивилизованных формах. Много значил уже сам по себе факт публикации законов вместо секретных инструкций. Впервые был обнародован представленный религиозным организациям в 1945 г. правовой статус ограниченного юридического лица. В то же время указ 1975 г. в большей степени сузил круг деятельности духовенства в частной жизни мирян, затруднил процедуру открытия храмов. Новая Конституция СССР 1977 г. в статье о свободе совести по сути ничего нового не дала, лишь антирелигиозная пропаганда была переименована в атеистическую.

При этом и в 1970-е власти постоянно нарушали закон с целью ограничения церковной жизни. Хотя закрытие храмов в это время уже не было массовым, широкое распространение получили отказы в регистрации фактически существующих общин. В 1972 г., после 16-летнего перерыва, возобновилась официальная регистрация православных объединений, но закрытие церквей продолжалось. В результате в 1971–1976 гг. число приходов патриархата сократилось с 7274 до 7038, а к 1981 – до 7007. Документом, иллюстрирующим действительное положение Церкви, стало письмо епископа Полтавского Феодосия (Дикуна) к генеральному секретарю ЦК КПСС Леониду Брежневу от 26 октября 1977 г. В письме был выражен протест против оскорбительных действий представителей власти и содержались требования прекратить практику регистрации треб, освободить Церковь от диктата уполномоченных, предоставить больше прав архиереям[87]. Владыка Феодосий был не одинок. В отчете заместителя председателя Совета по делам религий Фурова за 1976 г. указаны 17 «нелояльных» архиереев, старающихся обойти законодательство о культах.

С конца 1970-х после долгого перерыва вновь начало расти число священнослужителей. Значительно увеличилось количество учащихся Духовных академий и семинарий. В 1978 г. было зарегистрировано 11 новых приходов, в 1980 г. в поселке Софрино под Москвой создан завод по производству свечей и церковной утвари,

[87] *Вестник русского христианского движения*, 1981, № 135, с. 220–249.

в 1981 г. выстроено новое здание для издательского отдела Московской патриархии, увеличился выпуск богослужебных книг. Некоторое ослабление государственного прессинга проявилось и в том, что в 1983 г. Церкви был возвращен Свято-Данилов монастырь в Москве.

Однако это не означало существенного пересмотра религиозной политики в СССР. В начале 1980-х ее отличала двойственность. Наряду с некоторыми уступками официальной Церкви произошло значительное ужесточение репрессий против верующих, занимавшихся миссионерской деятельностью, катехизаторством, изданием и распространением религиозной литературы.

Ставший весной 1985 г. политическим руководителем СССР Михаил Горбачев первоначально продолжил прежнюю линию. Программа коммунистической партии, принятая на XXVII съезде КПСС была составлена в атеистическом духе. В середине 1980-х партийные и государственные работники продолжали использовать методы административного воздействия на религиозные объединения. Об этом, в частности, писал в одной из своих секретных записок в ЦК КПСС Константин Харчев, сменивший в 1984 г. Куроедова на посту председателя Совета по делам религий. Анализируя религиозную ситуацию в стране, он отмечал, что в ряде мест верующие лишены возможности удовлетворять свои религиозные потребности. Имели место факты увольнения с работы или исключения из учебных заведений по религиозным мотивам, ущемления других прав верующих[88]. Последняя антирелигиозная кампания в печати пришлась на осень 1986 г.

Поворотным моментом в положении религии и верующих в СССР стал 1987 г. Нарастание всестороннего кризиса советского общества, экономические трудности стали причиной попыток расширить массовую поддержку руководства страны, в том числе, за счет верующих. Определенная демократизация политической системы, широкое освещение в печати репрессий 1930-х–1950-х гг., от которых тяжело пострадала Церковь, озабоченность широких общественных кругов проблемой духовного оздоровления народа создали обстановку, в которой для Московского патриархата открылись новые возможности. Ситуация начала меняться после

[88] *Отечественные архивы*, 1995, № 1, с. 59–60.

январского 1987 г. пленума ЦК КПСС по вопросам перестройки и кадровой политики, который принял решения о демократизации общества и реформировании коммунистической партии.

С сентября 1987 г. впервые после середины 1950-х начало расти количество приходов, а в 1988 г. их было открыто уже более тысячи. Из тюрем и лагерей освободили узников совести. В марте 1988 г. Совет по делам религий разрешил увеличить в следующем году тираж религиозных изданий, в том числе настольного календаря Русской Церкви до 180 тыс., а богословских трудов – до 15 тыс. экземпляров; смета заграничных расходов патриархата выросла до 2 млн. инвалютных рублей (в 1987 г. – 1,6 млн.); издательскому отделу патриархата позволили получить в качестве дара от Евангелической Церкви ФРГ 500 тыс. экземпляров «Православного молитвослова» на русском языке[89].

Важнейшей вехой стало празднование тысячелетия Крещения Руси, превратившееся в подлинный триумф для Церкви. В преддверии торжеств 29 апреля 1988 г. состоялась встреча Горбачева с патриархом Пименом и членами Синода, на которой генеральный секретарь пообещал добиться отмены всех дискриминационных по отношению к верующим актов и законов. В ходе встречи было принято решение проводить приближающееся тысячелетие Крещения Руси не только как церковный, но и как общественно–значимый юбилей[90].

Еще до начала юбилея Церкви были возвращены Введенская Оптина пустынь, Толгский монастырь, а затем и Киево–Печерская Лавра, переданы мощи святых, находившиеся на хранении в государственных музеях Московского Кремля. В 1988 г. в Смоленске открылось первое межепархиальное Духовное училище, вслед за ним училища появились в Кишиневе, Чернигове, Ставрополе, Минске, Новосибирске. Церковные деятели получили доступ к средствам массовой информации.

В рамках юбилейных торжеств 6–9 июня 1988 г. проходили заседания Всероссийского Поместного Собора. Был принят новый

[89] Маслова, И. И., «Совет по делам религий при Совете Министров СССР и Русская Православная Церковь (1965–1991 гг.)», в: *Отечественная история,* 2005, № 6, с. 62.

[90] *Правда*, 1988, 30 апреля.

«Устав об управлении Русской Православной Церкви», согласно которому Соборы планировалось созывать с определенной периодичностью[91]. На Соборе 1988 г. обсуждались и вопросы о необходимости увеличить выпуск религиозной литературы, открывать новые духовные учебные заведения.

В октябре 1989 г. состоялся Архиерейский Собор, одним из важнейших решений которого стала канонизация патриарха Тихона. Также было заявлено о необходимости возрождения приходской жизни. В связи с подготавливавшимся тогда законом «О свободе совести», Русская Церковь заявила о необходимости внесения в него пункта о признании юридическим лицом церковной организации в целом. Таким образом, был открыто поставлен вопрос о пересмотре дискриминационных для Православной Церкви отношений с государством.

Последний в советский период Поместный Собор состоялся вскоре после кончины патриарха Пимена (3 мая 1990 г.). На предшествовавшем Архиерейском Соборе впервые с 1917 г. тайным голосованием были избраны три кандидата на патриаршую кафедру. Делегаты открывшегося 7 июня 1990 г. Поместного Собора выдвинули еще несколько кандидатур, но ни одна из них не получила необходимой поддержки. Во втором туре большинство получил митрополит Алексий (Ридигер), ставший пятым в истории СССР патриархом. Собор поручил Комиссии по канонизации святых подготовить материалы к прославлению новомучеников, пострадавших за веру в XX веке[92].

Таким образом, в конце 1980-х начался процесс постепенного оздоровления Русской Церкви, приобретения самостоятельности, освобождения из–под жесткого контроля различных органов советского государства. Он шел параллельно с «религиозным возрождением», бурным ростом числа верующих в стране. За пять лет – в 1985–1990 гг. открылось 3402 прихода (рост на 49%) и 40 монастырей (их число достигло 57)[93]. Ко времени распада СССР осенью 1991 г. в 93 епархиях Московского патриархата действова-

---

[91] *Устав об управлении Русской Православной Церкви*, Москва, 1988.
[92] Фирсов, С. Л., *Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х–1918 гг.),* Москва, 2002, с. 570–573.
[93] Маслова, И. И., *Указ. соч*., с. 63.

ло более 12 тыс. приходов, богослужения в них совершали около 10 тыс. священнослужителей.

Начавшееся бурное возрождение Русской Церкви сопровождалось нарастающими процессами внутреннего нестроения. Кроме того, в условиях, когда российское общество начало обращаться к поискам некоммунистической «веры» и новых путей организации своей жизни, Московский патриархат проявил определенное неумение наладить взаимодействие с потенциальной паствой. Подобная неготовность объяснялась, прежде всего, наследием прежних времен, когда религиозные организации были в основном вытеснены за пределы реальной общественной жизни. Все эти проблемы мешали Русской Церкви полноценно выполнять свои функции и в 1990-е. В результате активизировались внеконфессиональные поиски веры, росли проявления духовной эклектичности, множились ряды членов тоталитарных сект.

Церковную жизнь также существенно осложняли различные расколы. В западных областях ставшей независимой Украины произошло возрождение не существовавшей легально с конца 1940-х гг. Греко-Католической (униатской) Церкви. В 1992 г. митрополит Киевский Филарет (Денисенко) вышел из состава Московского патриархата (за что был запрещен в священнослужении, лишен сана, а затем и анафематствован) и возглавил самопровозглашенный Киевский патриархат. При этом большинство приходов на Украине остались в составе Автономной Украинской Православной Церкви Московского патриархата, которую в 1992 г. возглавил митрополит Киевский и всея Украины Владимир (Сабодан). Часть приходов отделилось от Русской Церкви в Молдавии и Эстонии. Вследствие распространения Константинопольским патриархатом своей юрисдикции на Эстонию, в 1995–1996 гг. Русская Церковь временно прерывала с ним евхаристическое и каноническое общение.

В дальнейшем Киевский патриархат принял в свою юрисдикцию ряд приходов и на территории России. В мае 1990 г. Архиерейский Собор существовавшей с конца 1920-х за рубежом фактически самостоятельной Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ) принял решение об открытии приходов и епархий в Российской Федерации. Это привело к острому конфликту РПЦЗ с Московским патриархатом, который был разрешен только в начале 2000-х.

В первой половине 1990-х было образовано большое количество новых епархий Московского патриархата, в 1997 г. их общее чис-

ло достигло 124. Российские власти возвратили Церкви большинство сохранившихся храмов; в некоторых городах и селах строились новые храмы; возрождалась монашеская жизнь; открывались духовные учебные заведения. В начале 1997 г. уже имелось 18 тыс. приходов, 390 монастырей, 47 монастырских подворий, 146 архиереев, 17 тыс. священнослужителей, 5 Духовных академий, 26 семинарий, 29 Духовных училищ и 13 пастырских курсов (всего около 9 тыс. учащихся). Вскоре после Архиерейского Собора 1994 г., были образованы новые отделы Московской патриархии: миссионерский и отдел по взаимодействиям с вооруженными силами и правоохранительными учреждениями[94].

Заметным событием церковной и общественной жизни стало принятие в 1997 г. закона Российской Федерации «О свободе совести и о религиозных объединениях» с учетом пожеланий священноначалия Московского патриархата. В преамбуле закона признается историческая роль Православной Церкви в судьбе России.

Завершил историю Русской Православной Церкви в XX веке юбилейный Архиерейский Собор 13–16 августа 2000 г. В это время в Московский патриархат входило 130 епархий, 545 монастырей и 19,5 тыс. приходов. Собор прославил в лике святых около тысячи новомучеников и исповедников Российских, в том числе последнего русского императора Николая II и членов его семьи, расстрелянных в 1918 г. Кроме того, Архиерейский Собор подвел итоги деятельности Московского патриархата на рубеже тысячелетий, принял новую редакцию «Устава Русской Православной Церкви» и одобрил «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви». Последний документ стал уникальным явлением в истории Православных Церквей, так как он впервые полно и систематически выразил позицию Церкви по важнейшим общественным проблемам: светская культура и наука, собственность, мир, война, преступность, светское право, средства массовой информации, труд, вопросы семьи и брака, отношения с государством и экологии[95].

---

[94] Цыпин Владислав, протоиерей, «Русская Православная Церковь в новейший период. 1917–1999 гг.», в: *Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь*, Москва, 2000, с. 167–169.

[95] *Русская Церковь на рубеже веков. Юбилейный Архиерейский Собор Московской Патриархии*, Москва, 2001.

ГРУЗИНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В XX СТОЛЕТИИ

Заза АБАШИДЗЕ

12 марта 1917 г. в соборе Светицховели, находящемся в древней столице Грузии Мцхета (ныне северная часть Тбилиси), где, согласно преданию, покоится одна из величайших христианских святынь – риза Христова, собрались 10000 мирян и клириков ради важнейшего события. После Божественной Литургии была провозглашена автокефалия Грузинской Православной Церкви. Речь шла о возрождении преемственности этой автокефалии. Тем самым подчеркивалось, что грузины, как миряне, так и клирики, никогда не признавали незаконной отмены этой автокефалии древней Грузинской Православной Церкви указом русского царя в 1811 г.

Взгляд в историю

Около 320 г. произошло значительнейшее событие в истории Иберии (по-грузински Картли), ныне Грузии. При царе Мириане государственной религией было объявлено христианство, определившее политическое, общественное и культурное развитие Грузии на многие века.

Открытие во время недавних археологических раскопок древнейших христианских гробниц позволяет утверждать, что население Картли было знакомо с христианством с I века. Древнейшие грузинские и византийские летописи повествуют, что учение Христово было провозглашено в Грузии апостолами Андреем Первозванным, Симоном Кананитом и Варфоломеем. Обращение

Грузии в христианство особенно связано с именем каппадокийки Нины, впоследствии канонизированной как просветительница грузинского народа. Равноапостольная Нина почитаема грузинами в течение всей их истории и до наших дней.

Обращенный св. Ниной в христианство царь Мириан около 323–326 г. направил к византийскому императору Константину Великому послов с просьбой прислать в Грузию священников. Император прислал в Грузию епископов, священников и диаконов. Они прибыли в Картли около 325–326 гг. Епископ для Грузии был рукоположен епископом Антиохийским Евстафием около 325–330 гг.

Так начались отношения с Антиохийским патриархатом, ставшим Церковью-матерью для Грузинской Церкви. Именно от Антиохии Грузия получила автокефалию около 460–470 гг. Тогда же или несколько ранее христианство было принято западным грузинским государством Колхети (византийцы называли его Лазика), которое географически и политически было ближе к христианским центрам Восточной Римской империи. Согласно Геласию Кесарийскому и Геласию Кизикскому, обращение Лазики произошло одновременно с обращением Картли, но имеются и другие сведения. В деяниях Никейского Собора упоминается присутствовавший на нем епископ Стратофил из Питиунта (ныне Бичвинта-Пицунда в Абхазии). Кроме того, имеются археологические доказательства (в частности, собор IV–V века в Пицунде) того, что, по крайней мере, частичное обращение Лазики произошло еще до обращения Картли.

В 460–470 гг., при царе Вахтанге I, были реорганизованы церковные структуры: предстоятель Церкви носил теперь титул католикоса, а не епископа Мцхетского, как раньше. Число епископских кафедр увеличилось примерно до 16.

В начале VI века две великие державы региона – Византийская империя и Персия – вступили в войну в Закавказье за господство над Арменией, Кавказской Албанией и Грузией. Это, прямо или косвенно, привело к расколу между закавказскими Церквами, так как армяне и кавказские албанцы не приняли Халкидонского Собора (451 г.).

Монашеская жизнь началась в VI веке с прихода 13 сирийских отцов, что усилило православное христианство в Грузии. Согласно преданию, эти отцы пришли из Сирии, хотя некоторые историки полагают, что речь идет о грузинах, принявших монашество в Си-

рии или Палестине. Во многих районах они основали монастыри, которые также стали очагами культуры.

Следующий период развития монашества связан с деятельностью Григория Хандзтийского (VII век), основавшего многие монастыри на юго-западе и западе Грузии, в областях Тао, Шавшети, Кларджети и Аргвети. Тогда же Грузинская Церковь начала строительство храмов и монастырей за пределами Грузии: в Египте, Сирии, Палестине, а позднее на Кипре, в Константинополе, в Болгарии и на Афоне.

Грузинские монастыри в Иерусалиме, на Синае и на Афоне стали значительными культурными центрами, где грузинские монахи писали оригинальные сочинения и занимались переводами.

Несмотря на частые нашествия арабов, персов, турок и монголов, грузинские цари и князья проявляли большой интерес к грузинским монастырям в чужих землях и посылали им щедрые дары. Это позволило грузинским монастырям в Святой Земле и на Афоне оставаться действующими до XVII–XVIII веков.

Окончательное объединение грузинских земель со столицей в Тбилиси произошло при царе Давиде IV (1089–1125). В его царствование были основаны два крупных интеллектуальных центра: в Гелати (близ Кутаиси) и в Икалто (близ Телави), где получили образование крупнейшие ученые, в том числе философ Иоанн Петрици. Грузинские государство и Церковь веками поддерживали развитие науки и образования.

В начале XI века к титулу католикоса был добавлен титул патриарха, и с тех пор Грузинская Церковь управлялась патриархами-католикосами.

В конце XV века, после опустошительных вторжений монголов и Тамерлана в XIII и XIV веках, повлекших за собой разделение Грузии на 3 царства (Кахетинское, Картлийское и Имеретинское), именно Грузинская Церковь была силой, способной духовно объединить грузинские земли и боровшейся за их единство.

Однако сама Церковь постепенно слабела. Из-за непрестанных войн, вызванных вторжениями извне, значительные грузинские территории были опустошены, и церковная жизнь пришла в упадок. Исчезли епископские кафедры. Ряд областей захватила Османская империя. Месхети (Самцхети), Джавакети, Тао, Кларджети, Шавшети, Артани и Аджария были насильственно обращены в ислам. Из-за столь тяжелого политического положения, из-за по-

стоянной угрозы со стороны турок-османов, лезгинских племен на севере и персов на юге восточные грузины попросили помощи у единоверных русских и в 1783 г. заключили с ними договор о протекторате.

XIX век

Однако в 1801 г. Россия нарушила условия договора и отстранила от власти династию Багратионов. Таким образом, Картлийско-Кахетинское царство на востоке Грузии было упразднено и заменено российской администрацией.

Вскоре и западная часть Грузии была включена в состав Российской империи. Единственным грузинским учреждением в этот период оставалась Грузинская Церковь во главе с патриархом Антонием II, сыном царя Ираклия II. Российская администрация, не желавшая признавать существование независимой Грузинской Церкви, подготовила в 1810 г. проект отмены ее автокефалии. В 1811 г. проект был одобрен российским императором, после чего Грузинская Церковь оказалась под юрисдикцией российского синода в качестве экзархата. Во главе экзархата стоял архиепископ Мцхетский и Карталинский. Все экзархи, кроме первого, Варлаама Эристави, назначались российским синодом. Высшим административным и юридическим органом Церкви была теперь «дикастерия», т. е. эквивалент юридического и административного органа Русской Церкви, управлявшего своими епархиями во главе с местными епископами.

Позднее, в 1814 г., эта система была заменена Грузино-имеретинской синодальной конторой. После учреждения экзархата все крестьяне, а равно и мелкие дворяне, работавшие на землях, принадлежавших Церкви, были обращены в государственных крепостных, а их земля в собственность Российского государства.

Структура Русской Церкви финансировалась государством, между тем как Грузинская Церковь всегда была экономически независимой, владея виноградниками, лесами, пастбищами и т. д. Собственность Грузинской Церкви перешла к Российскому государству. Вслед за этим были закрыты многие храмы, несмотря на сопротивление народа, перешедшее на западе Грузии в мятеж.

Но наиболее неприемлемым для грузинского населения было то, что богослужения должны были совершаться отныне на чужом для

него церковно-славянском языке, а богословие преподаваться на русском, единственном языке обучения во всех школах. К тому же, курс грузинского языка ежегодно сокращался.

В целом, экзархат, служивший Российской империи, стал все более систематически проводить политику русификации, которую поддерживали как религиозные учреждения, так и религиозная печать.

Экзархат, охватывавший сначала только Грузию, к концу XIX века распространил свою юрисдикцию на все Закавказье, на Северный Кавказ (Дагестан, Чечню, Осетию, Кабарду, Адыгею) и западное побережье Каспийского моря.

Грузинский экзархат имел под своим началом многие религиозные объединения, целью которых было восстановление и утверждение православной веры. Наиболее значительным из них было Общество восстановления православного христианства на Кавказе, сначала подчиненное экзарху, затем наместнику Кавказа. Общество сыграло значительную роль в восстановлении христианства в Осетии и утвердило религиозную политику Грузинского экзархата, намеренного распространять христианство среди осетин и лезгин.

Общество было также уполномочено христианизировать области, где прежде господствовали турки и жители которых были обращены в ислам (Абхазия, Аджария, Месхети). В марте 1917 г., когда Грузинская Церковь снова стала автокефальной, это Общество прекратило существование.

Автокефалия (1917–1918)

Как уже говорилось, в богослужениях, семинариях и приходских школах использовался церковно-славянский язык, а богословские сочинения издавались, в основном, по-русски. Миряне и духовенство чувствовали себя ущемленными, призывы к автокефалии звучали все настойчивее. В 1905–1907 гг. борьба за автокефалию обострилась. Русский синод на своих заседаниях по указанию царя Николая II неоднократно обсуждал вопрос о предоставлении автокефалии Грузинской Церкви, однако отказывался выполнить законное требование грузин. Несколькими годами позже, после свержения царского правительства (1917 г.), грузинское духовенство выказало волю и решимость, единогласно приняв декларацию

об автокефалии. В мае 1918 г. Грузия провозгласила политическую независимость. Однако другие Церкви не торопились признать автокефалию Грузинской Церкви, несмотря на очевидную незаконность изданного российским императором в 1911 г. указа, направленного против одной из древнейших Православных Церквей. Восстановление автокефалии, предпринятое грузинами в 1917 г., было абсолютно справедливым делом. Русская Церковь признала эту автокефалию только в 1943 г., а Вселенский Константинопольский патриархат – в 1990 г. Во главе Церкви был поставлен епископ Гурия-Самегрельский Леонид, а ее секретарем стал Давид Давиташвили. В администрацию входили клирики и миряне. Временная администрация должна была уладить некоторые вопросы с российским Временным правительством, с наместником Кавказа и с епископом Платоном (Рождественским), не желавшим отказаться от своего титула экзарха. Кроме того, временная администрация Грузинской Церкви должна была созвать церковный собор, которому следовало выполнить значительную работу, в том числе учредить административные органы, восстановить исторические епархии, принять правила управления Церковью и организовать выборы католикоса-патриарха всея Грузии.

13 марта 1917 г. епископ Леонид посетил члена Временной администрации Кавказа Б. Хатисова и изложил ему свое видение Церкви. 14 марта представители Грузинской Церкви встретились с экзархом Платоном и сообщили ему о лишении титула в связи с учреждением, согласно акту от 12 марта, временной администрации. Разумеется, экзарх Платон и российский Святейший синод оспаривали этот акт и отказывались признать автокефалию Грузинской Церкви. 27 марта российское временное правительство признало этот акт, но лишь для грузин, проживающих в Грузии и за границей. Другие православные христиане (русские, греки, украинцы и т. д.) оставались в подчинении у российского синода. Они предложили создать Кавказский экзархат с центром в Тбилиси. Это было необычно для административной практики Православной Церкви. Однако, несмотря на жесткое противодействие проекту, Святейший синод все же создал в 1917 г. для негрузин Кавказский экзархат Русской Православной Церкви, просуществовавший до 1920 г.

Первый Собор Грузинской Церкви состоялся в храме Сиони 8–17 сентября 1917 г. В нем участвовали 430 делегатов – клириков и мирян. Собор принял хартию об управлении Грузинской

Церковью, а также объявил о съезде всех грузин, живущих в Грузии и за границей. Церковь разделялась на епархии, епархии – на округа и приходы, каждый из которых имел собственный орган управления. Назначением этих органов была организация церковной жизни.

Делегаты Собора Грузинской Церкви были избраны от каждой епархии. Хартия постановила, что Собор должен возглавлять католикос-патриарх всея Грузии, а в его отсутствие – местоблюститель. Собор получил власть избрания католикоса-патриарха, учреждения новых епархий, избрания членов совета католикосата и церковного суда. Собор имел право изменять границы епархий, открывать семинарии и разрешать финансовые и другие вопросы жизни Церкви.

Совет католикосата возглавлялся католикосом и объявлялся постоянным исполнительным органом Собора.

Первый Собор учредил 13 епархий: 1) Мцхетскую архиепископию (во главе с католикосом), 2) Алавердскую, 3) Бодбийскую, 4) Урбнисскую, 5) Ацкурскую, 6) Гаэнатскую (включавшую приходы в Турции и Армении), 7) Кутаисскую, 8) Никорцминдскую, 9) Цагерскую, 10) Чкондидскую, 11) Батумско-Шемокмедскую и 13) Сухумско-Бедийскую.

Избрание католикоса-патриарха Грузии состоялось в последний день работы Собора, 17 сентября 1917 г. Имелось 2 кандидата: митрополит Леонид (Окропиридзе) и епископ Кирион (Садзаглишвили). Оба были хорошо известными иерархами и пламенными сторонниками автокефалии Грузинской Церкви. До установления автокефалии Кирион был в Росси епископом Витебским. Из 409 делегатов 209 проголосовали за Леонида и 221 за Кириона. Таким образом, Кирион стал католикосом-патриархом всея Грузии.

Католикос Кирион начал свое служение в нелегких обстоятельствах: ему предстояло оживить или вновь организовать почти с нуля церковные структуры епархий, уничтоженных много лет назад. Главная задача состояла в том, чтобы заставить признать восстановление автокефалии. Он обратился к Вселенскому Константинопольскому патриарху, к папе Римскому и к католикосу Армении, выражая надежду улучшить и укрепить взаимоотношения между Грузинской Церковью и остальным христианским миром. Но он не получил ответа ни от кого, кроме католикоса Армении. Это объясняется влиятельным положением Русской Церкви.

К сожалению, Кирион не сумел осуществить свои замыслы. 27 июня 1918 г. он был убит при загадочных обстоятельствах в своей летней резиденции – монастыре Марткопи. В 2002 г. синод Грузинской Церкви причислил его к лику святых.

Патриарх Леонид (1918–1921)

В ноябре 1918 г. собрание католикосата Грузинской Православной Церкви избрало католикосом-патриархом Грузии митрополита Тбилисского Леонида (Окропиридзе). 27 июня 1920 г. состоялся Второй Собор Грузинской Церкви. Леонид стал католикосом-патриархом, были объединены Тбилисская и Мцхетская епархии во главе с католикосом-патриархом, а Сухумско-Бедийская епархия была переименована в Сухумско-Абхазскую.

В феврале 1921 г. большевисткая Россия оккупировала независимую с мая 1918 г. Грузинскую республику. Началось яростное и беспощадное наступление на религию. Не избежала его и Грузинская Церковь. 15 апреля 1921 г. революционный комитет принял декрет, который ставил Церковь вне закона. Большевики организовали широкомасштабные гонения на духовенство. Пойманный при сокрытии богослужебной утвари видный иерарх митрополит Назарий Лежава был арестован и приговорен к смерти, но приговор был смягчен и заменен тюремным заключением и конфискацией имущества. Однако вскоре после освобождения в 1924 г. митрополит был снова арестован, а затем казнен вместе с другими священниками.

Во время установления советской власти Грузинская Церковь насчитывала 1450 действующих храмов, 25 монастырей и 1600 клириков. Церковь представляла собой силу, с которой безбожный режим не мог мириться. Для большевиков Церковь была не только религиозной организацией, но и хранительницей национально-культурного наследия и национальных интересов грузин. Надо отметить, что безбожная власть вела борьбу с Церковью успешно: к концу 1950-х гг. число действующих храмов сократилось до 50.

В первый период антирелигиозной кампании Грузинская Церковь понесла еще одну большую утрату: 27 июля 1921 г. скончался католикос-патриарх Леонид.

Патриарх Амвросий (1921–1927)

В начале сентября 1921 г. состоялся Третий Собор Грузинской Церкви. Было принято решение требовать от советской власти признания Церкви юридическим лицом. В резолюции оговаривалось, что отказ со стороны властей означает официальное преследование Церкви в Грузии. Собор осудил антицерковную политику советской власти и призвал духовенство к дисциплине, чистоте и единству, а всех верующих – к защите интересов Церкви в это тяжелое время.

В сентябре 1921 г. Собор провел выборы нового католикоса-патриарха, которым стал митрополит Сухумский и Абхазский Амвросий (Хелая). Новый католикос-патриарх энергично приступил к своей трудной миссии.

В апреле 1921 г. католикос-патриарх Амвросий послал меморандум Конференции за мир в Женеве и просил европейские государства поддержать Грузию и помешать большевистским захватчикам. Патриарх Амвросий отмечал, что недопустимые эксперименты большевиков под знаменем коммунизма приведут грузинский народ к нравственному растлению и вымиранию. Он писал: «Большевики уверяют всех, что они освободили грузинский народ и принесли ему счастье, но я, его духовный отец и наставник, у которого в руках тайные нити к сердцу народа, хорошо знаю, чувствует ли себя грузинский народ сегодня счастливым». Патриарх Амвросий требовал предоставить грузинскому народу право самому выбирать своих политических руководителей и образ жизни без вмешательства извне.

Как и следовало ожидать, меморандум привел к усилению преследований Церкви и духовенства. 23 июля 1922 г. Амвросий был вызван в управление секретных служб и обвинен в контрреволюционной и провокаторской деятельности. Газеты наполнились статьями, обвинявшими духовенство в предательстве народа и в контрреволюции.

В январе 1923 г. большевики арестовали всех членов совета католикосата, а самого католикоса Амвросия подвергли домашнему аресту в его резиденции. Церковь создала временную администрацию во главе с митрополитом Урбнисским Христофором Цицкишвили. 2 июня 1923 г. патриарх был изгнан из своей резиденции. Здание было передано исполнительному комитету Тбилиси и превращено в городскую гостиницу. 23 ноября 1923 г. Совет Народных

Комиссаров Грузинской Республики принял декрет о конфискации всего имущества Церкви: земель, зданий, икон, крестов, богослужебной утвари, лампад и т. д. Комитетам местной большевистской партии было предписано определить ценность сокровищ Церкви. В результате было уничтожено неисчислимое множество крестов, икон и других принадлежавших Церкви бесценных предметов.

10–11 марта советский трибунал, заседавший во Дворце Рабочих в тбилисском районе Надзаладеви, опросил свидетелей по делу католикоса-патриархата и членов Совета католикосата. Они были осуждены по обвинению в измене и антисоветской деятельности. Католикос-патриарх был приговорен к 7 годам тюрьмы с конфискацией как его личного, так и церковного имущества. Члены Совета также были приговорены по различным обвинениям к тюремному заключению с конфискацией имущества. В 1922–1923 гг. подверглось заключению около 1200 епископов, были разрушены или сожжены многие городские и сельские храмы. Арест католикоса-патриарха и других иерархов вызвал негодование в народе, и в марте 1925 г. власти были вынуждены освободить их. Но несколькими месяцами раньше были расстреляны митрополит Назарий Лежава и священники Герман Джаджанидзе, Симон Мшедлидзе, Иерофей Николадзе и диакон Виссарион Кухианидзе. В декабре 1926 г. советское правительство провело церковный собор, который оставил за католикосом сан, но отстранил его от управления Церковью. Правительство само назначило временную администрацию. 22 декабря Совет католикосата объявил эти решения недействительными, а всякий церковный собор, проводимый без предварительного согласования с Советом католикосата, незаконным.

Вследствие перенесенных репрессий здоровье патриарха было подорвано. Он скончался 29 марта 1927 г. В сентябре 1995 г. Собор Грузинской Церкви канонизировал патриарха Амвросия.

Патриарх Христофор (1927–1932)

Местоблюстителем был назначен митрополит Христофор Цицкишвили. 27 июня 1927 г. Четвертый Собор избрал его католикосом-патриархом всея Грузии.

На Четвертом Соборе Кутаисская и Гелатская епархия были объединены, образовав Кутаисско-Гелатскую епархию. Были

созданы еще 2 епархии: Маргветская и Агарак-Цалкская. Собор осудил деятельность Совета католикосата в 1922–1927 гг., признав, что антисоветские настроения и меморандум, обращенный к Женевской конференции 1922 г., не принесли Церкви и духовенству ничего, кроме тяжелых последствий. Иерархи Церкви решили улучшить отношения с советским режимом. Новый католикос-патриарх Христофор III надеялся, что позиция лояльности к новому режиму облегчит отношения между государством и священниками и положит конец процессу разрушения и закрытия храмов по всей стране. Однако в 1930-х гг. советская власть удвоила наступление на Церковь, и гонения усилились.

Четвертый Собор постановил также перейти на новый, григорианский календарь. Хотя это решение было принято всеми иерархами Церкви, его трудно было осуществить из-за сильного сопротивления духовенства и мирян. В конце концов, руководство Церкви вынуждено было отступиться, и 28 сентября 1928 г. синод объявил о возвращении к старому календарю. Тогда же, 28 сентября, прежний Совет католикосата был заменен синодом католикосата.

Хотя духовенство и стало лояльным по отношению к советской власти, оно по-прежнему оставалось бесправным сословием. Даже католикос Христофор III с трудом зарабатывал на пропитание. В 1931 г. его здоровье сильно пошатнулось, а 10 января 1932 г. он скончался.

Патриарх Каллистрат (1932–1952)

21–22 июня 1932 г. в Тбилиси состоялся Шестой Собор Грузинской Церкви, который избрал патриархом митрополита Манглисского Каллистрата (Цинцадзе). Новый патриарх был известным эрудитом, автором многих ученых трудов. В начале XX века он неустанно боролся за восстановление автокефалии. В 1923–1925 гг. был в заключении, так же как патриарх Амвросий и другие члены Совета. Он упорно пытался остановить разрушение и разграбление храмов и многократно обличал советскую власть за нарушение свободы совести, гарантированной Конституцией.

Особенно агрессивным было основанное в 1920-х гг. Общество воинствующих безбожников. Оно создало «университет» атеистической пропаганды, издавало газеты «Безбожник», «Во-

инствующий безбожник», «Воинствующий атеист». Повсеместно проводились антирелигиозные конференции. В 1937–1939 гг. Общество воинствующих безбожников организовало 25624 конференции и семинара во многих районах Грузии.

Советская власть облагала священников особо тяжелыми налогами, лишая их средств к выживанию, и многие из них покинули ряды духовенства. В одном из своих обращений к главе грузинских большевиков Кандиду Шарквиани патриарх Каллистрат Цинцадзе писал, что если так пойдет и дальше, 1600-летняя Грузинская Церковь перестанет существовать.

Во время II Мировой войны советский режим изменил позицию по отношению к Церкви, став более терпимым, так как Иосиф Сталин, сам грузин по происхождению, осознал, что государству в борьбе с немецким нацизмом крайне необходима поддержка Церкви и ее авторитета. Сталин встретился с высшими иерархами Русской Церкви. Он предоставил им право на собрания, на избрание патриарха и открытие семинарий. Перемены к лучшему произошли и в Грузии, особенно после того как Сталин в декабре 1941 г. обратился к патриарху Каллистрату с письмом, в котором благодарил Грузинскую Церковь за финансовую помощь Красной Армии. Это изменение позиции советского режима облегчило положение Грузинской Церкви: прекратилось закрытие и уничтожение храмов, Церковь даже получила разрешение строить новые. Стало проще выпускать церковную периодику, появилось несколько новых изданий, таких как «Церковный календарь», путеводитель по храму Сиони, а также устав Грузинской Церкви. Католикос-патриарх получил возможность помогать священникам, репрессированным в 1930-х гг. Благодаря его посредничеству были освобождены из тюрьмы некоторые священники, в том числе епископ Ефрем, будущий патриарх (1960–1972). Церкви были возвращены некоторые иконы и предметы богослужебной утвари. Кроме того, в 1945 г. власть вернула Церкви законный статус, которого ее лишили в 1920-х гг. Теперь Церковь смогла открывать счета в банке, заключать соглашения и заниматься торговлей (продавать свечи, иконы и т. д.). В 1943 г. открылись для богослужений 15 храмов. В 1945 г. Церкви было позволено открыть еще 14 храмов, так что на всей территории Грузии было теперь 29 действующих храмов.

В 1943 г. было восстановлено общение между Русской и Грузинской Православными Церквами, после чего установились отно-

шения и с другими, зарубежными, Православными Церквами: Румынской, Польской, Сербской. В 1948 г. католикос-патриарх Каллистрат был приглашен в Россию для участия в торжествах по поводу 400-летия автокефалии Русской Православной Церкви (ставшей патриархатом в 1589 г.).

Католикос-патриарх Каллистрат управлял Грузинской Православной Церковью 20 лет. Он вдохнул в нее силу именно тогда, когда она отчаянно в ней нуждалась, и настойчиво защищал ее интересы. Патриарх Каллистрат скончался 3 февраля 1952 г.

Патриарх Мелхиседек (1952–1960)

4 апреля 1952 г. католикосом-патриархом всея Грузии был избран митрополит Мелхиседек (Пхаладзе). В первый период своего служения (1953–1957) ему удалось восстановить некоторые храмы (в Бодбе, Моцамета, Поти) и построить новый храм в Хашури. По его просьбе советское правительство возвратило Церкви мощи святых мучеников VIII века Константина и Давида, находившиеся в музее в Кутаиси.

Патриарх Мелхиседек особо интересовался возрождением древнего грузинского церковного пения, и, несмотря на отсутствие финансовых средств, патриархат сумел возродить хоры.

Патриарх Мелхиседек просил для Церкви права выпускать собственный печатный орган и создавать курсы для подготовки священников, но в этот период его усилия остались напрасными. Однако Грузинская Церковь имела благожелательные контакты с другими республиками и их Православными Церквами. Патриарх участвовал в Международной конференции сторонников мира (1951, СССР) и в Межрелигиозной конференции в защиту мира (1952, СССР), а также в торжествах по поводу 40-летия восстановления патриаршества в России и т. д.

В меморандуме, посланном патриарху Константинопольскому Афинагору в 1953 г., патриарх Мелхиседек требовал признать права грузин на Ивиронский монастырь на Афоне, основанный грузинскими монахами в X веке и являющийся свидетельством грузинской культуры многих веков.

Католикос-патриарх Мелхиседек скончался 10 января 1960 г.

Патриарх Ефрем (1960–1972)

19 февраля 1960 г. на Одиннадцатом Соборе католикосом-патриархом был избран прошедший сквозь советские репрессии крупный церковный деятель митрополит Ефрем (Сидамонидзе). Его служение пришлось на новый период ожесточенной борьбы с религией, возобновленной по инициативе Первого секретаря Коммунистической Партии Н. С. Хрущева.

В 1960 г. оставалось только 48 храмов из 1450, зарегистрированных в 1921 г., и 80 клириков. После падения Хрущева (1964) положение улучшилось: теперь имелось более сотни действующих храмов, в которых служило 105 священников, а также 2 действующих монастыря.

Католикос-патриарх сумел совершить великие дела: он восстановил в Мцхете пастырские курсы, вскоре ставшие семинарией, и, впервые при большевистском режиме, напечатал Новый Завет и молитвослов. Ему нанесли официальные визиты патриарх Московский и всея Руси Алексий I и католикос Армении Вазген I. Сам патриарх Ефрем неоднократно посещал Москву.

В 1962 г. Грузинская Церковь вошла во Всемирный Совет Церквей (ВСЦ) с резиденцией в Женеве; католикос-патриарх присутствовал на Ассамблее Совета и выступил там с речью.

Католикос-патриарх рукоположил трех епископов, как и его преемник Давид V, ставший патриархом 1 сентября 1972 г. Однако все это не изменило положения в епархиях, где церковная жизнь почти угасла. Епископы покидали свои епархии и обосновывались в Тбилиси, а местное население не имело права ходить в церковь даже в праздники.

Патриарх Давид V (1972–1977)

При католикосе-патриархе Давиде V положение в Церкви стало еще отчаяннее. Духовенство преследовалось. Сам патриарх, уже престарелый, скончался в ноябре 1977 г.

Патриарх Илия (с 1977)

23 декабря 1977 г. Двенадцатым Собором был избран новый католикос-патриарх Илия (Шиолашвили), бывший митрополит Сухумский и Абхазский. На его интронизации в Мцхетском соборе присутствовали тысячи людей. Этот молодой, 44-летний патриарх пробудил у верующих надежды на улучшение жизни Церкви. Одна из главных его задач состояла в том, чтобы оживить епархии, существовавшие тогда лишь номинально. В течение первых 5 лет католикос-патриарх рукоположил 5 епископов, взявшихся за восстановление церковной жизни в своих епархиях. В тот же период были вновь открыты храмы при старинных монастырях в Шио-Мгвиме, Давид-Гареджи, Марткопи, а позднее в Бодбе и Теклати. Восстанавливались и другие храмы, строились новые. Монахи и монахини снова появлялись в монастырях, оставленных почти сто лет назад. Рукополагались священники. Власть позволила выпускать церковные издания, такие как «Крест виноградной лозы», а затем «Благословение Божие», «Летописи патриархата». Был опубликован ряд богословских и исторических трудов. Возрождалась религиозная практика.

В 1978 г. Грузинская Православная Церковь отметила 1500-летие своей автокефалии.

В 1979 г. католикос-патриарх Илия был избран одним из 10 сопредседателей ВСЦ на сессии его Центрального Комитета в Кингстоне (Ямайка). Это укрепило связи Грузинской Церкви с другими Православными Церквами и представителями различных вероисповеданий. Патриарх посещал также Болгарию, Россию, Армению, Индию, Германию, Турцию, Израиль, Нидерланды, США, Великобританию, Румынию, Чехословакию и Ватикан. С другой стороны в Грузии были гостями Вселенский патриарх Варфоломей, патриарх Антиохийский Игнатий, патриархи Александрийские Николай и Петр, патриарх Болгарский Максим, патриархи Российские Пимен и Алексий, митрополиты Американские Феодосий и Герман, архиепископ Элладский Серафим, католикосы всех армян Вазген и Гарегин, архиепископ Кентерберийский Джон Кэрри и папа Римский Иоанн-Павел II.

В 1980–1990 гг. Грузинская Церковь поддерживала тесные связи с ВСЦ, но в конце XX века часть грузинского духовенства сочла, что Церковь должна покинуть этот Совет, в котором

господствуют протестанты и линия которого для Грузинской Православной Церкви неприемлема. Этот вопрос входил в повестку дня заседания Священного синода 20 мая 1997 г., на котором было принято решение о выходе из Всемирного Совета Церквей (ВСЦ), а также из Конференции Европейских Церквей (КЕЦ).

В 1988 г., еще при коммунистах, в Тбилиси была основана духовная академия, а в 1996 г. была возрождена основанная в XII веке Гелатская Духовная академия, главный центр грузинской культуры и науки. Это стало крупнейшим событием в церковной жизни Грузии.

Тогда же, в 1996г., государство и Церковь совместно основали Гелатскую Академию наук.

Кроме того, открылись духовные семинарии в Ахалцике, Батуми и Поти. В 2005 г. Грузинский патриархат создал в Тбилиси Международный фонд милосердия (*The International Charity Foundation*, www.fundpatriarch.ge), ставящий целью возрождение и развитие духовности, культуры и науки и защиту духовного наследия, а также Центр организации выставок и других событий. Центр и сегодня финансирует реставрацию храмов и древних рукописей. Под эгидой этой организации оказывается также содействие реабилитации наркоманов; во многих монастырях медики и психологи помогают молодым людям преодолеть наркотическую зависимость.

В 2006 г. был основан центр грузинской духовной музыки, а также Институт биологической агрикультуры при Тбилисской Духовной академии.

Именно благодаря католикосу-патриарху Илии автокефалия Грузинской Церкви признана Вселенским Константинопольским патриархатом. Патриарх не раз ставил этот вопрос и на официальных встречах, и в органах массовой информации. 4 марта 1990 г. патриарх Константинопольский Димитрий II Томосом признал автокефалию Грузинской Церкви. Одновременно патриарх Димитрий прислал патриарху Илии другой Томос, которым признавался его титул.

После провозглашения 9 марта 1991 г. независимости Грузии Грузинская Церковь получила возможность включиться в общественную деятельность. С тех пор Церковь опекает многочисленные приюты для брошенных детей, а также для безработных и бездомных, просветительские центры и учебные заведения; при

многих монастырях сейчас действуют небольшие медицинские центры, которые заботятся о больных и обездоленных. С 1990 г. Церковь начала служение в тюрьмах.

В 1995 г. в Церкви служило 25 епископов. В 2000–2005 гг. было восстановлено 9 исторических епархий, а в 2005 г. была основана новая епархия для православных грузин, проживающих за границей. В 2007 г. епископов было уже 37.

Устав Грузинской Церкви от 1995 г., принятый на Соборе указывает, что патриарх возглавляет Церковь и носит титул «Святейший и Блаженнейший Католикос-Патриарх всея Грузии, Архиепископ Мцхетский и Тбилисский». Он возглавляет также Священный синод, на котором собираются все епископы. Юрисдикция Церкви охватывает всех православных христиан, живущих в Грузии, а также всех православных грузин за ее пределами, кроме прихода в Париже, подчиненного Константинопольскому патриархату.

Под юрисдикцией Грузинской Православной Церкви находятся также бывшие грузинские территории, принадлежащие сейчас иностранным государствам: Тао-Кларджети, Шавшети и Лазети в Турции, Лоре-Ташири в Армении и Саингило в Азербайджане. В 2007 г. там проживало около 5000 грузин.

Резиденции католикоса-патриарха Грузии находятся в Мцхете и Бишвинте, а главная – в Тбилиси.

Патриархия включает отделы финансов, печати, образования, социальной помощи, миссии и евангелизации, иностранных дел, окружающей среды, научно-энциклопедический и паломнический. Один из отделов занимается работой в армии и в местах заключения.

14 октября 2002 г. президент Грузии Эдуард Шеварнадзе и католикос-патриарх подписали Конституционное Соглашение между Церковью и государством. Это Соглашение представляет собой для Грузии второй основной закон и является прецедентом церковно-государственного конкордата, практически невозможного в советские времена. Конституционное соглашение регулирует отношения государства и Церкви. Два эти документа, Конституция Грузии и Соглашение, признают особую роль Церкви в истории Грузии. Государство признает моральные и материальные обиды, нанесенные большевистским режимом, и принимает на себя ответственность за возмещение всего ущерба. Оговаривается также, что

все храмы на территории Грузии, в том числе разрушенные, принадлежат Церкви. Кроме того, собственностью Церкви объявляются все иконы, кресты и другие предметы православного культа, находящиеся в музеях. Все древние храмы и соборы будут восстановлены государством по согласованию с Церковью. Порядок реставрации будет определяться иерархами Церкви по согласованию с представителями государства.

Производство предметов культа, свечей, елея, церковного вина, а также издание духовной литературы освобождается от налогов.

Государство и Церковь взаимно признают действительность выданных ими дипломов и сертификатов.

В 1996 г. началось и в 2004 г. окончилось строительство Свято-Троицкого собора в Тбилиси. За последние годы в разных районах Грузии построено более 100 храмов.

Как упоминалось выше, ко времени взятия власти большевиками в Грузии насчитывалось 1450 действующих храмов и 25 монастырей. В 1930-х гг. оставалось только 350 храмов, а в 1940 г. – всего 15. Та же судьба постигла монастыри: в 1940-х гг. их оставалось только 5.

Следует отметить, что монахи, как люди не имеющие ни семьи, ни собственности, вели себя в целом смелее, чем женатые священники. Они либо оставляли свои монастыри и служили в опустевших приходах, либо оставались в монастырях, рискуя быть убитыми. Многие из них были арестованы. В монастырях, которые советская власть объявила культурными памятниками, монахи использовались в качестве их хранителей; например, такие духовные лица, как архимандрит Иоанн (Майсурадзе) и архимандрит Георгий (Мхеидзе) были хранителями монастыря Бетания. Они жили и работали там до 1960-х гг. Знаток и издатель церковных песнопений игумен Эквтиме (Кереселидзе) один работал в монастыре Зедазени до 1944 г. В 2004 г. он канонизирован Грузинской Церковью.

Следут также отметить, что монахини меньше пострадали от репрессий, чем монахи, и, таким образом, их осталось больше. Некоторые женские монастыри оставались действующими в течение всего советского периода, например, в Бодбе, Самтавро, Мартмкопи и Дзкилети.

В 1980-е годы мы стали свидетелями возрождения церковной жизни. Сегодня действуют почти все древние монастыри, и двадцать других были построены.

В 2005 г. население Грузии насчитывало приблизительно 4,7 млн. человек, большинство из которых были православными. Кроме православных, в Грузии проживало 300000 членов Армянской апостольской Церкви, 37000 католиков греческого или латинского обряда, около 2000 лютеран, 20000 баптистов, 5000 независимых пятидесятников и 400 адвентистов. Из новых религиозных движений наиболее многочисленными были свидетели Иеговы (около 2000 членов). В стране проживало также около 470000 мусульман и 18000 иудеев.

БИБЛИОГРАФИЯ

Abashidze, Z., Abashidze, N., Bubulashvili, E., Saitidze, G., Vardosanidze, S., Witness Through Troubled Times. *A History of the Orthodox Church of Georgia, 1811 to the Present*, (ed.) Grdzelidze, Tamara, George, Martin, Visher, Lukas, London, Bennet & Bloom, 2006.

Джапаридзе, Анания (епископ), *История Грузинской Апостольской Церкви*, в 4-х томах, Тбилиси, 2003 (на груз. языке).

Ioseliani, P., *A Short History of the Georgian Church*, tr. Rev. S. C. Malan, Holy Trinity Monastery, Jordanville (New York), 1983.

Lang, D. M., *A Modern History of Soviet Georgia*, Westport (Conn.), 1962.

Соборы Грузинской Церкви. Публикация епископа Анания (Джапаридзе), в 3-х томах, Тбилиси, 2003 (на груз. языке).

Melia, E., «The Georgian Orthodox Church», в: *Aspects of Religion in the Soviet Union*, 1917–1967, Chicago, 1971.

Павлашвили, К., *Грузинская Православная Церковь в 1917–1921 гг.* Тбилиси, 2000 (на груз. языке).

Rapp., S., «Georgian Christianity», в: *The Blackwell Companion to Eastern Christianity*, K. Parry (ed.), 2007, p. 137–155.

Roberson, R. G., «The Eastern Christian Churches» (A brief survey), *Orientalia Christiana*, 1995.

Вардосанидзе, С., *Патриарх всея Грузии Леонид*. Тбилиси, 1987 (на груз. языке).

–, *Грузинская Православная Церковь в 1927–1952 гг*. Тбилиси, 2001 (на груз. языке).

Жвания, З., *Грузинские католикосы-патриархи с 1917 г.*, Кутаиси, 1944 (на груз. языке).

ГЛОССАРИЙ

АРХИМАНДРИТ

Почетный титул некоторых иеромонахов (монахов–священников).

ВЕЛИКИЙ ПОСТ

Семинедельный пост перед Пасхой.

ВОСТОЧНЫЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ ЦЕРКВИ

К восточным (дохалкидонским) Православным Церквам относятся Армянская, Сирийская (многие члены которой живут в Индии), Коптская, а также Эфиопская и Эритрейская Церкви. Отделились от Православных Церквей как таковых после Халкидонского собора (451 г.). Крупнейшая из них по числу верующих – Армянская Апостольская Церковь.

ВСЕЛЕНСКИЙ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ ПАТРИАРХАТ

Согласно 3-му канону Константинопольского собора, Константинопольскому патриарху присваивалось первенство чести. Это, однако, не отменяет того факта, что Вселенскую Православную Церковь составляют все патриархаты Православных Церквей вместе (с их общинами в диаспоре).

ВЫСОКАЯ ПОРТА

Старое название османского правительства в Константинополе.

КОЛХОЗЫ

Коллективные хозяйства. Сельскохозяйственные кооперативы в СССР.

МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЬ (лат. *locum tenens*)

Заместитель патриарха или архиепископа, «хранитель» его престола.

МЕТОХИОН

Греческое слово, обозначающее монастырь или скит, подчиненный другому, более крупному монастырю. По-русски «подворье».

МИЛЛЕТ

Статус христианских и иудейских религиозных общин в Османской империи, позволявший им жить под властью своих религиозных лидеров. Община, включавшая всех православных Османской империи (*Rum millet*), была юридически подчинена греческому Константинопольскому патриархату.

МИТРОПОЛИТ

Церковный сан выше епископа. Митрополиту подчинены многие епархии.

МОНАСТЫРЬ

Место общего проживания, молитвы и труда монахов и монахинь. «Ставропигиальный» монастырь находится в непосред-

ственном подчинении патриархата. «Лавра» – крупный монастырь с большим числом монахов. В русской традиции лавра иерархически выше обыкновенного монастыря. В России и Украине существуют 4 лавры: Киево-Печерская, Троице-Сергиева под Москвой, Александро-Невская в Санкт-Петербурге и Почаевская на Волыни[1].

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЦЕРКВИ

Исторически Православные Церкви действуют в странах Восточной Европы. Христианство пришло на северо-восток и восток Европы из Восточной Римской (Византийской) империи, столицей которой был Константинополь. Константинопольский патриархат был основан в IV веке на Константинопольском соборе 381 г. От него в течение веков произошли новые патриархаты: Русский, Румынский, Болгарский, Сербский, а также Грузинский – патриархат старейшей (V век) восточной Церкви, признанный таковым лишь в XX веке. Существует также несколько древних патриархатов, чья история восходит к началу христианства: Иерусалимский, Антиохийский, Александрийский. «Автокефальные» Православные Церкви (Кипрская, Элладская, Польская, Албанская, Чешских и Словацких земель и т. д.) самостоятельно избирают своих предстоятелей. Предстоятели «автономных» Православных Церквей (Синайская, Финляндская, Эстонская – под юрисдикцией Константинопольского патриархата – и др.) назначаются по согласованию с Церковью, которой они подчинены. В мире насчитывается приблизительно 180 млн. православных, но точной статистики не существует.

ПРОТЕСТАНТСКИЕ ЦЕРКВИ

Лютеране, кальвинисты, англикане, пресвитериане, баптисты, адвентисты, пятидесятники и другие многочисленные группы.

[1] 9 марта 2004 г. Священный синод Украинской Православной Церкви принял решение о присвоении статуса лавры Святогорскому Свято-Успенскому монастырю (Донецкая область).

Протестантские Церкви возникли в XVI веке в результате Реформации.

РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Все католики находятся под юрисдикцией Римско-Католической Церкви. Римо-католики латинского обряда произносят те же молитвы, что и Католическая Церковь в Риме, но, после II Ватиканского собора, на разных языках. Православные, принявшие католичество, продолжают совершать Литургию и другие богослужения по православным обрядам и называются униатами, т. е. пребывающими в унии (союзе) с Римом, католиками восточного обряда, или греко-католиками. Следует помнить, что более 10 веков католики и православные составляли единую Церковь. Так было вплоть до раскола 1054 г., одной из причин которого стало прибавление католиками к Символу веры выражения «и от Сына» (*filioque*).

РУССКАЯ АРХИЕПИСКОПИЯ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ («RUE DARU»)

Русский митрополит Парижский Евлогий в 1931 г. просил у греческого Вселенского Константинопольского патриархата предоставить в его управление русскую епархию, а также все приходы, находившиеся под его юрисдикцией. Просьба была удовлетворена в том же году.

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ЗАГРАНИЦЕЙ

Образовалась в эмиграции после русской революции 1917 г. В 1950 г. кафедра перенесена в Нью-Йорк. В 2007 г. большинство общин и духовенства воссоединилось с Московским патриархатом.

СКИТ

Обитель одного или нескольких монахов.

СТАРЕЦ

Монах с долгим опытом монашеской жизни. Духовный наставник.

СТАРОВЕРЫ (СТАРООБРЯДЦЫ)

Отделились от Русской Православной Церкви в XVII веке, не приняв реформ патриарха Никона (1653–1666). В Румынии называются «православными христианами старого обряда (ц.- слав. – древлего благочестия)».

СТАРОСТИЛЬНИКИ

Вопрос о календаре вызвал разногласия в некоторых Православных Церквах, а в Элладской даже привел к расколу со сторонниками старого календаря, длящемуся с 1925 г. по сей день. «Старостильники» есть и в других странах.

СТАРЫЙ И НОВЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Григорианский календарь, принятый Константинопольским патриархатом в 1924 г., православные называют «новым», а юлианский «старым». Юлианский – древнеримский календарь, реформированный в 46 г. до Р. Х. Юлием Цезарем и лежащий в основе современного международного календаря. «Григорианский» введен в 1582 г. папой Григорием XIII. Каждый четвертый год становился отныне високосным, так как растущий промежуток между 21 марта и действительной датой весеннего равноденствия достиг к XVI веку 10 дней, а теперь увеличился до 13 дней. Некоторые Православные Церкви перешли на новый календарь. Православные, придерживающиеся старого календаря (русские, сербы, грузины), отмечают непереходящие церковные праздники на 13 дней позже того дня, на который они приходятся по григорианскому календарю (например, Рождество у них не 25 декабря, а 7 января). Но все православные празднуют Пасху в один и тот же день, вычисленный по старому юлианскому календарю.

Исключение составляют финны, празднующие Пасху по новому календарю, одновременно с католиками.

ТОМОС

Документ вероучительного или дисциплинарного содержания, издаваемый предстоятелем автокефальной Церкви.

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ (СТАРОСЛАВЯНСКИЙ) ЯЗЫК

Сакральный и книжный язык православных славян, в основе которого лежит древнеболгарский. Используется как богослужебный язык в России, на Украине, в Белоруссии, Болгарии, Сербии, Польше, а также в общинах диаспоры.

ЮРИСДИКЦИЯ

«Представительство» патриархата или Церкви вне ее географических пределов.

АВТОРЫ

(*в алфавитном порядке по странам*)

Албания

Архиепископ Анастасий (Яннулатос) изучал богословие в Афинах. В 1959 г. основал журнал Вперед! (*Porefthendes*), издававшийся на греческом и английском языках и посвященный истории, богословию, методам и духу православной миссии. В 1961 г. стал директором одноименного центра в Афинах. С 1963 г. член Комитета миссионерских исследований при Всемирном Совете Церквей (ВСЦ). В 1964 г. был рукоположен во священника и уехал в составе миссии в Уганду. В 1972 г. начал преподавать историю религий в Афинском университете и стал генеральным директором Апостольской диаконии Элладской Церкви. В 1981 г. был назначен архиепископом в восточноафриканскую епархию (Кения, Уганда и Танзания). В январе 1991 г. патриарх Константинопольский Димитрий и Священный синод назначили архиепископа Анастасия патриаршим экзархом Албании, а в 1992 г. архиепископом Тиранским, Дурресским и всея Албании. С 2006 г. он является одним из 7 сопредседателей Всемирного Совета Церквей.

Балтика

Профессор Александр Гаврилин, православный, живет в Риге (Латвия). Доктор исторических наук, профессор Латвийского университета (историко-философский факультет), специалист по Православной Церкви. Автор двух монографий и ряда статей по истории православия в странах Балтики.

Байба Пазане, православная, живет в Риге. В 2007 г. представила работу на степень бакалавра на историко-философском факультете Рижского университета по теме «Латышские приходы в Ливонии в XX веке (1920–1930)».

Белоруссия

Священник Феодор Кривонос – преподаватель истории в Минской Духовной академии. В 2008 г. опубликовал книгу об истории Православной Церкви в Белоруссии.

Болгария

Профессор Теодор Сабев родился в 1928 г. Богослов, историк, преподаватель Софийской Духовной академии. Основатель Софийского института архивов и истории Церкви. Защитил две диссертации по темам: «История древней Церкви» и «Независимая национальная Церковь Болгарии». После вступления Болгарской Православной Церкви во Всемирный Совет Церквей (ВСЦ) стал членом Комиссии по межцерковному диалогу. В 1968–1975 гг. член Центрального комитета ВСЦ, с 1979 г. помощник Генерального секретаря. Автор многих книг и статей. Работал над книгой о болгарском расколе 1872 г. Скончался 13 сентября 2008 г.

Венгрия

Этеле Киш – доктор истории искусств, выпускник Будапештского университета Элтэ сотрудник Будапештского Национального музея. В 1987–1993 гг. изучал историю искусств и французскую филологию в Будапештском университете Элтэ. В 2005 г. защитил докторскую диссертацию по византийскому искусству. С 1993 г. сотрудник отдела искусства средних веков Венгерского национального музея. Участник многих международных выставок, таких как *The Glory of Byzantium* (Нью-Йорк, 1997), *Hungaria Regia* (Брюссель, 1999), *Europa's Mitte um 1000* (Будапешт, Берлин, Мангейм, Прага, Братислава, 2000–2002), *Византия – вселенская империя*

(Афины, 2001), *Два христианства* (фотовыставка, Болгария, 2001), *Анжуйская Европа* (Фонтевро, 2001), *Elisabeth von Thüringen, eine Europäische Heilige* (Вартбург, 2007).

Греция

Архимандрит Григорий Д. Папатомас – с 1994 г. профессор канонического права в Свято-Сергиевском богословском институте в Париже и преподаватель Европейской межуниверситетской докторской программы Socrates-Gratianus (Брюссель-Париж). Возглавил исследовательскую работу факультета права имени Жана Моне университета Париж-XI (1997). Опубликовал книги и статьи по богословию, церковному праву и истории религий. Помощник национального секретаря по православию Совета Христианских Церквей во Франции (2000–2006), председатель Европейского форума православных богословских школ, член Университетского исследовательского центра «Право и религиозные общества» факультета права имени Жана Моне университета Париж-XI, сотрудник Института исследования религий Сорбонны. Осуществлял служение в Эстонской автономной Православной Церкви. До 2009 г. преподавал систематическое богословие, патристику и канонику в Таллиннской Свято-Платоновской духовной семинарии, с 2005 г. был ее деканом, а также деканом богословского университета Тартуского университета. В ноябре 2008 г. был назначен титулярным профессором кафедры канонического права богословского факультета Афинского университета.

Грузия

Доктор Заза Абашидзе – выпускник исторического факультета Тбилисского государственного университета (1979 г.), учился в Бэллиол-колледже в Оксфорде (1997–1998), защитил диссертацию по историографии Церкви в Тбилисском университете (1997). В 2000 г. учился в Институте Восточных Церквей в Ратисбонне. В 1980–2006 гг. был преподавателем исторического факультета Тбилисского университета. В 1993–1996 гг. был директором восточноевропейского отдела министерства иностранных дел. С 2000 г.

возглавляет научно-энциклопедический центр Грузинского патриархата. С 2006 г. главный редактор Грузинской Православной Энциклопедии.

Кипр

Доктор Андреас Мицидис – историк. Учился в Богословской школе в Халки (Стамбул, 1955 г.), а также в Германии на католическом богословском университете Боннского университета и на философских факультетах Кельнского и Боннского университетов (1967–1970). Защитил две докторские диссертации: по философии в Кельнском университете и по богословию в Афинском. Возглавлял организацию бюро архиепископа Кипрского (1959–1995), был главным редактором официальной газеты Кипрской Церкви «Апостол Варнава». Был близким сотрудником архиепископа Макария III с 1959 г. до его кончины в 1977 г. Член многочисленных комитетов Кипрской Церкви и Фонда архиепископа Макария III. Представляет Кипрскую Церковь на православных и экуменических конференциях. Автор более 30 работ по религии, истории и православному педагогике.

Молдова

Доктор Эмиль Драгнев учился на историческом факультете Молдавского государственного университета в 1981–1986 гг., в 1990 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Культурно-исторические связи Молдовы со странами Восточной и Юго-Восточной Европы в области архитектуры и живописи (XVII–XVIII век)». В 1996–1997 учился в Мюнхенском университете им. Людвига-Максимилиана. С 1989 г. преподает в Молдавском государственном университете. С 1998 г. сотрудник кафедры ЮНЕСКО «Исследования Юго-Восточной Европы». В 2004 г. издавал ежегодник *Pontes. Review of South East European Studies*. Занимается историей культуры, искусства и религий в Юго-Восточной Европе в средние века и новое время, а также византологией. Опубликовал около 80 монографий, исследований, сообщений, учебников, сборников дидактических материалов. Участник многих международных научных встреч.

Польша

Профессор Антоний Миронович – декан кафедры истории Восточной и Центральной Европы Белостокского университета. Работает также в Институте истории при этом университете и в Варшавской православной семинарии. В 1982 г. получил лицензиат по истории. В 1990 г. закончил докторскую диссертацию, защищенную затем в Торуньском университете им. Николая Коперника. В 1997 г. работал в Люблинском католическом университете. В 1998 г. стал профессором Белостокского университета. Специалист по истории Восточной и Центральной Европы. Автор 28 книг и около 300 статей.

Россия

Профессор Михаил Шкаровский изучал историю в Ленинградском Государственном Университете (1978–1984), затем в Институте истории при Академии Наук СССР (1987–1990). Тема его кандидатской диссертации – «Формирование трудовых коллективов в государственной промышленности СССР, на материалах Ленинграда в 1921–1927 гг.» (1991). Тема докторской диссертации – «Русская Православная Церковь и религиозная политика советского государства в 1939–1964 гг.» (1996). Автор работ по истории христианства на северо-западе России с 1917 по 1989 г. Работал в Германии и Франции, подготовил к публикации ряд монографий и документов (1991–1995). Изучал формы социально-политического протеста в России (1895–1929), а также религиозную политику Советского государства и историю Русской Церкви 1939–1964 гг., гонения на духовенство и церковное сопротивление в СССР, а также политику нацистской Германии по отношению к Православной Церкви в 1933–1945 гг. Профессор Санкт-Петербургской Академии культуры (1991–2008) и Санкт-Петербургского государственного университета (1991–2004). Директор научного отдела Санкт-Петербургского Центрального Государственного архива (1984–2008). Руководитель исследовательской программы научно-информационного центра «Мемориал» (1994–2001). Редактор издания «Храмы России» (1995–1997).

Румыния

О. Мирча Пакурариу учился в Сибиуском православном институте богословия (1952–1956), затем в докторантуре Бухарестского института богословия (1956–1959). Преподаватель духовной семинарии при Нямецком монастыре (1959–1961), затем титулярный профессор Сибиуского богословского института, ныне факультет имени Андрея Сигуны (1961–2002), и декан факультета (1992–2000). Ныне директор докторантуры. С 1997 член-корреспондент Румынской Академии наук. Опубликовал 20 книг и более 800 исследований и статей, главным образом, по истории Церкви и истории румынской культуры, в частности, работу «История Румынской Православной Церкви» в 3 тт. (3 издания, последнее в 2004–2007). Сокращенный немецкий перевод этого труда издан Эрлангенским факультетом протестантского богословия в 1994 г.

Турция

Владыка Андрей Нанакис – митрополит Аркалогорионский в Ираклионском округе на Крите. Выпускник богословского и философского факультетов (историко-археологическое отделение) Фессалоникского Аристотелевского университета. В 1988 г. защитил на этом факультете докторскую диссертацию по богословию и с 1989 г. преподает на нем историю, в частности, историю Критской Церкви. Автор многих статей и книг.

Украина

Доктор София Сеник – преподаватель Папского Восточного института в Риме. Автор многих статей и книг, в том числе *A History of the Church in Ukraine*, vol. 1: T*o the End of Thirteenth Century*, Rome, 1993 и *Women's monasteries in Ukraine and Belorussia to the period of suppressions*, Rome, 1983.

Чехия и Словакия

Митрополит Христофор (Пулец) – предстоятель Православной Церкви Чешских земель и Словакии с мая 2006 г. Учился на богословском факультете в Прешове (Словакия), в Московской Духовной академии и на богословском факультете в Афинах. В 1988 г. стал епископом Оломоуцко-Брненским, а в 2000 г. – архиепископом Пражским и Чешских земель.

Архиепископ Георгий (Странский) возглавляет Михаловскую православную епархию (Словакия). Учился в университетах Праги и Салоник.

Югославия

О. Предраг Пузович рукоположен в 1977 г. Выпускник Белградского богословского факультета. В 1990 г. защитил диссертацию по теме «Митрополит Павел Ненадович и его время», затем преподавал историю Сербской Церкви на Белградском богословском факультете. После докторантуры в течение двух семестров учился в Мюнхене. С 1995 г. преподаватель богословского факультета св. Василия Острожского в Србинье (Босния и Герцеговина), с 1997 г. декан. Опубликовал ряд книг по истории Сербской Церкви, в том числе *Исследования по истории Сербской Церкви, I–III*; *Раскол в Православной Церкви: македонский вопрос*; *Краткая история Сербской Православной Церкви*, *Сербская православная Дабар-Боснийская епархия*, *Косово и Метохия в церковной печати* (1992–2005). Издал книгу *Краткая история Сербской Православной Церкви* на немецком языке.

Анри де Любак

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЦЕРКВИ

/Пер. с фр. – К.: Дух і літера, 2010. – 504 с. (на укр. яз.)

Анри де Любак (1896-1991) – всемирно известный французский католический богослов. Его подход и теологическую направленность мысли называют «новым богословием», суть которого состоит в возвращении к истокам христианской веры и мысли – Святого Писания, литургии, отцов Церкви. Книга «Размышления о Церкви» является классическим произведением и источником вдохновения для многих современных ученых. Христианская церковь постает в ней в немного парадоксальном свете: как мистическое Тело Христа и одновременна развитая земная институция; как общество, которое неизменно в своей вечной сущности и вместе с этим постоянно обновляется; как Матерь верных и Небесный Иерусалим в будничной сущности. Автор исследует типичные ошибочные представления о Церкви и откровенно обговаривает непростые вопросы. Книга будет полезна для всех, кто интересуется сегодняшним состоянием христианского богословия и его историей.

Вальтер Каспер

ТАИНСТВО ЕДИНСТВА: ЕВХАРИСТИЯ И ЦЕРКОВЬ

/Пер. с нем. – К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2010. – 224 с.
(на укр. яз.)

Пресвятая Евхаристия – «источник и вершина всей христианской жизни». Книга кардинала Вальтера Каспера, известного католического богослова и Президента Папского Совета по содействию христианскому единству, приглашает читателя глубже познать смысл этого Таинства для жизни каждого христианина и Церкви в целом. Особенное внимание автор уделяет значению Евхаристии для экуменического диалога церквей, для восстановления первичного единства христиан.

Большим преимуществом этой книги является то, что она объединяет в себе фундаментальные теологические знания автора и многолетний преподавательский опыт, полученный в немецких университетах, священническом и епископском служениях на приходах и в Роттенбург-Штутгартской епархии.

«Таинство единства: Евхаристия и Церковь» – вторая книга кардинала Каспера, которая вышла в издательстве «Дух и Литера» (первая – «Иисус Христос» – появилась в 2008 году). Книга заинтересует теологов, преподавателей теологических дисциплин, гуманитариев, всех, кому не безразличны вопросы христианской духовности.

Ярослав Пеликан

ОПРАВДАНИЕ ТРАДИЦИИ

/Пер. с англ. – К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2010. – 120 с. (на укр. яз.)

«Традиция является живой верой умерших, тогда как традиционализм – умершей верой живых» – с такой тезой выступает Ярослав Пеликан в книге «Оправдание традиции» (1983), своеобразном манифесте направления «история/критика традиции», быстрое развитие которого обязано, не в последнюю очередь, гению этого бесспорного лидера современной американской гуманитаристики. В предлагаемом цикле лекций автор формулирует идеи, которые лягут в основу его дальнейших исследований – «Иисус сквозь века», пятитомной «Истории христианского учения», «Кому принадлежит Библия? История Писаний сквозь века» и, в неком смысле, и «Идея Университета. Переосмысление».

В своей культурной жизни мы постоянно сталкиваемся с традицией, согласны мы с этим или нет. Рвение игнорировать фон, который создает традиция, который, в большой степени, является мотивом наших действий, есть патологическим симптомом культуры Нового времени. Оно совсем не освобождает от «груза» традиции, а приводит нас к тем большей от нее зависимости, чем меньше мы об этом думаем. Но и осознание традиционности собственного контекста, по мнению Пеликана, абсолютно не эквивалентно его принятию. Оно может не принимать диаметрально противоположных форм, каждой из которых посвящено одну из лекций, – от болезненного столкновения и радикальной критики до радостного открытия, что «дихотомия между традицией и прозрением ломается под тяжестью самой истории». Какую бы из этих форм не принимали наши отношения с традицией, они обязательно должны сложиться – те или иные отношения, согласно формуле Э. Берка, отношения «не лишь только живых, а тех, кто живет, тех, кто умер, и тех, кто должен родится».

Роуэн Уильямс

БОГОСЛОВИЕ В. Н. ЛОССКОГО: ИЗЛОЖЕНИЕ И КРИТИКА

/Пер. с англ. – К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2009. − 336 с.

Книга об известном православном богослове В. Н. Лосском принадлежит перу одного из самых интересных мыслителей нашего времени – архиепископа Кентерберийского Роуэна Уильямса. Это его докторская диссертация, которая никогда не публиковалась ни на родном языке, ни в переводах, и теперь впервые выходит в свет. Исследование начинается с очерка жизни Владимира Лосского – сначала в Петербурге, затем во Франции, – разворачивается в панораму, охватывающую широкий философский и богословский контекст православной диаспоры и французской мысли, а затем — в исследование этоса русской религиозной мысли как истока богословия Лосского. Автор предстает не только чрезвычайно внимательным читателем Лосского, но также требовательным собеседником и строгим критиком. Вместе с тем знаменательно, что критика Уильямсом богословских построений Лосского оборачивается, по сути, высокой оценкой его наследия. Несомненно, книга вызовет большой интерес у историков богословия, у широкого круга любителей христианской мысли, классической и современной философии, европейской культуры.

Готовится к печати:

BIBLIOTHECA CLEMENTINA

Ив Конгар

ДЕВЯТЬ ВЕКОВ СПУСТЯ. ЗАМЕТКИ О ВОСТОЧНОЙ СХИЗМЕ

(Пер. с фр.)

Выдающийся богослов и историк Церкви Ив Конгар (1904–1995) исследует корни разделения, или «схизмы», единой Христовой Церкви на Западную и Восточную. Хотя датой начала разделения принято считать 1054 год, автор показывает, что семена случившегося формального разрыва были посеяны задолго до этой даты. Он усматривает основную причину и суть «схизмы» в сложившейся на протяжении веков «отчужденности» между Западом и Востоком бывшей Римской империи. Среди факторов, повлиявших на окончательное оформление «схизмы», автор называет правление императора Карла Великого, возникновение ислама, ставшего катализатором политического разделения Востока и Запада, и Крестовые походы. По мнению Конгара, для исцеления этой глубокой раны на теле Церкви от Запада потребуется принятие своеобразия и исторической реальности христианского Востока. В свою очередь и Восток должен прийти к пониманию особенностей Рима и Запада в атмосфере любви и прощения.

Книга адресована всем, кто интересуется христианством и его историей, особенно богословам, священнослужителям, ученым, студентам.

По вопросам заказа и приобретения книг просим обращаться:

г. Киев – 04070
Издательство «ДУХ І ЛІТЕРА»
ул. Волошская, 8/5
корпус 5, ком. 210
тел./факс: (38-044) 425 60 20

E-mail: duh-i-litera@ukr.net – отдел сбыта
litera@ukma.kiev.ua – издательство
http://www.duh-i-litera.kiev.ua

Предоставляем услугу "Книга – почтой"

EVROPAE

OCEANVS HYPERBOREVS

DEVCALIDONIVS OCEANVS

ISLANDIA

TVLE

FARRE insule

SCETLANT insule

ORCADES Insule

HEBRIDES insule

SCOTIA

IRLANDIA

ANGLIA

OCEANVS GERMANICVS

OCEANVS BRITANNICVS

NORVEGIA

SVECIA

GOTIA

LAPPIA

FINMARCHIA

BODDICVS SINVS

DANEMARCA

GERMANIA

POLONIA

BOHEMIA

FRANCIA

NORMANDIE

BRETAIGNE

GALLIA

AQVITANICVS OCEANVS

CANTABRICVS OCEANVS

OCCIDENTALIS OCEANVS

HISPANIA

GALICIA

PORTVGALIA

CASTILLA

NAVARRA

ARRAGON

GRANADA

ITALIA

MARE ADRIATICVM

SICILIA

SARDINIA

CORSICA

MARE

BARBARIA

AFRICAE

FESSA